This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

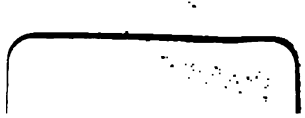
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`



ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ВСѢ СОЧИНЕНІЯ

ВАСИЛІЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

ВОНЛЯРЛЯРСКАГО.

ЧАСТЬ IV.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, Іюня 16 дня, 1853 года.

Цензоръ А. Фрейгангъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

	стран.
Большая Барыня.	1
Двѣ Сестры	225
Воспоминаніе о Захарѣ Ивановичѣ	341

БОЛЬШАЯ БАРЫНЯ.

Въ отдаленномъ уѣздѣ одной изъ западныхъ губерній, на весьма не живописномъ берегу рѣчки Коморца, и поднесь красуется усадьба, принадлежавшая нѣкогда Петру Авдѣевичу Мюнабы-Полевелову. Усадьбу эту получилъ Петръ Авдѣевичъ въ наслѣдство отъ отца своего, умершаго въ 18.. году. Петръ Авдѣевичъ служилъ тогда въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ штабсъ-ротмистромъ, и считался ѣздокомъ. Не имѣя ни матери, ни братьевъ, ни сестеръ, штабсъ-ротмистръ, какъ единственный наслѣдникъ родителя, почелъ за лучшее выйдти въ отставку. Онъ былъ широкоплечій малый, лѣтъ двадцати осьми, роста средняго, съ красными руками и лицемъ довольно обыкновеннымъ. Волосы его были черны и жестки, лобъ малъ, глаза безъ выраженія, зубы бѣлы и усъ длиннѣе всѣхъ усовъ бригады, въ ко-

торой служилъ Петръ Авдѣевичъ; усъ этотъ начинался подъ носомъ, не останавливаясь проходилъ мимо угловъ рта и терялся подъ самымъ подбородкомъ.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ родителя огорчила штабсъ-ротмистра; онъ не плакалъ — это правда; но не проходилъ мимо его ни одинъ офицеръ, ни одинъ лекарь, ни одинъ аудиторъ, которому бы Петръ Авдѣевичъ не сказалъ:

«А знаете ли? вѣдь батюшка-то умеръ! вообразите себѣ.» И высказавъ это, онъ въ задумчивости брался за усъ, тянулъ его внизъ, клалъ его въ ротъ и проходилъ далѣе.

Первую ночь сиротства своего провелъ штабсъ-ротмистръ тревожно; но слѣдующія менѣе тревожно, а чрезъ недѣлю засыпалъ скоро, спалъ крѣпко и просыпался въ обычный часъ. Несправедливо было бы упрекать въ нечувствительности сердце Петра Авдѣевича. Сердце его, съ девятилѣтняго возраста, отдано было, вмѣстѣ съ нимъ, въ одно изъ учебныхъ заведеній и, въ продолженіе очень долгаго времени, билось это сердце на родительской груди одинъ только разъ. Обязанности службы и далекое разстояніе уничтожали всякую возможность частыхъ свиданій сына съ отцемъ, а потому и смерть родителя умѣренно поразила дѣтище.

Въ одинъ изъ майскихъ, ясныхъ дней 18.. года, перекладная почтовая тѣлега остановилась у деревяннаго домика сельца Костюкова, Колодезь тожь (такъ звали помѣстье штабсъ-ротмистра); съ тѣлеги соскочили, покрытый грязью, не бритый Петръ Авдѣевичъ, и камердинеръ его, желтовласый дѣтина лѣтъ тридцати. Цѣлыхъ пять лѣтъ не видалъ усадьбы отца своего штабсъ-ротмистръ, цѣлыхъ пять лѣтъ не билось сердце его при встрѣчѣ съ знакомыми мѣстами, съ полуразвалившейся

часовнею, съ толстымъ развѣсистымъ дубомъ, съ деревушкою, служившею предмѣстьемъ Костюкову, съ обрывистою дорожкою, пролегавшею по берегу Коморца, и наконецъ съ самымъ дворомъ усадьбы, отгороженнымъ еловыми кольями отъ фруктоваго сада и хозяйственныхъ строеній. Въ этотъ пріѣздъ Петръ Авдѣевичъ не шепталъ про себя: «помяни, Господи, царя Давида и всю кротость его,» не бросался съ невольнымъ трепетомъ къ рукѣ строгаго и суроваго отца; онъ безъ страха вылѣзъ изъ тѣлеги; но, тѣмъ не менѣе, въ глазахъ его изобразилась глубокая печаль и онъ не разъ отворачивался отъ прикащика, прежде чѣмъ вошелъ въ прихожую опустѣлаго родительскаго дома.

— Здорово, Кондратій, здорово, Егорычъ, проговорилъ молодой помѣщикъ дрожащимъ голосомъ и цѣлуя въ сѣдую голову шестидесятилѣтняго прикащика, пошлой наружности; прикащикъ, не успѣвшій удержать пойманную имъ невзначай барскую руку, поцѣловалъ барина куда попало и бросился отворять дверь въ залу.

Въ такъ называемой залѣ, то есть небольшой комнатѣ съ пятью окнами, кривымъ поломъ и плетеными стульями, висѣлъ въ зеленой рамкѣ отцовскій портретъ. На немъ изображенъ былъ Авдѣй Петровичъ въ охотничьемъ нарядѣ, съ рогомъ, пороховницею, дробовикомъ, ягдташемъ, ножемъ и арапникомъ черезъ плечо; лице покойника и глаза смотрѣли прямо передъ собою; ноги, обутыя въ длинные сапоги, выворочены были наружу; лѣвою рукою держалъ онъ двуствольное ружье, а правою указывалъ собакѣ на сидѣвшаго въ кустѣ бекаса, почти одинаковой съ собакою величины. Позади охотника вднѣлись домъ и строеніе Костюкова, а позади строеній художникъ изобразилъ нѣчто среднее между небомъ и землею. Штабсъ-ротмистръ пріостано-

вился у портрета, пристально посмотрѣлъ на него и, вздохнувъ глубоко, прошелъ въ гостиную, изъ гостиной въ диванную, изъ диванной въ комнату, служившую недавно спальнею Авдѣю Петровичу.

— Я буду спать здѣсь, сказалъ Петръ Авдѣевичъ прикащику, слѣдовавшему молча за бариномъ.

— Слушаю, слушаю, сударь, отвѣчалъ старикъ: но покой этотъ....

— Батюшкинъ, прибавилъ штабсъ-ротмистръ: знаю!

— Ловко ли будетъ, сударь?

— Какъ ловко ли? отчего ловко ли?

— Такъ, батюшка Петръ Авдѣичъ, все думается, что скончаться изволили...

— Неужь-то же ты боишься, Кондратій Егоровичъ! замѣтилъ, улыбаясь, штабсъ-ротмистръ.

— Бояться? чего бояться, сударь? жизнь кончили христіански, бояться грѣхъ; а все думается...

— Полно, братъ, мертвые не встаютъ; вели-ка постлать мнѣ на этой кровати, вотъ и все. Видѣлъ ли ты сына, Егорычъ? прибавилъ штабсъ-ротмистръ, садясь въ кресла: посмотри какой молодецъ!

— Много доволенъ вашими милостями, батюшка, Петръ Авдѣичъ! воскликнулъ прикащикъ, снова бросаясь къ барской рукѣ: кому же и беречь слугу, какъ не господину; я вашъ слуга.

— И лихой малый, надобно правду сказать, Егорычъ; проворный такой, хватъ; доволенъ очень.

— А довольна ваша милость, и я спасибо скажу, сударь. Что, пьетъ онъ, Петръ Авдѣичъ?

— То есть, какъ тебѣ сказать? пить пьетъ; кто же не пьетъ? и я пью.

— Ну, слава же тебѣ, Господи, повторилъ старикъ съ умиленіемъ.

— Разумѣется, случится, выпьетъ, продолжалъ, потягиваясь, штабсъ-ротмистръ: да у меня, знаешь, Егорычъ, пить пей себѣ — слова не скажу, и пьянъ будь — ничего, ну, а ужь дѣло какое случится, понимаешь?

— Какъ же не понимать, сударь; извѣстно, дѣло случится!....

— Вотъ то-то же; впрочемъ, грѣшно сказать, малый на все взять; послать ли куда, купить ли что, у полковника вечеръ какой, обѣдъ... принарядится.... одно — на руку не чистъ; положишь оплошно, не прогнѣвайся!

— Что вы, батюшка, упаси же, Господи!

— Небось думаешь у меня? нѣтъ, братъ, за этакое, братъ, дѣло, онъ знаетъ.... ни ни! а вотъ у другаго кого — мое почтеніе!...

— Ну, коли не у васъ, батюшка, Петръ Авдѣичъ, такъ дѣло другое; а господскаго не тронь; не то, не посмотрю, и вы, сударь, не прогнѣвайтесь, такую трепку задамъ!

— Нѣтъ, нѣтъ, грѣшить не хочу, Кондратій Егорычъ, за моимъ добромъ блюдетъ, какъ слѣдуетъ; нечего пустаго и говорить!... Ну, скажите же, Кондратій Егорычъ, вспоминалъ ли батюшка обо мнѣ, когда умиралъ?

— Какъ же не вспоминать, Петръ Авдѣичъ; вѣдь родное дитя и одни изволили быть у покойнаго барина.

— Какъ же онъ вспоминалъ?

— А вотъ, говорили бывало: гдѣ-то теперь Петруша? чай по фронту, или ученьемъ какимъ заниматься изволитъ! А въ другой разъ, подъ вечеръ, спросятъ кар-

ты и гадаютъ, все объ васъ, батюшка, и скоро ли-де женитесь, и какой тамъ чинъ получите; а кончаться стали-съ сердечные, «воды» говорятъ, воды просили, мучились жаждою и чего не дѣлали; нѣтъ, видно, срокъ пришелъ, сударь, отъ смерти не уйдешь, не спрячешься.

— Посылали ли вы за лекаремъ, Егорычъ?

— За лекаремъ, батюшка? за лекаремъ-то, правда, не посылали; священникъ же, отецъ Аникандръ, былъ, и при самомъ издыханіи все находился при баринѣ!... завидная кончина! Прикащикъ вздохнулъ, окончивъ свое повѣствованіе, а Петръ Авдѣевичъ предался хотя не продолжительному, но грустному размышленію.

Пока баринъ разговаривалъ съ прикащикомъ, камердинеръ вытащилъ изъ перекладной тѣлеги рыжеватый чемоданъ, кожаную сумку, погребецъ, обитый телячьей шкуркой, кулекъ съ колодками, саблю, завернутую вмѣстѣ съ чубукомъ, и пару чудовищныхъ пистолетовъ. Все это разложилъ Ульянъ (такъ звали камердинера) на досчатомъ крыльцѣ, окруженномъ толпою дворовыхъ женщинъ и дѣтей обоего пола. Когда же, перешаривъ сѣно, камердинеръ отыскалъ остатокъ стамбулки, то вынулъ изъ кармана шароваръ гарусный кошелекъ, досталъ оттуда мѣдный пятакъ, бросилъ его ямщику, потомъ снялъ фуражку и принялся обнимать, поочередно, предстоявшую публику, надѣляя каждаго тремя полновѣсными поцѣлуями. Все это происходило въ Костюковѣ, Колодезь тожь — часовъ около двухъ по полудни. Болѣе получаса употребилъ Петръ Авдѣевичъ на грустныя и тяжкія размышленія и воспоминанія, но желудокъ штабсъ-ротмистра, не принимавшій, повидимому, ни малѣйшаго участія въ скорби сердца, шепнулъ наконецъ, что часъ обѣденный наступилъ давно.

— А что, братъ, Егорычъ, вѣдь поѣсть бы надобно, сказалъ баринъ, обращаясь къ приказчику.

— Какъ же, батюшка, надобно, особенно послѣ дороги.

— То-то, Кондратій; да есть ли у васъ что нибудь?...

— Что вы, сударь, въ господскомъ домѣ, да не найти?... все есть; прикажете позвать Прокофьича?

— Живъ развѣ?

— Что намъ, старикамъ, дѣлается!

— Такъ позови Прокофьича, или... постой; вотъ что, Егорычъ: потрудись, любезный, приказать ему состряпать, такъ, что нибудь; супу не нужно, прахъ ли въ немъ, а гуся или уточку.

— Слушаю-съ, слушаю-съ.

— Потомъ ветчинки провѣсной нарѣзать, этакъ, ломтиковъ съ пятокъ, да чтобы сальца не отрѣзывалъ прочь.

— Понимаю-съ, понимаю-съ.

— Или почекъ когда бы достать можно было, такъ селянку, на сковородѣ, съ лучкомъ.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, батюшка Петръ Авдѣичъ, извольте быть благонадежны, все прикажемъ мигомъ.

— Пожалуйста, братцы, поторопитесь.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, повторилъ приказчикъ, пускаясь бѣгомъ вонъ изъ комнаты, въ которой остался полуутѣшенный Петръ Авдѣевичъ. Онъ потеръ себѣ руки, потомъ пожевалъ усъ и, вставъ съ креселъ, принялся осматривать окружавшіе его предметы. Первое, что попалось ему на глаза, былъ шкафъ съ книгами. Штабсъ-ротмистръ поспѣшилъ отвести взоръ свой отъ этого слишкомъ живаго воспоминанія чего-то весьма непріятнаго. Петръ Авдѣевичъ никогда не могъ забыть слезъ, пролитыхъ имъ нѣкогда надъ «Краткимъ изложе-

ніемъ всѣхъ пяти частей свѣта.» Сколько разъ, бывало, въ дѣтствѣ своемъ, штабсъ-ротмистръ стаивалъ за нихъ на колѣняхъ! Сколько разъ, чрезъ посредство покойнаго родителя, представлялся юному Петру Авдѣевичу случай приходить въ соприкосновеніе съ этими драгоцѣнными твореніями, и тогда черты сыновняго лица мгновенно перемѣняли выраженіе, а желудокъ лишался одного или двухъ блюдъ. Въ настоящую минуту штабсъ-ротмистръ удовольствовался тѣмъ, что окинулъ давнишнихъ враговъ своихъ презрительнымъ взглядомъ, и, обойдя шкафъ, углубился въ разсматриваніе нѣсколькихъ картинъ, симметрически развѣшенныхъ между изразцовою печью и дверьми.

Петръ Авдѣевичъ очень хорошо помнилъ, что одна изъ этихъ картинокъ изображала прехорошенькихъ дѣтей, перепуганныхъ внезапнымъ появленіемъ волка. Ему, то есть Петру Авдѣевичу, казалось даже, что у волка этого были красные глаза и темнолиловая шерсть; что лапами звѣрь упирался на одного малютку, въ то время какъ морда его обращена была къ другому звѣрю, прехладнокровно выглядывавшему изъ окна, и что второй звѣрь впослѣдствіи долженъ былъ спасти несчастныхъ и оказался доброю и вѣрною собакою. Все это помнилъ штабсъ-ротмистръ, но разсмотрѣть не могъ, потому что стекло, покрывавшее картинку, значительно потускнѣло. Петръ Авдѣевичъ поднесъ палецъ ко рту, потомъ потеръ имъ стекло, и дѣйствительно: глаза у волка оказались краснаго цвѣта; тотъ же палецъ поднесъ снова Петръ Авдѣевичъ ко рту и снова потеръ имъ стекло, и темнолиловый цвѣтъ волчьей шерсти вышелъ наружу довольно явственно. Ободренный успѣхомъ, новый владѣлецъ Костюкова продолжалъ трудъ свой, и вскорѣ вся картинка представилась его взорамъ со всѣми по-

дробностями и даже съ надписью. Насмотрѣвшись на добрую и вѣрную собаку, Петръ Авдѣевичъ взглянулъ украдкою на палецъ, поморщился, потеръ его объ рейтузы, плюнулъ нѣсколько разъ на полъ и, тронувъ мимоходомъ все, что ни попадалось ему подъ руку, прошелъ изъ спальни въ залу, захватилъ фуражку, надѣлъ ее себѣ на голову и вышелъ на крыльце.

Убѣдившись, что въ послѣднее пятилѣтіе на костюковскомъ дворѣ не произошло ни малѣйшей перемѣны, и старый бревенчатый амбаръ находился, какъ и прежде, противъ кухни, а молочникъ противъ ледника, штабсъ-ротмистръ сошелъ съ крыльца, повернулъ направо и направилъ стопы свои къ калиткѣ, ведшей въ садъ. Тутъ пристала къ Петру Авдѣевичу худощавая гончая собака, съ отвислымъ животомъ. Петръ Авдѣевичъ погладилъ собаку, прошелъ съ нею весь садъ, остановился на минуту у небольшаго пруда, поглазѣлъ на утокъ, бросилъ въ нихъ щепкой, за которой посылалъ было собаку, но собака не повиновалась; треснувъ ее за то ногою, штабсъ-ротмистръ принялъ направленіе къ скотному двору и прочимъ хозяйственнымъ строеніямъ. Скромную костюковскую конюшню, а равно и коровники, нашелъ новый хозяинъ пустыми: скотъ и лошади паслись въ полѣ. Оставалось заглянуть на псарню и мельницу; въ первой встрѣченъ былъ баринъ лаемъ дюжины дрянныхъ собаченокъ какихъ-то невѣдомыхъ породъ; во второй колеса и крылья были поломаны, а паутина, покрывавшая шестерни, свидѣтельствовала о давнишнемъ ея бездѣйствіи.

Не очень довольный порядкомъ, найденнымъ по хозяйственной части костюковскаго управленія, Петръ Авдѣевичъ возвратился домой, въ полной надеждѣ, что его встрѣтитъ Кондратій Егоровъ, съ тарелкой подъ

мышкой. Такъ, по крайней мѣрѣ, водилось при покойномъ родителѣ, который не могъ проглотить куска, не убѣдившись предварительно въ томъ, что вся костюковская дворня присутствуетъ при барскомъ обѣдѣ.

Но, ошибся штабсъ-ротмистръ: въ залѣ не замѣтилъ онъ и признаковъ приготовленій къ обѣду. Петръ Авдѣевичъ свистнулъ; никто не являлся; свистъ повторился громче и, по прошествіи нѣсколькихъ минутъ, послышались отдаленные шаги въ сѣняхъ, потомъ въ передней, наконецъ дверь изъ прихожей отворилась и на порогѣ показался не чесаный образъ человѣческій, въ казакинѣ изъ толстаго сукна, въ холстинныхъ панталонахъ и въ сапогахъ съ окнами. По наружности, существо это принадлежало къ числу заштатныхъ служителей помѣщичьихъ домовъ, нисшаго сорта.

— Прокофьичъ, это ты? воскликнулъ баринъ, узнавъ въ пришлецѣ стараго отцевскаго повара.

— Я, батюшка, Петръ Авдѣичъ! И поваръ, дрягнувъ ногами, отвѣсилъ поклонъ одною только головою.

— Постарѣлъ же ты, братъ! насилу узналъ, ей Богу, насилу узналъ.

— Безъ господъ жизнь плохая, баринъ; дѣло наше таковское, ребятишекъ много; умыть, одѣть нѣкому — мѣсячина самимъ вамъ извѣстно какая! Была коровенка — въ прошлую осень волкъ зарѣзалъ.

— Изготовилъ ли ты мнѣ что нибудь поѣсть, Прокофьичъ? перебилъ штабсъ-ротмистръ, знавшій наизустъ всѣ прошедшія и предчувствовавшій всѣ послѣдующія бѣдствія Прокофьича.

— Вотъ за этимъ-то я и изволилъ придти, баринъ, отвѣчалъ поваръ, понизивъ голосъ и вытянувъ шею: вѣдь дѣло-то плоховато.

— Какъ плоховато?

— Какъ же, батюшка, баринъ, сами разсудить изволите. Приказывали изжарить то есть гуся; да вѣдь гуси-то, баринъ, какіе теперь гуси? есть гуси сѣменные, вѣдь только слава, что гуси.

— Мнѣ все равно, Прокофьичъ; пожалуй, я утку ѣсть стану.

— Эхъ, батюшка, баринъ! ну, а утки теперь какія? вѣдь утки сѣменныя остались, дѣло весеннее; не то, чтобы подать господину, а и нашъ братъ ѣсть не станетъ. Ну, сами разсудить изволите! ощиплешь перья, останется тамъ носъ какой нибудь, да лапы; приличное ли же дѣло? Вотъ осенью, на заморозкахъ, такъ подкормить житцей, выйдетъ штука!

— Такъ чортъ же побери; давай хоть селянки!

— Селянки? повторилъ, ухмыляясь Прокофьичъ: селянки? да изъ чего же, баринъ, сдѣлать-то селянку? Изъ почекъ, сказывалъ приказчикъ; а откуда возьмешь почекъ? вы бы, батюшка, баринъ, взглянуть изволили на скотинку; вѣдь только слава, что бараны!... а, прости Господи, другой тулупъ жирнѣе господскихъ барановъ-то. Мужичекъ-то несетъ, что ни есть у него отмѣннаго, да не доходитъ оно до милости вашей; отъ того-то и на приказчицѣ фрезы всякія, и въ церкви стоитъ, думаешь, барыня какая. Истину вамъ докладываю.

— Стало ѣсть нечего? воскликнулъ выведенный изъ себя Петръ Авдѣевичъ.

— Отчего нечего, баринъ? найдется что покушать, и я милости вашей докладываю, какъ вѣрный слуга, что гуси, примѣрно, или утки остались только сѣменные; не стали бы гнѣваться, какъ подашь штуку, да штука-то выйдетъ не подходящая.

— Дьяволъ васъ побери совсѣмъ! этакъ просто съ голоду умрешь, проговорилъ съ сердцемъ штабсъ-рот-

мистръ: ну, дай хоть щей какихъ нибудь, а тамъ увидимъ.

— Капустки-то хватило на полъ поста, батюшка, а коли приказать изволите, такъ можно собрать ребятъ, да затянуть карасиковъ; дѣло-то будетъ сподручнѣе; смѣтанки добудемъ у мельника, маслица же найдется и у прикащика.

— Неужь-то и масла-то нѣтъ господскаго? спросилъ удивленный помѣщикъ.

— Что и докладывать! просто, не наше дѣло, баринъ! осмотрѣться изволите, не утаится ничего отъ милости вашей.... а карасиковъ приказать нешто?

— Давай хоть карасей, да живо!

— Духомъ, батюшка, духомъ; только бы захватить старосту; не уѣхалъ бы куда. Послѣднія слова договорилъ Прокофьичъ затворяя за собою дверь изъ прихожей.

Краткій разговоръ съ Прокофьичемъ усилилъ неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на умъ Петра Авдѣевича безпорядкомъ, найденнымъ имъ по хозяйственной части, и заронилъ въ душу новаго помѣщика первую искру досады.

— Какъ! говорилъ онъ самъ себѣ: оставить третій эскадронъ, мундиръ, эполеты, товарищей! И для чего же? чтобъ голодать въ этой трущобѣ? Чортъ надоумилъ меня сдѣлать такую глупость!

Штабсъ-ротмистръ засунулъ усъ въ ротъ, а руки въ карманы рейтузъ, и приподнявъ плеча отправился снова въ опочивальню, гдѣ, какъ ему было извѣстно, хранились въ конторкѣ хозяйственныя книги покойнаго родителя. Ежели и въ нихъ подобное творится, такъ дьяволъ же побери! подумалъ костюковскій владѣлецъ, и съ сердцемъ повытаскалъ изъ конторки всѣ бумаги, какія попались ему подъ руку.

Схвативъ первую тетрадь, Петръ Авдѣевичъ, на удачу, развернулъ ее и, упершись обоими локтями въ столъ, сталъ разбирать слѣдующее... Не полонъ, чтобы.... можно было послѣ въ него... влить... двѣ бутылки воды.., сахару десять фунтовъ покласть... въ кастрюлю и вылить изъ боченка, ставить кипятить... пѣну счищать, потомъ снять съ огня, взять тридцать штукъ бергамотовъ... счистить кожу, зерно изрѣзать и вскипятить и завязать пузыремъ и....

Штабсъ-ротмистръ гнѣвно швырнулъ тетрадь подъ столъ и взялъ другую. На другой, очень узенькаго формата, прочелъ Петръ Авдѣевичъ слово: *шотъ*. На первой страницѣ, рядомъ съ *ОЗ*, стояли какія-то каракули; нѣкоторыя изъ нихъ напоминали цифры, другія ижицу.

Вторая тетрадь послѣдовала за первой, а остальныя за второй. Оставалось положиться на честность приказчика, на которую, впрочемъ, какъ казалось, не очень полагался Прокофьичъ.

Въ седьмомъ часу вечера, костюковскій помѣщикъ уничтожилъ довольно большое количество карасей, запилъ ихъ чаемъ и въ девятомъ часу легъ спать.

По прошествіи недѣли, Петръ Авдѣевичъ свыкся съ мыслію, что за нимъ по ревизіи значится сто двадцать пять душъ мужескаго пола, что заложено имѣніе въ Московскій Опекунскій Совѣтъ, что добавочныя взяты и по подушнымъ находится недоимка; что хлѣбъ родился плохо, а на скотинѣ, кто ее знаетъ отъ чего, и шерсть не растетъ; что Кондратій Егоровъ мошенникъ, а Прокофьичъ и радъ бы состряпать для барина супъ *пире*, да для этого надобно «взять, сварить и какъ готово остудить, мелкое мясо обобрать и изрубить помельче и сварить восемь яичекъ, и взять хлѣба и корочки прочь срѣ-

зать и положить чумички полторы бульону и ставить на плиту и мѣшать, не давать кипѣть, и отпускать съ гренками» и проч. и проч.; но ничего этого не было у Прокофьича, а была у него только книга, съ которою познакомился баринъ въ первый день своего пріѣзда въ Костюково Колодезь тожь, а хранилась книга эта въ отцевской конторкѣ.

Благодаря умѣренности родителя, частныхъ долговъ на имѣніи не было, а потому, слѣдуя мудрому примѣру Авдѣя Петровича, и Петръ Авдѣичъ могъ продолжать жить, какъ жилъ родитель. На это и рѣшился Петръ Авдѣевичъ, который впрочемъ и не былъ избалованъ роскошью. Конечно, въ полку бывало, задумай штабсъ-ротмистръ проѣхаться въ штабъ, или другое какое мѣсто, Ульянъ впрягалъ въ легонькую, какъ перышко, тѣлежку, тройку такихъ лошадей, какихъ не было и у самого казначея; а хомуты-то на нихъ надѣвалъ Ульянъ обшитые алымъ сукномъ, и на уздечкахъ бубенчики, и не простые, а валдайскіе, чисто валдайскіе... Однажды полковникъ спросилъ у Петра Авдѣевича: не продастъ ли онъ тройку свою?

— Я? продамъ? — воскликнулъ штабсъ-ротмитстръ: я? да ни за какія блага въ мірѣ! да вотъ какъ, и за полтораста цѣлковыхъ не продамъ!

Вотъ какихъ лошадей держалъ Петръ Авдѣевичъ въ полку, въ то время какъ Авдѣй Петровичъ, то есть родитель его, довольствовался только парочкою разношерстныхъ, а ѣзжалъ обыкновенно въ такихъ четверомѣстныхъ дрожкахъ, съ рыжими фартуками, что приснись эта дрянь иному брезгливому — стошнитъ пожалуй.

— Неужь-то у батюшки ничего не было, кромѣ этого коландраса? спросилъ у приказчика костюковскій

помѣщикъ, осматривая съ прискорбнымъ вниманіемъ четверомѣстныя дрожки.

— Были, сударь, и бѣговыя, отвѣчалъ Кондратій, да покойный баринъ изволили ихъ на бричку промѣнять.

— Стало, есть бричка?

— Есть-то есть она, сударь, да плоховата!

— Покажи, братецъ, починимъ; по крайней мѣрѣ, на худой конецъ, проѣхать можно; а въ этой штукѣ, прибавилъ штабсъ-ротмистръ, указывая все таки на дрожки: самъ посуди; да, что тутъ говорить? на иномъ толчкѣ языкъ откусишь, пожалуй! И какъ таки могъ покойный батюшка трястись на нихъ? чай, жизнь сокращать должны.

— И бричка-то, сударь, правду доложить вамъ, не больно взрачна. Говоря это, приказчикъ бросался шарить по всѣмъ угламъ сарая; онъ заглядывалъ и на потолокъ, и за ворота, и только что не подъ четверомѣстныя дрожки.

— Чего же ты ищешь, Кондратій? спросилъ наконецъ штабсъ-ротмистръ.

— Не знаю куда дѣвали!

— Кого?

— Бричку, сударь, отвѣчалъ Кондратій Егоровъ, продолжая поиски свои.

— Кой прахъ, неужь-то пропала?

— Что вы, батюшка, статочное ли это дѣло? господская вещь не пропадетъ; а може наругомъ кто нибудь?

— Какъ наругомъ?

— Все Тимошкины штуки, Петръ Авдѣичъ; такой ужь разбойникъ; что ему бричка, не его! да такъ и есть, прибавилъ приказчикъ, выглянувъ изъ щели задней стѣны сарая: вотъ она!

И взорамъ господина представился не экипажъ, а

нѣчто въ родѣ остова большой рыбы, у которой какъ бы отрублены были и голова и хвостъ. За сараемъ, на грудѣ разныхъ нечистотъ, лежалъ темнаго цвѣта скелетъ; на круглыхъ ребрахъ его мѣстами болтались куски кожи, торчали заржавленные гвозди, а о колесахъ и помину не было.

— Неужь-то ты эту нечисть называешь бричкой? воскликнулъ штабсъ-ротмистръ, грозно занося усъ свой въ ротъ: такъ-то бережется барское добро?

— Тимошка, сударь, все онъ головорѣзъ, батюшка, Петръ Авдѣичъ, отвѣчалъ оторопѣвшій Кондратій: сколько разъ говорилъ я ему: прибери, не то баринъ гнѣваться будетъ — и въ усъ не дуетъ, сударь.

— Не дуетъ? такъ подавай же его сюда, мошенника! закричалъ Петръ Авдѣевичъ, разсердясь не на шутку: я его проучу по своему, я его.....

Приказчикъ бросился со всѣхъ ногъ за Тимошкою, а штабсъ-ротмистръ продолжалъ строгій осмотръ брички, приговаривая: ужь я его, ужь я его! — и повторялъ разгнѣванный костюковскій помѣщикъ: ужь я его... пока къ тылу помѣщика не подошелъ дѣтина, лѣтъ пятидесяти, съ такимъ богатырскимъ затылкомъ, предъ которымъ самыя плечи Петра Авдѣевича казались дрянью.

На пришедшемъ было пунцовое лицо съ усами и не чисто выбритымъ подбородкомъ; волосы его подстрижены были въ кружекъ и прикрывали плоское темя, а на каждой изъ рукъ не доставало по нѣсколько пальцевъ.

Онъ молча выждалъ, пока баринъ повернулся въ его сторону и, поклонившись ему, тряхнулъ головой.

— Поди-ка сюда, любезный! сказалъ штабсъ-ротмистръ.

Тотъ сдѣлалъ два шага и снова остановился.

— Нѣтъ, братъ, сюда, сюда поближе!

Дѣтина сдѣлалъ еще два шага.

— Ну, теперь разскажи-ка мнѣ, что это такое? спросилъ Петръ Авдѣевичъ и указалъ пальцемъ на остовъ брички.

— Эвто?

— Да, это, вотъ это!

— А прахъ его знаетъ, отвѣчалъ спокойно тотъ.

— Какъ же прахъ его знаетъ?

— Да такъ, прахъ его знаетъ!

— И ты, кучеръ, смѣешь мнѣ такъ отвѣчать?

— Какой я кучеръ, сударь!

— Да вѣдь ты Тимошка?

— Такъ что же что Тимошка? и Тимошка, да не кучеръ; а коли есть у кого кучеръ, такъ есть и лошади и всякой снарядъ; а то и былъ кучеръ, хорошій кучеръ, сударь, да на эвтомъ не наѣздишься, прибавилъ Тимошка, нанося ногою жестокій ударъ несчастному остову.

Выходка Тимошки не только не разгнѣвала господина, а, напротивъ того, страхъ понравилась ему. Окинувъ взглядомъ формы бывшаго отцевскаго кучера, штабсъ-ротмистръ нашелъ его по себѣ.

Петръ Авдѣевичъ не любилъ *мямлей*, и будь хоть пьянъ, да лихой, такъ спасибо, говаривалъ онъ своимъ уланамъ; и тутъ, смягчивъ голосъ, онъ ограничился легкимъ выговоромъ за неисправность въ сараѣ и небрежность Тимоѳея въ сбереженіи брички.

— Да чего тутъ беречь? да какая жь тутъ бричка? да эвто же, съ позволенія сказать, не бричка, возразилъ Тимоѳей, нанося вторичный ударъ жалкимъ останкамъ родительскаго экипажа. — Да вѣдь вольно же было

покойному барину! Не докладывалъ я развѣ, что Сельской какъ разъ проведетъ. Дрожки были не бричкѣ чета, сударь, дрожки добрыя; вѣдь это только названіе что бричка; «нѣтъ промѣняю,» говоритъ. Вотъ и промѣняли, а что наѣздили? двухъ годовъ не наѣздили, сыпаться стала; и какая ѣзда была у покойника, вѣдь только слава что ѣзда; проѣдутся въ церковь бывало, вотъ и вся ѣзда!

— А давно ли ты здѣсь? спросилъ Петръ Авдѣевичъ: и какъ я тебя не знаю?

— Да я, сударь, правду сказать, не то, чтобы давно, какъ сыскался, отвѣчалъ Тимошка, значительно понизивъ голосъ.

— Откуда же это?

— Да былъ грѣхъ такой, сударь.

— Грѣхъ?

— Сманили сосѣдніе ребята, такъ отлучился маленько.

— То есть бѣжалъ?

— Былъ грѣхъ, сударь, былъ, что ужь тутъ, не утаишь, повторялъ Тимошка, поглаживая свои волосы и переминаясь. Онъ видимо смутился.

Петръ Авдѣевичъ, замѣтившій перемѣну въ лицѣ Тимоѳея, завелъ рѣчь о другомъ.

— Надобно добыть лошадокъ, братецъ, сказалъ штабсъ-ротмистръ, обращаясь уже съ веселымъ лицемъ къ кучеру, котораго глаза при этомъ словѣ заблистали радостію.

— Какъ бы не нужно, отвѣчалъ Тимоѳей.

— А гдѣ бы напримѣръ? знаешь развѣ?

— Еще бы не знать, баринъ! кому же и знать-то, сударь, какъ не мнѣ, слава тебѣ Господи!

— И хорошія есть?

— Лошадки-то-съ?

— Да.

— Да есть и хорошія; вотъ объ Вознесеньи проѣхаться въ городъ, не дальнее мѣсто! и ярмарка будетъ важнѣйшая и лошадокъ наведутъ вдоволь, такъ и выбирать можно!

— А когда ярмарка?

— Въ четвергъ, сударь.

— Да въ чемъ же ѣхать?

— Ѣхать въ чемъ-то? да въ чемъ же какъ не въ дрожкахъ?

— Вотъ въ тѣхъ, что тутъ вотъ?

— Больше не въ чемъ!

— Нѣтъ ужь, братъ, спасибо за дрожки; была бы тѣлега, въ тѣлегѣ скорѣе.

— А въ тѣлегѣ, такъ тѣлегу соберемъ къ четвергу, отвѣчалъ Тимоѳей; и продолжая дружески разговаривать между собою, баринъ и кучеръ направили шаги свои къ дому, гдѣ ожидалъ перваго скромный ужинъ, приготовленный Прокофьичемъ, а втораго непріязненный взглядъ Кондратія Егорова, самаго значительнаго лица въ Костюковѣ Колодезь тожь.

Кто, подобно Петру Авдѣевичу, никогда мысленно не возносился къ облакамъ, не строилъ воздушныхъ замковъ и даже не считалъ себя существомъ, созданнымъ для чего бы то ни было исключительнаго, тотъ легко пойметъ, что въ сельской простой и матеріяльной жизни всякая новинка производитъ на умъ и сердце самое благопріятное впечатлѣніе. Одно ожиданіе Вознесенской ярмарки сдѣлало уже Петра Авдѣевича благосклоннѣе къ Кондратію и снисходительнѣе ко всему, что его окружало. Наговорившись вдоволь съ Тимоѳеемъ кучеромъ, Петръ Авдѣевичъ поднесъ ему собственноруч-

но большую рюмку настойки и отпустилъ тогда только отъ себя, когда самъ легъ въ постель.

— Но гдѣ бы достать деньженокъ? думалъ штабсъ-ротмистръ, засыпая: у Кондратья есть, да не дастъ мошенникъ. Будь еврей, а можетъ, и есть еврей здѣсь гдѣ нибудь? чтобъ не забыть завтра спросить; коли же есть, такъ и хлопотать не о чемъ. Ну, а какъ нѣтъ? да не можетъ быть, чтобъ не было, ужь такая вещь; а вѣдь бестія этотъ еврей, ну кого же не продастъ? вѣдь всякаго продастъ... сущій каналья!.. То была послѣдняя здравая мысль, промелькнувшая въ воображеніи Петра Авдѣевича, послѣ которой онъ и заснулъ крѣпчайшимъ сномъ.

Какъ ни ограниченно было состояніе Петра Авдѣевича, тѣмъ не менѣе появленіе его въ уѣздѣ не прошло не замѣченнымъ, и имя штабсъ-ротмистра уже неоднократно произносилось на вечернихъ сборищахъ у городничаго того города, къ уѣзду котораго принадлежало Костюково, и въ которомъ въ праздникъ Вознесенья бывала большая ярмарка. Многіе дивились даже, что новый костюковскій помѣщикъ не взялъ на себя труда засвидѣтельствовать имъ лично своего почтенія, и приписывали подобное несоблюденіе приличій спеси молодаго помѣщика. Истинная же причина домосѣдства Петра Авдѣевича была, какъ намъ извѣстно, пара разношерстныхъ, оставленная сыну покойнымъ родителемъ, а равно и четверомѣстныя дрожки, на которыя не хотѣлъ садиться штабсъ-ротмистръ ни подъ какимъ видомъ.

Но, благодаря судьбѣ, въ окрестностяхъ Костюкова, на спорной землѣ, у пересохшей рѣчки, въ полуистлѣвшихъ остаткахъ развалившейся мельницы, отыскался жидъ. Жидъ этотъ явился къ Петру Авдѣевичу, погла-

зѣлъ на поля, строеніе, луга, на остовъ брички, съ которою кучеръ Тимошка обращался такъ не деликатно, и уже потомъ, неизвѣстно почему, рыжій сынъ Израиля ссудилъ костюковскому помѣщику преизрядный мѣшечекъ разной звонкой монеты, съ которымъ и отправился штабсъ-ротмистръ на городскую Вознесенскую ярмарку.

Рѣдко бываетъ, чтобы въ этотъ праздникъ солнце не восходило свѣтло и весело, чтобы небо не было ясно и воздухъ не палилъ зноемъ; и на этотъ разъ, какъ и всегда, день былъ прекрасный.

По большимъ и проселочнымъ дорогамъ, ведшимъ къ городу, тянулись съ ранней поры вереницы тѣлегъ, нагруженныхъ всякою всячиною. Рядомъ съ ними шли, большими толпами, разряженные окрестные мужики въ бѣлыхъ холстинныхъ зипунахъ и въ высокихъ черныхъ шляпахъ, обшитыхъ золотымъ позументомъ. На крестьянкахъ пестрѣлись цвѣтныя юпки, парчевыя шнуровки и бѣлыя, какъ снѣгъ, наметки. Ко всеобщему говору и крику шедшихъ и ѣхавшихъ присоединялось громкое ржаніе дикихъ лошадей, табуны которыхъ гнались по обочинамъ дорогъ, а всему этому вторилъ отдаленный колокольный звонъ, продолжавшійся обыкновенно до самаго полудня. Рѣдкій изъ ѣхавшихъ или шедшихъ не побываетъ предварительно въ святомъ храмѣ, прежде чѣмъ позволитъ себѣ предаться отъ всей души наслажденіямъ ярмарки, до которыхъ такъ лакомъ нашъ Русскій народъ. Какъ ни велики успѣхи, сдѣланные на Руси европейскимъ просвѣщеніемъ, но не замѣтны они въ простомъ народномъ быту, и едва ли Вознесенская ярмарка девятнадцатаго столѣтія отличалась чѣмъ нибудь отъ таковой же, на которой предки наши, два столѣтія назадъ, торговали лихихъ коней подъ доѣзжачихъ

своихъ, у смуглыхъ предковъ современныхъ табунщиковъ.

Въ часъ по полудни, на обширномъ полѣ, прилегавшемъ однимъ концемъ къ городскому валу, а другимъ къ длинной каменной оградѣ городскаго же кладбища, соединилось все, что шло и ѣхало недавно на ярмарку по всѣмъ окрестнымъ большимъ и малымъ дорогамъ. Въ центрѣ поля помѣщался главный товаръ ярмарки, то есть большое количество лошадей, согнанныхъ и приведенныхъ на нее со всѣхъ концевъ Россіи. Рядомъ съ цѣлымъ фронтомъ приводныхъ жеребцовъ, откормленныхъ всѣми неправдами, какъ-то: отрубями, рубленою соломою и нерѣдко известью, стоялъ степной косякъ, и на тѣсной площадкѣ, огражденной плетнемъ, суетилась, визжа и огрызаясь, сотня разношерстныхъ коней, не знакомыхъ ни съ уздою, ни съ оглоблями. Но приглянись одинъ изъ дикарей кому бы то ни было, въ тотъ же мигъ смуглый Татаринъ безстрашно бросается въ стадо, ударами ременной плетки пролагаетъ себѣ дорогу, и чрезъ минуту съарканенный конь, дрожа всѣмъ тѣломъ, предстанетъ смиренно предъ покупателемъ. Вкругъ косяковъ разбросаны были, кое гдѣ, поѣзжанные помѣщичьи экипажи допотопныхъ фасоновъ, крестьянскія тѣлежки съ разною разностію, палатки съ медовыми пряниками и съ прочими товарами низшаго сорта, составляющими необходимую потребность скромныхъ деревенскихъ жителей. Поодаль отъ всего этого, въ шалашѣ, построенномъ изъ ельника, помѣщался кабакъ, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него безносая баба пекла на чугунной сковородѣ аладьи, и пекла она ихъ на зеленомъ конопляномъ маслѣ. Въ промежуткахъ молодые парни играли въ орлянку, а крестьянскія дѣвки водили хороводъ. Кругомъ игравшихъ и плясавшихъ толпился на-

родъ. Лица однихъ начинали уже покрываться яркимъ румянцемъ, ноги другихъ переставали уже повиноваться, но всѣ еще говорили, смѣялись, махали руками и веселились отъ души.

Впрочемъ, поприще Вознесенской ярмарки не ограничивалось однимъ загороднымъ полемъ, предоставленнымъ единственно черному народу и лошадямъ.

Высшее сословіе хотя и мѣшалось изрѣдка съ низшимъ, но мѣстомъ, собственно ему принадлежавшимъ, былъ самый валъ. На немъ, въ магазинахъ, наскоро сколоченныхъ изъ досокъ, заѣзжіе купцы прельщали горожанокъ и помѣщиковъ роскошными батистъ-декосами, муслинъ-ленами и заграничными пудесуа. На томъ же валу трактиръ Берлинъ заманивалъ блестящею вывѣскою своею въ офицерскую палатку, гдѣ наскоро же сколоченный изъ досокъ узкій столъ уставленъ былъ рябыми тарелками съ буттербротомъ, паюсною икрою, кильками и известковыми конфетами въ цвѣтныхъ бумажкахъ, а въ графинчикахъ виднѣлись разныхъ цвѣтовъ водки и ликеры.

Прибывшій изъ Австріи на валъ отецъ семейства, предъ входомъ въ Берлинъ, разостлалъ на землѣ довольно грязный коверъ, и подъ звуки шарманки выкидывалъ такія штуки, что вся публика приходила въ восторгъ и удивленіе. Родитель, въ испанскомъ костюмѣ изъ гробоваго полубархата, ложился на спину, подымалъ тонкія ноги свои вверхъ и подбрасывалъ ими младшаго сына такъ искусно, что малютка, какою бы частью тѣла ни падалъ внизъ, а все таки задерживался на родительскихъ ступняхъ. Въ тоже самое время, двѣ взрослыя дѣвицы, въ короткихъ розовыхъ съ блестками платьяхъ, становились родителю на ладони, переходили съ ладоней на лице, даже на носъ, и въ свою очередь подымали

верхъ по одной ногѣ, обутой хотя и не совершенно опрятно, но изысканно.

Послѣ каждой штуки австрійское семейство обходило зрителей съ колокольчикомъ и металлическимъ блюдцемъ въ рукахъ, и зрители частію бросали на блюдце мелкую монету, а частію махали руками, отворачивались въ противоположную сторону и заговаривали съ сосѣдомъ о вещахъ посторонннихъ.

Въ числѣ лицъ, составлявшихъ публику, были и такія, къ которымъ австрійское семейство подходило только для того, чтобы поблагодарить за честь, имъ сдѣланную своимъ присутствіемъ. Къ избраннымъ этимъ принадлежала собственно одна только особа; окружавшія же ее составляли нѣчто въ родѣ свиты.

Особа эта была высокая, толстая, съ короткою шеею. Лице особы дышало спесью и ежеминутно наводнялось потомъ; пухлыя губы ея однимъ угломъ ущемляли крошечный кончикъ сигары, а другимъ выпускали по временамъ тонкую струйку синеватаго дыма.

Нѣсколько позади толстой особы стояло другое лице, съ выраженіемъ менѣе спесивымъ, съ носомъ болѣе продолговатымъ, съ щеками выбритыми до самыхъ глазъ и съ багровою шишкою на правомъ вискѣ. Каждый разъ, когда особа, стоявшая впереди, дѣлала какое бы то ни было движеніе, особа, стоявшая позади, вздрагивала и наклонялась впередъ, но убѣдясь, что движеніе особы, стоявшей впереди, не относилось къ ней, она принимала первобытное положеніе и замирала вновь.

Третье существо, дополнявшее избранную группу, составляло какъ бы нѣчто среднее по значенію своему между толстою особою и лицемъ, стоявшимъ позади ея. Это существо осѣнено было подержаннымъ суконнымъ

плащемъ, съ полами подбитыми чернымъ бархатомъ, и съ длинными, полинялыми кистями, пришитыми къ отложному, равно бархатному воротнику. Картузъ существа былъ соломенный; изъ подъ него выглядывали два довольно длинные виска, нѣсколько взъерошенные. На этомъ существѣ надѣты были триковые свѣтлые панталоны и желтыя полуботинки съ черными костяными пуговицами; ростъ его былъ малъ, руки костлявы, а станъ вообще погнутъ впередъ и суховатъ. Въ подсохшемъ рту своемъ держалъ онъ черешневый чубукъ, изъ котораго съ трудомъ вытягивалъ табачный дымъ, затягивался имъ и выпускалъ его ноздрями; подъ носомъ у существа торчали трехдневные усы, а подбородокъ былъ выбритъ тщательно. Господинъ этотъ стоялъ рядомъ съ толстою особою и безпрестанно вступалъ съ нею въ разговоръ, что толстой особѣ, повидимому, не причиняло большаго удовольствія.

Толстякъ былъ городничій, господинъ въ соломенномъ картузѣ числился въ должности штатнаго смотрителя училища, а третье лице исправляло должность частнаго. Поодаль отъ группы стояли разнаго рода и значенія лица, отчасти городскія, отчасти пріѣзжія изъ окрестностей.

— Тихонъ Парѳенычъ, а Тихонъ Парѳенычъ! воскликнулъ штатный смотритель. Вѣдь вотъ, вы опять спорите; а какъ мнѣ вамъ это доказать?

— Да хоть приведите цѣлый уѣздъ въ свидѣтели, не повѣрю! отвѣчалъ городничій, отворачиваясь.

— Что уѣздъ! хорошъ уѣздъ; мнѣ уѣздъ не указъ!

— Не бось, въ столицѣ все проживать изволили!...

— Бывали и въ столицахъ! Чтожь?

— Такъ замѣтилъ....

— Столица посторонняя статья, а споръ идетъ не о столицахъ, Тихонъ Парфенычъ; вы, можетъ быть, и очень свѣдущи по вашей части, а не знаете между прочимъ того, что касается....

— Не бось до вашей части? перебилъ насмѣшливо Тихонъ Парфенычъ.

— Смѣйтесь, пожалуй, вѣдь отъ этого меня не убудетъ; вашимъ добромъ вамъ же челомъ; вы всегда такъ: что не по васъ, такъ только что не рогатиной.

— Зачѣмъ же рогатиной? рогатина въ лѣсу — такъ; а при большомъ обществѣ неприлично и упоминать о ней.

— Въ рогатинѣ ничего нѣтъ такого неприличнаго, Тихонъ Парфенычъ, придираться нечего; я говорю правду, вы всегда такъ.... Намедни, у Андрея Андреича, не то ли же самое произошло? только попался вамъ слабенькій, такъ вы его за челку, да и скокъ верхомъ.... а меня извините... да вотъ кстати самъ Андрей Андреичъ... Андрей Андреичъ! воскликнулъ штатный смотритель, выходя на встрѣчу сѣдовласому старичку въ синемъ фракѣ и въ нанковыхъ бѣлыхъ панталонахъ. — А у насъ съ Тихонъ Парфенычемъ споръ завязался: рѣшите, пожалуйста!

Въ это время сѣдовласый старичекъ, съ улыбкою на устахъ, подошелъ къ городничему, протянулъ ему обѣ руки, изъ которыхъ въ одну только Тихонъ Парфенычъ сунулъ два толстые пальца. Тогда старичекъ, все таки обѣими руками, пожалъ съ чувствомъ эти два пальца и потомъ уже поклонился штатному смотрителю.

— А у насъ здѣсь споръ, повторилъ послѣдній: и споръ кровавый, прибавилъ онъ шуточнымъ голосомъ.

— Избави Господи! замѣтилъ, смѣясь, старичекъ.

— Истинно, кровавый; ни тотъ, ни другой уступить не хочетъ; а, каково? да, нечего отворачиваться, ваше высокоблагородіе, нечего отворачиваться, пожалуйте-ка на судъ. И ободренный посредничествомъ третьяго лица, штатный смотритель принялся было тормошить городничаго, который побагровѣлъ отъ негодованія.

— Мы не въ пожарномъ какомъ нибудь депѣ, чтобы такъ обращаться, проговорилъ сквозь зубы Тихонъ Парфенычъ: говорить можно просто, между собою, надѣюсь!

— Знаемъ! знаемъ! въ претензію вошли отъ того, что не по нашему; знаемъ, старая штука!

— Прошу васъ оставить меня въ покоѣ, Дмитрій Лукъянычъ.

— Андрей Андреичъ, сказалъ смотритель, обращаясь къ старику: разсудите насъ, Бога ради, но только безпристрастно. Какимъ способомъ достигаютъ эти фигляры, чтобы всѣ члены были перемѣшаны; вы видѣли?

— Видѣлъ.

— Отъ того-то, Андрей Андреичъ, я у васъ и спрашиваю: какъ, по мнѣнію вашему, доходятъ они до того, чтобы голова....

— Онъ ложится на землю, поднимаетъ руки, а на руки становится человѣкъ — вотъ такъ. Сила могучая, правда, а все же неприлично при публикѣ, замѣтилъ Андрей Андреевичъ, думая, конечно, поддѣлаться тѣмъ подъ мнѣніе городничаго.

— Тьфу ты пропасть какая, опять неприлично! да кто же споритъ съ вами объ этомъ? Я спрашиваю, по какой методѣ, думаете вы, доходятъ люди до такой гибкости членовъ. Ну, примѣрно сказать, возьмемъ хоть васъ: попробуйте-ка, стоя на ногахъ, перегнуться такъ, чтобы голова очутилась между ногъ сзади.

— Не дворянское дѣло, Дмитрій Лукъянычъ, вотъ что-съ!

— Да могли ли бы вы?

— И предлагать-то подобныя вещи не благородно, Дмитрій Лукъянычъ.

— Да поймите же, ради Бога, въ чемъ дѣло, Андрей Андреичъ!

— Кажется, не выстарѣлся, разсудокъ не помраченъ, а ужь кувыркаться, потрудитесь сами....

— Я говорю Тихону Парфеньичу, что гибкость тѣла пріобрѣтается постепенностью.

— Фигляромъ-съ не былъ, такъ и не знаю, отвѣчалъ все таки съ гнѣвомъ старичекъ.

— Хороша постепенность, когда, съ позволенія сказать, затылокъ касается пятокъ, проворчалъ городничій, пожимая плечами: хороша постепенность.

— Ну, а по вашему, что же это такое? спросилъ перебѣжавшій отъ Андрея Андреевича смотритель: небось, кости повынуты — а? Нѣтъ, батинька, безъ постепенности ноги выше головы не поднимешь; постепенность до всего доведетъ: и быка поднимешь и милліонъ наживешь.

— Вотъ научите, такъ спасибо скажемъ, сказалъ насмѣшливо городничій.

— И впрямь, научите-ка, прибавилъ также иронически Андрей Андреичъ, и онъ взглянулъ на городничаго, который въ свою очередь мигнулъ глазомъ и бросилъ взглядъ на частнаго; частный улыбнулся значительно.

— Смѣяться и ухмыляться нечего, продолжалъ смотритель, а отложи сегодня грошъ, да завтра грошъ, когда же нибудь придетъ тотъ день, что перечтешь гроши и выйдетъ милліонъ.

— Да сколько же лѣтъ нужно служить для этого, Дмитрій Лукьянычъ? пропищалъ въ полголоса частный, закрывая ротъ свой перчаткою, какъ бы стараясь удержать порывъ смѣха.

Острое замѣчаніе частнаго такъ понравилось Тихону Парфенычу и Андрею Андреевичу, что они оба померли со смѣху и, насмѣявшись до сыта, отправились каждый въ свою сторону разсказывать знакомымъ о пулѣ, слитой всезнающимъ Дмитріемъ Лукьяновичемъ, который, пожавъ плечами, выколотилъ трубку свою о носокъ собственнаго сапога, и набивъ ее свѣжимъ табакомъ, сошелъ съ вала и пустился вдоль коновязей, заговаривая съ барышниками.

Въ то самое время, когда, пораженный острымъ замѣчаніемъ пристава, штатный смотритель уѣзднаго училища бѣжалъ съ глазъ торжествующихъ его противниковъ, въ двухъ верстахъ отъ городскаго вала костюковскій помѣщикъ, въ сопровожденіи кучера Тимошки, въѣзжалъ съ проселка на городскую дорогу.

Богъ знаетъ, какимъ способомъ Тимошка въ нѣсколько дней успѣлъ совершенно преобразовать наслѣдственную парочку, оставленную родителемъ Петру Авдѣевичу и сдѣлать изъ нея только что не ухорскую. Пристяжная, круто согнутая въ кольце, врядъ ли даже уступала въ гибкости своей австрійскому отцу семейства: такъ близко несла она голову отъ заднихъ ногъ; пристяжною управлялъ самъ Петръ Авдѣевичъ.

Едва передніе колеса тѣлежки его перескочили съ разбѣга чрезъ гнилой мостикъ, соединявшій проселочную дорогу съ большою, какъ съ противоположнаго проселка, чрезъ точно такой же мостикъ, выползла на туже большую дорогу четвероместная, оранжевая коляска, запряженная четвернею гнѣдыхъ, не совершенно ров-

ныхъ, но толстоватыхъ лошадей. Кузовъ коляски этой весьма походилъ на померанецъ, съ вынутою изъ него четвертою частью. Впереди померанца, на чемъ-то очень высокомъ, сидѣлъ сгорбившись худощавый кучеръ, въ голубомъ китайчатомъ армякѣ, а рядомъ съ нимъ грязновато одѣтый дворовый мальчикъ, въ теплой шапкѣ, надѣтой на самые глаза. Что же и кого заключалъ въ нѣдрахъ своихъ померанецъ, того ни Петръ Авдѣевичъ, ни Тимошка, разсмотрѣть не могли, потому что отверстіе, находившееся въ слишкомъ близкомъ разстояніи отъ спинъ сидѣвшихъ спереди, завѣшено было чрезмѣрно ветхимъ кожанымъ фартукомъ. Желая дать вздохнуть бѣгунамъ своимъ, Петръ Авдѣевичъ приказалъ Тимошкѣ осадить коренную и шажкомъ слѣдовать за коляскою померанцеваго цвѣта. Долго молча и внимательно разсматривали господинъ съ кучеромъ замысловатый экипажъ; наконецъ Петръ Авдѣевичъ первый прервалъ молчаніе вопросомъ: на что такъ пристально смотритъ Тимошка и знакома ли ему коляска?

— Знакома-то знакома, какъ не знакома, отвѣчалъ кучеръ: да идетъ-то она какъ-то чудно́!

— А что?

— Да вотъ извольте, сударь, сами взглянуть! Тимошка собралъ вожжи въ лѣвую руку, а правою указалъ на переднюю ось.

— Ну, что же? я ничего такого не вижу; ось, какъ ось, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— И самъ я вижу, что ось, какъ ось; а вотъ дышлото, полно, здорово ли? чего бы, кажется, вилять ему во всѣ стороны? ишь какъ бросаетъ!

И дѣйствительно, померанцевый экипажъ, знакомый Тимошкѣ, на каждомъ шагу выскакивалъ изъ колей и заднею частью своей дѣлалъ такія страшныя движенія,

что, будь онъ совершенно безъ дышла, ходъ его не могъ бы быть неправильнѣе.

Убѣдясь наконецъ въ истинной причинѣ, заставлявшей коляску качаться во всѣ стороны, наблюдатели наши не сочли нужнымъ предупредить сидѣвшихъ въ ней и приступили — баринъ къ разспросамъ объ ѣхавшихъ, а кучеръ къ подробному описанію ихъ житья бытья.

По словамъ Тимошки, *лекипажъ* принадлежалъ вдовѣ уѣзднаго судьи, Елисаветѣ Парѳеньевнѣ Кочкиной, родной сестрѣ городничаго, купившей, верстахъ въ пятнадцати отъ Костюкова, имѣньишко душъ въ сорокъ. Покойникъ, молвятъ, оставилъ ей препорядочную кубышку съ ассигнаціями, которую она запрятала такъ далеко, что и самому городничему не отыскать. Далѣе онъ сообщилъ, что у вдовы былъ сынъ, да ономнясь померъ, говорятъ, гдѣ-то за Херсонью. Да сынка-то барыня не очень жалѣла, изъ того, что мотовать былъ покойникъ; впрочемъ, мужики на старую барыню не жалятся и работу господскую справляютъ исправно.

Вотъ приблизительно тѣ свѣдѣнія, которыя успѣлъ почерпнуть Петръ Авдѣевичъ изъ устъ кучера своего, трясясь съ нимъ въ узкой тѣлежкѣ по сухой и выбитой дорогѣ, какъ вдругъ дорога эта, свернувъ вправо, стала спускаться въ ровъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и впереди катившаяся коляска начала покачиваться въ обѣ стороны такъ сильно, что вальки ея били пристяжныхъ по ногамъ.

— Такъ и есть, что дышло-то треснуло! э! вовсе переломилось! воскликнулъ Тимошка, пріостанавливая коренную.

— Что жъ тутъ дѣлать? спросилъ баринъ.

— А что дѣлать? дѣлать нечего, равнодушно от-

вѣчалъ кучеръ. На этой кручѣ хоть чорта положи подъ колеса, не остановитъ. Оно бы еще ничего, какъ нибудь спустились бы, да подъ горой мостишка еле держится; перила, словно грибъ какой, сгнили вовсе, такъ чтобы съ мосту имъ не слетѣть, вотъ что! — И кончивъ повѣствованіе свое, Тимошка указалъ барину своему то, что онъ называлъ мостишкой. Глазамъ же Петра Авдѣевича предстала картина, не совершенно схожая съ описаніемъ, и прежде замѣченный имъ сквозь частый кустарникъ ровъ былъ только первою ступенью той пропасти, съ которой надлежало снестись померанцевому экипажу. По самой срединѣ дороги змѣилась извилиною глубокая рытвина, а въ концѣ ея, надъ другою бездонною пропастью, гнѣздилось то сцѣпленіе гнилости, которое обозначается громкимъ названіемъ моста, а въ жизни практической только что не memento mori!

Повидимому, воззрѣніе на вышеописанный ландшафтъ одинаково подѣйствовало какъ на штабсъ-ротмистра, такъ и на сидѣвшихъ внутри померанца. Первый крикнулъ отъ ужаса, а вторыя стали кричать благимъ матомъ. Дышло коляски ихъ, въ самомъ началѣ ската, выскочивъ изъ гнѣзда своего, уничтожило разстояніе, обыкновенно находящееся между вагою экипажа и лошадьми, отъ чего вся четверня принялась бить съ ожесточеніемъ.

— Пошелъ мимо! крикнулъ повелительнымъ голосомъ Петръ Авдѣевичъ и, не давъ Тимошкѣ опомниться, отважный штабсъ-ротмистръ, забывъ всю опасность, троекратнымъ ударомъ плети, поднялъ коней своихъ въ карьеръ и, направя ихъ по крутому скату горы, очутился въ одинъ мигъ во главѣ несшейся четверни.

— Держи подъ ихъ, воскликнулъ Петръ Авдѣе-

вичъ, намѣреваясь выхватить вожжи изъ рукъ своего спутника; но смѣтливый, какъ и большая часть русской братіи, Тимошка, схватилъ барскую мысль на лету и, оттолкнувъ легонько плечемъ своимъ его руку, проворчалъ: знаемъ! и богатырскимъ поворотомъ, на всемъ скаку, положилъ коренную подъ ноги всей четверни.

Кому случалось участвовать въ подобныхъ столкновеніяхъ, тотъ врядъ ли опредѣлитъ въ точности, какое мѣсто занималъ онъ въ группѣ. Тоже самое случилось и съ Петромъ Авдѣевичемъ и съ безстрашнымъ Тимошкою и съ безотвѣтною парочкою его маленькихъ коней. Всѣ они цѣплялись за что-то и освобождались изъ подъ чего-то, тащились нѣсколько мгновеній съ какою-то чудовищною массою, но наконецъ масса остановилась и тысячи голосовъ раздались гдѣ-то вдали.

Услышавъ ихъ, штабсъ-ротмистръ, очутившійся въ самой серединѣ живописной группы и чувствовавшій на тѣлѣ своемъ какую-то неопредѣленную тяжесть, рѣшился пошевелить ногою. Нога подалась, боли не было. Онъ вздохнулъ свободнѣе и двинулъ другою ногою, и другая цѣла.... «Слава Богу,» прошепталъ Петръ Авдѣевичъ и раскрылъ глаза. Надъ самымъ лицемъ его явственно обрисовалась передняя ось коляски со всѣми принадлежностями; къ плечу прислонялось колесо; лошадиная нога покоилась на желудкѣ, а правымъ бокомъ касался онъ четырехъ копытъ правой коренной, которая равно лежала и изъ подъ которой торчали Тимошкины ноги.

Неизвѣстность объ участи кучера возвратила штабсъ-ротмистру всю его бодрость. Онъ приподнялъ голову, уперся правымъ локтемъ въ землю и, освободивъ желудокъ свой изъ подъ лошади, сталъ на колѣни.

— Живъ ли ты, Тимошка? проговорилъ не твердымъ голосомъ Петръ Авдѣевичъ, не смѣя взглянуть за спину правой коренной.

— Кажись, живъ, отвѣчалъ тотъ: да прижала больно скотина, дохнуть не могу.

— А живъ, такъ ладно! воскликнулъ радостно баринъ и, вскочивъ на ноги, усердно принялся тащить съ Тимоѳея давившую его коренную, рвать на ней сбрую и растягивать зубами тѣ узлы, которыхъ руками одолѣть не могъ. Углубленный въ занятіе свое, штабсъ-ротмистръ не замѣчалъ происходившаго вокругъ него. Онъ даже не подозрѣвалъ, что глубокимъ оврагомъ, въ который неслась померанцевая коляска, отдѣлялся городской валъ отъ того мѣста, гдѣ, цѣною жизни своей, готовъ былъ Петръ Авдѣевичъ искупить жизнь людей, ему совершенно не знакомыхъ. Наконецъ, Петръ Авдѣевичъ не подозрѣвалъ и того, что свидѣтельницею его самоотверженія была цѣлая ярмарка и что тысячи людей окружали его въ эту минуту. Штабсъ-ротмистру было не до нихъ, и пока Тимошка не оттеръ себѣ боковъ, не почесалъ головы и съ помощью барина не поднялся, кряхтя, на ноги, костюковскій помѣщикъ не замѣчалъ никого и ничего. Но Тимошка вспомнилъ о шапкѣ и принялся искать шапку, а штабсъ-ротмистръ повернулъ голову назадъ и остолбенѣлъ.

Вокругъ него толпился народъ, а рядомъ съ нимъ, поддерживаемая какимъ-то толстымъ господиномъ, стояла блѣдная, но красивая женская фигура, съ такою улыбкою на устахъ, что штабсъ-ротмистръ невольно улыбнулся самъ и принялся застегивать сюртукъ, у котораго однакоже не оказалось праваго лацкана.

— Ну, батюшка, славное вы дѣло сдѣлали, сударь, да вознаградитъ васъ Богъ за такое мужество! про-

говорилъ толстый господинъ, протягивая руку свою штабсъ-ротмистру. Позвольте теперь узнать, кому я обязанъ спасеніемъ сестры и племянницы, прибавилъ тотъ же господинъ, указывая на блѣдную дѣвушку, говорившую также что-то не совсѣмъ понятное.

— Помилуйте, стоитъ ли! отвѣчалъ Петръ Авдѣевичъ, продолжая искать своего лацкана: кучеръ негодяй; его дѣло было замѣтить, что дышло надломано, ему поддать хорошенько....

— Но вашъ поступокъ такъ благороденъ...

— Я случайно съѣхался съ ними, и давно постичь не могъ, отчего коляска шныряетъ то вправо, то влѣво, а вышло на повѣрку, что дышло дѣйствительно переломлено. Поддать бы кучеру не мѣшало-съ, право!

Но тутъ рѣчь штабсъ-ротмистра перебита была пронзительнымъ голосомъ барыни, пожилой и тощей какъ смоква. Она и пространно и велерѣчиво выразила благодарность свою, называя Петра Авдѣевича благодѣтелемъ, благородною душою и дюжиною подобныхъ названій, на которыя оглушенный штабсъ-ротмистръ не успѣвалъ и не находился отвѣчать. Но толстый господинъ, въ свою очередь, перебилъ рѣчь тощей барыни и объяснилъ Петру Авдѣевичу, что тощая барыня была сестра его, а блѣдная дѣвица племянница, а самъ онъ городничій, а заключилось объясненіе приглашеніемъ откушать.

Штабсъ-ротмистръ взглянулъ на свой изорванный сюртукъ, покрытый пылью, хотѣлъ было отговориться, но городничій, безъ церемоніи, схватилъ его подъ руку и только что не потащилъ насильно по направленію къ мосту. За ними послѣдовали: вдова уѣзднаго судьи, дочь ея, приставъ съ шишкою на вискѣ, Андрей Андреевичъ

въ синемъ фракѣ и наконецъ народъ, сбѣжавшійся съ ярмарки.

Забытый всѣми, Тимошка, отыскавъ шапку, принялся, съ помощію барынина кучера и нѣсколькихъ зѣвакъ, распутывать лошадей, ставить ихъ на ноги, которую бить, которую гладить, приговаривая то крупное словцо, то ласку еще крупнѣе крупнаго словца. По прошествіи двухъ-трехъ часовъ, померанцевый *экипажъ* и скромная штабсъ-ротмистрская тѣлежка чинно въѣхали въ шлагбаумъ уѣзднаго города, въ которомъ вѣсть о чудномъ спасеніи вдовы и ея дочери разнеслась со всѣми бывалыми и не бывалыми подробностями. Остается прибавить, что Тимошка, неизвѣстно съ какою цѣлью, но пользуясь, вѣроятно, благопріятными для него обстоятельствами, поручилъ тѣлежку свою кучеру вдовы уѣзднаго судьи, а самъ торжественно возсѣлъ на козлы померанцевой коляски.

Между тѣмъ героя разсказа нашего, Петра Авдѣевича Мюнабы-Полевалова, съ тріумфомъ сопровождала многочисленная толпа, отъ заставы до дома городничаго.

На пути узналъ наконецъ градоначальникъ, что спаситель родственницъ его былъ не кто другой, какъ сынъ покойнаго Аздѣя Петровича, и на пути же передана была эта вѣсть Андрею Андреевичу, Дмитрію Лукъяновичу и новымъ лицамъ, прибывавшимъ со всѣхъ закоулковъ и умножавшимъ собою свиту штабсъ-ротмистра. Самъ штабсъ-ротмистръ находился въ самомъ не ловкомъ положеніи. Шедши рядомъ съ городничимъ, онъ высмотрѣлъ безпорядокъ, происшедшій въ одеждѣ его во время паденія померанцевой коляски, и безпорядокъ этотъ былъ такого рода, что не будь оторванъ лацканъ у сюртука, а вмѣстѣ съ нимъ и значительная

часть полы, его никто бы не замѣтилъ. Но полы не стало, и напрасно старался онъ, соединеніемъ оставшейся полы съ изорваннымъ краемъ одежды, скрыть происшедшее съ нимъ несчастіе; напрасно прибавлялъ онъ шагу и избѣгалъ поворотовъ; сопутствовавшія ему лица, какъ нарочно, забѣгали впередъ, и Петра Авдѣевича бросало то въ жаръ, то въ холодъ; но вотъ площадь, досчатое крыльце городническаго дома, нѣсколько ступеней, и онъ спасенъ! Нѣтъ! въ дверяхъ прихожей неумолимый рокъ готовилъ нашему герою новое, страшное испытаніе. Предупрежденная кѣмъ-то супруга городничаго и двѣ дочери, очень взрослыя, почли долгомъ привѣтствовать гостя, первая длинною рѣчью, а вторыя книксеномъ и сладчайшею изъ улыбокъ. Петръ Авдѣевичъ вспомнилъ о картузѣ своемъ и прикрылъ имъ безпорядокъ, но городничій, подошедшій съ тылу, взялъ Петра Авдѣевича за ту самую руку, которая держала картузъ и потащилъ въ залу. Положеніе штабсъ-ротмистра становилось такъ затруднительно, что, не высмотри онъ большихъ кожаныхъ креселъ въ темномъ углу первой комнаты, онъ выскочилъ бы, можетъ быть, въ первое окно. Кресла и темнота угла представились глазамъ его какъ послѣднее и единственное средство къ спасенію и, подобно утопающему, бросающемуся на случайно плывущую доску, онъ бросился въ уголъ, въ кресла, и внутренно поклялся не двигаться, пока не представится случай бѣжать. Такъ, сидя неподвижно, принялъ костюковскій помѣщикъ какъ новыя поздравленія гостей, такъ и вторичныя увѣренія семейства городничаго въ вѣчной признательности за оказанную имъ услугу.

Все это выслушалъ Петръ Авдѣевичъ съ достоинствомъ и сидя. Когда же, въ свой чередъ, подошла къ

нему блѣдная племянница городничаго, и съ румянцемъ стыдливости на лицѣ протянула ему свою, хотя и не миніатюрную, но очень пухленькую и довольно бѣленькую ручку, Петръ Авдѣевичъ вскочилъ на ноги, уронилъ картузъ, поцѣловалъ протянутую руку красавицы и, опомнившись, опрометью бросился въ первую попавшуюся ему дверь. По счастью, вела дверь эта въ канцелярію городничаго, куда немедленно явился и онъ.

— Что съ вами, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ? спросилъ городничій, осматривая съ удивленіемъ гостя своего. Мы уже вообразили себѣ, что вы занемогли, Боже упаси!

— Не то, чтобы занемогъ, отвѣчалъ съ застѣнчивостію штабсъ-ротмистръ: но находиться въ дамскомъ обществѣ въ такомъ нарядѣ, какъ мой, признаюсь, не ловко какъ-то.

— Полно-те, сударь, общество это съ сегодняшняго дня вамъ болѣе не чуждо, и кто же взыщетъ съ человѣка, который готовъ былъ жертвовать...

— Все такъ, Тихонъ Парфеньичъ, а все таки...

— И! ровно ничего, повѣрьте слову.

— Но...

— Что же но?

— Но, повторилъ штабсъ-ротмистръ, оглядываясь во всѣ стороны: вы взгляните сюда; я и не замѣтилъ сначала.

— Да, такъ вотъ что! проговорилъ городничій, взявшись за бока. Ну, это обстоятельство иное, конечно, не то, чтобы ловко при дамахъ; впрочемъ, мы дѣлу поможемъ. — Анисимъ! Анисимъ! закричалъ Тихонъ Парфенычъ, выглянувъ изъ двери: принеси-ка, братецъ, мой стеганый архалукъ.

— Какъ! архалукъ? спросилъ штабсъ-ротмистръ; для кого же это архалукъ?

— Не тревожьтесь, почтеннѣйшій! архалучекъ-то съ иголочки: жена намеднись подарила.

— Сила не въ новизнѣ, а какъ же мнѣ его надѣть? развѣ просидѣть здѣсь?

— Какъ бы не такъ!

— Такъ не уже ли я рѣшусь показаться въ немъ при дамахъ?

— А вы думали?

— Нѣтъ ужь, Тихонъ Парѳеньичъ! вы меня извините.

— И дамы извинятъ, ручаюсь, перебилъ, смѣясь, городничій.

— Ну ужь нѣтъ, Тихонъ Парѳеньичъ.

— Не нѣтъ, а да!

— Ну ужь нѣтъ!

— Посмотримъ! Дарья Васильевна, Александра Осиповна, Маланья Андреевна, пожалуйте-ка сюда на часокъ! закричалъ городничій такъ громко, что на зовъ его тотчасъ же отозвались три женскіе голоса.

— Что вы это, Тихонъ Парѳеньичъ, жалобно возопилъ штабсъ-ротмистръ, бросаясь запирать дверь: вѣдь этакъ вы меня губите совершенно, вѣдь этакъ я пропаду совершенно со стыда.!

— Дарья Васильевна, пожалуйте-ка сюда, матушка! продолжалъ кричать городничій. Вотъ въ чемъ сила, тутъ вы?

— Тутъ, тутъ! пропищали за дверью тѣ же три женскіе голоса.

— Тихонъ Парѳеньичъ! Тихонъ Парѳеньичъ! — прошепталъ еще жалостнѣе штабсъ-ротмистръ: ради самого Бога!

— Нѣтъ, сударь, ни за что! продолжалъ городничій: вы не хотите сдѣлать намъ чести откушать съ нами, потому что...

— Тихонъ Парѳеньичъ!...

— Потому что, спасая нашихъ же, разорвали себѣ платье; такъ это, сударь, не причина, потому что я предлагалъ вамъ архалукъ, и дамы вѣрно...

— Тихонъ Парѳеньичъ, согласенъ! но только...

— Я говорю, что дамы вѣрно присоединятся ко мнѣ, чтобы просить васъ.

— Надѣюсь, увѣрены; да какъ же иначе, Петръ Авдѣевичъ; всѣ мы просимъ, требуемъ, умоляемъ! раздалось за дверьми нѣсколько пискливыхъ голосовъ и такъ звонко, что штабсъ-ротмистръ пытался было отвѣчать имъ что-то, но перекричать не могъ. Когда же голоса замолкли, несчастный Петръ Авдѣевичъ вынужденъ былъ дать честное слово явиться въ гостиную въ нарядѣ Тихона Парѳеныча.

Нарядъ этотъ немедленно принесенъ былъ Анисимомъ, а состоялъ онъ изъ штуки цвѣтной термаламы, приведенной руками Дарьи Васильевны, то есть супруги городничаго, въ форму стеганаго архалука для плечъ супруга и халата для стана Петра Авдѣевича. Какъ ни жеманился, какъ ни вертѣлся бѣдный костюковскій помѣщикъ, подобно полипу впился въ него Тихонъ Парѳенычъ, и помощью мощныхъ рукъ его штабсъ-ротмистръ не вошелъ, а вдвинутъ былъ насильно въ среду многочисленнаго общества, значительно увеличившагося во время кратковременнаго отсутствія хозяина и гостя.

— Мнѣ такъ конфузно, что вы представить себѣ не можете. Я бы, то есть, предпочелъ бы въ преисподнюю, говорилъ обращаясь во всѣ стороны Петръ Авдѣевичъ, и на это, кто отвѣчалъ, что платье не дѣлаетъ человѣкомъ, кто увѣрялъ штабсъ-ротмистра, что душевныя качества составляютъ главное убранство человѣка,

остальное же вздоръ, мечта... Но эти утѣшенія могли бы принести гостю нѣкоторую отраду, будь только архалукъ Тихона Парфеньича поуже, да не заходи талія его слишкомъ низко на спинѣ. На бѣду же штабсъ-ротмистра, въ гостиной, какъ нарочно, повѣшены были зеркала одно противъ другаго, и куда бы ни направился взоръ его, всюду встрѣчалъ онъ себя въ самомъ не авантажномъ, въ самомъ забавномъ видѣ.

— И когда подумаешь, что всему причиной проклятый лацканъ! говорилъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, и приговаривалъ: вотъ такъ бы кажется!... Но спасительные для штабсъ-ротмистра три часа перевели всеобщее вниманіе съ архалука его на круглый столъ, уставленный закускою, и всѣ члены общества стали переходить отъ гостя къ кулебякѣ съ вязигою, къ поджареннымъ печенкамъ, къ сельдямъ, фаршированнымъ ситнымъ хлѣбомъ, къ копченой любской колбасѣ и къ водкамъ алаго и зеленаго цвѣта.

Многихъ изъ гостей хозяевамъ нужно было упрашивать откушать, а многихъ не мѣшало бы пріостановить. Къ числу послѣднихъ принадлежалъ Дмитрій Лукъяновичъ, въ желтыхъ ботинкахъ, который между прочимъ не переставалъ бросать на Петра Авдѣевича не совсѣмъ дружелюбные взгляды. Причина нерасположенія штатнаго смотрителя къ герою нашему объяснилась въ послѣдствіи.

— Однако четвертый часъ, господа! воскликнулъ хозяинъ и, вытащивъ изо рта завязнувшій межъ зубовъ хвостикъ селедки, онъ подвелъ блѣдную племянницу къ Петру Авдѣевичу, прося его занять съ нею почетныя мѣста за столомъ.

Снова всѣ взоры обратились на штабсъ-ротмистра

и снова смѣшался штабсъ-ротмистръ, но всѣ встали съ своихъ мѣстъ и дѣлать было нечего. Онъ взялъ дѣвушку за руку и пошелъ въ столовую.

Не стану описывать ни числа, ни качества блюдъ — скучно. Обѣдъ былъ сытенъ, вина подкрашены, прислуга нѣопрятна, Андрей Андреевичъ приторенъ, штатный смотритель веселъ, а блѣдная красавица не говорлива. Нѣсколько разъ принимался было Петръ Авдѣевичъ заговаривать съ сосѣдкою своею, но одинъ мгновенный румянецъ былъ единственнымъ отвѣтомъ на вопросы гостя.

— Что же ты, Полинька, такъ молчалива? замѣтила наконецъ тощая вдова уѣзднаго судьи: ты не краснѣй, а отвѣчай на то, что Петръ Авдѣевичъ у тебя спрашиваетъ.

— Помилуйте, Елисавета Парфеньевна! это ничего-съ. Зачѣмъ же безпокоиться Пелагеѣ Власьевнѣ; я такъ спрашивалъ, чтобы поговорить что нибудь просто, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, котораго три рюмки хереса примирили съ длинною таліею архалука.

— Какъ ничего-съ, Петръ Авдѣичъ! возразила вдова: учтивость требуетъ, чтобы дѣвица отвѣчала кавалеру: тѣмъ болѣе, что вы избавитель нашъ.

— Помилуйте-съ, Елисавета Парфеньевна!

— Какъ помилуйте-съ? я отъ сердца говорю, я чувствую что говорю, и Полинька должна чувствовать.

— Но стоитъ ли того-съ, помилуйте-съ!

— Надѣюсь, что стоитъ, Петръ Авдѣичъ.

— Право не стоитъ, Елисавета Парфеньевна.

Послѣ жаркаго подали шампанское, разлили его по бокаламъ, и городничій провозгласилъ тостъ Петра Авдѣевича, сестры своей вдовы и племянницы.

— Зачѣмъ мое, братецъ? громко замѣтила вдова: мнѣ пора умирать, а пить здоровье тѣхъ, кто помоложе. Петръ Авдѣичъ, позвольте вамъ пожелать всякаго благополучія, прибавила она, вставая.

— Ужь не одного-съ, а ежели позволите, то Пелагеи Власьевны, отвѣчалъ вставая въ свою очередь штабсъ-ротмистръ.

— А такъ, такъ, такъ! завопилъ городничій и всѣ съ шумомъ поднесли бокалы къ губамъ.

Дмитрій Лукъяновичъ замѣтилъ было, что тостъ этотъ похожъ на свадебный, за что и ущипнулъ его пребольно сидѣвшій рядомъ съ нимъ городничій... Тѣмъ и кончился обѣдъ, съ котораго, въ скоромъ времени, отуманенные гости расползлись по домамъ своимъ, предоставивъ гостиную градоначальника родственному кружку его, Петру Авдѣевичу и неотвязчивому смотрителю училища.

Промежутокъ между обѣдомъ и вечеромъ посвященъ былъ мужчинами висту съ болваномъ, а подъ вечеръ собралась городская молодежь, состоявшая изъ такъ называемыхъ приказныхъ и женскаго чиновничьяго пола. Городничій предложилъ было повторить утреннюю прогулку по ярмаркѣ, но штабсъ-ротмистръ объявилъ рѣшительно, что хотя и просидѣлъ въ домѣ его цѣлый день въ архалукѣ, но въ такомъ не благопристойномъ видѣ конечно въ народѣ не покажется и не сдѣлаетъ такого неучтивства, а ежели хотятъ, то готовъ онъ, Петръ Авдѣевичъ, повеселить всѣхъ играми и предлагаетъ себя въ коршуны.

— Ахъ, какъ это весело! закричали дочери городничаго, и въ тотъ же мигъ отодвинувъ столы и стулья, вся компанія какъ дѣвицъ, такъ и молодыхъ людей построилась въ одну линію, перепоясала другъ друга но-

совыми платками и, подпрыгивая, приготовилась ко всѣмъ возможнымъ эволюціямъ.

Защитникомъ стада избранъ былъ Дмитрій Лукъяновичъ. Смотритель растопырилъ руки, разставилъ ноги и подалъ знакъ къ началу. Противники оказались равными по силѣ; съ ожесточеніемъ нападалъ на крикливое стадо Петръ Авдѣевичъ; съ ловкостію, свойственною роли, имъ разыгрываемой, неоднократно вцѣплялся онъ то въ бѣлыя платья дѣвицъ, то въ полы чиновничьихъ сюртуковъ, но каждый разъ между имъ и бѣлымъ платьемъ появлялось влажное лице смотрителя, и коршунъ находился вынужденнымъ направлять аттаки свои въ другую сторону. Постой же, подумалъ штабсъ-ротмистръ: ужь ты у меня чубурахнешься, мокрая образина! Дѣйствительно, еще одно всеобщее движеніе — и смотритель всѣмъ тѣломъ грянулся объ полъ. Торжествующій Петръ Авдѣевичъ выхватилъ изъ разсыпавшагося стада блѣдную племянницу городничаго; всѣ расхохотались, но Дмитрій Лукъяновичъ не раздѣлялъ всеобщей радости и, поднявшись, пресерьезно подошелъ къ побѣдителю.

— Вы, государь мой...

— Что? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Вы, государь мой, повторилъ смотритель, блѣднѣя.

— Что же? продолжайте.

— Я бы сказалъ вамъ, но...

— Но форсу не хватаетъ вѣрно, прибавилъ смѣясь Петръ Авдѣевичъ и, бросивъ на противника презрительный взглядъ, онъ подошелъ къ перепуганной Пелагеѣ Власьевнѣ, которая умоляющимъ голосомъ и въ весьма трогательныхъ выраженіяхъ заклинала его не вызывать на дуэль Дмитрія Лукъяновича, возненавидѣвшаго Петра Авдѣевича по словамъ ея за то, что

Петръ Авдѣевичъ... тутъ красавица снова покраснѣла и потупила глаза.

— Какъ возненавидѣлъ, за что возненавидѣлъ? спросилъ, не понимая не доконченной рѣчи штабсъ-ротмистръ.

— Я, можетъ быть, не такъ выразилась, Петръ Авдѣевичъ, пролепетала дѣвица: а то мнѣ показалось, что они сердятся на васъ за то, что вы, Петръ Авдѣевичъ... со мною говорите.

— Такъ вотъ что! воскликнулъ штабсъ-ротмистръ, и съ этимъ восклико̀мъ онъ покатился со смѣху.

Игра въ коршуны замѣнена была шнуркомъ со вздѣтымъ на него колечкомъ. Тѣ лица, въ рукахъ которыхъ находилось колечко, обязаны были класть фантъ. Игра эта такъ понравилась всему обществу, что самъ городничій, Андрей Андреевичъ и даже частный приняли въ ней участіе. Дмитрій Лукъяновичъ, по причинѣ сильнаго ушиба, отдалился отъ всѣхъ и изъ угла сосѣдней комнаты непріязненно посматривалъ на счастливаго соперника, который не удостоивалъ его и взглядомъ.

Время летѣло какъ птица, и розыгрышъ фантовъ заключилъ удовольствія вечера. Назначеніе наказаній предоставилъ себѣ самъ хозяинъ дома, и, заключивъ фанты въ свой клеенчатый картузъ, Тихбнъ Парѳеньичъ расположился съ нимъ въ креслахъ, на самой срединѣ залы.

— Ну, смирно! сказалъ онъ повелительнымъ тономъ. Теперь прошу садиться по мѣстамъ и слушать, что я буду назначать. Первый фантъ долженъ... долженъ проплясать трепака; да только знайте, кому достанется, не оттоваривать̀ся, и въ присядку; не то, во время ужина засадимъ подъ столъ и отпустимъ голоднаго.

— Ахъ, да это ужасно! да этакъ умереть можно отъ страха! раздалось отовсюду.

— Не умретъ никто, не безпокойтесь! возразилъ городничій: а что сказано, то будетъ сдѣлано, и первый фантъ.л Онъ вытащилъ мраморнаго цвѣта замшевую перчатку.

— Петра Елисеича, Петра Елисеича! закричали прыгая дѣвицы. Петръ Елисеичъ, пожалуйте, пожалуйте!

— Какъ, братецъ, перчатка-то твоя? замѣтилъ лукаво городничій, будто удивленный нечаянностію случая. Дѣлать нечего, братецъ! И Тихонъ Парѳеньичъ бросилъ фантъ Петру Елисеевичу.

— Что же мнѣ дѣлать прикажете? спросилъ съ ужимкою послѣдній.

— Какъ, братецъ, что? не слыхалъ развѣ? пляши трепака.

— Да, помилуйте-съ, гдѣ же мнѣ! да какъ же я буду плясать? пропищалъ, ухмыляясь, Петръ Елисеевичъ.

— А ужь какъ знаешь, только пляши.

— Ей, ей, забылъ!

— Врешь, братецъ, врешь! давно ли я видѣлъ, своими глазами, чрезъ окно, какъ на имянинахъ у повѣреннаго?.. не надуешь, братъ!

— Да вѣдь то случай такой вышелъ, Тихонъ Парѳеныч, воля ваша.

— И теперь случай, да не отговаривайся; вѣдь не простимъ!

— Право не знаю, какъ же это!

— Просто, братецъ. Дениска! скрипку! готова небось? ну, кислятничать нечего! маршъ! прибавилъ городничій.

И старый Елисеичъ присѣлъ на полъ, и подъ звукъ денискиной скрипки и громкаго хохота предстоявшихъ,

проѣхалъ три раза по полу комнаты, выкидывая изъ подъ себя ноги съ неимовѣрною быстротою.

— Ай да Елисеичъ, ай да молодецъ! кричалъ городничій: что лихо, то лихо! вотъ, такъ и поддалъ бы тебѣ плеткой: словно волчекъ! И сравненіе городничаго заслужило поощреніе, выраженное всеобщимъ рукоплесканіемъ.

Отплясавъ свой фантъ, Петръ Елисеичъ, шатаясь и очень довольный собою, вышелъ изъ комнаты, а Тихонъ Парѳеньичъ провозгласилъ обязанность втораго фанта. Состояла она въ правдахъ, которыя долженъ былъ сказать каждому тотъ, чья вещь попадется на очередь.

— Двугривенный! воскликнулъ городничій, вынимая изъ кармана своего монету. Чей двугривенный?..

— Мой, Тихонъ Парѳенычъ, застѣнчиво отвѣчалъ юноша, выступая впередъ.

— Твой, братъ, Гаврюша! что же? валяй!

— Какъ же мнѣ говорить правду?

— Какъ знаешь, твое дѣло.

— Да мнѣ совѣстно-съ!

— Чего совѣстно? говорить-то правду, развѣ ужь все дурное такое?

— Да нѣтъ-съ, я не то хотѣлъ сказать, Тихонъ Парѳенычъ.

— Что же?

— Я, ей Богу, не знаю.

— Экой же, братецъ, ты какой мямля, Гаврила; ну, подойди просто къ кому нибудь, да и вавакни: вы молъ такой, а вы сякой; трудно небось?

Застѣнчивый юноша, медленно перебирая пальцами, отправился ходить около сидѣвшихъ, и остановясь противу старшей дочери городничаго, шепнулъ ей что-то въ полголоса.

— Что ты тамъ говоришь? спросилъ городничій.

— Я говорю, Тихонъ Парѳенычъ, что Катерина Тихоновна очень хороша лицемъ.

— Довольно, братецъ, Гаврила; остальные пусть сами отгадываютъ, чѣмъ бы ты ихъ подарилъ, сказалъ городничій. Возьми-ка, братъ, свой двугривенный, да садись на мѣсто; теперь очередь за третьимъ. Третьему приказалъ онъ быть зеркаломъ.

— Чудесно, чудесно! крикнуло нѣсколько женскихъ голосовъ.

— Золотая печать съ сердоликомъ! Андрей Андреичъ, твоя; милости просимъ, сказалъ городничій: садись-ка противъ меня, да слушай: что бы я ни дѣлалъ, ты дѣлай тоже.

— Постараюсь, Тихонъ Парѳенычъ, постараюсь, только ужь вы, пожалуйста, не очень, отвѣчалъ сѣдовласый старичекъ въ синемъ фракѣ.

— Небось, плясать не стану, какъ Елисеичъ! И хозяинъ, придвинувъ кресла свои къ усѣвшемуся Андрею Андреевичу, началъ строить такія гримасы, отъ которыхъ вся публика пришла просто въ восторгъ. Тихонъ Парѳенычъ вывертывалъ вѣки глазъ, вытягивалъ уши, сплющивалъ носъ, подносилъ носокъ ноги къ подбородку, и, натѣшившись до сыта, уступилъ мѣсто свое другимъ лицамъ. Другіе дѣлали тоже; дѣвицы граціозно присѣдали, кавалеры шаркали; Петръ Авдѣевичъ, взявъ палку, дѣлалъ военный артикулъ, бралъ на плечо, на караулъ, и все, къ удивленію зрителей, выдѣлывалъ за нимъ Андрей Андреевичъ. За фантомъ Андрея Андреевича послѣдовали другіе фанты, другіе фарсы и наконецъ фантъ Петра Авдѣевича. Ему приказано было выбрать изъ всѣхъ красавицъ ту, которую сердце его избрало изъ среды всѣхъ, и вести ее за столъ...

Штабсъ-ротмистръ выбралъ Пелагею Власьевну и, при оглушительномъ рукоплесканіи, повелъ ее въ столовую, гдѣ ожидали все общество жирный ужинъ и повтореніе тостовъ. За столомъ щечки Пелагеи Власьевны покрылись яркимъ румянцемъ, языкъ ея сдѣлался развязнѣе, а смотритель промолчалъ все время, отказался отъ шампанскаго и, по окончаніи стола, скрылся никѣмъ не замѣченный.

Гости разъѣхались и разошлись; сестра городничаго съ дочерью помѣстились на женской половинѣ дома Тихона Парѳеньевича, а Петра Авдѣевича не пустили въ Костюково, и самъ городничій отвелъ его въ гостиную, гдѣ, на диванѣ, уже приготовлена была мягкая постель и все необходимое для ночлега.

— Вы, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, отбросьте, пожалуйста, всякіе фасоны, сказалъ штабсъ-ротмистру городничій: и считайте отнынѣ и навѣкъ домъ мой своимъ собственнымъ, семью мою своею собственною. Что же касается до дочекъ и племянницы, прибавилъ Тихонъ Парѳеньевичъ, двусмысленно улыбаясь, такъ ужь это атанде-съ! Послѣ чего, крѣпко пожавъ руки гостя и поцѣловавъ его два раза, хозяинъ пожелалъ ему покойной ночи, наиприятнѣйшаго сна, осмотрѣлъ все ли нужное приготовлено и, убѣдясь что все, вышелъ изъ комнаты и прислалъ къ гостю Дениску.

Какъ ни былъ умственно развлеченъ Петръ Авдѣевичъ, а, оставшись съ глазу на глазъ съ Денискою, онъ вспомнилъ о Тимошкѣ и потомъ о несчастномъ сюртукѣ, единственномъ остаткѣ своего военнаго гардероба. На первый вопросъ отвѣчалъ Дениска штабсъ-ротмистру, что кучеръ его закусилъ вплотную, выпилъ за барское здоровье стаканъ другой пѣннаго и залегъ на сѣновалъ. На второй вопросъ Дениска отвѣчать не

съумѣлъ, потому что сюртукъ Петра Авдѣевича переданъ былъ самимъ Тихономъ Парѳеньевичемъ квартальному надзирателю, а для какой причины, ужь этого Дениска не вѣдалъ, и самъ штабсъ-ротмистръ догадаться не могъ. Отпустивъ Дениску съ сапогами своими, Петръ Авдѣевичъ закурилъ трубку, выпилъ стакана два воды и сталъ сначала думать, потомъ дремать, а потомъ и спать крѣпкимъ сномъ.

Не одинаковыхъ, видно, свойствъ съ Петромъ Авдѣевичемъ была Пелагея Власьевна Кочкина, и хотя она также скоро раздѣлась, какъ онъ, также поспѣшно улеглась въ постель, какъ онъ, однако не дремала и не смыкала глазъ до утренней зари.

Пелагея Власьевна провела всю жизнь свою въ городѣ, у дядюшки; протанцовала, это правда, большую часть зимъ въ домѣ дядюшкиномъ же, но, до настоящаго двадцати-трехлѣтняго возраста, еще не любила никого, и съ внутреннимъ, тревожнымъ, какъ то водится у дѣвицъ, волненіемъ не помышляла о замужествѣ. Бракъ казался ей тою прозаическою необходимостію, которой должна подчиниться большая часть дѣвицъ, которой, въ свою очередь, подчинились и мать ея, тощая Елисавета Парѳеньевна, и тетушка-городничиха. Бракъ, по понятіямъ Пелагеи Власьевны, значилъ вопервыхъ дѣвичникъ, потомъ сборъ приданаго: двѣ дюжины ткатскаго бѣлья, тафтяное одѣяло, вѣнчальное бѣлое платье, цвѣточный вѣнокъ, потомъ вѣнчальный обрядъ, обѣдъ съ шампанскимъ, танцы, а тамъ уже и мужъ, все равно какой бы ни былъ. Впрочемъ, мужъ могъ бы и не быть. Пелагея Власьевна, какъ ни была несвѣдуща о прямыхъ обязанностяхъ супруговъ, а положительно знала и слышала, что самою непріятною для женъ принадлежностію брака бываютъ мужья. Не они ли всегда за-

ставляютъ женщинъ проливать слезы, и не они ли бранятся громко, пьютъ много водки и не даютъ денегъ? Слѣдовательно, не тверди часто дочери Елисавета Парѳеньевна, что замужъ пора настала давно, что засидѣться въ дѣвкахъ стыдъ большой, что надъ старыми дѣвками смѣются, дочь и не помышляла бы о замужествѣ.

За Пелагеею Власьевною приволакивался давно уже Дмитрій Лукъяновичъ и частенько наѣзжалъ къ нимъ въ деревню. Пелагеѣ Власьевнѣ даже казалось, что Елисавета Парѳеньевна ласкаетъ его и нерѣдко заводитъ съ нимъ рѣчь о счастьи быть искренно любимымъ, о неизъяснимомъ наслажденіи для мужчины имѣть близъ себя всегда хорошенькую жену, съ томнымъ и выразительнымъ взоромъ, жаждущимъ ласки, и что блаженство имѣть отъ такой супруги малютокъ еще выше, еще благороднѣе. На это отвѣчалъ обыкновенно штатный смотритель масляными глазами, которые впрочемъ онъ направлялъ не на Елисавету Парѳеньевну, а на нее, Пелагею Власьевну. Но глаза эти, какъ ни старалась переломить себя Пелагея Власьевна, всегда наводили на нее тошноту. О малюткахъ же и о высокомъ, благородномъ блаженствѣ имѣть ихъ отъ штатнаго смотрителя, Пелагея Власьевна и подумать не могла безъ того непріятнаго чувства, отъ котораго какъ будто что нибудь налегаетъ на самое сердце и давитъ его до тѣхъ поръ, пока хоть вонъ изъ комнаты бѣги.

То ли же самое ощущала она теперь, приводя себѣ на память хотя и не совершенно чистый цвѣтомъ, а нѣсколько смугловатый образъ Петра Авдѣевича и развязную его поступь, и движеніе кистей рукъ и черные усы длины безмѣрной, но чудесной... Нѣтъ, не то, совсѣмъ не то! А какъ къ движенію тѣла и цвѣту усовъ присоединить геройскій поступокъ Петра Авдѣевича, и опас-

ность которой подвергался Петръ Авдѣевичъ для нея съ маменькою...

— Нѣтъ, шептала Пелагея Власьевна въ подушку свою: этого человѣка я должна, я обязана любить не такъ какъ кавалера, не такъ какъ знакомца, а какъ свыше ниспосланное существо, безъ котораго, въ этотъ моментъ, я была бы мертвое, оцѣпенѣвшееe тѣло, бездыханный цвѣтокъ, срѣзанный злымъ рокомъ, и брошенный на большой дорогѣ. Безъ него сердце мое перестало бы биться, а душа отлетѣла бы туда! И при этой мысли Пелагея Власьевна, не взирая на совершенную темноту ночи, поднимала взоръ къ потолку и испускала глубокій, преглубокій вздохъ. Этотъ вздохъ долеталъ до слуха, спавшей съ нею рядомъ, Екатерины Тихоновны, и Екатерина Тихоновна преравнодушно спрашивала у кузины, о чемъ она вздыхаетъ и не кусаетъ ли ее что нибудь. На это, созванная на землю Пелагея Власьевна, еще разъ вздохнувъ, отвѣчала, что ея не кусаетъ ничто; и новая тишина водворялась въ дѣвственномъ покоѣ, и новыя мечты, одна другой отраднѣе, снова бродили въ взволнованномъ воображеніи племянницы Тихона Парфеньевича.

По прошествіи часа, въ воображеніи этомъ обрисовались уже картины появственнѣе, поотчетливѣе, и Петръ Авдѣевичъ принималъ уже въ нихъ образъ довольно близкаго человѣка, то есть жениха, а тамъ и очень, очень близкаго человѣка, то есть мужа. Тогда встревоженная Пелагея Власьевна приходила въ тревожное, но пріятное состояніе. Сердце ея начинало не биться, а трепетать, за трепетаніемъ слѣдовали такія новыя ощущенія, которыхъ, конечно, не произвелъ бы въ ней во сто лѣтъ почтенный Дмитрій Лукъяновичъ. Напротивъ того, едва касалась мысль дѣвушки и не са-

мого штатнаго смотрителя, а хотя желтыхъ ботинокъ его, тотчасъ же сердце Пелагеи Власьевны переставало трепетать, а на новыя ощущенія будто наливали цѣлую кадку холодной воды: такъ непріятенъ былъ этотъ поворотъ воображенія, это грубое отступленіе мысли отъ любимаго предмета къ ненавистному; и уже не вздохъ, а стонъ выражалъ мгновенное состояніе души... На этотъ звукъ отзывалась Екатерина Тихоновна вопросомъ, не кусаетъ ли что нибудь, и хотя получала отрицательный отвѣтъ, однако отвѣтъ Пелагеи Власьевны не произносился болѣе заунывнымъ, раздирающимъ голосомъ, а рѣзкимъ, отрывистымъ.

Едва первый солнечный лучъ заглянулъ въ неплотно завѣшенныя шейными платками окна Пелагеи Власьевны, послышался отдаленный стукъ колесъ и въ то же время въ воображеніи ея промелькнула страшная, убійственная мысль.

Что, если стукъ этотъ, стукъ колесъ тѣлежки Петра Авдѣевича? очень можетъ быть. Не желая, вѣроятно, нарядиться снова въ дядюшкинъ архалукъ, гость воспользуется всеобщимъ сномъ и уѣдетъ къ себѣ. Онъ не знаетъ, что спятъ не всѣ въ домѣ! онъ не знаетъ, что есть существо, которое не смыкало глазъ до утра, мечтая о немъ! И мысленно выговоривъ послѣднюю фразу, Пелагея Власьевна поспѣшно соскочила съ кровати, подбѣжала къ окну, сорвала платокъ и, отворивъ окно, заглянула на улицу. Но, нѣтъ! слава Богу, то была не она, не тѣлега Петра Авдѣевича, а нѣсколько тѣлегъ, нагруженныхъ чѣмъ-то. Пелагея Власьевна вздохнула свободнѣе, прикрѣпила вилками платокъ къ притолкѣ, возвратилась на цыпочкахъ къ постелѣ и улеглась на ней, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Менѣе чувствительный и болѣе усталый Петръ

Авдѣевичъ проспалъ всю эту ночь богатырскимъ сномъ, и только съ первымъ ударомъ соборнаго колокола, призывавшаго къ ранней обѣднѣ, раскрылъ глаза. Въ этотъ часъ обыкновенно вставалъ штабсъ-ротмистръ находясь еще на службѣ; въ этотъ часъ отправлялся онъ бывало въ манежъ. Но манежа не стало для отставнаго эскадроннаго командира и потому замѣнилъ онъ его конюшнею, а сотню лихихъ строевыхъ коней своихъ парою лошадокъ шерсти неопредѣленной.

Петръ Авдѣевичъ протеръ себѣ глаза, надѣлъ сапоги, набилъ трубку, высѣкъ огня, закурилъ, затянулся какъ должно и, прижавъ большимъ пальцемъ приподнявшуюся табачную золу, осторожно вышелъ изъ своей опочивальни.

Въ столовой царствовалъ еще безпорядокъ, причиненный вчерашнимъ ужиномъ, а въ прихожей, на ларѣ, покоился беззаботнымъ сномъ Дениска. Изъ подъ головы Денискиной вытащилъ штабсъ-ротмистръ свою полувоенную шинель, которую, отряхнувъ съ видимымъ неудовольствіемъ, набросилъ себѣ на плеча и вышелъ молча на дворъ.

Дворъ городническаго дома былъ обширенъ и помѣстителенъ. На немъ сосредоточивались всѣ условія жизни, а именно: отдѣльная кухня, прачешная, ледникъ, курникъ, коровникъ, конюшня, два сарая, колодезь и отдѣльное деревянное зданіе, очень не высокое, довольно тѣсное, безъ оконъ, но съ двумя дверками, повѣшенными на кожаныхъ петляхъ.

Стопы свои направилъ Петръ Авдѣевичъ въ конюшню; тутъ попался ему вчерашній знакомецъ, кучеръ Елисаветы Парѳеньевны. Штабсъ-ротмистръ далъ ему препорядочный нагоняй и освѣдомился о Тимошкѣ.

— Тимоѳей, батюшка, не домогаетъ, отвѣчалъ кучеръ.

— А что у него?

— Бока нешто побаливаютъ.

— А не пьянъ? спросилъ баринъ.

— Какъ можно, батюшка, да словомъ доложить вамъ, то есть, будьте на евтотъ счетъ благонадежны.

— Отведи же ты меня къ нему; можетъ быть, кровь не мѣшало бы отворить, проговорилъ штабсъ-ротмистръ, собираясь выйти изъ конюшни. Но идти далеко было не нужно: Тимошка отыскался въ одномъ изъ пустыхъ стойловъ; прикрытое цыновкою лице Тимошки было такъ красно, а атмосфера, его окружавшая, такъ спиртуозна, что при одномъ взглядѣ на своего Тимошку, свѣдущій въ этомъ дѣлѣ Петръ Авдѣевичъ мигомъ успокоился и, обратившись къ провожавшему его кучеру въ голубомъ кафтанѣ, назвалъ его лгуномъ и мошенникомъ.

— А изъ чего ты лжешь, изъ чего? прибавилъ Петръ Авдѣевичъ, пріостановясь: вѣдь повадка у васъ, братецъ, такая; дай, говоритъ, совру.... а изъ чего? эхъ!

Тутъ штабсъ-ротмистръ завелъ рѣчь о лошадяхъ и разспрашивалъ у того же кучера, котораго бранилъ за минуту, не знаетъ ли онъ продажной тройки. На это ободренный кучеръ отвѣчалъ, понизивъ голосъ, что у городничаго не одна, а двѣ тройки; что коренникъ буланый бѣжитъ рысью, словно птица; что будь въ ней маслакъ, лучшаго коня и желать нельзя; да жаль, что городничій не продаетъ своихъ лошадей ни за какія деньги. Между тѣмъ и самъ городничій, въ халатѣ, явился въ конюшню, и поздоровавшись съ гостемъ, пригласилъ его откушать чайку.

Возвращаясь въ домъ, Петръ Авдѣевичъ замѣтилъ мимоходомъ, что на кухонномъ крыльцѣ, между стоявшими и смотрѣвшими на него дворовыми женщинами и

дѣвками, одна пресмазливенькая; а изъ окна задняго фасада городническаго дома выглядывалъ изъ за пестраго платка карій женскій глазъ. Штабсъ-ротмистръ самодовольно улыбнулся, потянулъ къ низу длинный усъ свой и, оглянувшись нѣсколько разъ вошелъ въ прихожую.

Употребивъ цѣлый часъ на уничтоженіе цѣлаго самовара горячей воды съ чаемъ, ромомъ и проч., хозяинъ съ гостемъ приступили къ туалету. Послѣднему подалъ Дениска глиняную лахань и бѣлый фаянсовый кувшинъ съ водою. Штабсъ-ротмистръ умылся, какъ слѣдуетъ, и, вытребовавъ съ хозяйской половины старую зубную щетку, вычистилъ себѣ ею зубы; Петръ Авдѣевичъ былъ чистоплотенъ и ежедневнымъ привычкамъ своимъ не измѣнялъ. Когда же, одѣвши до половины гостя, Дениска вышелъ изъ комнаты, гость впалъ въ недоумѣніе: онъ вспомнилъ о несчастномъ сюртукѣ своемъ безъ лацкана, о низкой таліи городническаго архалука. Первый надѣть ему было невозможно, второй, хотя и сдѣланъ изъ термаламы, однако широкъ черезъ чуръ: онъ находилъ на штабсъ-ротмистра еще болѣе тоски, чѣмъ первый; а какъ было дѣлу помочь? чѣмъ замѣнить его? въ чемъ показаться дамамъ? Но видно судьба, начинавшая со вчерашняго дня улыбаться Петру Авдѣевичу, не привела еще устъ своихъ въ нормальное положеніе и продолжала благопріятствовать своему избраннику. Дениска возвратился въ опочивальню Петра Авдѣевича съ сюртукомъ на правой рукѣ. Сюртукъ этотъ, помолодѣвъ годами тремя, предсталъ владѣльческимъ глазамъ съ двумя новыми лацканами, съ подкладкою, бѣлою какъ сметана; даже выпушка воротника поалѣла и самый воротникъ, дотолѣ мягкій, сталъ коломъ.

Позабывъ свои двадцать восемь лѣтъ и чинъ и зва-

ніе, Петръ Авдѣевичъ, при видѣ сюртука, предался такой радости, какой не ощущалъ давно. Онъ смѣялся, называлъ Дениску Денисочкою, городничаго почтеннымъ городничимъ, и, надѣвъ обновку свою, вертѣлся въ ней съ полчаса предъ зеркаломъ.

— Да, кто же у васъ, братъ Дениска, такой мастеръ? скажи пожалуй? спрашивалъ у слуги Петръ Авдѣевичъ.

— Жидъ, сударь!

— Ай да жидъ!

— Онъ обшиваетъ барина нашего.

— Ну, ужь баринъ, проговорилъ штабсъ-ротмистръ: подлинно сказать, что баринъ; вѣдь ты любишь барина своего, Денисъ?

— Любить-то любимъ, только иногда достается мнѣ....

— Ужь вѣрно за дѣло, Денисъ; ты малый молодой.... Но Петръ Авдѣевичъ услышалъ въ столовой женскіе голоса и притихъ.

Въ столовой находились уже Пелагея Власьевна, Екатерина Тихоновна и меньшая сестра ея Варвара Тихоновна, когда вошелъ Петръ Авдѣевичъ въ помолодѣвшемъ сюртукѣ.

Не считаю излишнимъ предварительно познакомить читателя съ двумя дочерьми городничаго, хотя впрочемъ судьбою не назначено имъ играть значительной роли какъ въ свѣтѣ, такъ и въ моемъ повѣствованіи.

Дѣвицамъ этимъ природа дала сердце теплое, станъ средній, но безъ всякой таліи, и лица, имѣвшія одно только достоинство: свидѣтельствовать предъ родителемъ въ вѣрности къ нему супруги. Наружность двухъ дочерей Тихона Парфеньевича была вѣрнымъ слѣпкомъ наружности Тихона Парфеньевича, со всѣми принадлеж-

ностями, какъ родовыми, такъ и благопріобрѣтенными. Еще Екатеринѣ Тихоновнѣ не минуло двухъ лѣтъ, какъ сходство это начало сильно тревожить родителя. «Отъ чего бы ей быть такой красной?» говаривалъ часто супругѣ своей Тихонъ Парѳеньевичъ, смотря на первую дщерь свою. «Ты бы, душенька, макала ее во что нибудь; не то останется такою на всю жизнь, а тамъ сбывай ее, какъ знаешь!»

Нѣжная родительница макала малютку въ вино, настоянное на берестѣ, смазывала деревяннымъ маслицемъ, курила ее гвоздикою и тѣми вещами, которыя находятъ весною въ вороньихъ гнѣздахъ; но ничто не помогало, и цвѣтъ тѣла дитяти продолжалъ пребывать краснымъ, губки толстѣть, а вѣки опухать и слипаться каждое утро.

Съ рожденіемъ другой дочери, послѣдовавшимъ три года спустя, родитель убѣдился, что хоть лопни, а дѣлу помочь нельзя, и, посмотрѣвъ пристально на Варвару Тихоновну, шепнулъ женѣ, поморщившись: «Баста, матушка!» и вышелъ изъ дому прогуляться.

Съ той поры и до совершеннолѣтняго возраста, провели жизнь свою Екатерина и Варвара Тихоновны въ четырехъ стѣнахъ родительскаго дома, кушая отъ пяти до шести разъ въ сутки, раскладывая гранъ-пасьянсъ; нерѣдко гадая въ карты и оставаясь большею частію при своихъ мысляхъ, переходили онѣ отъ картъ то къ бѣлевымъ, то къ шерстянымъ чулкамъ, смотря по времени года, а корсетовъ не употребляли вовсе. Туалетъ дѣвицъ ограничивался нѣсколькими ситцевыми платьями, на которыхъ иногда появлялись мысы, ежели таковые заводились въ уѣздѣ. Волосы дѣвицъ, бѣлесоватаго цвѣта, смачивались постоянно какою-то жидкостію и закалывались роговыми гребнями, тусклыми какъ студень.

Говорили дѣвицы очень мало, но улыбались по временамъ, а случалось и вздыхали, но о чемъ — неизвѣстно.

Городничій взиралъ на дочерей своихъ, какъ взираетъ купецъ на залежалый товаръ, попорченный сыростію, и не только не строилъ на счетъ ихъ никакихъ плановъ, но даже поговаривалъ о прелестяхъ отшельнической жизни, о благахъ небесныхъ и тому подобномъ. Вотъ почему и пришелся не по сердцу Тихону Парфеньевичу комплиментъ, сдѣланный Гаврюшею Екатеринѣ Тихоновнѣ при раздачѣ фантовъ, и сердце городничаго ни мало не оскорбилось, видя явное предпочтеніе, оказанное наканунѣ Петромъ Авдѣевичемъ не Екатеринѣ и Варварѣ Тихоновнамъ, а Пелагеѣ Власьевнѣ. Въ это же утро племянница была такъ авантажна, что, при сравненіи съ нею дочерей городничаго, послѣднія, казалось, пріобрѣтали еще большее сходство съ родителемъ, чѣмъ наканунѣ.

На Пелагеѣ Власьевнѣ было въ это утро флорансовое, вердепешевое платье съ экосезовымъ кушакомъ, плотно стянутымъ бронзовою пряжкою рококо. Платье это не совсѣмъ доходило до плечъ и сверхъ того сползало немножко, отчего самыя плечики и шейка полненькой Пелагеи Власьевны казались, даже сквозь кисейное канзу,» снѣжными глыбами, зарумяненными первымъ лучемъ любви.» Такъ выражался, по крайней мѣрѣ, штатный смотритель каждый разъ, когда, при важной оказіи, появлялась Пелагея Власьевна въ своемъ вердепешевомъ платьѣ.

Петръ Авдѣевичъ не обладалъ даромъ поэтическихъ сравненій, но, не менѣе того, при первомъ взглядѣ на ту часть, которую прикрывало канзу, забылъ обновленный сюртукъ и почувствовалъ усугубленіе чувствъ къ племянницѣ городничаго.

— Какъ провели вы ночь? спросила едва внятно Пелагея Власьевна у гостя, отвѣсившаго какъ ей, такъ и двумъ дочерямъ городничаго, по ловкому поклону.

— Какъ никогда-съ; словно убитый какой нибудь-съ, отвѣчалъ Петръ Авдѣевичъ.

— А я напротивъ! замѣтила еще тише и потупивъ взоръ Пелагея Власьевна.

— Это отъ чего-съ?

— Не знаю, право.

— Вѣрно испугъ вчерашній?

— О, нѣтъ! напротивъ, не испугъ, но меня мучила мысль, что я такъ мало благодарила васъ за вашу жертву.

— Какую-съ жертву?

— Вы жертвовали жизнію для спасенія нашего.

— Помилуйте, Пелагея Власьевна, и въ мысляхъ не было! Не уже ли вы думаете, что въ подобныхъ обстоятельствахъ думаешь умереть?

— Я полагаю, Петръ Авдѣевичъ.

— Ни чуть, вѣрьте.

— Слѣдовательно, замѣтила дѣвица: вы, Петръ Авдѣевичъ, для всякаго готовы были бы сдѣлать тоже?

— Безъ всякаго сомнѣнія! простодушно отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ. Ужь такая натура, и долженъ доложить вамъ откровенно, что нашъ братъ не щадитъ жизни, гдѣ надобно; для насъ все равно, кто бы ни былъ въ опасности....

— Слѣдовательно, Петръ Авдѣевичъ, будь на мѣстѣ нашемъ, то есть, маменькиномъ, поспѣшила прибавить, краснѣя, Пелагея Власьевна, кто нибудь другой, посторонній, вы вчера поступили бы также?

— Помилуйте-съ! да я не зналъ вовсе никакихъ ма-

менекъ; я даже сзади не видалъ кто тамъ сидитъ въ колясκѣ! Ну, а какъ дышло, знаете, заболталось, эге! говорю кучеру, дѣло-то плохо и — маршъ!

Красавица глубоко вздохнула, укоризненно взглянула на Петра Авдѣевича и подошла къ окну. Двѣ дочери городничаго, стоявшія до того неподвижно посреди комнаты, съ улыбками на устахъ, подошли въ свою очередь, къ Пелагеѣ Власьевнѣ, а штабсъ-ротмистръ, замѣтивъ въ дверяхъ прихожей Тихона Парфеньевича, вспомнилъ о сюртукѣ и бросился къ нему навстрѣчу.

Изъявленія благодарности со стороны Петра Авдѣевича были сильны и искренни. Тихонъ Парфеньевичъ приписалъ большую часть сдѣланнаго штабсъ-ротмистру одолженія мошеннику жиду, искуснѣйшему портному въ городѣ, которому и совѣтовалъ заказывать все партикулярное платье, съ однимъ однакоже условіемъ, чтобы Петръ Авдѣевичъ купилъ самъ матеріи и даже шелку; иначе жидъ его надуетъ. Скрѣпилъ же городничій основательность недовѣрчивости своей къ портному жиду такимъ анекдотомъ, который хотя и разсказанъ былъ городничимъ въ присутствіи племянницы и дочерей своихъ, но первая высунулась до половины изъ окна, а послѣднія закрыли лица свои платками. Когда же анекдотецъ кончился, и городничій, смѣясь, назвалъ дѣвицъ по имени, то племянница бросилась со всѣхъ ногъ изъ комнаты, а дочери, все таки не отнимая платковъ отъ лицъ своихъ, хотя и шагомъ, но, въ свою очередь, послѣдовали за племянницею.

— Дуры! замѣтилъ Тихонъ Парфеньевичъ, смотря имъ вслѣдъ и оставшись съ гостемъ вдвоемъ. Похохотавъ еще нѣсколько минутъ, они наконецъ успокоились, спросили трубки и усѣлись у растворенаго окна столовой.

До одиннадцати часовъ — часъ завтрака — Тихонъ Парѳеньевичъ съ Петромъ Авдѣевичемъ проглазѣли на соборную церковь и на площадь. Первый останавливалъ проходившихъ по улицѣ разнаго рода людей, надъ иными подшучивалъ, другихъ бранилъ довольно серьезно, третьихъ посылалъ за четвертыми и ровно никому не говорилъ *вы*. О каждомъ останавливаемомъ лицѣ разсказывалъ Тихонъ Парѳеньевичъ Петру Авдѣевичу все занимательное, и наконецъ, нечувствительно, свелъ рѣчь на свою службу, на свои годы и безпокойства.

— Нерѣдко думается мнѣ, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, говорилъ съ чувствомъ городничій: что годы мои уходятъ, жена стара, на дочекъ надежды полагать не могу, умрутъ въ дѣвкахъ; на кого же опереться будетъ въ дряхлости? кто закроетъ глаза? Съ другой стороны имѣньишко какое есть, ну кому я оставлю? Вѣдь тридцать слишкомъ лѣтъ служу отечеству и за службу мою Богъ послалъ кое какое достояніе; и этотъ домъ собственный; его перетрясъ я въ прошломъ году, не случится какого несчастья, меня переживетъ. А для кого? а кому придется передать? вотъ, сударь, какъ подумаешь, такъ и тяжко станетъ.

Перевсдя духъ, Тихонъ Парѳеньевичъ наблюдалъ за впечатлѣніями, произведенными разсказомъ его на Петра Авдѣевича; но лице Петра Авдѣевича не измѣнилось ни на волосъ, и городничій, помолчавъ, продолжалъ:

— И тяжко станетъ, такъ тяжко, что и сказать нельзя. Будь сынъ, дѣло иное; нѣтъ, сударь! судьба обидѣла дочерьми; добро бы благовидными, выдалъ бы замужъ, не посмотрѣлъ бы на состояніе, будь только честные, добрые люди: состояніе Богъ дастъ. И тутъ неудача: родились-то дочки ни то, ни сё. Вѣдь, сударь, глазъ не зама-

жешь никому. И отецъ, да вижу ясно, не красивы, куда не красивы! что и говорить! иной пожарный лицемъ-то будетъ деликатнѣе. Откуда что берется: что весна, повыступятъ прыщи, налюются, словно бусы, а тамъ какъ начнутъ, сударь, лопать, даже родительскому сердцу противно дѣлается. У Вариньки же и изъ уха течетъ; бѣда совершенная! Ужь Дарья Васильевна моя чего не дѣлала: и калиной поила, и кору приставляла къ икрамъ; нѣтъ! кора-то тянетъ себѣ, спору нѣтъ, а лице все таки мокнетъ, да мокнетъ.

— Попробовать легонькую заволочку гдѣ нибудь на мягкомъ мѣстѣ, замѣтилъ Петръ Авдѣевичъ: или употребить прижиганьице; во многихъ болѣзняхъ помогаетъ.

— Нѣтъ ужь, сударь, къ такимъ средствамъ родителямъ прибѣгать не идетъ; такъ я, впрочемъ, и рукой махнулъ, сказалъ городничій, подтвердивъ слово жестомъ: и всю надежду мою полагаю на сироту, сестрину дочь Полиньку.

— То есть Пелагею Власьевну?

— Да, племянницу, повторилъ городничій: дѣвка умная, добрая, воспитанная и не дурна лицемъ.

— Ужь это точно можно сказать — замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Не правда ли?

— Ужь точно! можно сказать, повторилъ Петръ Авдѣевичъ, потягивая усы свои книзу.

— Такъ вотъ, сударь, продолжалъ Тихонъ Парѳеньевичъ: благослови ее Богъ хорошимъ женишкомъ, сиротку не обижу и я; она же и своего имѣетъ малую толику. Покойный зять былъ работяга, жить любилъ съ разсчетцемъ, деньгами не сорилъ, а пряталъ копеечку на черный день. Отъ стариковъ-то своихъ получилъ онъ, су-

дарь, шишъ, а ужь собственнымъ умомъ добился и чинишекъ и мѣстечка тепленькаго. Выбрало его сначала дворянство депутатомъ; служба-то, знаете, болѣе почетная; однако выдержалъ таки въ ней цѣлое трехлѣтіе. Смотришь, изъ депутатовъ попалъ въ непремѣнные, и непремѣннымъ отслужилъ непорочно. Исправникъ, правда, былъ человѣкъ бойкій, во все входилъ самъ; члена у него какъ бы не было вовсе. Ну, тяжко, знаете, показалось, а выдержалъ Власъ Кузьмичъ и на этомъ мѣстѣ. Обидно было, правда, а вышло-то на повѣрку, что на третьи выборы исправника прочь, а Власъ Кузьмичъ, волей неволей, а какъ остался честнымъ въ глазахъ дворянства, такъ и махнулъ въ судьи. Вотъ те и анекдотъ! Прошелъ годъ, прошелъ другой, смотримъ: завелись и лошадки, и колясочка, и то и се. Ай да Власъ Кузьмичъ, говорю ему бывало, молодецъ! а онъ кивнетъ глазомъ, да вытащитъ бумажникъ, покажетъ пачку сѣрыхъ, да опять въ карманъ. Умная была голова, и не умри, не тѣмъ бы кончилось.

— Отчего же онъ умеръ? перебилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Отчего? повторилъ городничій: а умеръ онъ, сударь, какъ бы, то есть, вамъ сказать? онъ какъ-то странно умеръ, даже очень то есть странно. Былъ у меня наканунѣ, игралъ въ пикетъ, поужиналъ вплотную, выпилъ рюмки съ двѣ вина и пошелъ домой. А ночью-то и будитъ меня Дениска: Власъ Кузьмичъ, говоритъ, приказали долго жить! Какъ долго жить? Такъ-съ, говоритъ, долго жить. Я набросилъ шинель, да къ нему на квартиру, а тамъ уже, сударь, и катавасія. Спрашиваю: какъ, что? Скончался, говорятъ, словно кто обухомъ пришибъ.....

— Вѣрно, параличъ, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Вѣрно параличъ, повторилъ городничій очень хладнокровно.

Тѣмъ и кончился разговоръ, прерванный закускою и появленіемъ хозяйки и трехъ дѣвицъ. Въ полдень явились Андрей Андреевичъ съ Дмитріемъ Лукъяновичемъ; на обоихъ были вчерашніе костюмы. Штатный смотритель поклонился всему обществу, подошелъ къ городничему и насмѣшливо спросилъ у него, откуда добылъ онъ двухъ выдръ, замѣченныхъ штатнымъ смотрителемъ на дворѣ.

— Какихъ выдръ? спросилъ городничій.

— Выдръ, повторилъ язвительно Дмитрій Лукъяновичъ.

— Не понимаю.

— Ну, не выдръ, собственно, такъ животныхъ, которыя очень на нихъ походятъ, съ виду: и ростъ такой же и шерсть мышиная, и хвостъ метелкою, словомъ, выдры, совершенныя выдры.

— Вѣрно рѣчь идетъ о моей парѣ, замѣтилъ, смѣясь, Петръ Авдѣевичъ, которому и въ голову не пришло, что рѣчь эта клонится къ его оскорбленію. Петръ Авдѣевичъ былъ слишкомъ доволенъ судьбою своею, чтобы помнить оказанное къ нему наканунѣ нерасположеніе штатнаго смотрителя, а потому и сталъ первый смѣяться надъ бѣдными кляченками, доставшимися ему отъ родителя.—Что похожи онѣ на выдръ, такъ дѣйствительно похожи, прибавилъ онъ, смѣясь громче съ толку сбитаго Дмитрія Лукъяновича: и ѣзжу-то я на нихъ потому, что покуда нѣтъ другихъ лошадей у меня.

— Стало нужны вамъ лошади? спросилъ городничій.

— Нужны? да такъ нужны, что смерть.

— А нужны, такъ есть.

— Какъ есть?

— Такъ! есть.

— Гдѣ же это?

— У меня, на конюшнѣ, сказалъ улыбаясь городничій.

— Неужь-то буланый рысакъ?

— И за буланаго не постою.

— Что вы это, Тихонъ Парфеньичъ?

— Да ужь дѣлать, такъ дѣлать по русски, а не чакрыжничать, и вотъ вамъ рука моя, сударь, что подобной тройки, какую дамъ я вамъ, не найдете въ цѣлой губерніи, Петръ Авдѣичъ.

— Да что же вы за нее возьмете, Тихонъ Парфеньичъ? спросилъ съ внутреннимъ волненіемъ штабсъ-ротмистръ.

— Что возьму? да что дашь? можно сказать, что дашь? спросилъ городничій.

— Чортъ меня возьми, если я что нибудь понимаю, проговорилъ Петръ Авдѣевичъ, не слушая городничаго.

— Это значитъ, дорогой мой, продолжалъ торжественно Тихонъ Парфеньевичъ: что ты пришелся мнѣ старику по сердцу, а придись Тихону кто по сердцу, такъ Тихонъ отдастъ ему не только тройку лошадей, а старуху свою отдалъ бы, да никто не возьметъ, прибавилъ хозяинъ, и все общество, за исключеніемъ штатнаго смотрителя, покатилось со смѣха. Послѣ чего городничій взялъ Петра Авдѣевича за руку и повелъ въ конюшню. Андрей Андреевичъ послѣдовалъ за нимъ, а позеленѣвшій Дмитрій Лукъяновичъ почесалъ себѣ носъ, кашлянулъ нѣсколько разъ и, стараясь принять спокойное выраженіе, подошелъ къ сидѣвшей въ углу Пелагеѣ Васьевнѣ, и попросилъ, злобно улыбаясь, позволенія сѣсть возлѣ нея.

— Стулья не мои, отвѣчала, не совсѣмъ благосклонно, Пелагея Власьевна.

— Вы, кажется, не въ пріятномъ для меня расположеніи сегодня?

— Какъ всегда, я думаю.

— А я думаю иначе.

— Какъ вамъ угодно!

— Мнѣ угодно думать иначе.

— Думайте себѣ, никто не мѣшаетъ, отвѣчала Пелагея Власьевна, отворачиваясь.

Посидѣвъ съ минуту, Дмитрій Лукъяновичъ замѣтилъ ей, что она очень авантажна сегодня и особенно принарядилась.

— Для васъ, разумѣется, отвѣчала презрительно дѣвушка.

— Можетъ быть, наряжались прежде, повторилъ смотритель: а сегодня....

— Что же сегодня?

— А сегодня нарядились, да не для меня; знаемъ-съ мы-съ.

— Что вы знаете?

— Ужь знаемъ-съ.

— А знаете, такъ тѣмъ лучше для васъ.

— Да для васъ-то хорошо ли, Пелагея Власьевна? спросилъ, покачивая головою штатный смотритель.

— Это еще что такое? воскликнула съ гордостію Пелагея Власьевна.

— То, сударыня, что, будь я на вашемъ мѣстѣ, я бы просто сгорѣлъ, я бы умеръ отъ стыда, не только не поднималъ бы головы. Ну, что же я? мое сужденіе для васъ совершенный плевокъ; но весь городъ, Пелагея Власьевна, весь городъ и говоритъ и судитъ и рядитъ и...

— Городу нечего видѣть!

— Нечего видѣть? протяжно повторилъ Дмитрій Лукъяновичъ: нечего видѣть, когда вчера, при всемъ народѣ, онъ идетъ впередъ, а вы сзади. Еще пускай шелъ бы, прахъ съ нимъ; а то идетъ, съ позволенія сказать, растерзанный, словно подрался гдѣ нибудь на ярмаркѣ съ ямщиками; сюртукъ разорванъ, разорвано вездѣ; стыдно, сударыня, стыдно! И было бы съ кѣмъ идти, продолжалъ Дмитрій Лукъяновичъ: а то не вѣсть откуда взялся и кто онъ такой и что онъ? Бродяга, выгнанный вонъ изъ службы за неприличное поведеніе, за буйство какое нибудь; въ долгу какъ въ шелку, ѣздитъ на выдрахъ съ мошенникомъ, котораго я знаю давно. Да только сдѣлай меня становымъ, такъ я его, фирса этого, такъ обласкаю, что....

— Вы, вы? проговорила едва внятно отъ гнѣва Пелагея Власьевна: осмѣлитесь такъ поступить съ Петромъ Авдѣевичемъ?...

— А что же онъ такое? уже не паша ли какой?

— Вамъ быть становымъ? продолжала, усиливъ голосъ, раздраженная дѣвушка: да развѣ дядюшка съ ума сойдетъ, что дастъ вамъ это мѣсто! Да я ему скажу, какой вы человѣкъ! да это просто стыдъ и срамъ дядюшкину дому, что вы позволяете себѣ говорить «бродяга растерзанный»! да Петръ Авдѣевичъ не въ примѣръ лучше васъ! и сравненія никакого нѣтъ, и мизиньчика вы его не стоите; а взглянуть такъ куда же, просто, какъ небо отъ земли....

— Небось онъ, какъ небо? спросилъ презрительно штатный смотритель.

— Ужь не вы ли?

— И не онъ, будьте спокойны

— Ужь конечно онъ скорѣй.

— Ну ужь нѣтъ.

— Ну ужь да.

— Ну ужь нѣтъ.

— Я вамъ говорю да, да, да; а вы больше ничего, какъ....

— Кто же?

— Такъ, ничего, сказала Пелагея Власьевна, отвернувшись отъ своего собесѣдника.

— Нѣтъ-съ, этого нельзя, сударыня, начали, такъ извольте кончить!

— Не хочу кончать.

— Не хотите, такъ не прогнѣвайтесь!

— Боюсь я вашихъ угрозъ!

— Увидимъ-съ!

— И увидимъ, что не боюсь!

— Пусть только дядюшка вашъ возвратится....

— Что же вы дядюшкѣ скажете? вотъ дядюшка; ну говорите, что вы скажете, а я такъ скажу! И послѣднія слова проговорила племянница съ намѣреніемъ такъ громко, что вошедшій въ сопровожденіи штабсъ-ротмистра и Андрея Андреевича городничій прямо подошелъ къ ней и, посмотрѣвъ съ недоумѣніемъ сперва на племянницу, а потомъ на штатнаго смотрителя, спросилъ, о чемъ идетъ у нихъ рѣчь и что она скажетъ ему?

— Мы-съ, Тихонъ Парѳеньичъ, про межь собой, такъ, немножко спорили, перебилъ Дмитрій Лукъяновичъ.

— Нѣтъ, ужь конечно не немножко, дядюшка, а очень много, сказала Пелагея Власьевна, и Дмитрій Лукъяновичъ назвалъ Петра Авдѣича *фирсомъ!*

— Фирсомъ? повторили въ одинъ голосъ и городничій и Андрей Андреевичъ и Петръ Авдѣевичъ, и даже Дарья Васильевна, вязавшая преусердно сѣтку и не обращавшая, какъ и дочери ея, на разговоръ племянницы съ штатнымъ смотрителемъ никакого вниманія.

— Да что же значитъ фирсъ? спросилъ штабсъ-ротмистръ: я вѣкъ не слыхалъ!

— И я! сказалъ городничій.

— Да помилуйте-съ, да помилуйте-съ! завопилъ, заикаясь, штатный смотритель: да что же можетъ значить это слово?

— Однако ты сказалъ его; такъ сударь, хочешь не хочешь, а объяснить долженъ, воля твоя! замѣтилъ городничій.

— Вотъ, извольте видѣть, Тихонъ Парфеньичъ: Пелагея Власьевна изволили подшутить надо мною, а я надъ нею; вотъ я и скажи *фирсъ*, лгать не стану.

— Полно, такъ ли?

— Ей Богу, такъ сказалъ!

— Что-то не ясно; вѣдь не ясно, Петръ Авдѣичъ?

— Да, не ясно, Тихонъ Парфеньичъ, и чудится мнѣ, что фирсъ не то, чтобы простое слово, а чуть ли не бранное какое, сказалъ штабсъ-ротмистръ хмурясь и подходя поближе къ Дмитрію Лукъяновичу, который видимо мѣнялся въ лицѣ.

— То ли еще говорилъ Дмитрій Лукъяновичъ, прибавила внутренно торжествуя Пелагея Власьевна: онъ говорилъ, что получи онъ только мѣсто становаго, тотчасъ же приласкаетъ!...

— Кого приласкаетъ? воскликнулъ гнѣвно городничій, взявшись за бока: ужь не тебя ли, Полинька?...

— О нѣтъ, дяденька, не меня!...

— А не тебя, такъ пусть его, намъ дѣла нѣтъ.

— Какъ, дяденька, дѣла нѣтъ?...

— Не прилично и вмѣшиваться тебѣ, Поля, въ такія дрязги. Ласки въ сторону, а фирса подавай сюда, ужь я, сударь, не отстану.

— Да помилуйте, Тихонъ Парфеньичъ, проговорилъ

вставая штатный смотритель, котораго слишкомъ близкое сосѣдство Петра Авдѣевича начинало сильно безпокоить: вотъ вамъ Христосъ, что и въ помышленіи не было ничего обиднаго. Напротивъ того, слово фирсъ прекрасное слово, какъ честный человѣкъ! Да что же такое фирсъ? да называй меня, хоть въ самомъ присутствіи, кто хочетъ, этимъ словомъ, я то есть за особенное удовольствіе почту, ей Богу-съ!

— А коли такъ, перебилъ, смѣясь городничій: такъ давайте же, господа, называть его Фирсомъ Лукъянычемъ, и посмотримъ, будетъ ли имя это ему понутру.

— И.... извольте-съ, извольте-съ!

— Да нѣтъ, сударь, этого мало: и людямъ всѣмъ и частному и пожарной командѣ всей прикажу называть тебя такъ.

— Я съ пожарною командою-съ знакомства не вожу, Тихонъ Парфеньичъ, замѣтилъ обиженный смотритель.

— Да вѣдь вы же говорите, что фирсъ такъ себѣ, ничего!

— Про межь собою, конечно, ничего, въ благородномъ обществѣ — ну, а пожарная команда, вы меня извините.

— Эге, братецъ! вы мнѣ кажется сбиваться изволите?

— И мнѣ кажется, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Ни чуть-съ, ни чуть-съ, подхватилъ Дмитрій Лукъяновичъ: и ежели вы, почтеннѣйшій Тихонъ Парфеньичъ, непремѣнно этого желаете....

— И желаю, сударь, не хочу скрывать, Фирсъ Лукъянычъ.

Новый хохотъ раздался въ столовой городничаго. Хохоталъ и самъ Дмитрій Лукъяновичъ, хохотали даже дочери Тихона Парфеньевича; но смотритель смѣялся желчно, а дѣвицы, прикрывъ лица платками.

За обѣдомъ всѣ, исключая однакоже Елисаветы Парѳеньевны, которая не выходила изъ своей спальни по причинѣ зубной боли, Пелагеи Власьевны, которая лукаво и молча поглядывала на смотрителя, Дарьи Васильевны и двухъ дочерей ея, всѣ, относясь безпрерывно къ Дмитрію Лукъяновичу, честили его Фирсомъ. Даже Дениска, изъ послушанія къ барскому приказу, подражалъ господамъ; но въ этихъ случаяхъ закрывалъ онъ себѣ ротъ прегрязнымъ обшлагомъ.

Едва кончился обѣдъ, какъ штатный смотритель, проклиная внутренно и хозяина и гостей его, взялся за желтый картузъ свой и бѣжалъ, не оглядываясь изъ дому. Отойдя шаговъ двадцать, онъ остановился, оглянулся и, увидѣвъ въ окнѣ головку Пелагеи Власьевны, приподнялъ было голову, можетъ быть, съ намѣреніемъ не совершенно для нея благимъ, но въ то же время и въ томъ же окнѣ показался длинный усъ штабсъ-ротмистра. Разсмотрѣвъ этотъ усъ, голова Дмитрія Лукъяновича мигомъ отвернулась назадъ, а самъ онъ прибавилъ шагу и скоро скрылся за аптекою, стоявшею на углу переулка, ведшаго въ ровъ.

Въ тотъ же вечеръ, часу въ седьмомъ, подъ крыльцемъ городническаго дома стояла уже тѣлежка штабсъ-ротмистра, запряженная, но не парочкою знакомыхъ намъ клячь, а лихою тройкою, изъ которыхъ коренною была тотъ самый буланый рысакъ, которымъ въ это же утро такъ любовался Петръ Авдѣевичъ.

Общество городничаго, преувеличенное присутствіемъ Елисаветы Парѳеньевны (отъ чего въ комнатѣ запахло камфорою), собралось въ гостиной, и на всѣхъ лицахъ изображалось то чувство, которое не раздѣльно бываетъ съ лицами, провожающими въ путь близкаго человѣка. Вдова покойнаго Власа Кузьмича, поблагода-

ривъ въ одиннадцатый разъ штабсъ-ротмистра за спасеніе ея и дочери отъ неминуемаго увѣчья, приглашала его къ себѣ въ деревню, увѣряла, что посѣщеніе Петра Авдѣевича будетъ для нихъ истиннымъ праздникомъ, что знакомство его, начатое такимъ чудомъ, вѣрно есть предназначеніе свыше, и что Полинька согрѣшитъ предъ Богомъ, ежели на яву или во снѣ, хотя на одинъ мигъ, позабудетъ своего избавителя. На это Петръ Авдѣевичъ нагородилъ кучу всякихъ непонятныхъ вещей, наплелъ цѣлый коробъ допотопныхъ комплиментовъ и, поцѣловавъ всѣ женскія руки, принялся обнимать городничаго. Когда же штабсъ-ротмистръ сбѣжалъ съ крыльца и молодецки вскочилъ въ тѣлежку, Тихонъ Парфеньевичъ еще разъ крѣпко пожалъ ему руку и воскликнулъ съ чувствомъ: «Эхъ, братъ, Петръ Авдѣевичъ, сказалъ бы я тебѣ сокровеннѣйшую изъ моихъ мыслей, пламеннѣйшее изъ желаній, да нѣтъ, не скажу, поѣзжай съ Богомъ!» И махнувъ рукою, онъ взошелъ обратно на крыльце, а Тимошка снялъ шапку, поклонился сидѣвшимъ у оконъ господамъ, потомъ надѣлъ ее себѣ на бекрень, подобралъ вожжи и свистнулъ такъ, что даже Варварѣ Тихоновнѣ было слышно; потомъ помчалъ Петра Авдѣевича во всю конскую прыть.

— Тише, бѣшеный! крикнулъ ему вслѣдъ городничій; но голосъ его не долетѣлъ уже до Тимошки, и все затихло, какъ на площади, такъ и въ самомъ домѣ Тихона Парфеньевича.

Долго и въ грустномъ молчаніи просидѣла у окна Пелагея Власьевна, вперивъ взоръ свой по направленію заставы, въ которую давно уже выѣхалъ милый сердцу ея. Сколько думъ одна другой неопредѣленнѣе, одна другой замысловатѣе, тѣснилось въ воображеніи дѣвушки, пока Елисавета Парфеньевна не напомнила ей,

что сидѣть нечего и давно пора снять вердепешевое платье.

Вечеръ въ домѣ городничаго прошелъ безъ игръ, безъ фантовъ, безъ смѣха и радостей, и всѣ они замѣнены были разнообразными гаданіями въ карты и безконечными гранъ-пасьянсами. Въ гаданіяхъ Пелагеи Власьевны играли главную роль трефовый король и червонная дама. Если ложились они рядомъ, восторгъ дѣвушки не имѣлъ границъ; она краснѣла, цѣловала Ваниньку и мѣшала карты, когда Андрей Андреевичъ или городничій спрашивали о причинѣ восторга. За то, замѣшайся въ гаданіи дама трефъ или бубенъ и ляг ъ она между первыми, гадавшая сдвигала брови, ротикъ ея кривился и гнѣвно швыряла она постороннихъ дамъ подъ столъ, называя ихъ мерзкими, и прочими именами, крайне обидными для прекраснаго пола.

Жребій, казалось, былъ брошенъ, и въ сердцахъ нашихъ героевъ, съ минуты первой встрѣчи, затеплилось то чувство, которое на всѣхъ нарѣчіяхъ міра имѣетъ, по крайней мѣрѣ, сотню подраздѣленій. И какъ искусно чувство это люди умѣютъ приноровить къ обстоятельствамъ! Напримѣръ, если западетъ оно въ сердца молодыхъ людей различнаго пола, но равныхъ по состоянію и положенію въ свѣтѣ, никто не помѣшаетъ имъ увѣнчать его узами брака, и люди, во всеуслышаніе, называютъ его любовью. Если это же самое чувство мужчина будетъ питать къ дѣвушкѣ, низшей по положенію своему въ свѣтѣ, то оно называется капризомъ, къ замужней женщинѣ — преступною страстью. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ супружескія обязанности дѣлаютъ полное сознаніе невозможнымъ, супругъ или супруга облекаютъ чувства свои къ постороннимъ лицамъ невиннымъ названіемъ симпатіи, дружбы безкорыстной, душевной на-

клонности, доступной всѣмъ возрастамъ даже одинаковаго пола.

Пелагея Власьевна не трудилась надъ изысканіемъ приличнаго названія своему чувству къ Петру Авдѣевичу, а гадала просто: выйдетъ ли она за него замужъ и скоро ли бракъ ихъ совершится, и не помѣшаетъ ли соединенію ихъ злая женщина, вдова, то есть пиковая дама, и не предстоитъ ли трефовому королю какой дороги или интересу? и получитъ ли червонная дама исполненіе своихъ желаній, и исполненіе это будетъ ли полное, или помѣшаетъ ему быть полнымъ восьмерка пикъ. Восьмерка пикъ, хотя и ложилась у ногъ червонной дамы, но раздѣляла ее отъ дамы двойка бубенъ и десятка червей, что значило большой интересъ для дамы. Въ чемъ именно состоитъ этотъ интересъ, то могла опредѣлить только супруга Петра Елисеевича, но она находилась въ отсутствіи и гостила въ имѣніи богатой графини Бѣлорѣцкой, у управляющаго, верстахъ въ тридцати отъ города.

Три раза сряду ложилась восьмерка пикъ къ ногамъ червонной дамы, и столько же разъ, то девятка бубенъ, то десятка червей мѣшала ей дѣлаться горючими слезами. Заинтересованная до крайности обстоятельствомъ этимъ, Пелагея Власьевна, которая, разумѣется, не могла же приписать его случайности, напрасно обращалась то къ Екатеринѣ, то къ Варварѣ Тихоновнамъ. Получая далеко неудовлетворительныя объясненія, она рѣшилась, наконецъ, тихонько подозвать къ себѣ Андрея Андреевича и шепотомъ спросить у него: чтобы это значило?

— Позвольте, отвѣчалъ протяжно и призадумавшись Андрей Андреевичъ: точно такъ, припоминаю; это было до Французовъ, покойница моя загадала однажды, о чемъ бишь? Да! проболѣла она тогда мѣсяцевъ съ

четырнадцать странною болѣзнію: толстѣла какъ-то и такъ толстѣла, что лекаря и теща покойница говаривали бывало каждый разъ, какъ пріѣдутъ: послать бы за бабкою, скоро должно быть.... какое же скоро, посудите сами, четырнадцать мѣсяцевъ. Впрочемъ, Пелагея Власьевна, прибавилъ, подумавъ хорошенько Андрей Андреевичъ: не могу вамъ утвердительно сказать, точно ли подъ ногами у жены моей была восьмерка пикъ; вѣдь сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! И, глубоко вздохнувъ, Андрей Андреевичъ возвратился къ своему мѣсту, а Пелагея Власьевна начала новое гаданье, кладя ребромъ попеременно то трефоваго короля, то червонную даму.

Выскакавъ вихремъ на столбовую дорогу, миновавъ мостъ и поднявшись на знакомую намъ крутую гору, Тимошка осадилъ лошадей, соскочилъ на землю и погладивъ коренную, поправилъ на ней хомутъ, подтянулъ шлеи и, налюбовавшись досыта новыми бѣгунами своими, обратился къ барину съ вопросомъ, сколько взялъ съ него за тройку городничій.

— А тебѣ на что знать? не совсѣмъ ласково отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ.

— Я такъ спросилъ.

— Твое дѣло смотрѣть за лошадьми, да не напиваться, какъ стелька, въ чужомъ домѣ.

— Выпилъ съ ушиба, бѣда не велика, проворчалъ сквозь зубы Тимошка, подкидывая подъ себя верхній армякъ свой: и теперь еще руки порядкомъ поднять не могу.

— Не разговаривать у меня, воскликнулъ полугнѣвно штабсъ-ротмистръ.

— Чего мнѣ разговаривать?

— Ну!

— Съ ушибу всякій выпьетъ.

— Пошелъ! крикнулъ Петръ Авдѣевичъ, и тройка снова помчалась по столбовой дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ вѣтвистыми березами.

Въ глазахъ Петра Авдѣевича мелькнулъ сначала первый верстовой столбъ, потомъ, немного погодя, мелькнулъ второй, за нимъ показался вдали знакомый мостикъ; смотря на него, штабсъ-ротмистръ вспомнилъ о померанцевой коляскѣ, о вчерашнемъ днѣ и кое о чемъ другомъ. Ему чуднымъ казалось странное сцѣпленіе всего, случившагося съ нимъ въ такое короткое время, и не постигалъ Петръ Авдѣевичъ, отчего ему стало какъ-то не ловко. Печали не было никакой, на небѣ тучь густыхъ не собиралось, жаръ не палилъ, не тѣснилъ груди. Напротивъ, вѣяло въ затишьи перелѣска прохладою, пахло березкою и листъ не колыхался на деревьяхъ. Все было тихо, и на каждомъ шагу, въ сосѣднихъ кустахъ, то свисталъ соловей, то кричалъ коростель, и вся природа какъ будто смѣялась.

Всего этого и не замѣтилъ штабсъ-ротмистръ, не замѣтилъ онъ и того, что пристяжныя его вытягивались и едва не касались брюхомъ земли, а коренная бѣжала рысью и не сбивалась. О чемъ же думалъ костюковскій помѣщикъ, о чемъ мечталъ отставной и безпечный дотого штабсъ-ротмистръ?

По пріѣздѣ въ Костюково, Петръ Авдѣевичъ приказалъ было позвать Прокофьича; но потомъ, раздумавъ, отмѣнилъ приказаніе и, не дождавшись ночи, раздѣлся и легъ въ постель. Въ постели, вмѣсто одной трубки, выкурилъ онъ три и заснулъ часами двумя позже обыкновеннаго. Мысли его, волнуясь, такъ перемѣшались, что если бы вдругъ кто спросилъ у него: о чемъ вы думаете въ эту минуту, Петръ Авдѣевичъ? онъ бы отвѣчалъ:

«ей Богу, и самъ не знаю. Чушь какая-то! То мнѣ чудится городничій, то Пелагея Власьевна, то фанты, то Петръ Елисеевичъ и гнилозубая вдова судьи, даже дочки городничаго; чтобы, кажется, мнѣ думать объ нихъ? нѣтъ, и тѣ лѣзутъ въ голову съ своими рожами, и голова моя болитъ. Заснулъ бы, кажется; нѣтъ, закроешь глаза, опять чушь; выпилъ бы водки, боюсь, приключится болѣзнь, горячка какая нибудь.» Вотъ что отвѣчалъ бы штабсъ-ротмистръ, пока глаза его не закрылись, чубукъ не выскользнулъ изъ рукъ и ровные вздохи не замѣнились продолжительными, равномѣрными же звуками, напоминавшими кузнечный мѣхъ, или медленные повороты немазаннаго колеса нагруженной тѣлеги.

Тутъ, освобожденное отъ городничаго, сестры и дочерей его, воображеніе штабсъ-ротмистра дѣятельно принялось за обрисовку главнаго предмета, и предметъ этотъ, въ канзу и вердепешевомъ платьѣ, ясно выступилъ впередъ со всѣми прелестями зрѣлаго возраста, со всѣми пышными формами молодости и свѣжести.

Дивная, чудная вещь — сонъ! Но зачѣмъ же человѣкъ лишенъ способности сохранить во время сна разумную волю свою? При видѣ несмѣтныхъ сокровищъ, брошенныхъ сномъ во власть бѣдняка, почему не предоставлено ему право расточить ихъ и выкупить роскошью сна свою всегдашнюю нищету? Тогда и Петръ Авдѣевичъ, пользуясь внезапнымъ появленіемъ канзу и вердепешеваго платья Пелагеи Власьевны, конечно не ограничился бы нѣмымъ созерцаніемъ ея прелестей, а подобно восьмеркѣ пикъ, бросился бы къ ногамъ ея, и отстранилъ бы всѣ препятствія, раздѣлявшія его съ нею, хотя бы препятствія эти состояли изъ девятки бубенъ и десятки червей.

Но неизмѣнны законы природы, и въ семь часовъ

слѣдующаго утра, Ульянъ приходомъ своимъ пробудилъ штабсъ-ротмистра, поднесъ ему раскуренную трубку, а на пододвинутый къ кровати стулъ поставилъ зеленоватаго стекла стаканъ съ коричневымъ чаемъ. Въ слѣдствіе той же неизмѣнности законовъ природы и штабсъ-ротмистръ протеръ глаза и, принявъ изъ рукъ Ульяна трубку, затянулся раза три и сталъ прихлебывать чай.

Три дня провелъ Петръ Авдѣевичъ довольно скучно. Онъ мало ходилъ, ѣлъ и спалъ меньше обыкновеннаго, на четвертый...

Но мы увлеклись подробностями, касающимися одного только лица разсказа нашего, въ то время какъ другое, по совѣсти, заслуживаетъ гораздо большаго участія. Новое чувство, пробужденное въ груди Пелагеи Власьевны, измѣнило не только нѣкоторыя привычки, но и все существо ея. Возвратясь изъ города обратно въ Сорочки (такъ называлось село Елисаветы Парѳеньевны), на другой день по выѣздѣ Петра Авдѣевича, Пелагея Власьевна вбѣжала въ свою комнату, бросилась на постель и зарыдала горько. Она сдѣлала бы это прежде, но мѣшали ей Екатерина и Варвара Тихоновны. Любовь къ Петру Авдѣевичу возгорѣлась въ сердцѣ двадцатитрехлѣтней и полненькой Пелагеи Власьевны точно такъ, какъ возгарается въ жаркій день соломенная, деревенская крыша. Сердечнаго пожара дѣвушки не пыталася затушить никто, а собственныхъ средствъ не доставало у Пелагеи Власьевны, вскормленной сливками въ нѣдрахъ простаго и полудикаго семейства, далеко отъ просвѣщеннаго міра, въ глуши лѣсовъ, гдѣ къ постепенному развитію женскаго сердца не прививается холодный разсчетъ, правильная оцѣнка всего на свѣтѣ и та способность управлять собою, которая называется тактомъ, или esprit de conduite. Пелагея Власьевна не знала,

что существуетъ для свѣтскихъ дѣвушекъ нѣчто выше счастливой любви, что даже замужество съ дряхлымъ старикомъ предпочитается всякому другому, если этимъ замужествомъ дѣвушка пріобрѣтетъ une position brillante. Ни о чемъ подобномъ не намекала ей никогда Елисавета Парфеньевна. Напротивъ, мать твердила дочери, что очень кобениться нечего и выбирать женіховъ не изъ кого, а за Дмитріемъ Лукъяновичемъ жить можно припѣваючи; что покуда дѣвица бѣла да румяна, надо спѣшить, а покажутся складки на вискахъ, да, упаси Господи, полѣзутъ волосы, тогда и рада бы выйдти, да никто и посмотрѣть не захочетъ.

Въ такихъ разсужденіяхъ проходили длинные вечера въ селѣ Сорочкахъ; къ нимъ и привыкла Пелагея Власьевна, а все таки за Дмитрія Лукъяновича выйдти не рѣшалась, потому что Дмитрій Лукъяновичъ былъ ей рѣшительно противенъ. Когда же останавливался въ уѣздномъ городѣ полкъ, то въ благородномъ собраніи встрѣчались Пелагеѣ Власьевнѣ офицеры. Были между ними и молодые, были хорошенькіе; даже одинъ маіоръ прогостилъ у нихъ въ деревнѣ цѣлое лѣто и дѣлалъ часто разные намеки; но, объяснившись разъ съ Елисаветою Парфеньевною, приказалъ заложить лошадей и уѣхалъ очень сердитый. Пелагея Власьевна не любила маіора, а потому и долгое пребываніе его въ деревнѣ не оставило въ ней никакого воспоминанія. Встрѣча же съ Петромъ Авдѣевичемъ была дѣло совсѣмъ другое: во первыхъ отважный поступокъ его, во вторыхъ скромность, съ которою отстранялъ онъ всякую благодарность, въ третьихъ явное вниманіе къ ней одной во время игръ, взгляды штабсъ-ротмистра и мужественный видъ его, глаза, усы, да все, да просто все!

Къ вечернему чаю явилась Пелагея Власьевна съ красными и опухшими глазами.

— Ты плакала, матушка? спросила мать: вижу, что плакала.

— Это такъ, маменька, ничего, отвѣчала Пелагея Власьевна, утираясь платкомъ.

— Такъ ничего, что и носъ распухъ; взгляни-ка въ зеркало; страшно, сударыня!

— Право, ничего, маменька.

— Ты, пожалуй, выйдешь такъ при гостяхъ, чего добраго! разодолжишь просто!

— Это пройдетъ.

— Пройдетъ, пройдетъ, а слезы-то такъ и текутъ. По какимъ причинамъ, сударыня? скажите, пожалуйста, ужь не влюбились ли?

— Ахъ, маменька! проговорила Пелагея Власьевна, напрасно стараясь удержать новый слезный потокъ, который, струясь вдоль носа, распространялся по всей нижней части лица. — Ахъ, маменька, зачѣмъ вы это говорите!

— Затѣмъ, моя милая, чтобы ты не надѣлала глупостей; а влюбилась, плакать нечего, и выдѣлывать изъ лица своего, Богъ знаетъ что, не нужно. Старайся понравиться, будь весела, любезна; во время прогулокъ не молчи, какъ давича, не отнѣкивайся, а разговаривай, шути; быть судьбѣ, и будетъ. Дѣвка ты въ порѣ, засиживаться не для чего. Захочешь — понравишься.

— Да захочетъ ли онъ, маменька?

— Несомнѣнно, милая; ты не дурна, сама знаешь, прибавила ласково Елисавета Парфеньевна. Вотъ, какъ пріѣдетъ — а вѣрно пріѣдетъ, принарядись хорошенько: вели Анюткѣ приготовить голубенькое; оно тебѣ къ лицу, да не завертывайся въ платокъ, а просто на плечи накинь

что нибудь легонькое. Теперь погода теплая, можешь пригласить гостя въ рощу, никто не мѣшаетъ: будто грибовъ ищешь, да и тарара, тарара!

— Не знаю, съумѣю ли, замѣтила, со вздохомъ, Пелагея Власьевна.

— Съумѣешь, матушка, не географія какая, ломать голову не нужно. И я была молода, да какъ затѣяла замужъ, покойникъ-то отецъ твой, не тѣмъ будь помянутъ, не чета былъ Петру Авдѣевичу, и годами не ровенъ, и складомъ такъ себѣ! а захотѣлось, говорю, понравиться—мѣсяца не прошло, сваху заслалъ къ намъ въ домъ.

— Не уже ли, маменька, и со мною тоже можетъ случиться? спросила, улыбаясь, Пелагея Власьевна.

— И такъ таки можетъ случиться, какъ нельзя лучше, отвѣчала мать. Выждемъ денька четыре: не пріѣдетъ, напишу брату, чтобы онъ къ нему съѣздилъ, да привезъ. Впрочемъ, прибавила, подумавъ, Елисавета Парфеньевна: быть не можетъ, чтобы не пріѣхалъ самъ; я звала его, и помнится, онъ сказалъ: «съ удовольствіемъ,» стало пріѣдетъ.

Послѣднія слова матери нѣсколько успокоили тревожное волненіе Пелагеи Власьевны. Она съ нѣжностію поцѣловала материнскую руку и, въ угожденіе ей, выпила, не хотя, двѣ чашки чаю и скушала половинку домашняго кренделя; потомъ прошлась по саду, сорвала нарцисъ, приколола себѣ къ лифу, сорвала другой бѣленькій цвѣтокъ, на которомъ погадала о Петрѣ Авдѣевичѣ и, поцѣловавъ цвѣтокъ, прошла въ рощу, окружавшую со всѣхъ сторонъ усадьбу вдовы покойнаго Власа Кузьмича. И вторую ночь, подобно первой, промечтала и проплакала Пелагея Власьевна, а на утро не могла от-

дѣлить отъ подушки головы своей: такъ тяжела она была и такъ страшно болѣла.

Но всѣмъ человѣческимъ страданіямъ есть предѣлъ. На четвертыя сутки, по пріѣздѣ своемъ въ Костюково, Петръ Авдѣевичъ приказалъ Ульяну уложить въ чемоданъ чистое бѣлье, головную и зубную щетки, кусокъ мыла, пару сапогъ, халатъ, полъ-фунта табаку, бритвенный приборъ, состоявшій изъ двухъ бритвъ и кисточки, и приказалъ Тимошкѣ запрягать лошадей.

Пообѣдавъ наскоро, штабсъ-ротмистръ закурилъ свою коротенькую трубочку, подвязалъ алый сафьянный кисетъ къ верхней пуговицѣ сюртука и, вскочивъ въ тѣлегу, велѣлъ везти себя по городской дорогѣ. Доѣхавъ до мостика, соединяющаго костюковскій проселокъ съ большою дорогою, Петръ Авдѣевичъ спросилъ у Тимошки: куда ведетъ противоположная дорожка, съ которой, ежели помнитъ читатель, выѣхала въ одно время съ штабсъ-ротмистромъ померанцевая коляска.

— Да мало ли куда она ведетъ, грубо отвѣчалъ Тимошка.

— Однако же?

— Да какъ тутъ сказать? по ней и въ Кіевъ доѣдешь.

— Я у тебя спрашиваю не про Кіевъ, а про сосѣдей, дубина!

— Сосѣдей? мало ли сосѣдей. Тутъ вотъ, верстахъ въ двухъ, живетъ купецъ Сыромятниковъ, замѣтилъ лукавый Тимошка, который очень хорошо зналъ, о какихъ сосѣдяхъ спрашивалъ баринъ, да досадно было Тимошкѣ, что баринъ-то его что-то не ласковъ сталъ съ нимъ.

— А дальше кто живетъ?

— Дальше живетъ Чинкина, барыня, старуха съ сыномъ, что въ приказѣ секлетаремъ что ли служитъ.

*

— Не одни же они! перебилъ штабсъ-ротмистръ съ нетерпѣніемъ.

— Кто говоритъ, что одни, продолжалъ Тимошка: и за Чинкиной живетъ народъ. Вотъ, верстъ съ десять отъѣхать, будутъ Выселки.

— Чье это?

— Однодворческое, сударь; а за Выселками съ версту конецъ до Пригорецъ; съ Пригорцевъ, переѣдешь Коморѣцъ, еще верстъ съ пятокъ до Графскаго, барское село важное, можно сказать....

— А принадлежитъ оно?

— Принадлежитъ оно графинѣ Бѣлорѣцкой. Барыня-то сама не живетъ, а управляетъ приказчикъ.

— Неужь-то же до Графскаго и нѣтъ больше никакихъ усадебъ? спросилъ съ возрастающимъ нетерпѣніемъ штабсъ-ротмистръ.

— Да кого же вамъ это нужно?

— Ну, Кочкиныхъ знаешь?

— Кочкиныхъ? повторилъ Тимошка: давно бы изволили сказать, что Кочкиныхъ; Кочкины точно живутъ въ этой сторонѣ; такъ къ нимъ прикажете что ли?

— Стало ты знаешь?

— Какъ не знать! что вы баринъ, не зналъ бы я Кочкиныхъ; Кочкины, господа ближніе. Сколько разъ возилъ я туда покойника, и барышня кочкинская такая прекрасная и добрая; анамеднись изъ своихъ ручекъ изволила пожаловать мнѣ цѣлковый.

— А ты небось обрадовался, пьяница, сказалъ, смягчивъ голосъ, Петръ Авдѣевичъ.

— Вѣдь не деньги дороги, баринъ, отвѣчалъ Тимошка: а дорога нашему брату честь, вотъ что-съ!

— Пошелъ же поскорѣе!

— Поѣду, баринъ; честь-то дороже всего, продол-

жалъ кучеръ, пользуясь благопріятною перемѣною къ нему штабсъ-ротмистра: деньгу украдетъ другой, а чести, баринъ, никто не украдетъ.

— И горѣлки не купишь, не бось?

— Что горѣлка; не видали мы развѣ горѣлки! не будь она, проклятая, хмѣльна, такъ, кажется, и въ ротъ бы не взялъ.... Ну, ужь барышня хорошая кочкинская; вотъ бы вамъ, баринъ, подъѣхать къ ней....

— Что ты тамъ врешь?

— Чего врешь; я не вру, а докладываю, то есть, резонтъ. Ей Богу, Петръ Авдѣевичъ, коли барышня понравится, женитесь. У старухи бумажекъ самъ чортъ не вытащитъ, да все вамъ же достанется.

— А богата старуха?

— Что и говорить, баринъ, спросите у всего околотка, всякъ знаетъ, какъ покойникъ жилъ и много ли клалъ въ сундукъ. Да, бывало, въ городѣ справлялъ судейскую должность, на дворъ такъ и везутъ, чего не везутъ? и провьянтомъ бралъ и холстами бралъ... а куда тратилъ? никуда; померъ и осталось все у старухи.

Слушая Тимошку и сравнивая слова его съ разсказами Тихона Парѳеньевича объ уѣздномъ судьѣ, Петръ Авдѣевичъ задумался не на шутку. Ну, а какъ впрямь Пелагея Власьевна невѣста съ приданымъ? Ужь не послѣдовать ли благому совѣту Тимошки? говорилъ самъ себѣ штабсъ-ротмистръ; да не завязать ли дѣло серьезное? и откажутъ бѣда не большая, а какъ не откажутъ? Сверхъ же того Пелагея Власьевна такая пригожая, что не будь у Петра Авдѣевича казеннаго долга, да костюковскихъ недоимокъ, да наклонности жить не скряжнически, онъ и не подумалъ бы о приданомъ.

Странное, диковинное дѣло, а нельзя не убѣдиться въ той неоспоримой истинѣ, что алчность и жажда къ

пріобрѣтенію, эти два унизительныя и порочныя свойства человѣка, развиты преимущественно въ богатыхъ людяхъ, а не въ бѣдныхъ. Къ какимъ средствамъ не прибѣгаетъ большая часть первыхъ, чтобы увеличить цифру собственности, и какимъ лишеніямъ не подвергаютъ они сами себя и свои семейства? Примѣромъ можетъ служить одинъ богачъ, употреблявшій постоянно для собственнаго своего стола только то масло, которое по горечи своей оказывалось совершенно негоднымъ въ продажу....

— Однако, братъ, Тимошка, Кочкины-то видно живутъ не то, чтобы очень близко? спросилъ наконецъ у кучера штабсъ-ротмистръ, когда и домъ купца Сыромятникова и Выселки и Пригорецъ остались позади ихъ.

— Не близко, баринъ, отвѣчалъ Тимошка: верстъ съ двадцать слишкомъ считаемъ отъ Костюкова, а можетъ, и будетъ больше. Вотъ зимникомъ лощиной пойдетъ дорога, такъ верстъ пятокъ выбросимъ вонъ; лѣтомъ же болото топкое, не проберешься и верхомъ. Вотъ, батюшка, Петръ Авдѣевичъ, дождемся снѣжку, да доживемъ, Богъ дастъ, до Святокъ, на евтихъ-то мѣстахъ звѣрья бываетъ такое множество, что отбоя нѣтъ сусѣднимъ деревнямъ. Коли милости вашей да захочется поохотиться, ужь я вамъ доложу, баринъ, охота будетъ отмѣнная.

— Небось съ поросенкомъ?

— Вѣстимо съ поросенкомъ, Петръ Авдѣевичъ, а безъ поросенка какая же охота! У Матрены, скотницы, свинья поросная, какъ разъ поспѣетъ; приказать бы только парочку приберечь, да подкормить.

— А ты развѣ стрѣляешь? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Я, баринъ?

— Да.

— По волкамъ, что ли?

— Ну, да, по волкамъ, или по другому чему.

— По волкамъ какъ не стрѣлять, баринъ! онъ же, бестія, лѣзетъ на кулекъ, такъ его хоть руками бери; вѣдь близехонько. Въ запрошлую зиму мы съ кузнецомъ Ѳедоромъ поѣхали вотъ въ евто самое мѣсто, и ружьишки были у насъ, вамъ самимъ извѣстно какія! Только обогнули залѣсье и стали спускаться въ оврагъ, я и говорю ему: потисни-ка маленько поросенка-то; онъ и тись. Матушки мои! какъ посыпали, откелева что бралось и справа, и слѣва....

— Постойка, братецъ, перебилъ Петръ Авдѣевичъ: ужь не это ли усадьба Кочкиныхъ?

— Евта самая, баринъ.

— Вотъ этотъ домишка старенькій, въ березовой рощѣ?

— Самый евтотъ, отвѣчалъ Тимошка: объѣхать только вотъ тотъ конецъ, что за кустомъ, и поворотка.

— Постой же, я слѣзу, да поправлюсь, сказалъ Петръ Авдѣевичъ, и кучеръ остановилъ лошадей.

Штабсъ-ротмистръ соскочилъ съ тѣлеги, стряхнулъ съ шинели и фуражки пыль, поправилъ галстухъ, вытеръ платкомъ лице, смочилъ слюною усы свои и потянулъ ихъ внизъ; рукою почистилъ рейтузы и застегнувъ сюртукъ на двѣ нижнія пуговицы, расправилъ лацканы такъ, чтобы бѣлая подкладка была видна. Потомъ, осмотрѣвшись хорошенько, снова прыгнулъ въ тѣлегу и снова закричалъ кучеру: «Пошелъ, да подбери пристяжныхъ!»

Тройка свернула съ торной дороги на полузаросшую травою тропинку, пролегавшую между зеленыхъ полей, и быстро промчавшись мимо ветхой кузницы, березовой

рощи, гумна, амбара и какой-то клѣти, подскакала къ крылечку маленькаго домика, или, лучше сказать, нѣсколькихъ избъ, соединенныхъ въ кучку и покрытыхъ почернѣвшимъ тесомъ. Штабсъ-ротмистръ, сбросивъ шинель свою въ тѣлегѣ, ловко сошелъ наземь, перешагнулъ однимъ махомъ всѣ ступеньки крыльца и, войдя въ сѣни, сталъ осматриваться. Предъ нимъ было двое дверей; но правая показалась Петру Авдѣевичу чище лѣвой, и, принявъ ее за входъ въ чистую половину, онъ отворилъ ее и вошелъ.

Въ передней ни души. Гость положилъ кисетъ свой на ларь и продолжалъ идти далѣе. Второй покой, довольно темный, былъ въ родѣ его костюковской залы—и въ немъ ни души. Въ третьей комнатѣ, напоминавшей гостиную, на овальномъ столѣ, сдѣланномъ изъ волнистой березы, нашелъ штабсъ-ротмистръ толстый, недовязанный чулокъ и очень грязныя карты, симметрически разложенныя. Самую средину занималъ трефовый король. За столомъ, у стѣны, находился березовый диванъ, на немъ двѣ шитыя гарусомъ подушки, изъ которыхъ одна изображала пуделя, а другая Турка съ четыреугольными глазами. Турокъ скакалъ на коричневой лошади, съ бисернымъ золотымъ мундштукомъ во рту; надъ самымъ же диваномъ висѣли три портрета. Первый изображалъ, вѣроятно, покойнаго Власа Кузьмича, въ мундирѣ судьи, съ медалью на широкой лентѣ и часами въ рукахъ. Второй представлялъ супругу его, въ розовомъ платьѣ, съ таліею у самаго подбородка. Голова Елисаветы Парфеньевны была похожа на самый замысловатый куличъ. Третій—портретъ завитой дѣвочки, сидящей на подушкѣ, долженъ былъ, по всѣмъ соображеніямъ Петра Авдѣевича, принадлежать Пелагеѣ Власьевнѣ, когда еще Пелагея Власьевна была ребенкомъ.

На колѣняхъ держала она пребезобразную бѣлую собаку.

Гость не удовольствовался обзоромъ наружнаго убранства гостиной и, пользуясь продолжительнымъ одиночествомъ своимъ, выдвинулъ ящикъ овальнаго стола и заглянулъ въ него. Въ ящикѣ нашелъ онъ закраснѣвшійся отъ времени огрызокъ яблока, клубочекъ бѣли, неопредѣленнаго цвѣта восчечекъ и тщательно завернутый въ маслянистую бумажку гумозный пластырь. Рядомъ съ нимъ лежали женскія ножницы съ отломленнымъ концемъ и сахарная арфа, попорченная временемъ.

И всѣ эти вещи успѣлъ внимательно пересмотрѣть Петръ Авдѣевичъ, пока, наконецъ, въ сосѣдней комнатѣ, со стороны противоположной залѣ, послышались женскіе шаги и въ дверь вошла Елисавета Парфеньевна.

— Ахъ, батюшки мои, какъ же я виновата предъ вами, Петръ Авдѣичъ! воскликнула хозяйка: захлопоталась и не знала совсѣмъ, что пожаловалъ къ намъ такой дорогой гость; и люди скверные.... чай, никого не нашли въ передней?...

— Мы люди военные-съ, безъ церемоніи, Елисавета Парфеньевна, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, подходя къ рукѣ хозяйки. — Не извольте безпокоиться.

— Какъ же мы рады видѣть васъ, Петръ Авдѣичъ! И Полинька спрашивала все: что это, Петръ Авдѣичъ вѣрно позабылъ насъ, что не хочетъ и взглянуть. Онъ, благодѣтель нашъ, онъ....

— Вы, воля ваша, обижаете меня, Елисавета Парфеньевна!

— Какъ обижаю, чѣмъ это? упаси Господи!

— Да такъ, что обижаете, ей Богу.

— Скажите, пожалуйста, чѣмъ же это? да я умру съ горя.

— Да тѣмъ, что называете благодѣтелемъ, Елисавета Парѳеньевна, продолжалъ штабсъ-ротмистръ: вѣдь благодѣтели бываютъ обыкновенно люди старые, а я еще не старикъ.

— Такъ вотъ что, почтеннѣйшій нашъ, вотъ чѣмъ обидѣла! ну, не буду впередъ, отвѣчала Елисавета Парѳеньевна, смѣясь и усаживаясь на диванъ. — А вѣдь я перепугалась серьезно: думала себѣ, чѣмъ же это могла обидѣть человѣка, котораго полюбила какъ близкаго сердцу роднаго. Ужь что я, старуха, а то и Полинька.

— Можетъ ли быть?

— Ей, ей! а вы не вѣрите, небось?

— Клянусь честью моею, Елисавета Парѳеновна, не смѣю, то есть вѣрить!

— Полноте, полноте, Петръ Авдѣевичъ, замѣтила лукаво вдова. Это просто скромность, больше ничего, а вы очень хорошо замѣчаете. Да можетъ ли и быть иначе послѣ той услуги, которую вы намъ оказали?

— Опять-съ!...

— Ну, ну, не буду, дорогой нашъ, не буду никогда. И говоря это, Елисавета Парѳеньевна поднесла руку свою гостю, которую тотъ снова поцѣловалъ. — У насъ же такая идетъ суета, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, продолжала вдова: всѣ строенія начинаю перестроивать вновь. Посудите: каково-то мнѣ на старости заниматься всѣмъ этимъ, и женское ли это дѣло? А къ кому прибѣгнуть, кѣмъ замѣнить себя? Мужъ умеръ, сынъ мой также скончался, остались мы вдвоемъ съ Полинькою. Грѣшить не хочу: награди Богъ всякую мать такою дочерью, какъ моя; да что же толку-то въ этомъ? Не послать же мнѣ ее на мужскую работу, когда вамъ самимъ извѣстно, Петръ Авдѣичъ, каковы у насъ крестьяне-то!

Вѣдь просто необразованные, безъ всякаго обращенія. Иной, прости Господи, и не посмотритъ, что барышня тутъ. Прилично ли же?

— Подлинно, Елисавета Парѳеновна, отвѣчать за нихъ нельзя. Вотъ-съ у меня дѣло совсѣмъ другое. Живу-съ я одинъ совершенно, и не слабъ, могу сказать, а сколько разъ строго приказывалъ и грозилъ. Нѣтъ, никакимъ способомъ не устережешь. Добро бы-съ работа, ну, лѣнь крестьянину идти далеко; а то вѣдь-съ садъ и огороженъ кольями; что бы кажется повынуть-съ, и того-съ — непросвѣщеніе!

— Ахъ, не говорите, Петръ Авдѣичъ, продолжала старуха вздыхая: и мысли не приложу, къ какимъ мѣрамъ обратиться. Пуще всего дворовые; пагуба! вотъ примѣръ, такъ избалованы, такъ избалованы!... У васъ же, Петръ Авдѣичъ, я слышала, мужички въ хорошемъ положеніи?

— Какъ вамъ то есть доложить-съ? живутъ, благодаря Бога.

— И богаты?

— Богаты? нѣтъ-съ, а есть достаточные.

— А много ихъ у васъ?

— Сотни-съ полторы.

— Что же, не дурно, замѣтила вдова.

— Не дурно-съ, не дурно-съ, точно. Но земля-съ не очень, чтобы тово.....

— Какъ, не хороша развѣ?

— Не то чтобы не хороша, а запущена: мало кладутъ удобренія.

— Вотъ ужь этого допускать не должно, Петръ Авдѣичъ: это большое зло въ хозяйствѣ.

— Какъ не зло-съ?.... я самъ знаю, что зло большое, но долженъ доложить вамъ, что въ послѣднее время

батюшка вовсе не занимался хозяйствомъ и распоряжался въ имѣніи дворовый человѣкъ.

— Теперь же, по крайней мѣрѣ, почтеннѣйшій, вы сами займетесь?

— Надѣюсь, Елисавета Парѳеновна, по этому поводу-съ и оставилъ службу.

— И прекрасно!

— Всѣ усилія употребимъ, лишь бы благословилъ то есть Богъ.

— Молитесь ему почаще, Петръ Авдѣевичъ. Онъ и подругу пошлетъ вамъ добрую.

— Я не прочь.

— И хорошенькую, прибавила вдова.

— И отъ этого не прочь.

— И разумную.

— А безъ разума на что же она? помилуйте-съ.

— То-то я и говорю, что пошлетъ и разумную. Разумѣется, очень богатыхъ невѣстъ у насъ въ околоткѣ не отыщется; развѣ сосѣдка моя, прибавила съ ироническою улыбкою Елисавета Парѳеновна.

— Сосѣдка, какая сосѣдка? не слыхалъ.

— Я говорю, продолжала вдова тѣмъ же насмѣшливымъ тономъ, про графиню Наталью Александровну Бѣлорѣцкую.

— Дѣвица развѣ?

— Нѣтъ, не дѣвица, а вдова, впрочемъ не старая: лѣтъ ей двадцать четыре и красавица, говорятъ.... была выдана за стараго, знатнаго человѣка. Онъ умеръ, мѣсяца три назадъ, въ Петербургѣ, а женѣ оставилъ тысячь десять душь, да домовъ нѣсколько. Такъ вотъ, Петръ Авдѣичъ, подцѣпить бы вамъ такую невѣсту не дурно.

— Вы смѣяться изволите, Елисавета Парѳеновна?

— Почему же?

— Не нашего-съ поля ягода, не по насъ звѣрекъ, отыщутся и, кромѣ насъ, на него охотники; а ужь мы похлопочемъ около себя: вѣрнѣе будетъ-съ, Елисавета Парѳеновна. И за приданымъ большимъ не погонимся, была бы только, какъ вы изволили сказать, хорошенькая, добрая-съ, да умная; а главное притомъ — не хворая.

— Согласна, совершенно согласна съ вами, дорогой мой. Эта статья чуть ли не самая важная, перебила съ жаромъ вдова—въ хворой женѣ счастья не ищите: и сама измучится и мужа истиранитъ. А, правду надобно сказать, Петръ Авдѣичъ, много ли то у насъ, по всей губерніи, найдется здоровыхъ дѣвицъ. Съ фонаремъ поискать, не сыщешь; а всему причиною воспитаніе, присмотръ гувернантки, которой взять бы деньги, а тамъ и провались сквозь землю. Много ли-то матерей, пекущихся о дочкахъ, да такъ, чтобы дочка не легла безъ материнскаго присмотра въ постель, да не напилась въ жаръ. Много ли, спрашиваю? отъ того-то и дѣвицы у насъ—не на что взглянуть, съ лица желты, а фигура-то, Петръ Авдѣичъ, только и есть, что наватятъ всю подъ горло; а выйдетъ замужъ, глядь, ничего и нѣтъ.

— Справедливо, Елисавета Парѳеновна-съ.

— Какъ, батюшка, не справедливо; мнѣ ли не знать! вѣдь мать сама, сама вскормила дочь; слава Богу, не другимъ прочимъ чета. Нѣтъ, Петръ Авдѣичъ, въ чемъ другомъ, а въ этомъ предъ Богомъ отвѣчать не буду; пусть и люди судятъ.... до пятнадцатаго года, могу сказать, съ глазъ моихъ не спускала. Пойдутъ ли гулять бывало, воротится домой: покажи-ка ножки, говорю; «да нѣтъ, маменька;» не нѣтъ, сударыня, покажи, и, усадивши на стулъ, сама разую; мокры ножки, натру виномъ, согрѣю, да надѣну шерстяныя карпеточки, и здорове-

хонька.... Вотъ что называется ухаживать за дѣвицами, а не то, что бы мамзель какая — *парле франсе*, да *бонжуръ*, и больше ничего.

— Справедливо разсуждать изволите, Елисавета Парѳеновна, повторилъ штабсъ-ротмистръ: сущая и совершенная правда-съ. Пятнадцать лѣтъ — для дѣвицы важная вещь-съ.

— Какъ же не важная! Да еще и какая важная, Петръ Авдѣевичъ! А вотъ и Полинька! воскликнула вдова, приподнимаясь съ дивана.

Улыбаясь и краснѣя, вошла въ гостиную Пелагея Власьевна, улыбаясь и краснѣя присѣла она Петру Авдѣевичу, и жеманно подобравъ голубенькое платье свое, помѣстилась рядомъ съ матерью, на березовомъ диванѣ. Гость, не нашедши вѣроятно въ памяти своей ничего приличнаго къ привѣтствію, ограничился ловкимъ поклономъ, и, отодвинувъ кресла свои нѣсколько далѣе отъ дамъ, усѣлся на нихъ, не вымолвивъ ни одного слова.

Мать первая возобновила разговоръ. Она обратилась къ дочери.

— Видишь ли, Полинька, что Петръ Авдѣичъ не совершенно позабылъ насъ и пріѣхалъ.

Пелагея Власьевна опустила глазки и капнула въ платокъ вмѣсто отвѣта.

— Я говорила тебѣ, что пріѣдетъ.

— Да, маменька, прошептала дочь.

— Вотъ видишь: мать никогда не обманетъ. Въ другой разъ надобно вѣрить, когда мать говоритъ.

— Я давно бы за счастіе почелъ, перебилъ, вставая съ своего мѣста Петръ Авдѣевичъ: но.... полагалъ.... обезпокою....

— Вы, вы, Петръ Авдѣичъ? спросила мать.

— Право, въ этомъ только и заключалъ сомнѣніе, Елисавета Парѳеновна. Думалъ также, что удержитъ васъ Тихонъ Парѳеньевичъ, и все этакое думалъ.

— Знайте же, почтеннѣйшій сосѣдушка, что, съ сегодняшняго дня, мы безвыѣздно будемъ дома и станемъ ожидать васъ съ утра до вечера, прибавила привѣтливо улыбаясь и вставая Елисавета Парѳеньевна.—А теперь, не взыщите, Петръ Авдѣичъ: въ деревнѣ съ короткими не церемонятся, а вѣдь вы короткій знакомый нашъ, не правда ли? и потому оставляю васъ скучать съ Полинькою, а сама отправлюсь по хозяйству.... Полинька, надѣюсь, что ты, мой другъ, съумѣешь занять гостя; не то онъ, пожалуй, никогда больше не пріѣдетъ къ намъ. Выговоривъ послѣднюю фразу со всевозможными ужимками, вдова вышла вонъ, оставивъ Петра Авдѣевича и Пелагею Власьевну въ самомъ не ловкомъ положеніи. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ оба они не знали, что имъ дѣлать другъ съ другомъ и съ чего начать разговоръ, который поддерживала одна Елисавета Парѳеньевна. Штабсъ-ротмистръ, поглядывая на Пелагею Власьевну, переставлялъ ноги свои и тянулъ книзу усъ. Въ свою же очередь, Пелагея Власьевна, приподнимая глаза на Петра Авдѣевича, тотчасъ же опускала ихъ и кашляла для приличія... Но оба понимали очень хорошо, что подобное препровожденіе времени должно же было кончиться наконецъ чѣмъ нибудь, и потому въ одно и тоже время оба заговорили.

— Вы не можете.... начала было Пелагея Власьевна, но услышавъ голосъ Петра Авдѣевича, замолчала; замолчалъ и тотъ. Потомъ они взглянули другъ на друга, и уже Пелагея Власьевна рѣшилась первая сдѣлать вопросъ.

— Вы, кажется, хотѣли сказать что-то, Петръ Авдѣичъ?

— И вы тоже, Пелагея Власьевна, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ.

— О нѣтъ, я ужь не помню.

— Какая дурная память, Пелагея Власьевна.

— О нѣтъ, повторила дѣвушка, но мнѣ хотѣлось знать, что хотѣли вы сказать, Петръ Авдѣичъ.

— Я, Пелагея Власьевна?

— Вы, Петръ Авдѣичъ.

— Я хотѣлъ сказать, Пелагея Власьевна, что всѣ эти дни мнѣ очень было скучно.

— А мнѣ! проговорила, вздыхая дѣвушка.

— Какъ, и вамъ тоже?

— О да, Петръ Авдѣичъ!

— Почему? скажите, сдѣлайте одолженіе.

— Сама, право, не знаю; но очень скучно. Ужь маменька за это бранила меня.

— Маменька ваша очень добрая, кажется, Пелагея Власьевна.

— Какъ ангелъ добра.

— За что же она бранила?

— За то, что я ужасно скучала и даже плакала.

— Вотъ еще какъ, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Это глупость, я и сама знаю, Петръ Авдѣичъ. Но мнѣ такъ показалась несносна деревня послѣ города; въ городѣ было такъ весело.

— Это справедливо, что деревня скучна послѣ города.

— Не правда ли, Петръ Авдѣичъ?

— Совершенно; но плакать, кажется, я бы не сталъ.

— Вы дѣло другое, вы мужчина, вы счастливы, Петръ Авдѣичъ!

— Почему же вы это думаете?

— Потому что мужчины всѣ обыкновенно бываютъ счастливы; ихъ ничто не тревожитъ.... они не способны такъ чувствовать, какъ дѣвица.

— Вотъ ужь это несправедливо замѣчать изволите, Пелагея Власьевна: мужчины также чувствительны бываютъ.

— Не думаю, чтобы такъ....

— И сравненія нѣтъ! можно сказать больше; доказать могу.

— Я любопытна слышать.

— Да вотъ, напримѣръ, у насъ въ бригадѣ, одинъ офицеръ влюбился въ такую, что пляшетъ на канатѣ съ съ шестомъ, и, повѣрите ли, чуть не посадилъ себѣ пулю въ лобъ. Такъ вотъ какъ мужчины любятъ, Пелагея Власьевна....

— А вы, Петръ Авдѣичъ, спросила Пелагея Власьевна, бросая на штабсъ-ротмистра томный взглядъ: могли бы испытать подобное чувство, какъ товарищъ вашъ?

— Какъ? къ плясуньѣ на канатѣ?

— Не къ плясуньѣ, а все равно, къ другой?

— Не все равно, Пелагея Власьевна.

— Положимъ, если бы, напримѣръ, вамъ встрѣтилась дѣвица дворянскаго сословія. Хотя бы, напримѣръ, такая, какъ....

— Какъ кто? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Не знаю съ кѣмъ сравнить-съ, право.

— Однако же-съ?

— Право не знаю, Петръ Авдѣичъ!

— Подумайте-съ хорошенько.

— Ну, такая, какъ...

— Какъ? повторилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Какъ я.... едва внятно и краснѣя выговорила дѣвушка.

— Какъ вы, Пелагея Власьевна! да встрѣться только такая и не совсѣмъ даже схожая-съ, потому что гдѣ же-съ такая можетъ встрѣтиться, я бы, кажется, доложу вамъ, просто.... тово....

— Вы насмѣшникъ, Петръ Авдѣичъ!

— Ей Богу, говорю отъ полноты, то есть отъ сердечной, или лучше скажу, какъ солдатъ, безъ всякихъ этакихъ комплиментовъ, и гдѣ же мнѣ-съ, посудите сами, научиться всякимъ этакимъ оборотамъ, которые пріобрѣтаются собственно въ обширныхъ столицахъ?

— Мужчины такъ фальшивы бываютъ, Петръ Авдѣичъ, замѣтила Пелагея Власьевна, жеманясь.

— Мужчины, статься можетъ, но я-съ подъ присягу пойдти готовъ-съ.

— Ахъ, не клянитесь.

— Хоть сей часъ, вѣрьте, Пелагея Власьевна!

— Я вѣрю вамъ, о, я вѣрю вамъ, Петръ Авдѣичъ, и ежели бы.... но не жарко ли вамъ въ комнатахъ? Вечеръ такой прекрасный, въ рощѣ прохладно: хотите прогуляться, Петръ Авдѣичъ?

— Сдѣлайте ваше одолженіе, Пелагея Власьевна, я съ моимъ удовольствіемъ.

Штабсъ-ротмистръ бросился за своею фуражкою въ сосѣднюю комнату, а Пелагея Власьевна частенькими шагами побѣжала за шляпкою и зонтикомъ.

— Вы позволите-съ мнѣ взять трубку, Пелагея Власьевна? закричалъ ей вслѣдъ Петръ Авдѣевичъ.

— Ахъ, пожалуйста, отвѣчала изъ третьей комнаты дѣвушка, прыгая передъ зеркаломъ, и дѣлая глазами и и головою разные знаки стоявшей передъ нею пожилой дворовой дѣвкѣ, въ затрапезномъ платьѣ и съ босыми

ногами. Дѣвка отвѣчала на барышнины нѣмыя объясненія глупымъ полусмѣхомъ и, поправивъ ей нѣкоторыя части туалета, проводила барышню изъ дверей. Сама же, приставя глазъ къ замочной щелкѣ, принялась осматривать пріѣзжаго барина, о которомъ, съ самаго пріѣзда барынь изъ города, уже поговаривала сорочковская дворня какъ о барышниномъ женихѣ.

Полтора часа спустя, герои наши возвратились изъ рощи, по видимому, очень довольные собою. Пелагея Власьевна, вертя въ рукахъ своихъ незабудку, смѣялась, разговаривала и даже, отвѣчая на вопросы Петра Авдѣевича, смотрѣла прямо ему въ глаза. Петръ же Авдѣевичъ, идучи рядомъ съ Пелагеею Власьевною, пускалъ на воздухъ клубы табачнаго дыма.

Наблюдавшая за дочерью и гостемъ, Елисавета Парѳеньевна утверждалась въ той мысли, что ежели женщина захочетъ понравиться, то уже конечно понравится. Сдѣлай въ этотъ вечеръ предложеніе штабсъ-ротмистръ, на другой же день Пелагея Власьевна могла бы снова облечься въ свое вердепешевое платье и кисейное канзу; и сколько завистницъ возродила бы въ уѣздѣ вѣсть о внезапной помолвкѣ Пелагеи Власьевны!

Но штабсъ-ротмистръ думалъ иначе. Опытъ нѣкоторыхъ товарищей доказалъ ему, что хорошенькія дѣвушки очень часто нравятся молодымъ людямъ, особенно военнымъ, что дѣвушки эти, обыкновенно, бываютъ до крайности любезны, пока замужество не увѣнчаетъ этой любезности чепцомъ и титломъ жены. Тогда, все таки не рѣдко, изъ любезныхъ и хорошенькихъ дѣвушекъ дѣлаются фуріи, и этихъ фурій, бѣдные люди, превратившіеся въ супруговъ, обязаны таскать за собою всю жизнь.

Вторая причина нерѣшительности Петра Авдѣевича возникла отъ невольнаго недовѣрія къ сладкозвучнымъ

словамъ Елисаветы Парѳеньевны, такъ громко провозглашавшей нѣжность свою къ единственной дочери, отъ которой, можетъ быть, чувствительная мать желала только скорѣе отдѣлаться. И подобные примѣры видалъ въ продолженіе жизни своей штабсъ-ротмистръ.

— Ну, а какъ, отдавая дочь свою за меня, говорилъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, да наградитъ она насъ благословеніемъ, и только! Что же я буду дѣлать тогда съ Пелагеею Власьевною? Амуриться долго нельзя. На это полагаю я года четыре; что же потомъ? Опять на службу? трудненько, и товарищи обгонятъ. Жить на ста двадцати душахъ, заложенныхъ и перезаложенныхъ, еще труднѣе; понадобятся и чепцы и башмаки и платья, а я и себѣ-то партикулярнаго справить не въ силахъ. А дѣти? не говоря уже про двойни; да куда же мнѣ съ ними? Нѣтъ, дудки. Торопиться не для чего. Прежде чѣмъ Тихонъ Парѳеньевичъ не объяснится самъ, лично, или пожалуй Елисавета Парѳеньевна, то есть объяснится со мною, какъ слѣдуетъ, ѣздить буду, пожалуй, и въ рощу пойду, лясы всякія точить стану, а жениться.... шалишь — не проведутъ.

Съ такимъ-то положительнымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ сѣлъ за ужинъ, рядомъ съ Пелагеею Власьевною, Петръ Авдѣевичъ, выпилъ большую рюмку настойки на центифоліи, улегся, поужинавъ, на двѣ перины, положенныя, въ свою очередь, на березовомъ диванѣ гостиной, и пресладко и прекрѣпко проспалъ до утра. Съ той минуты, какъ разумъ шепнулъ штабсъ-ротмистру, что отъ его единственнаго слова зависитъ участь Пелагеи Власьевны и достаточно воли его, чтобы изъ Пелагеи Власьевны Кочкиной сдѣлать Пелагею Власьевну Мюнабы-Полевелову, штабсъ-ротмистръ нашъ, какъ говорится, только что не пересталъ и думать о

ней. Благодаря польскимъ мѣстечкамъ, двадцати восьмилѣтній Петръ Авдѣевичъ давнымъ давно смотрѣлъ на хорошенькихъ женщинъ какъ на существа обыкновенныя. Голубые, черные, каріе и миндальнообразные глазки находили его постоянно готовымъ принести имъ въ жертву клятвы, увѣренія, но вѣчную независимость? Нѣтъ! за нее держался штабсъ-ротмистръ обѣими руками и не промѣнялъ бы ея на глазки безъ удовлетворительнаго къ нимъ *мазу*, какъ онъ выражался самъ.

Трое сутокъ прогостилъ Петръ Авдѣевичъ въ Сорочкахъ, гулялъ съ барышнею по рощѣ, собиралъ съ нею грибы и отпускалъ всякіе обиняки. Трое сутокъ эти промчались для всѣхъ жителей Сорочкòвъ быстрѣе одного дня, а на четвертыя таже лихая тройка отвезла штабсъ-ротмистра въ Костюково Колодезь тожь, къ великому огорченію Пелагеи Власьевны.

Оставшись глазъ на глазъ съ матерью, она на вопросы послѣдней отвѣчала съ откровенностью, свойственною послушной дочери. Впрочемъ, скрывать было нечего, ибо штабсъ-ротмистръ, вѣрный своей системѣ — быть осторожнымъ и не спѣшить, не позволилъ себѣ въ обращеніи съ дѣвушкою ни малѣйшей вольности. Онъ даже цѣловалъ руку ея только въ присутствіи Елисаветы Парѳеньевны, до любви же своей касался косвенно. Изъ словъ дочери мать заключила, что хотя Петръ Авдѣевичъ и влюбленъ по уши въ Пелагею Власьевну, но врожденная застѣнчивость его, а можетъ быть и непривычка обращаться съ женщинами дѣлаютъ изъ Петра Авдѣевича любовника слишкомъ скромнаго, робкаго и нерѣшительнаго. Къ тому же излишняя поспѣшность могла быть перетолкована сосѣдями и уѣздомъ не въ пользу Полиньки, а слѣдовательно, благодаря Всевышняго, все шло къ лучшему. Стоило только поддержи-

вать пламя любви въ сердцѣ штабсъ-ротмистра, пламя это, само по себѣ, въ самомъ непродолжительномъ времени, превратитъ въ пепелъ всѣ препятствія и любовники соединятся узами вѣчными. Тогда же какое счастье для Елисаветы Парѳеньевны! Наградивъ дочь всякимъ тряпьемъ и безчисленнымъ множествомъ обѣщаній, которыя такъ не дороги, не оставалась ли она, бѣдная вдова покойнаго судьи, полною обладательницею села Сорочки, а главное тѣхъ крохъ, про которыя говорили Петру Авдѣевичу и Тихонъ Парѳеньевичъ и кучеръ Тимошка. Изъ крохъ могла Елисавета Парѳеньевна слѣпить себѣ домишко въ пять оконъ и обратить окна эти на одну изъ улицъ уѣзднаго города, по вечерамъ играть въ бостонъ съ Андреемъ Андреевичемъ, носить сатентюрковые капоты, вышитые бисеромъ ридикюли, серебряную табакерку, съ вышитымъ на ней изображеніемъ монумента Петра Великаго, и не полоскать для приличія рта своего камфарнымъ спиртомъ, когда зубы не болятъ, а просто откушивать то тминной, то инбирной, то анисовой, по собственному уже усмотрѣнію и во всѣ часы дня и даже ночи.

Въ такихъ-то сладкихъ мысляхъ пребывала Елисавета Парѳеньевна отъ перваго пріѣзда штабсъ-ротмистра въ село Сорочки вплоть до заморозковъ и даже до зимняго Николы. Не проходило недѣли, чтобы знакомая тройка Петра Авдѣевича не сворачивала съ проселка на полузаросшую тропинку, ведшую къ дому Кочкиныхъ, и полчаса спустя Елисавета Парѳеньевна не оставляла дочери своей съ Петромъ Авдѣевичемъ глазъ на глазъ. Въ праздники навѣщалъ сестру свою городничій, или сестра его, въ сопровожденіи дочери, отправлялась въ городъ, къ брату. Тогда, вмѣсто Сорочковъ, посѣщалъ штабсъ-ротмистръ уѣздный городъ, останавливался въ домѣ Тихона

Парѳеньевича, прогуливался по площади рядомъ съ Пелагеею Власьевною, и внушалъ тѣмъ такую ревность Дмитрію Лукъяновичу, что Дмитрій Лукъяновичъ снималъ бѣлый картузъ свой и клялся отомстить Петру Авдѣевичу, если только получитъ мѣсто становаго.

Случалось ли украдкой Андрею Андреевичу спрашивать у Тихона Парѳеньевича, скоро ли свадьба его племянницы, городничій отвѣчалъ: «Видишь самъ, кажись скоро. Впрочемъ, да будетъ воля Божія!» И удовлетворенный Андрей Андреевичъ разносилъ по городу достовѣрную вѣсть о скорой помолвкѣ Пелагеи Власьевны съ Петромъ Авдѣевичемъ. Пелагея же Власьевна до того привыкла къ будущему жениху своему, что, не видавъ его самое короткое время, принималась за слезы, какъ за законную собственность, и, не скрывая ихъ ни отъ кого, столь же открыто упрекала штабсъ-ротмистра въ долгой отлучкѣ, невниманіи къ ней и въ непростительной холодности. Дѣвушкѣ, предоставленной собственному произволу, казалось ни мало не предосудительнымъ обращаться съ постороннимъ ей человѣкомъ такъ же коротко, какъ съ братомъ, потому что мать только что не требовала короткости этой къ штабсъ-ротмистру, а дядя подражалъ матери. Чего же болѣе? Остается заглянуть во внутренность Петра Авдѣевича. Въ немъ жизненный процессъ шелъ наиисправнѣйшимъ образомъ. Намѣреніе не торопиться укрѣплялось съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, а счастіе полнаго обладанія Пелагеею Власьевною замѣнялось покамѣсть въ штабсъ-ротмистрѣ увѣренностію не выпускать ея впередъ изъ подъ власти своей, и вынудить, упорнымъ молчаніемъ своимъ, мать дѣвушки на выгодное для него окончательное объясненіе.

Вотъ въ какихъ отношеніяхъ засталъ двадцатигра

дусный, декабрскій морозъ всѣ дѣйствующія лица моего разсказа.

Въ одинъ изъ морозныхъ вечеровъ декабря того же года, прохаживался по залѣ костюковскаго дома своего Петръ Авдѣевичъ, не зная, за что приняться и чѣмъ разсѣять тоску, которая преслѣдовала его немилосердо каждый разъ, когда Петръ Авдѣевичъ былъ одинъ. Не привыкнувъ ни къ какимъ умственнымъ занятіямъ, отставной штабсъ-ротмистръ убивалъ дни свои охотясь за зайцами, прогуливаясь пѣшкомъ, верхомъ и въ тѣлегѣ. Не говорю о времени, которое проводилъ онъ у будущей невѣсты; но вечера въ Костюковѣ были для него истиннымъ наказаніемъ. И что дѣлать ему? Перечитывать отцевскую библіотеку, то есть: краткое изложеніе пяти частей свѣта, путепествіе капитана Кука, краткую исторію древнихъ народовъ и проч., Петръ Авдѣевичъ рѣшиться не могъ. Онъ находилъ, что учиться ему было поздно и экзаменовъ, благодаря Бога, не предстояло болѣе. Слѣдовательно книги въ сторону. Что же дѣлать? толковать съ Тимошкою? не о чемъ; съ Кондратіемъ Егоровымъ развѣ, подумалъ штабсъ-ротмистръ и свистнулъ. «Позови, братецъ, мнѣ приказчика», сказалъ Петръ Авдѣевичъ прибѣжавшему на свистъ растрепанному мальчишкѣ, въ предлинномъ казакинѣ изъ домашняго, чернаго сукна.

Мальчишка вышелъ и штабсъ-ротмистръ прошелся еще раза два по залѣ, потомъ, снявъ со свѣчи, взялъ ее и перенесъ въ гостиную, въ которой и расположился въ ожиданіи приказчика. Минутъ съ десять спустя, вошелъ и Кондратій Егоровъ, тотъ самый, съ которымъ я познакомилъ уже читателей моихъ въ началѣ разсказа.

— Ну, что скажешь, Егорычъ? спросилъ помѣщикъ,

усаживаясь съ ногами на диванъ: морозитъ порядочно и и чуть ли не будетъ къ утру метели,

— А ужь время такое, батюшка, Петръ Авдѣичъ, отвѣчалъ приказчикъ: минулъ Никола съ гвоздемъ, быть морозу.

— Дорога установилась хорошая?

— Чего желать лучше! Лучшей дороги не будетъ, Петръ Авдѣичъ.

— У мужичковъ же все исправно?

— Все исправно, благодаря Бога. Иныхъ отпустилъ, по приказанію вашему, въ извозъ, другіе на молотьбѣ; всѣхъ отпустить нельзя.

— Знаю.

— И лѣску подвезти надобно бы; на весну перебрать придется житникъ и загородку на скотномъ дворѣ....

— А вѣдь скучно, Егорычъ, въ деревнѣ-то дѣлается!

— Нашему брату скучать нѣкогда, батюшка; вашей же милости, конечно, того-съ; безъ привычки же вамъ...

— Не то, братецъ, что безъ привычки, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ: сколько разъ случалось съ эскадрономъ цѣлую зиму простаивать напролетъ въ деревняхъ, да не одному же: офицеры были; тутъ же, самъ посуди, тоска смертельная.

— Какъ не тоска, батюшка, Петръ Авдѣичъ. Да вашей милости проѣхаться бы хоть на волчковъ.

— Ѣздилъ, братецъ.

— Что же, не посчастливилось видно?

— Вздоръ выходитъ. Волки и есть, да дьяволъ ихъ знаетъ, или пора не пришла, или напугалъ ихъ кто: высунутся, бестіи, изъ опушки, да только замѣтятъ насъ,

и верть назадъ; а пробовалъ выходить изъ саней и садиться подъ кустъ; нѣтъ, каналья, нейдутъ, какъ нейдутъ.

— А вѣдь, батюшка, и впрямь, что пора-то не настала на нихъ, Петръ Авдѣичъ. Погода, самимъ вамъ извѣстно, стояла теплая, ему и горюшка мало. Пока землю не скрѣпило, кормится падалинкою; а вотъ какъ прихватитъ покрѣпче, ужь звѣрь станетъ придерживаться селеній, къ людямъ поближе; мерзлой-то земли не дойметъ.

— Когда же еще это?

— Что это, батюшка?

— Да покрѣпче прихватитъ?

— Долго ли же, Петръ Авдѣичъ? подержитъ морозъ день другой, и готово. Да сегодня, доложу вамъ, по нашему, замерзанія градусовъ будетъ около двадцати пяти; не было бы больше: противу вѣтра дышать нельзя, духъ захватываетъ, батюшка.

— Ужь не проѣхаться ли мнѣ сегодня? спросилъ, подумавъ, штабсъ-ротмистръ.

— Сегодня бы раненько, Петръ Авдѣичъ, сегодня наврядъ ли....

— Что же дѣлать?

— А что же бы такое, батюшка? погадать развѣ?

— Какъ погадать?

— Различныя есть гаданья, замѣтилъ, ухмыляясь, приказчикъ: и въ зеркало смотрятъ, ходятъ и на овинъ, и на перекрестокъ иные выходятъ.

— Разскажи, братецъ, я правда и слышалъ не разъ про гаданья, да самъ не испыталъ.

— Какъ же, батюшка, Петръ Авдѣичъ, чуть святки настанутъ, у насъ по деревнямъ обычай такой, и госпо-

да и дворовые и мужики сей часъ и за гаданье..... Покойный батюшка вашъ, дай Господи царство небесное, молодецъ былъ, всегда гадывать изволилъ.

— Что жь, выходило ему что нибудь? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Еще какъ вышло-то разъ, Петръ Авдѣичъ, таинственно отвѣчалъ приказчикъ.

— Неужь-то?

— Ей Богу-съ.

— Разскажи-же, братецъ, разскажи.

— А вотъ, извольте слушать, продолжалъ Кондратій Егоровъ, подходя поближе къ дивану.—Доложу вамъ, что въ то время покойный баринъ еще и не задумывали то есть жениться, и не видали то есть ни разу покойницы маменьки вашей. Вотъ, баринъ, покойный-то баринъ и изволитъ говорить мнѣ: Кондрашка! я то есть исправлялъ при баринѣ камардинскую должность. Баринъ-то и говоритъ мнѣ: Кондрашка, не загадать ли мнѣ, такъ, изъ проказы? Почему же, молъ, и не загадать, докладываю. Мы и вышли на околицу; ночь-то была, батюшка, свѣтлая о святкахъ, и видимъ: ѣдетъ кибитка, прямехонько на насъ. Баринъ-то покойный и толкъ меня: видишь? говоритъ; вижу, говорю; хорошо. А какъ поровнялась-то кибитка съ покойнымъ бариномъ, баринъ-то сталъ поперегъ дороги, да и говоритъ: позвольте, молъ, спросить имя и отчество? На что, молъ, тебѣ? говоритъ изъ кибитки тоненькимъ голоскомъ, знать барыня или барышня какая. Имя, молъ, хотимъ знать, отвѣчалъ баринъ. Имя? повторила барыня, имя мое Авдотья... Что же бы вы думали, батюшка, Петръ Авдѣичъ: и году не прошло какъ покойникъ женился на маменькѣ вашей, а вѣдь маменьку-то звали Авдотьей Никифоровной, какъ разъ такъ....

— Забавно, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Истину докладываю милости вашей, хоть сей часъ умереть!

— Вѣрю, вѣрю, Егорычъ, а забавно, ей ей, забавно; такъ, что хоть самому загадать.

— И загадать бы, Петръ Авдѣичъ.

— Какъ же это? выйдти прямо на околицу и больше ничего?

— И больше ничего, батюшка; одѣньтесь потеплѣе.

— Взять съ собою ружье, или другое какое оружіе, про запасъ?

— Помилуйте, на что ружье? мѣсто близкое, возразилъ приказчикъ: приказать сторожу пройтись впередъ, да досмотрѣть на счетъ звѣрья.

— Не нужно, волковъ я не боюсь, Егорычъ, не съѣдятъ, не бось. И впрямь ружья не нужно; а прикажика, братъ, Ульяшкѣ подать мнѣ валенки и тулупъ; отъ нечего дѣлать пройдусь по дорогѣ. Что, въ самомъ дѣлѣ, сидѣть тоска смертная.

— Сей часъ прикажете, батюшка?

— А который часъ?

— Часъ одиннадцатый будетъ.

— Покуда соберусь, да дойду до перекрестка, пройдетъ съ полчаса, самая пора, сказалъ штабсъ-ротмистръ, вставая. Вели-ка, братецъ, Егорычъ, поторопиться.

— Слушаю-съ, слушаю-съ, отвѣчалъ приказчикъ, и скорыми шагами вышелъ изъ гостиной, оставивъ Петра Авдѣевича въ полномъ удовольствіи отъ неожиданнаго развлеченія.

— Вотъ бы лихо было, если бы да мнѣ, какъ батюшкѣ, да назвалъ бы кто нибудь мою суженую. Я, правду сказать, и плохо вѣрю чертовщинѣ, а въ сомнѣніе при-

дешь, когда случится надъ самимъ собою подобная оказія. Ну, да прахъ возьми, все же лучше, чѣмъ оставаться въ этомъ пустырѣ.

Пройдясь еще нѣсколько разъ вдоль и поперегъ темной залы, штабсъ-ротмистръ принялся облекать себя въ валенки, принесенныя Ульяномъ, вязанную шерстяную фуфайку и ни чѣмъ не покрытый, овчинный, дубленый тулупъ. Подпоясавшись ремнемъ, Петръ Авдѣевичъ напялилъ на голову баранью шапку, на руки теплыя рукавицы, и въ такомъ нарядѣ вышелъ изъ дому, въ сопровожденіи Ульяна, которому, впрочемъ, приказалъ возвратиться.

— Ого, какъ морозъ-то пожимаетъ, проговорилъ штабсъ-ротмистръ, проходя скорыми шагами мимо надворныхъ строеній своихъ, въ окнахъ которыхъ мелькалъ еще тусклый огонекъ. Но морозъ былъ дѣйствительно такъ чувствителенъ, что, взявши себя за носъ, костюковскій помѣщикъ предался глубокому размышленію.

Прекрасна морозная, декабрская ночь! Любилъ я тебя, бывало, съ твоимъ яснымъ небомъ, съ твоими яркими звѣздами, съ твоимъ таинственнымъ безмолвіемъ. Сколько чудныхъ воспоминаній пробуждаешь ты въ памяти моей, когда на прыткихъ бѣгунахъ случается мнѣ въ глухую полночь нестись по роднымъ, давно покинутымъ полямъ, прислушиваться къ знакомому сторожевому звону родныхъ селъ, всматриваться въ чащу дремлющихъ лѣсовъ, наводившихъ на меня нѣкогда страхъ неизъяснимый! И что можетъ быть роскошнѣе тебя, декабрская ночь? Не твоею ли рукою сыплются на землю груды алмазовъ, и не ты ли, какъ нѣжная мать, румянишь красавицъ, дочерей своихъ, яркимъ пурпуромъ, завертывая ихъ въ шелковистыя волны черныхъ лисицъ и пересыпая жемчугомъ?

Петръ Авдѣевичъ, миновавъ знакомый дубъ, остановился, подумалъ и направилъ путь свой по битой дорожкѣ, ведшей къ городской дорогѣ. На полѣ стужа дѣлалась чувствительнѣе, и отъ поры до времени поднимавшаяся вьюга обсыпала его пушистымъ снѣгомъ. Тогда, пріостанавливаясь, онъ подставлялъ вѣтру свою спину, обѣими руками закрывалъ уши и, переждавъ съ минуту, продолжалъ идти далѣе. Онъ зналъ, что, въ полверстѣ отъ околицы, скрещались двѣ дороги; вѣроятность встрѣчи съ кѣмъ нибудь удвоивалась тамъ, а потому и твердо рѣшился штабсъ-ротмистръ достичь перекрестка. У опушки перелѣска дорога сдѣлалась глаже, вѣтеръ менѣе суровъ и полночный путникъ нашъ прибавилъ шагу. Вотъ знакомая ель, вотъ вправо пошла тропинка въ Архипенъково, а вотъ перекрестокъ, слава Богу! Но что же, это кажется... такъ точно! колокольчикъ; и два даже, точно два, сказалъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ, прикрывъ правое ухо свое обшлагомъ тулупа. Слухъ штабсъ-ротмистра не обманывалъ его, потому что отдаленный звонъ двухъ почтовыхъ колокольчиковъ, заглушенный на время порывомъ вѣтра, послышался снова и довольно явственно.

— Вотъ тебѣ и гаданье въ руку, подумалъ костюковскій помѣщикъ, переводя дыханіе. — Но кому бы ѣхать въ эту сторону съ двумя колокольчиками? Исправникъ? не можетъ быть; а становому двухъ много. Развѣ проѣзжій какой нибудь? Странно, чортъ возьми!

Припоминая подробности гаданья покойнаго родителя и намѣреваясь послѣдовать въ точности его примѣру, Петръ Авдѣевичъ рѣшительно сталъ посреди самой дороги и вперилъ взоръ свой въ ту сторону, откуда долетали звонки. Вдали не замедлило показаться темное пятно, довольно обширное въ объемѣ; за первымъ пока-

залось второе, нѣсколько меньшаго объема. Привычный глазъ штабсъ-ротмистра опредѣлилъ приблизительно число лошадей, впряженныхъ въ первый экипажъ. Число это ограничилъ сначала Петръ Авдѣевичъ цифрою четыре, потомъ оказалось шесть, а наконецъ и семь. Самый же экипажъ, казалось ему, похожъ болѣе на карету, чѣмъ на кибитку, и дѣйствительно то былъ четверомѣстный возокъ, навьюченный кожаными ящиками различной величины.

«Стой!» закричалъ громогласно форрейтору Петръ Авдѣевичъ, поднимая руку кверху. «Кто ѣдетъ?» Оробѣвшій форрейторъ повернулъ было лошадей своихъ съ дороги въ сторону, но осмотрѣвшись и замѣтивъ, что въ рукахъ штабсъ-ротмистра не было даже дубины, направилъ лошадей прямо на него. «Стой, говорятъ тебѣ!» повторилъ повелительно штабсъ-ротмистръ, ухватившись въ тоже время за поводья подсѣдельной.

— Вѣстимо проѣзжіе! отвѣчалъ ямщикъ.

— Баринъ или барыня?

— Ну, барыня; что тебѣ?

— А барыня, такъ погоди не много! сказалъ Петръ Авдѣевичъ, опуская поводья и подходя къ замерзшимъ дверцамъ возка. Въ это время, сидѣвшій рядомъ съ кучеромъ слуга, по видимому только что разбуженный голосомъ штабсъ-ротмистра, откинулъ мѣховой воротникъ шубы своей и принялся было разстегивать фартукъ, но Петръ Авдѣевичъ успѣлъ уже постучаться въ стекло и громко спросилъ: «Позвольте узнать имя ваше и отчество!»

На вопросъ штабсъ-ротмистра, стекло возка опустилось и раздался женскій голосокъ, но такъ не явственно, что Петръ Авдѣевичъ нашелъ нужнымъ повторить вопросъ.

— Clément, Clément! раздалось въ возкѣ: que me veut cet homme?

— Имя ваше и отчество? проговорилъ въ третій разъ штабсъ-ротмистръ, не обращая никакого вниманія на французскую, не понятную для него фразу.

— Имя мое Наталья, робко отвѣчалъ тотъ же голосъ: но зачѣмъ вамъ оно?

— Странно, думалъ Петръ Авдѣевичъ: а дѣлать нечего. Очень обязанъ, сказалъ онъ наконецъ: мнѣ только и нужно было.

— Но кто же вы?

— Я-съ? Я-съ здѣшній, живу по близости, сударыня!

— И знаете окрестности?

— Надѣюсь, что знаю, сударыня.

— Въ такомъ случаѣ, продолжала дама: скажите мнѣ, пожалуйста, далеко ли до села Графскаго!

— До села Графскаго? повторилъ штабсъ-ротмистръ.

— Да!

— До села Графскаго отсюда будетъ верстъ этакъ съ сорокъ съ небольшимъ.

— Можетъ ли быть? воскликнула дама.

— Будьте-съ увѣрены, сударыня, что не ошибаюсь. Да не было бы больше, вотъ что-съ! по той причинѣ, что село Графское за Выселками, отъ большой дороги считается верстахъ въ двадцати пяти. Потомъ, сударыня, въ село Графское нужно было вамъ повернуть съ большака влѣво, а вы повернули вправо. Видно ямщикъ-то вашъ то есть олухъ, какъ же ему-то не знать села Графскаго?

— Богъ мой! какъ досадно, сказала дама, высовывая окутанную голову свою изъ дверокъ возка. Clément, Clé-

ment, vous entendez? Nous nous sommes égarés; il y a de quoi devenir folle.... Où sont mes gens?

— Ils sont à cent pas en arrière, madame la comtesse, отвѣчалъ почтительно тотъ, котораго называла барыня Clément и который уже успѣлъ сползти съ козелъ на землю и подойти къ дверцамъ возка.

— Que faire, mon Dieu? повторилъ съ отчаяніемъ тотъ же женскій голосъ: мы никогда не доѣдемъ на этихъ несчастныхъ лошадяхъ, прибавила дама по русски.

— Куда доѣхать, сударыня! да онѣ не надышатся, замѣтилъ Петръ Авдѣевичъ, осматривая со вниманіемъ тощій почтовый семерикъ. — На этихъ клячахъ вамъ не дотащиться не только до Графскаго, объ этомъ и думать нечего, а онѣ не довезутъ и до Выселковъ; ни за что не довезутъ.

Замѣчаніе штабсъ-ротмистра привело проѣзжую даму въ совершенное отчаяніе. Она передала замѣчаніе штабсъ-ротмистра Французу, который въ ужасѣ отвѣчалъ барынѣ, что не ручается за собственную жизнь, ежели по близости не отыщется ночлега.

— Послушай, голубчикъ, сказала наконецъ дама, обращаясь къ штабсъ-ротмистру: скажи пожалуйста, нѣтъ ли по близости какой нибудь усадьбы, или даже простой, но чистой избы.

— Усадьба? Есть, сударыня! да по васъ ли будетъ? отвѣчалъ улыбаясь Петръ Авдѣевичъ, которому голосъ дамы показался очень сладкозвучнымъ.

— Ахъ, я буду всѣмъ довольна и поблагодарю тебя, мой другъ; только, сдѣлай одолженіе, разскажи ямщику, куда ѣхать.

— Не очень далеко, сударыня.

— О! тѣмъ лучше, тѣмъ лучше!

— И версты не будетъ, продолжалъ штабсъ-ротмистръ: было бы гдѣ присѣсть, я, пожалуй, проводилъ бы васъ самъ!

— Ахъ, какое счастіе! весело воскликнула проѣзжая дама. Clément! cédez votre place à ce brave homme et placez vous ailleurs.

Французъ знаками указалъ Петру Авдѣевичу козлы, а самъ побѣжалъ ко второму экипажу, огромнаго размѣра кибиткѣ, въ которой и помѣстился съ прочею, полузамерзшею прислугою.

Штабсъ-ротмистръ, внутренно посмѣиваясь надъ дамою, принимавшею его, помѣщика, за голубчика, и приготовляя ей въ умѣ своемъ сюрпризъ, подсѣлъ къ ямщику, ударилъ его дружески по плечу и, указавъ пальцемъ на бѣлѣвшееся впереди поле, приказалъ форрейтору подгонять лошадей. Возокъ двинулся скрыня, за нимъ кибитка, и неожиданные костюковскими жителями гости, со звономъ и крикомъ ямщиковъ, стали подъѣзжать къ узкимъ воротамъ, подпертымъ съ обѣихъ сторонъ высокими сугробами. Когда же передовыя лошади возка, миновавъ кухню, направились къ дому, вся дворня переполошилась и выбѣжала изъ избы. Кондратій Егоровъ принялся расталкивать сына своего, спавшаго крѣпкимъ сномъ на отцевской койкѣ. Прокофьичъ, съ просонья же, надѣвая казакинъ, попадалъ руками въ карманы вмѣсто рукавовъ, и, изъ всѣхъ служителей штабсъ-ротмистра, одинъ грязный мальчикъ, въ долгополой одеждѣ, встрѣтилъ пріѣзжихъ на крыльцѣ дома, держа въ одной рукѣ сальный огарокъ въ мѣдномъ подсвѣчникѣ, а другою рукою прикрывая огонь со стороны вѣтра.

Ловко соскочилъ съ козелъ Петръ Авдѣевичъ, отворилъ дверцу возка и подалъ руку свою барынѣ, не зная

еще, кого имѣлъ честь принимать и никакъ не догадываясь, что пріѣзжая была некто другая, какъ владѣтельница богатаго помѣстья Графскаго, графиня Наталья Александровна Бѣлорѣцкая. Войдя въ такъ называемую залу костюковскаго дома, пріѣзжая дама сдѣлала маленькую гримаску, но тотчасъ же, улыбнувшись, замѣтила, что тутъ ей будетъ очень хорошо, и все таки называя Петра Авдѣевича голубчикомъ, спросила: кому принадлежитъ домъ и кому обязана она гостепріимствомъ?

— Мнѣ-съ, отвѣчалъ смѣясь самодовольно штабсъ-ротмистръ.

— Какъ вамъ? воскликнула, не безъ удивленія, дама, осматривая съ любопытствомъ проводника своего.

— Точно такъ, что мнѣ, повторилъ Петръ Авдѣевичъ, наслаждаясь удивленіемъ прекрасной незнакомки. — Я помѣщикъ и дома этого и усадьбы, отставной штабсъ-ротмистръ Петръ Авдѣевъ Мюнабы-Пшевеловъ.

— И я могла такъ ошибиться?

— Будьте-съ, сударыня, на этотъ счетъ совершенно покойны-съ. Мы люди простые, доложу вамъ, и безъ всякой то есть церемоніи. Правду сказать, вышелъ на перекрестокъ по забавному дѣлу, но умолчу-съ и за честь почту знать, съ кѣмъ имѣю счастіе-съ....

— Я сосѣдка ваша, отвѣчала, премило улыбаясь, дама.

— Можетъ ли быть-съ?

— Имѣніе мое, продолжала дама: какъ вы сами сказали, верстахъ въ сорока отсюда.

— Какъ, воскликнулъ штабсъ-ротмистръ: вы, сударыня, графиня Наталья Александровна?

— Именно.

— Ваше сіятельство! но такой чести могъ ли же я, то есть, ожидать?

— Полноте, сосѣдъ, безъ фразъ и титловъ, пожалуйста. Мы начали знакомство наше въ вашемъ домѣ и потому остаетесь покуда у меня въ долгу; а чтобы подать вамъ примѣръ добрыхъ и короткихъ отношеній, располагаюсь у васъ какъ у себя, безъ церемоніи, и прошу чаю.

— Ваше сіятельство, какая милость!

— Петръ Авдѣичъ, я разсержусь.

— Но!

Графиня сбросила съ себя капоръ, салопъ и, дружески протянувъ руку штабсъ-ротмистру, запретила ему, разъ навсегда, употреблять въ разговорахъ съ нею «ваше сіятельство», и просила позвать кого нибудь изъ прислуги ея. Изумленный и ошеломленный Петръ Авдѣевичъ [illegible] коснулся, разумѣется, руками своими до бѣленькой ручки прелестной графини, но, поцѣловавъ ручку эту на лету, бросился вонъ изъ залы.

Менѣе чѣмъ чрезъ полчаса, домикъ костюковскій преобразовался совершенно; досчатый полъ его покрылся толстыми, персидскими коврами; окна и стѣны гостиной завѣсились шелковою, зеленою тканью. По столамъ разостлались снѣжной бѣлизны скатерти: на нихъ заблистали серебро и хрусталь. Мѣдные подсвѣчники Петра Авдѣевича замѣнились складными серебряными канделабрами, а вмѣсто сальнаго огарка, запылало въ комнатахъ множество восковыхъ свѣчь. Самая атмосфера жилища штабсъ-ротмистра мгновенно измѣнилась и незнакомый ноздрямъ его ароматъ распространился по всему дому.

По троекратному приглашенію: откушать съ графинею чаю, Петръ Авдѣевичъ, трепеща всѣмъ тѣломъ, рѣшился наконецъ облачиться въ сюртукъ свой, примочилъ волосы водою и, застегнувшись на всѣ пуговицы, явился въ гости въ собственную гостиную. Передъ графинею кипѣлъ уже самоваръ, и monsieur Clément, съ почтительною торопливостію, суетился у чайнаго прибора, ослѣпившаго роскошью своею непривычные глаза штабсъ-ротмистра. Костюковскій помѣщикъ робко поднялъ глаза сначала на приборъ, потомъ на Француза, весьма неучтиваго, потому что Французъ этотъ не отвѣчалъ на поклонъ Петра Авдѣевича, а потомъ уже на самую графиню. Графиня была учтивѣе: она привѣтствовала штабсъ-ротмистра такою улыбкою, такимъ благосклоннымъ взглядомъ, предъ которымъ всѣ прелести Пелагеи Власьевны потеряли свою цѣну. Бѣдный Петръ Авдѣевичъ не подозрѣвалъ существованія женщинъ подобныхъ Натальѣ Александровнѣ, не могъ представить себѣ, что, на одной съ нимъ планетѣ, водятся такія созданія, которыя, однимъ взглядомъ, любаго богатыря и унизятъ ниже травы и возвысятъ выше колосса родосскаго, у которыхъ и не пунцовыя щечки и не полныя ручки, а какъ взглянешь на нихъ, такъ и перевернется все около сердца. О глазахъ же графини штабсъ-ротмистръ не въ состояніи еще былъ сдѣлать никакого заключенія. Глаза эти принимали всѣ цвѣта и всѣ выраженія, а когда останавливались на немъ, тогда его собственные опускались къ землѣ.

На графинѣ была надѣта широкая, черная, бархатная мантилья, опушенная сѣренькимъ мѣхомъ, не знакомымъ штабсъ-ротмистру. Волосы ея, блестящіе и черные, спускались двумя роскошными косами по обѣимъ сторонамъ ея миніатюрнаго личика, прикрывая собою

пару бѣлыхъ какъ каррарскій мраморъ, дѣтскихъ ушей. Изъ подъ чернаго же платья выглядывала дѣтская ножка, обутая въ стеганую, атласную ботинку.

Съ робостію вступивъ въ гостиную и поклонясь Французу, котораго штабсъ-ротмистръ принялъ за родственника проѣзжей, онъ остановился у дверей, не смѣя ступить далѣе.

— Вы видите, любезный сосѣдъ, что я распорядилась въ домѣ вашемъ какъ старая знакомая и вполнѣ воспользовалась гостепріимствомъ, сказала графиня, обращаясь къ штабсъ-ротмистру. Прошу теперь васъ сѣсть возлѣ меня и пить со мною чай; я устала ужасно.

— Не угодно ли будетъ вашему сіятельству отдохнуть? спросилъ Петръ Авдѣевичъ, медленно подходя къ графинѣ.

— О нѣтъ, нѣтъ еще; но позже, гораздо позже; напротивъ, мы должны поговорить съ вами о многомъ.

— Со мною, ваше сіятельство? спросилъ удивленный штабсъ-ротмистръ.

— Съ вами, сосѣдъ.

— Что же прикажете съ, ваше сіятельство?

— Во первыхъ, сѣсть возлѣ меня, вотъ такъ. Во вторыхъ, не называть меня никогда сіятельствомъ. Въ третьихъ, пить со мною чай, потому что мы оба озябли, а въ четвертыхъ, познакомить меня покороче со всѣмъ вашимъ краемъ, и въ особенности съ тѣмъ мѣстомъ, въ которомъ я намѣрена поселиться, то есть съ моею усадьбою.

— Не уже ли, ваше сіятельство, осчастливите уѣздъ нашъ своимъ присутствіемъ?

— И надѣюсь прожить у васъ довольно долго. А курите вы, сосѣдъ? Clément, mes cigarettes!

Французъ вынулъ изъ кармана портъ-сигаръ и, по-

ложивъ его на серебряную тарелку, поднесъ было графинѣ, но она знакомъ указала на штабсъ-ротмистра и monsieur Clément обратился къ нему. Петръ Авдѣевичъ вскочилъ на ноги и принялся раскланиваться, но графиня остановила его, объяснивъ, что monsieur Clément не кто другой какъ камердинеръ покойнаго ея мужа и преданный ей слуга. Петръ Авдѣевичъ покраснѣлъ отъ излишней учтивости своей къ Французу и, взявъ одну папироску, сталъ мять ее въ рукахъ, присѣвъ на кончикъ стула. Когда же графиня начала курить, Петръ Авдѣевичъ зажегъ папироску свою пустымъ концемъ, а табачный положилъ въ ротъ. Графиня, замѣтивъ гримасы, которыя выдѣлывалъ Петръ Авдѣевичъ, сама зажгла другую папироску и предложила ее штабсъ-ротмистру.

По прошествіи часа времени, любезность и простота въ обращеніи знатной барыни успокоили совершенно внутреннее волненіе костюковскаго помѣщика и сдѣлали его разговорчивѣе. Куря папиросы и глотая чай, онъ сталъ громко смѣяться, перемѣшивать рѣчь разными шутками и называть графиню уже не «ваше сіятельство,» а Натальей Александровною и почтенной сосѣдушкою.

— Признаюсь вамъ-съ, сказалъ онъ наконецъ: сначала мнѣ такъ страшно было-съ показаться предъ вами; я даже, долженъ доложить вамъ, просто трясся всѣмъ тѣломъ. Думаю себѣ-съ: ну, какъ мнѣ предстать предъ лицемъ такой высокой особы? А теперь, вѣрите ли, Наталья Александровна, точно-съ будто видѣлъ васъ всякій день, точно-съ вы давнишняя знакомая; просто, чувствую нѣкоторую симпатію; право-съ, смѣю увѣрить васъ откровенно....

— Очень, очень рада, отвѣчала смѣясь графиня: такъ и быть должно.

— Вы можетъ быть смѣетесь надо мною, ваше сіятельство? замѣтилъ штабсъ-ротмистръ, вздохнувъ.

— Вы этого не думайте, сосѣдъ.

— Не знаю, что и думать, Наталья Александровна; по правдѣ сказать, и думать не смѣю.

— Полноте, полноте, Петръ Авдѣичъ! недовѣрчивость къ друзьямъ предурная вещь.

— Развѣ вы можете, графиня, быть моимъ другомъ?

— Надѣюсь, что могу.

— Нѣтъ, ужь это, сдѣлайте милость, этого вы не извольте и говорить. Я и не воспитанный человѣкъ, не ученый, не чета вамъ, а все таки понимаю, какая разница между нами. Вы богаты, вы знатны, а я маленькій человѣкъ, и въ друзья мнѣ къ вамъ лѣзть не подъ стать.

— Слѣдовательно, вы отказываетесь отъ моей дружбы?

— Нечего отказываться, Наталья Александровна, рѣчь не о дружбѣ, а чувствую что, ужь и самъ не знаю почему, а прикажите въ огонь, прикажите въ воду—пойду въ огонь и въ воду, ваше сіятельство, и пойду, то есть за счастье сочту. А отчего это? не знаю-съ.

Послѣднюю фразу штабсъ-ротмистръ сказалъ съ такимъ страннымъ выраженіемъ въ лицѣ и голосѣ, что графиня, пристально взглянувъ на Петра Авдѣевича, почла за лучшее перемѣнить разговоръ и разспросила преподробно о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ, удовольствіяхъ и занятіяхъ, короче обо всемъ, кромѣ дружбы.

Не могу утвердительно сказать, такъ ли внимателенъ былъ слухъ графини къ отвѣтамъ Петра Авдѣевича, какъ глаза ея, которые не сводились съ собесѣдника; какъ бы то ни было, но до двухъ часовъ по полуночи

просидѣлъ костюковскій помѣщикъ съ графинею. Онъ просидѣлъ бы до утра, ежели бы графиня не увѣрила его, что она не позволитъ себѣ употреблять долѣе во зло любезность хозяина и, не смотря на удовольствіе бесѣдовать съ нимъ, рѣшительно приказываетъ ему идти отдохнуть. Петръ Авдѣевичъ пожалъ плечами, шаркнулъ и на цыпочкахъ вышелъ вонъ изъ гостиной, унося съ собою довольно новое для него чувство. Чувство это хотя и походило на то, которое увезъ онъ изъ уѣзднаго города послѣ первой встрѣчи съ Пелагеею Власьевною, но въ эту минуту было оно какъ-то глубже и еще неопредѣленнѣе. Проходя мимо залы, штабсъ-ротмистръ замѣтилъ въ ней сидѣвшаго Француза, который, при появленіи помѣщика, приподнялся было лѣниво на ноги, но Петръ Авдѣевичъ махнулъ рукою и прибавилъ шагу.

— Счастливецъ, бестія, мусье этотъ, сказалъ самъ себѣ штабсъ-ротмистръ, и глубокій вздохъ вырвался изъ груди его. Только на крыльцѣ замѣтилъ онъ, что вышелъ изъ дому, но вспомнить никакъ не могъ зачѣмъ? Проглотивъ съ жадностію холодный воздухъ, штабсъ-ротмистръ съ полчаса поглазѣлъ на стоявшіе у крыльца экипажи графини и, прозябнувъ до костей, побѣжалъ въ свою спальню. У порога остановилъ его Ульянъ.

— Что ты? спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Пожалуйте во флигель, баринъ, а въ спальнѣ вашей легла барыня, прошепталъ слуга.

Вѣсть эта привела костюковскаго помѣщика въ такой восторгъ, что онъ уже не улыбнулся, а разсмѣялся съ дѣтскою радостію и, зажавъ рукою ротъ Ульяну въ знакъ молчанія, повелъ его за собою, осторожно переступая ногами. Забывъ шинель и фуражку, прошелъ

Петръ Авдѣевичъ дворъ, освѣдомился у Кондратья Егорова, накормили ли людей, ямщиковъ, даже почтовыхъ лошадей, и получилъ въ отвѣтъ, что Французъ и горничная графини отказались отъ предложеннаго имъ ужина, а покушали только поваръ, да еще какой-то человѣкъ русскій, и то съ барскаго стола. Костюковскій помѣщикъ отдалъ всѣ нужныя приказанія и, раздѣвшись, легъ въ постель, приготовленную Ульяномъ въ такъ называемой семейной. По прошествіи часа залаяла на дворѣ цѣпная собака, и штабсъ-ротмистръ, разбудивъ камердинера своего, приказалъ отвести ее на псарню. Нѣсколько минуту спустя запѣлъ пѣтухъ; штабсъ-ротмистръ самъ отыскалъ пѣтуха на сосѣднемъ чердакѣ и обошелся съ нимъ такъ не деликатно, что пѣтухъ не пѣлъ больше никогда. На разсвѣтѣ послышался на дворѣ какой-то скрипъ: ямщики, привезшіе графиню, качали изъ колодца воду для лошадей своихъ. Штабсъ-ротмистръ отогналъ ямщиковъ отъ колодца и указалъ имъ прудъ. Короче, прогости графиня Наталья Александровна въ Костюковѣ еще недѣли съ двѣ, гостепріимный хозяинъ умеръ бы отъ безсонницы.

По мнѣнію Петра Авдѣевича, гостья его не могла пуститься въ дорогу не закусивъ чего нибудь; такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлалось всюду. Вслѣдствіе этого и разосланы были мужички костюковскіе по окрестнымъ помѣщикамъ скупить наличную дичь, рыбу, ежели таковая найдется, вино всѣхъ цвѣтовъ и варенья. Все это явилось въ Костюково часамъ къ восьми, и Прокофьичъ, разложивъ предъ собою знакомую намъ поварскую тетрадку, преважно приступилъ къ созиданію *саламе* изъ дичи и *кокиловъ а ла финансьеръ*.

— Ну, ежели да не поспѣешь? говорилъ со страхомъ Петръ Авдѣевичъ, помогая Прокофьичу разбирать іеро-

глаза кухоннаго наставника: вѣдь просто полѣзай въ поглю отъ стыда, братецъ.

На это отвѣчалъ ему Прокофьичъ: будьте-съ благонадежны, батюшка, намъ не впервые готовить — а между тѣмъ вытиралъ Прокофьичъ рукою своею катившійся съ чела его потъ, и тою же рукою собиралъ изъ подъ ножа прыгавшіе кусочки мяса и пододвигалъ ихъ снова подъ ножъ. Въ полдень саламе и кокилы а ля финансьеръ достигли полной своей зрѣлости и графиня проснулась. Штабсъ-ротмистръ приказалъ подать ей къ чаю только что испеченные супругою Егорыча бабу и кренделькн. Графиня, съ своей стороны, послала пригласить Петра Авдѣевича откушать съ нею кофе; разумѣется, штабсъ-ротмистръ не заставилъ ждать себя, и въ той же гостиной, въ этихъ же креслахъ, даже точно въ такомъ же нарядѣ, какъ наканунѣ, засталъ онъ гостью свою, хотя и блѣдную, но встрѣтившую его съ восхитительною улыбкою.

— Какъ изволили ночь провести, ваше сіятельство? спросилъ ее штабсъ-ротмистръ.

— Прекрасно, отвѣчала графиня, указывая ему на стулъ и не сдѣлавъ на этотъ разъ никакого замѣчанія на счетъ «вашего сіятельства».

— И ничто не обезпокоило васъ? продолжалъ Петръ Авдѣевичъ.

— Благодарю васъ, мнѣ было очень покойно.

— А я боялся, чтобы собаки какъ нибудь, или домашняя птица...

— Сонъ мой такъ крѣпокъ, Петръ Авдѣевичъ, что я никогда ничего не слышу.

— Тѣмъ лучше, ваше сіятельство.

Въ это время подалъ Французъ кофе графинѣ и Петру Авдѣевичу; потомъ взялся за большой, сере-

бряный подносъ, на которомъ лежало множество разнаго рода печеній, очень напоминавшихъ знаменитаго Рязанова, и рядомъ съ ними огромная, желтая, мучная масса.

— Qu' est ce que cela? спросила графиня, смотря на эти не знакомыя ей вещи.

Не понявъ, но догадавшись, что вопросъ касался костюковскаго произведенія, штабсъ-ротмистръ поспѣшилъ предупредить гостью свою, что поразившій ее огромностію своею предметъ была баба.

— Какъ вы говорите?

— Баба, ваше сіятельство.

— Что же это значитъ? спросила наивно графиня.

— Бабою называютъ у насъ, ваше сіятельство, вотъ это; печется она изъ пшеничной муки съ разными спеціями; превкусная вещь; прикажете отрѣзать?

— Пожалуйста.

Штабсъ-ротмистръ, засучивъ обшлага рукавовъ своихъ, взялъ бабу одною рукою, а другою ножъ и отхватилъ отъ нея кусокъ, вѣсомъ съ полфунта, который и подалъ своей гостьѣ.

— Но отъ чего же она такая желтая? спросила графиня.

— Отъ того, ваше сіятельство, что у насъ для цвѣта подмѣшиваютъ нѣкоторое количество шафрана.

При этомъ объясненіи личико Натальи Александровны едва замѣтно поморщилось. Двумя пальцами отломила она кусочекъ отъ поднесеннаго ей Петромъ Авдѣевичемъ полуфунтоваго куска оранжевой бабы и поднесла пальцы къ губамъ.

— Это очень вкусно, замѣтила графиня: и, право, очень жаль, что я ничего не могу ѣсть утромъ, поспѣшила прибавить она, закуривая папироску.

— Не уже ли вы не завтракаете? спросилъ испуганный штабсъ-ротмистръ.

— Никогда.

— Даже въ деревнѣ?

— Нигдѣ, Петръ Авдѣевичъ.

— А я, ваше сіятельство, льстилъ себя надеждою предложить вамъ кое что, по возможности.

— Право не могу, извините меня.

— Хоть бездѣлицу.

— Не въ силахъ, Петръ Авдѣевичъ, а ежели вы уже хотите быть любезны до конца, то...

— Прикажите, ваше сіятельство!

— Мнѣ бы хотѣлось, продолжала графиня: доѣхать засвѣтло до дому, и потому...

— Не уже ли сегодня? воскликнулъ съ отчаяніемъ Петръ Авдѣевичъ.

— Не сегодня, а сей часъ, сію минуту, сказала графиня тономъ, который перемѣною своею поразилъ бѣднаго костюковскаго помѣщика: такъ отозвался этотъ тонъ чѣмъ-то не похожимъ на прежній.

Петръ Авдѣевичъ молча всталъ и направилъ шаги свои къ дверямъ. Но, въ свою очередь, не ускользнуло и отъ графини впечатлѣніе, произведенное перемѣною тона ея на штабсъ-ротмистра; а потому, не допустивъ его до дверей, она назвала его.

Петръ Авдѣевичъ остановился.

— Вы на меня не сердитесь, сосѣдъ? спросила графиня со вчерашнею улыбкою на устахъ.

— Я-съ, ваше сіятельство?

— Да, вы, Петръ Авдѣевичъ.

— Смѣю ли я, помилуйте-съ.

— Нѣтъ, скажите откровенно, вы разсердились?

— Да за что же, ваше сіятельство?

— За то, что я спѣшу уѣхать.

— Мнѣ грустно, ваше сіятельство, но это вздоръ, я понимаю, я, то есть, самъ понимаю...

— Послушайте, сосѣдъ, продолжала графиня такимъ сладкимъ голоскомъ, отъ котораго въ груди штабсъ-ротмистра перевернулось что-то: я, право, устала и спѣшу. Меня дома не ждутъ и, пріѣхавъ поздно, я рискую провести ночь въ холодной комнатѣ. Потомъ, милый сосѣдъ, не должны ли мы поступать другъ съ другомъ какъ короткіе знакомые, какъ сосѣди, и потому, ежели бы вы захотѣли видѣть меня, не уже ли сорокъ верстъ остановятъ васъ?...

— Меня, ваше сіятельство?

— Ну, да, васъ!

— Сорокъ верстъ! повторилъ съ увлеченіемъ Петръ Авдѣевичъ: да я, ваше сіятельство, пройду эти сорокъ верстъ безъ фуражки, на колѣняхъ....сорокъ верстъ!..

— Зачѣмъ же на колѣняхъ, сосѣдъ? перебила смѣясь графиня: а вы просто, дня черезъ два, садитесь въ сани и пріѣзжайте ко мнѣ погостить подолѣе. Вы пріѣдете, не правда ли?...

— Нѣтъ, нѣтъ, ваше сіятельство, вы опять шутите, вы смѣетесь надо мною, ей Богу смѣетесь.

— Я не только не смѣюсь и не шучу, Петръ Авдѣевичъ, а беру съ васъ честное слово быть у меня послѣ завтра, сказала графиня, протягивая штабсъ-ротмистру свою руку.

— Если же такъ, воскликнулъ, не помня себя, Петръ Авдѣевичъ: то, была не была, ваше сіятельство, вотъ вамъ рука моя, что буду... и, хлопнувъ красною рукою своею по бѣленькой ручкѣ графини, штабсъ-ротмистръ выбѣжалъ изъ дому на дворъ и приказалъ запрягать лошадей.

Чрезъ часъ, проводивъ знатную барыню до околицы, Петръ Авдѣевичъ возвратился къ дому. На крыльцѣ собралъ онъ руками довольно большое количество снѣга, обложилъ имъ себѣ голову и, войдя въ свою комнату, легъ на диванъ. Онъ пролежалъ долго съ закрытыми глазами, онъ пролежалъ бы до завтра въ такомъ положеніи, но вскорѣ послышалось ему, что кто-то потихоньку отворяетъ дверь.

— Что тебѣ, Прокофьичъ? спросилъ штабсъ-ротмистръ, узнавъ своего повара...

— Кушанье-то осталось, батюшка, такъ не изволите ли сами откушать? спросилъ поваръ.

— Убирайся съ кушаньемъ, было отвѣтомъ Прокофьичу, и таже дверь потихоньку притворилась.

Пролежавъ еще нѣсколько времени, Петръ Авдѣевичъ услышалъ отдаленный звонъ колокольчика. Сначала штабсъ-ротмистръ открылъ глаза, потомъ вдругъ вскочилъ съ дивана и стремглавъ выбѣжалъ на крыльце... Что думалъ въ ту минуту Петръ Авдѣевичъ — не знаю, но члены его тряслись, какъ въ лихорадкѣ. На дворъ влетѣла ухорская, саврасая тройка; изъ саней выползъ укутанный въ енотовую шубу городничій, а лице штабсъ-ротмистра покрылось лиловымъ отливомъ...

— Здорово, братъ, здорово, сударь, кричалъ Тихонъ Парфеньевичъ, обнимая крѣпко и цѣлуя нѣжно Петра Авдѣевича. Ну, морозецъ, истинно святочный морозецъ; вѣришь ли — того и смотрю, что носъ отвалится; теръ всю дорогу. А я отъ сестры Лизаветы. Здоровъ ли же ты, мой почтеннѣйшій? что же мы стоимъ на крыльцѣ?

— Голова болитъ, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, слѣдуя за городничимъ.

— Приложи компрессъ изъ пѣннаго, пройдетъ мигомъ, замѣтилъ гость, входя въ переднюю; потомъ, снявъ съ себя шубу, онъ сталъ принюхиваться. Что это, братъ, ужь не пролили ль у тебя чего пахучаго? такой ароматъ, сказалъ Тихонъ Парѳеньевичъ, продолжая шевелить ноздрями.

— Хорошо развѣ?

— Очень хорошо; чѣмъ же это накурено?

— И самъ не знаю, отвѣчалъ съ улыбкою штабсъ-ротмистръ.

— Какъ не знаешь?

— Ей Богу, не знаю!

— Стало накурилъ не ты?

— Не я.

— Кто же бы такой?

— Не отгадаете, бьюсь объ закладъ.

— Подлинно не отгадаю; есть развѣ кто?

— Никого нѣтъ.

— Морочишь?

— Ей Богу, нѣтъ никого.

— Такъ былъ, замѣтилъ проницательный городничій.

— Вотъ это дѣло другое, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ.

— Кто же бы такой?

— Не скажу.

— Ну, полно, говори.

— Ей ей, не скажу.

— Секретъ развѣ?

— Нѣтъ, шучу, Тихонъ Парѳеньичъ. Останавливалась у меня проѣзжая барыня: погрѣться просила, съ дороги сбилась, я и пустилъ.

— Проѣзжая барыня? повторилъ городничій: ужь не та ли, что въ возкѣ насилу тащатъ семь лошадей?

— А вы почемъ знаете?

— Ее встрѣтилъ я на большой дорогѣ: едва, едва двигается; экипажъ такой грузный.

— Она, она.

— И кибитка позади?

— Она, она, повторилъ штабсъ-ротмистръ.

— Батюшки мои? воскликнулъ вдругъ городничій, какъ бы опомнясь: избави Боже, ужь не графиня ли это?

— А что?

— Да говори, она ли это?

— Она.

— Такъ пропалъ, пропалъ же я, окаянный, пропалъ съ головою! вотъ какъ пропалъ, сударь! кричалъ, взявшись за голову, городничій.

— Отчего же это? растолкуйте пожалуйста.

— Оттого, сударь, что на прошлой недѣлѣ получилъ изъ губернскаго города предписаніе починить мостъ на Коморцѣ. Мостъ-то, сударь, просто капканъ: кто бы ни поѣхалъ по немъ, чубурахъ въ рѣку. Я-то и позабудь, прахъ меня возьми! и узелокъ завязалъ на память, да узелокъ-то вижу, а зачѣмъ завязалъ изъ головы вонъ.

— Мостъ этотъ объѣхать можно, Тихонъ Парфеньичъ, замѣтилъ-штабсъ ротмистръ.

— Знаю, что можно, да придетъ ли имъ-то, ямщикамъ, въ голову свернуть за версту на луга?

— Хотите, я пошлю въ погоню?

— Кого?

— Тимошку.

— Батюшка, ради самого Создателя! завопилъ городничій.

— Ей Богу, пошлю.

— Голубчикъ, пошли, да сей часъ пошли! кричалъ городничій.

Забывъ головную боль свою, Петръ Авдѣевичъ, какъ сумасшедшій, бросился со всѣхъ ногъ вонъ изъ комнаты, и, прежде чѣмъ встревоженный Тихонъ Парѳеньевичъ успѣлъ опомниться, Тимошка скакалъ уже, сломя голову, на одной изъ пристяжныхъ штабсъ-ротмистра по городской дорогѣ.

Петръ Авдѣевичъ возвратился, запыхавшись, но съ радостнымъ лицемъ.

— Ну, видно, братъ, тебѣ ужь суждено всѣхъ насъ выручать изъ бѣды, сказалъ городничій, выходя къ нему на встрѣчу: намедни спасъ сестру и племянницу, сегодня меня.

— Не тебя, а ее, графиню, можетъ быть, подумалъ штабсъ-ротмистръ, подставляя щеки свои губамъ Тихона Парѳеньевича, и оба они перешли въ гостиную.

— Обѣдали ли вы? спросилъ гостя хозяинъ, усаживаясь съ нимъ на диванъ.

— И аппетитъ пропалъ, отвѣчалъ городничій.

— Полноте, Тихонъ Парѳеньичъ, и не догони Тимошка, я ручаюсь вамъ головою, что графиня не взыщетъ съ васъ.

— Знаешь ты большихъ барынь! замѣтилъ городничій съ нѣкоторою ироніею.

— Не знаю другихъ, а эту знаю, повѣрьте.

— Не бось оттого, что отогрѣлась у тебя?

— Нѣтъ, Тихонъ Парѳеньевичъ, не отогрѣлась, а переночевала, и обошлась со мною такъ милостиво, такъ ласково, что я пересказать, то есть, не могу.

— Шутишь?

— Ей Богу, правду говорю, Тихонъ Парѳеньичъ, и долго ли, кажется, довелось мнѣ пробыть съ нею:

вчера пилъ чай, сегодня кофе, а такъ ее знаю теперь, какъ свои пять пальцевъ.

— Что же, сама она тебя позвала?

— Разумѣется, не самъ влѣзъ въ комнату.

— И разговаривала? спросилъ городничій.

— Словно съ своимъ братомъ, Тихонъ Парфеньевичъ, отвѣчалъ съ жаромъ штабсъ-ротмистръ: ну, просто будто бы вѣкъ были знакомы; и что за простота, и что за добродушіе! Прелесть, съ ума сойти надобно!

— Ты ужь и то, мнѣ кажется, сударь, того, замѣтилъ, смѣясь Тихонъ Парфеньевичъ.

— Что же вы думаете?

— Нѣтъ, ничего, я говорю такъ, ради шутки.

— Скажите, что вы думаете?

— Ей-же-ей ничего!

— Вы хотѣли сказать, что я съ ума спятилъ?

— Какой вздоръ! что ты, братъ Петръ Авдѣевичъ?

— Да нѣтъ, скажите просто.

— Ну, вотъ тебѣ Христосъ, ничего не хотѣлъ сказать такого...

— И не думайте, Тихонъ Парфеньичъ, потому что я, ей Богу, и въ мысляхъ своихъ не позволю себѣ. Я, то есть, помню пословицу: «знай сверчекъ свой шестокъ,» а не могу не сказать, что очень добрая дама графиня Наталья Александровна, и между нашими дамами врядъ ли сыщется такая добрая.

— Что же, приглашала она тебя? спросилъ городничій.

— Приглашать приглашала, изъ учтивости, разумѣется.

— А поѣдешь ты къ ней?

— Не думаю, не полагаю ѣхать; зачѣмъ? не для чего.

— А не поѣдешь къ графинѣ, поѣдемъ къ сестрѣ Лизаветѣ.

— Когда это? спросилъ штабсъ-ротмистръ поспѣшно.

— Да пожалуй хоть завтра, хоть послѣ завтра.

— Не могу, Тихонъ Парфеньичъ.

— Это почему?

— Вотъ видите ли. почему, продолжалъ Петръ Авдѣевичъ, краснѣя и заикаясь: мнѣ, какъ бы вамъ сказать, очень совѣстно такъ часто бывать у сестрицы вашей.

— Право? это новость!

— Вы выслушайте меня; я, то есть, всегда съ особеннымъ удовольствіемъ моимъ готовъ былъ, и въ эту минуту, но, право, завтра и послѣ завтра...

— Странно, Петръ Авдѣичъ, а сестра моя, кажется, не подавала вамъ поводу думать, что посѣщенія ваши слишкомъ часты, и принимала васъ она не какъ чужаго, а близкаго, черезъ чуръ близкаго человѣка.

— Но вы меня не выслушали, Тихонъ Парфеньичъ.

— И слушать не хочу! садитесь со мною въ сани и ѣдемъ,

— Чтобъ завтра быть назадъ, готовъ, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Сегодня поздно, а завтра.

— Нельзя, Тихонъ Парфеньевичъ.

— Такъ какъ хотите, сударь, мое дѣло сторона.

— Ѣдемъ сегодня! воскликнулъ штабсъ-ротмистръ.

— Поздно, говорю; мои кони устали, а на вашей пристяжной уѣхалъ Тимошка; да и спѣшить не къ чему, прибавилъ городничій, и лице его нахмурилось.

Къ счастью Петра Авдѣевича, разговоръ собесѣдниковъ прерванъ былъ торжественнымъ докладомъ

Егорыча: «кушать поставили,» и гость съ хозяиномъ перешли въ столовую, или такъ называемый залъ.

Перловый супъ проглотилъ Тихонъ Парѳеньевичъ молча; когда же подали на кастрюльной, мѣдной крышкѣ саламе, городничій искоса посмотрѣлъ на Петра Авдѣевича, но тѣмъ не менѣе не пренебрегъ изящнымъ произведеніемъ Прокофьевича. За саламе Ульянъ подалъ кокилы а ла финансьеръ; Тихонъ Парѳеньевичъ не выдержалъ и спросилъ штабсъ-ротмистра, давно ли онъ сталъ такъ роскошничать?

— Признаюсь вамъ, почтеннѣйшій Тихонъ Парѳеньичъ, я съ дуру-то думалъ, что графиня останется у меня завтракать, отвѣчалъ Петръ Авдѣевичъ смиренно.

— То-то и есть, братецъ, что знаешь ты хорошо этихъ гордячекъ, подхватилъ городничій: цѣнятъ они небось гостепріимство нашего брата, простака. Хотя себя искроши, да зажарь, и спасибо не скажутъ.

— Отчего же ей быть такою ласковою, Тихонъ Парѳеньичъ?

— А въ чемъ ты замѣтилъ, сударь, необыкновенную ласковость графини? Не въ томъ ли, что осчастливила домъ твой своимъ присутствіемъ? Ужь не думаешь ли ты, братъ, что ея сіятельство рыскала цѣлую ночь по лѣсамъ, чтобы отыскать именно тебя? Какъ же, сударь! Не попадись ей подъ ноги Костюково, рада радешенька была бы остановиться на постояломъ, не то въ избѣ.

— Къ чему говорите вы мнѣ это все, Тихонъ Парѳеньевичъ?

— Для того, сударь, чтобы вы не забирали себѣ въ голову всякой черемятицы, да не попали въ шуты какой нибудь графини, которая и не думаетъ объ васъ.

— Тихонъ Парѳеньичъ, вы не знаете Натальи Александровны.

— А знаю тебя, вотъ, братъ, что!

— И меня не знаете, замѣтилъ, понизивъ голосъ, штабсъ-ротмистръ, котораго слова городничаго кололи, какъ острые ножи. И сознавался внутренно Петръ Авдѣевичъ, что Тихонъ Парѳеньевичъ говоритъ правду, но вдругъ переломить себя никакъ не могъ. Пренія о графинѣ продолжались до конца обѣда и кончились они тѣмъ, что городничій, очень недовольный будущимъ роденькою своимъ, распрощался съ нимъ довольно холодно и уѣхалъ въ городъ ранѣе сумерекъ. Ровно черезъ двое сутокъ по отъѣздѣ графини изъ Костюкова, Петръ Авдѣевичъ уже мчался въ саняхъ по дорогѣ, ведшей, мимо села Сорочки, въ село Графское.

Помѣстье графини Натальи Александровны Бѣлорѣцкой принадлежало къ числу тѣхъ, которыми нѣкогда награждали русскіе цари заслуженныхъ вельможъ своихъ. Въ помѣстьяхъ этихъ итальянскіе зодчіе осуществляли гигантскіе планы Возрожденія. Каррара снабжала ихъ своими мраморными массами, Уралъ золотомъ, а Венеція зеркалами. Пока чертогъ поднимался горделиво, какъ бы послушный волшебному жезлу художника, изъ окрестныхъ лѣсовъ сбѣгались толпою вѣковые дубы, столѣтнія сосны, вѣтвистыя ивы и клены. Группируясь вокругъ чертога, они образовывали собою безконечные звѣринцы и парки, а ихъ опоясывали каменными стѣнами, перерѣзывали глубокими рвами и засыпали тысячью клумбъ изъ ароматическихъ цвѣтовъ. Къ подобному диву вкуса, величія и роскоши принадлежало настоящее жилище прекрасной графини Натальи Александровны; но въ декабрѣ трескучій, крещенскій морозъ набросилъ на парки, цвѣтники и звѣринцы села Графскаго свои серебристые покровы.

Когда передъ глазами штабсъ-ротмистра стали по-

казываться, одно за однимъ, зданія графининой усадьбы, онъ невольно вспомнилъ слова Тихона Парфеньевича.

— Куда принесла меня нелегкая? подумалъ Петръ Авдѣевичъ: за какимъ прахомъ? Ужь не вернуться ли полно? Нѣтъ, поздно, вотъ и домъ; какой домъ? не домъ, а дворецъ! и конца ему нѣтъ; ей Богу вернусь.

— Петръ Авдѣевичъ! крикнулъ въ это время кто-то, но такимъ голосомъ, отъ котораго у Петра Авдѣевича занялось дыханіе.

— Петръ Авдѣевичъ! повторилъ тотъ же голосъ, но нѣсколько далѣе.

— Графиня! воскликнулъ штабсъ-ротмистръ, оглядываясь и сбрасывая съ себя шинель. Какъ! въ санкахъ, одиночкой и однѣ съ кучеромъ?

— А васъ это удивляетъ, сосѣдъ?

— Глазамъ не вѣрю, ваше сіятельство.

— Не вѣрите, такъ надѣньте шинель и прошу пересѣсть ко мнѣ, въ сани; вы умѣете править?

— Лучше всякаго кучера, ваше сіятельство.

— Очень рада, пожалуйте поскорѣе.

Съ проворствомъ юноши перескочилъ штабсъ-ротмистръ изъ своихъ пошевней въ санки графини, принялъ вожжи изъ рукъ кучера, котораго графиня отослала домой, и приготовился везти ее хотя на край свѣта.

— Поѣдемъ въ лѣсъ; вы не боитесь? сказала Наталья Александровна, обращаясь къ Петру Авдѣевичу.

— Жаль мнѣ, ваше сіятельство, что въ лѣсахъ-то нашихъ бояться нечего, а то я доказалъ бы вамъ, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, ударяя вожжами темносѣраго бѣгуна.

Гордое животное, не привыкшее къ подобному обращенію, взвилось было на дыбы, фыркало и, закусивъ

удила, помчалось стрѣлою по гладко укатанной дорогѣ. Но Петръ Авдѣевичъ знакомъ былъ съ этимъ дѣломъ и, подобравъ вожжи, неожиданно передернулъ ихъ и поставилъ коня по своему, то есть поставилъ его на рысь по верстѣ на минуту и пятьдесятъ шесть секундъ.

— По вашему сіятельству и лошадь, замѣтилъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

— Не правда ли, что не дурна? отвѣчала графиня, прикрывая личико свое чернымъ соболемъ муфты.

— Не не дурна, а призовый долженъ быть!

— Какъ это призовый?

— То есть, ваше сіятельство, конь этотъ долженъ былъ брать призы, деньги то есть.

— Этого я право не знаю; кажется, иногда мужъ мой посылалъ лошадей куда-то.

— Вѣрно такъ, быть не можетъ иначе, ваше сіятельство; кому же и брать, какъ не такому! Взгляните на грудь, на мышцы, на махъ, а крупъ-то, крупъ — печь печью.

— Вы страстны къ лошадямъ, сосѣдъ?

— Умеръ бы съ ними, ваше сіятельство!

— А есть у васъ хорошія лошади?

— У меня? Да откуда онѣ будутъ у меня? Развѣ продать Жиду имѣньишко, да купить одну, и то купишь ли полно?

— Хотите я продамъ вамъ?

— Что это, ваше сіятельство?

— Лошадь, отвѣчала графиня.

— Какую лошадь?

— Точно такую какъ эта.

— А Костюково мое возьмете себѣ?

— Какой вздоръ!

— Какъ вздоръ? да чѣмъ же я заплачу?

— Я подожду, сколько хотите, сказала графиня смѣясь.

— Нѣтъ, ужь извините; такихъ дѣлъ отродясь не дѣлалъ, да и умру, надѣюсь, не сдѣлаю.

— Вы поступаете со мною не такъ какъ добрый сосѣдъ и не дружески, Петръ Авдѣевичъ.

— А вы, ваше сіятельство, и самъ не знаю за что, обижаете меня.

— Чѣмъ это?

— Объ этомъ послѣ, ваше сіятельство, сказалъ затронутый за живое штабсъ-ротмистръ.

— Я хочу теперь, сію минуту!

— Вотъ лѣсъ, графиня, и двѣ дороги; куда прикажете?

— Мнѣ все равно. А все таки прошу сказать, чѣмъ я обидѣла васъ?

— Вы сами знаете, ваше сіятельство! За чтобы кажется обижать меня? Я вѣдь, ваше сіятельство, отъ души, то есть, предложилъ вамъ мою бѣдную хату, ваше сіятельство, не изъ видовъ какихъ нибудь, и умеръ бы, ваше сіятельство, съ радостію за васъ, а за смерть заплатить нельзя....

Послѣднія слова произнесъ Петръ Авдѣевичъ такъ не твердо, такъ не связно и такъ какъ-то грустно, что графиня, выслушавъ ихъ, схватила его за руки и крѣпко пожала ихъ. Думая, что надо остановиться, штабсъ-ротмистръ осадилъ коня и посмотрѣлъ на графиню.... Онъ перепугался: глаза графини казались ему страшны.

— Не сказалъ я чего глупаго, ваше сіятельство? робко проговорилъ штабсъ-ротмистръ.

— Не вы, а я сказала глупость, и виновата предъ вами, воскликнула графиня: но успокойте меня, Петръ Авдѣевичъ, и скажите, что вы забыли, что вы забудете ее со временемъ.

— Эхъ, ваше сіятельство, охота же вамъ, право, говорить такъ со мною! Велика важность! Ну, сказали, такъ сказали, и сказали бы больше подобному мнѣ, ничего....

— Петръ Авдѣевичъ, вы не добры!

— Куда ѣхать, ваше сіятельство?

— Домой! отвѣчала графиня, и всю дорогу молчала.

Подъѣхавъ къ великолѣпному дворцу своему, графиня не вышла изъ саней, пока выбѣжавшій слуга не принялъ вожжей изъ рукъ штабсъ-ротмистра. Тогда только, съ легкостію сильфиды, выпрыгнула она на землю и, въ сопровожденіи Петра Авдѣевича, вошла въ свѣтлую и обширную прихожую, отдѣлявшую подъѣздъ отъ главной лѣстницы.

— Ежели вамъ угодно прежде всего познакомиться съ комнатами, для васъ приготовленными, Петръ Авдѣевичъ, сказала графиня, обращаясь къ штабсъ-ротмистру, то я провожу васъ въ нихъ сама....

— Для меня приготовленными? повторилъ изумленный костюковскій помѣщикъ.

— Надѣюсь, что вы для меня сдѣлали бы тоже.

— Но вы и я, графиня?

— Не все равно, Петръ Авдѣевичъ, только потому, что я добрѣе васъ.

— Въ умъ не взберу, ваше сіятельство!

— Вамъ угодно, чтобы я объяснилась?

— Смѣю умолять объ этомъ, ваше сіятельство, сказалъ штабсъ-ротмистръ, все еще не понимая графини.

— Извольте. Предлагая вамъ купить у меня лошадь, я ни мало не думала о средствахъ вашихъ, Петръ Авдѣевичъ, и дѣйствовала собственно по желанію сдѣлать себѣ удовольствіе; но вы приняли иначе предложеніе мое, и я поспѣшила сознаться въ винѣ и просила прощенія. Что же сдѣлали вы, я васъ спрашиваю?

— Что же сдѣлалъ я, ваше сіятельство? развѣ я сдѣлалъ что нибудь?

— Еще бы! наговорить мнѣ кучу непріятностей, наморщить лобъ и не простить!...

— Графиня! проговорилъ Петръ Авдѣевичъ жалобнымъ голосомъ.

— Что графиня?.ну, что вы придумали къ своему оправданію?

— Гдѣ же мнѣ? и не докладывалъ ли я вашему сіятельству, что милости ваши лишили меня послѣдняго умишка; придумайте ужь вы что нибудь!

— Согласна, но съ условіемъ.

— Все выполню, все, графиня!

— Честное и благородное слово, Петръ Авдѣевичъ?

— Мало слова, клятву даю.

— Прекрасно, сказала графиня, улыбаясь: Петръ Авдѣевичъ! лошадь, на которой мы съ вами ѣздили сегодня, я не продамъ никому и никогда.

— И прекрасно сдѣлаете, ваше сіятельство!

— Петръ Авдѣевичъ! повторила графиня съ комическою важностью: лошадь эту я дарю вамъ. Теперь посмотримъ, осмѣлитесь ли вы не принять ея въ знакъ дружбы моей.

— Графиня, графиня! проговорилъ штабсъ-ротмистръ, всплеснувъ руками.

— Поцѣлуйте эту руку и ни слова больше. Я проголодалась и обѣдъ ожидаетъ насъ.

Петръ Авдѣевичъ, у котораго на глазахъ невольно навернулись слезы, съ жаромъ поцѣловалъ протянутую ему ручку и не послѣдовалъ за графинею, а вошелъ въ свои комнаты, дверь которыхъ указала ему, утѣшенная какъ дитя, Наталья Александровна.

Кто найдетъ неестественнымъ характеръ графини Бѣлорѣцкой, кому покажется несбыточнымъ описанный мною образъ дѣйствій ея, тотъ, конечно, не встрѣчался во всю жизнь свою съ тѣми существами, которыхъ въ провинціи называютъ «большими барынями», а въ большомъ свѣтѣ «grandes dames». Привиллегированныя существа эти не должны и не могутъ быть сравниваемы съ тѣми женщинами, о рожденіи которыхъ не говоритъ седьмая часть міра, юность которыхъ не нѣжитъ и не лелѣетъ все высшее общество, и бракъ которыхъ не считается эпохой. Огражденныя отъ всѣхъ лишеній, отъ всего того, что возрождаетъ зависть и злобу, созданія эти не могутъ не имѣть благородныхъ чувствъ и добраго сердца; добро для нихъ забава, щедрость привычка, а твердая, непоколебимая воля — неотъемлемое, неоспоримое право!

Графиня Наталья Александровна, доживъ въ столицѣ до двадцатичетырехлѣтняго возраста, не знала еще что значитъ любить, и не знала потому, что вѣчно окружавшая ее толпа вздыхателей мѣшала графинѣ встрѣтиться съ человѣкомъ, котораго бы могло избрать ея сердце. Всѣ мужчины казались ей одинаковы; но, не желая выѣзжать долѣе восьмнадцатилѣтняго возраста безъ головнаго дамскаго убора, Наталья Александровна пристально взглянула въ толпу, и тотъ, кто стоялъ выше прочихъ, сдѣлался мужемъ ея. Мужъ этотъ умеръ. Графиня надѣла черное платье; оно шло къ ней. Но, столица безъ баловъ, безъ праздниковъ, безъ оперы и раутовъ прескучная вещь; графиня вспомнила о помѣстьѣ своемъ, въ которомъ не была ни разу. О деревнѣ графиня не имѣла никакого понятія; слышала она отъ многихъ, что есть тамъ сады, не имѣющіе границъ и что называютъ ихъ лѣсами; есть поля необозримыя, есть рѣки,

несущія волны свои произвольно, наконецъ есть люди, не говорящіе по французски, не танцующіе польку, полудикіе, смѣшные можетъ быть, не знакомые ей и не похожіе ничѣмъ на столичныхъ. Подумавъ немного, графиня приказала готовить все къ отъѣзду, и съ первымъ полудикаремъ, ни въ чемъ непохожимъ на столичнаго жителя, познакомилась въ костюковскомъ деревянномъ домикѣ. Въ первую минуту Петръ Авдѣевичъ показался ей очень забавнымъ, во вторую честнымъ и безкорыстнымъ человѣкомъ, а въ третью.... но остановимся пока на второй.

Комнаты, назначенныя графинею Петру Авдѣевичу, конечно никогда не были приготовлены собственно для него, а принадлежали къ разряду второстепенныхъ комнатъ, назначенныхъ для помѣщенія гостей. Не менѣе того штабсъ-ротмистръ пораженъ былъ ихъ роскошнымъ убранствомъ, и чего не доставало въ нихъ? Голландское бѣлье на постелѣ, столъ съ полнымъ письменнымъ приборомъ, даже писчая бумага и все нужное для письма, какъ-то ножичекъ, чернильница, всякаго роду металлическія перья, сургучъ различныхъ цвѣтовъ и прочее.

«Неужели все это для меня, для меня, бѣднаго Петра?» повторялъ самъ себѣ штабсъ-ротмистръ, разсматривая всякую вещь порознь. «А лошадь, тысячная лошадь! Снилось ли мнѣ когда такое сокровище? Въ знакъ дружбы, говоритъ этотъ ангелъ, а, кто ее знаетъ, можетъ быть, и бѣсъ искуситель. Что заговорятъ въ уѣздѣ, когда я покажусь на этомъ конѣ? что скажетъ городничій, Лизавета Парфеновна, Полинька? А я думалъ, что уже лучше ея и на свѣтѣ нѣтъ; вотъ тебѣ и лучше. Можно ли же сравнить не то чтобы со всею графинею, а съ мизинцемъ ея, такъ и мизинца не стоятъ

всѣ Пелагеи Власьевны вмѣстѣ; подумать то есть невозможно».

Вотъ какъ разсуждалъ штабсъ-ротмистръ и какими глазами смотрѣлъ онъ на ту женщину, которая еще за три дня казалась ему верхомъ совершенства.

Какое счастіе, что любящія насъ не одарены способностію проникать въ сокровеннѣйшія думы наши, заглядывать въ изгибы вѣроломнаго сердца нашего! Какъ искренно возненавидѣли бы онѣ весь родъ мужской! Къ счастію Пелагеи Власьевны, она и не подозрѣвала постигшаго ее удара. Вѣсть о пріѣздѣ графини въ помѣстье достигла до Сорочковъ, но могло ли придти въ голову бѣдной дѣвушкѣ, что избранный сердцемъ ея человѣкъ не только проѣзжаетъ уже украдкою мимо самыхъ воротъ ихъ села, но даже и не сравниваетъ ее, свѣженькую, розовую, съ блѣдною, худощавою графинею, и не сравниваетъ потому, что, по мнѣнію Петра Авдѣевича, невозможно никакое сравненіе.

Переходя изъ комнатъ своихъ въ аванъ-залы и залы графининыхъ палатъ, штабсъ-ротмистръ переходилъ отъ удивленія къ удивленію. Каждое украшеніе потолковъ и стѣнъ, каждая мебель обращали на себя его жадное вниманіе. Онъ не смотрѣлъ, а впивался взглядомъ въ прелестныя формы олимпійскихъ богинь, въ рельефныя прелести наядъ, разбросанныхъ по карнизамъ, въ позолоченныхъ амуровъ и въ фантастическіе узоры стѣнъ. Все видимое казалось штабсъ-ротмистру игрою сна, грезами разгоряченнаго воображенія; онъ неоднократно дотрогивался до стѣнъ и мебели, чтобы убѣдиться, что предметы эти не призраки.

Обѣдъ графини довершилъ очарованіе. Петръ Авдѣевичъ ѣлъ и не понималъ что ѣлъ, пилъ и не зналъ

что пилъ. Когда же свѣжіе плоды предстали предъ нимъ точно въ такомъ видѣ, въ какомъ видалъ ихъ костюковскій помѣщикъ во время жаркаго лѣта, онъ грустно улыбнулся и отвелъ рукою вазу, поднесенную Французомъ.

— Отчего же вы не хотите сдѣлать чести оранжереямъ моимъ, Петръ Авдѣевичъ? спросила графиня.

— Я сытъ, ваше сіятельство.

— Но плоды эти очень вкусны, увѣряю васъ.

— Именно отъ этого я и отказался отъ нихъ... Они слишкомъ вкусны для меня; отвѣдавъ ихъ разъ, захочется и въ другой.

— Ну, что же за бѣда; вы будете чаще пріѣзжать ко мнѣ, сосѣдъ.

— А долго ли придется пріѣзжать?

— Надѣюсь, что долго.

— Все таки не всегда, не вѣчно.

— Вѣчность на землѣ не существуетъ, Петръ Авдѣевичъ.

— Правда, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ: но за то существуетъ тоска, которая, кажется, длиннѣе вѣчности, ваше сіятельство.

— Браво! вы философъ.

— Прежде я былъ покоенъ и доволенъ судьбою, но, насмотрѣвшись на все это, боюсь, графиня, чтобы изба моя не показалась мнѣ острогомъ, а щи и каша... да что тутъ разсуждать, ваше сіятельство! Вотъ, извольте видѣть, на вашемъ бы мѣстѣ, доложу вамъ, я бы не пускалъ къ себѣ бѣдныхъ людей; отъ бѣдности не далеко, того.... и до дурнаго чего нибудь....

— Вамъ за себя бояться нечего, замѣтила графиня.

— Знаетъ Богъ объ этомъ!

— И не повѣрю я, продолжала графиня: чтобы вся

эта мишура могла серьезно плѣнить васъ, и можетъ ли быть, чтобы вы не видали ничего лучше?

— Стѣны случалось видѣть, хоть и не совершенно такія, а приблизительно, столы и стулья также, серебра много видѣлъ!...

— Что же остается, Петръ Авдѣевичъ?

— Что, что! повторилъ штабсъ-ротмистръ, воспламеняясь: не случалось мнѣ, графиня, слышать голоса своего посреди такихъ стѣнъ и не случалось мнѣ сидѣть на такой мебели. Вотъ чего не случалось! прибавилъ штабсъ-ротмистръ, вставая прежде хозяйки.

Это простое выраженіе мысли, эти не многія безъискусственныя слова глубоко врѣзались въ душу знатной барыни. Не жалость и не простое участіе къ положенію гостя, но что-то похожее на то и на другое пробудилось въ сердцѣ Натальи Александровны. Она не смотрѣла болѣе на костюковскаго помѣщика какъ на une bête curieuse, не улыбалась его кудреватымъ, степнымъ изрѣченіямъ, не забавлялась имъ болѣе.

Послѣ обѣда, графиня просила гостя не женироваться съ нею и идти отдохнуть, прибавивъ, что и она имѣетъ эту привычку. Петръ Авдѣевичъ предпочелъ посѣтить конюшню, а главное полюбоваться поближе драгоцѣннымъ залогомъ дружбы къ нему ея сіятельства.

На пути къ длиннымъ каменнымъ строеніямъ, гдѣ помѣщался конный заводъ, штабсъ-ротмистру повстрѣчался низенькій, но свѣжій старичекъ, въ мѣховой, коричневой бекеши съ куньимъ воротникомъ и шапкѣ изъ бобровыхъ выпорковъ. Старикъ вѣжливо поклонился Петру Авдѣевичу и отрекомендовалъ себя управляющимъ села Графскаго.

— А позвольте узнать имя и отчество ваше, спросилъ штабсъ-ротмистръ, снявъ фуражку.

— Въ Курляндіи, отвѣчалъ старикъ смѣясь, звали меня Готфридъ-Іоганъ Гертманъ, а здѣсь трудно показалось мужичкамъ запомнить настоящее имя, и меня привыкли просто звать Ѳедоромъ Ивановичемъ.

— Позвольте же и мнѣ называть васъ такъ же.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Я, Ѳедоръ Иванычъ, иду взглянуть на лошадей вашихъ, ежели позволите то есть.

— Пожалуйста; лошади хорошія у насъ.

— Не то, что хорошія, а я и самъ служилъ всю жизнь въ кавалеріи, а такихъ встрѣчать не случалось.

— Крови чистой, самой чистой!

— Чего чище? прибавилъ штабсъ-ротмистръ; а слышали ли вы, Ѳедоръ Иванычъ, что ея сіятельству угодно было подарить мнѣ того сѣраго коня...

— Что былъ давича въ запряжкѣ? сказалъ, улыбаясь, Нѣмецъ.

— Да, да.

— Жеребецъ Горностай.

— А! зовутъ его Горностаемъ, Ѳедоръ Иванычъ? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Да, да; родился онъ у насъ отъ Умнаго и мистриссъ Лемводъ, три весны назадъ; покойный графъ назначалъ его къ бѣгу: конь чудный.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, Ѳедоръ Иванычъ, можно ли дарить такихъ лошадей?

— На то воля графини, замѣтилъ управляющій.

— Положимъ, воля ея; можно всѣхъ раздарить; но первому встрѣчному...

— Развѣ прежде вы не были знакомы съ ея сіятельствомъ?

— Никогда, Ѳедоръ Иванычъ.

— И не встрѣчались?

— И не встрѣчался.

— Странно, очень странно! замѣтилъ управляющій, качая головою: значитъ, вы ей особенно понравились.

— И самъ не понимаю, за что столько милостей; ума не приложу.

— Между нами сказать, продолжалъ Ѳедоръ Иванычъ, понизивъ голосъ: у богатыхъ и молодыхъ барынь бываютъ иногда свои капризы. Иному выпадетъ жребій такой, и не приснится ему, и пойдетъ и пойдетъ валить счастіе; кто знаетъ, можетъ и вы... сегодня лошадь, завтра деревушка другая...

— Что вы тамъ говорите? спросилъ штабсъ-ротмистръ нахмуривъ брови.

— Я говорю, что кому счастіе улыбнется разъ, можетъ улыбнуться и десять.

— Ужь будьте увѣрены, что только не мнѣ, Ѳедоръ Иванычъ. Поймала графиня разъ, говоритъ: возьми въ знакъ дружбы; отказаться, то есть, было нельзя; а деревушекъ дарить не станетъ, будьте-съ покойны на этотъ счетъ, Ѳедоръ Иванычъ.

— Тутъ ничего нѣтъ дурнаго.

— По вашему, можетъ быть, а по нашему, извините.

— Графиня такъ богата, что ей и тысячи ни почемъ.

— Пусть при ней остаются ея тысячи. Горностая я взялъ, правда; буду холить его, кормить, но давай мнѣ за него, кто хочетъ, тысячу душь, не будь я дворянинъ, коли подумаю продать. Подарокъ, такъ пусть умретъ со мною; по крайней мѣрѣ, въ корысти ни кто не осудитъ.

Разговаривая между собою, новые знакомцы наши дошли до завода, пересмотрѣли всѣхъ лошадей поодиначкѣ; лучшимъ приказалъ Ѳедоръ Ивановичъ сдѣлать выводку.

Вооружась длиннымъ бичемъ, штабсъ-ротмистръ

распоряжался въ конюшняхъ графини, какъ бывало у себя въ эскадронѣ. Замѣтивъ что нибудь, онъ гонялъ конюховъ, берейторовъ, давалъ имъ наставленія, повѣрялъ имъ разныя тайны ветеринарнаго искусства, и глубокимъ знаніемъ своимъ удивилъ всѣхъ конюховъ безъ исключенія. Всѣ наперерывъ старались заслужить по своей части одобреніе Петра Авдѣевича и потому не только не уклонялись отъ исполненія его желаній, но старались ихъ предупредить. Когда же очередь дошла до Горностая, штабсъ-ротмистръ, не смотря на предостереженіе трусливаго Ѳедора Ивановича, смѣло вошелъ въ стойло. Конь захрапѣлъ и, приложивъ уши, сталъ суетиться.

— Онъ съѣстъ васъ, берегитесь! закричало нѣсколько голосовъ.

— Кого? меня? а вотъ увидимъ! отвѣчалъ, смѣясь, Петръ Авдѣевичъ.

Крикнувъ на жеребца, онъ сталъ оглаживать его сначала по спинѣ, потомъ по шеѣ, наконецъ по мордѣ, потомъ отвязалъ поводъ отъ кольца, и, какъ старый знакомый Горностая, вывелъ его преспокойно изъ стойла, къ великому удивленію зрителей.

— Ну, что же ты не ѣшь меня, звѣрь ты этакой, разбойникъ? проговорилъ Петръ Авдѣевичъ, держа на длинномъ поводу жеребца, который, какъ бы понимая ласки своего новаго повелителя, плясалъ и заигрывалъ съ нимъ, оскаливая зубы и расширяя ноздри. Ну, что же ты? ѣшь! пора бы кажется. То-то, ребята, продолжалъ штабсъ-ротмистръ, обращаясь къ конюхамъ: не такъ уменъ человѣкъ, какъ чутокъ конь. Покажись ему трусомъ, носъ откуситъ, какъ пить дастъ; подойди же къ нему молодцемъ, да задай острастку на первый случай, небось, пойметъ бестія!

*

— Какъ не понять, пойметъ по неволѣ, животъ не глупый, отвѣчали въ толпѣ, окружавшей отважнаго штабсъ-ротмистра. Вашей милости и владѣть конемъ такимъ, замѣтилъ одинъ изъ старшихъ наѣздниковъ, плечистый и рослый малый съ окладистою, черною какъ смоль бородою: и съ конемъ разстаться не жаль нашему брату.

— Спасибо, братъ, за доброе слово! отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ: а какъ между людьми хорошаго дѣла не дѣлается безъ спрыску, такъ отведи ты мнѣ коня въ Костюково, а за уздечкою не постою, братецъ, и ребятъ всѣхъ поподчуешь.

— Много довольны милостію вашею, Петръ Авдѣичъ, закричали конюхи въ одинъ голосъ: по добру да по здорову ѣздить вамъ на Горностаѣ-то нашемъ и не изъѣздить его во вѣки вѣковъ.

— Да будетъ по вашему, ребята! теперь же поставьте коня! на дворѣ-то смеркается и намъ пора, Ѳедоръ Иванычъ. Вы не зайдете къ ея сіятельству?

— Зачѣмъ же мнѣ безпокоить ихъ? отвѣчалъ управляющій: за приказаніемъ являюсь я по утру.

— А вечерокъ посидѣть бы вмѣстѣ.

— Какъ это посидѣть?

— Ну, просто, Ѳедоръ Иванычъ, какъ сидятъ вечера. Чай, графинѣ одной скучно; посторонній человѣкъ и скажетъ что нибудь и все такое.

— У насъ этого не водится, прошепталъ, улыбаясь, старикъ: вы гости, другое дѣло, а нашему брату нейдетъ проводить вечера съ графинею; прикажутъ они позвать, явлюсь; безъ приказанія, зачѣмъ намъ? безпокоить всякому не приходится.

— Стало, вы на лѣво, а я на право, почтенный Ѳедоръ Иванычъ?

— А ужь такъ, что я на лѣво, отвѣчалъ управляющій, снимая шапку и низко кланяясь.

— Прощайте же, прощайте!

— Добраго вечера желаю... повторилъ Нѣмецъ, отходя съ наклоненною головою отъ костюковскаго помѣщика, который, внутренно гордясь преимуществами своими въ домѣ ея сіятельства, направилъ стопы къ главному подъѣзду дворца.

Слуга доложилъ Петру Авдѣевичу, что ея сіятельство приглашаетъ его на малую половину.

— А гдѣ же эта малая половина? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Съ другаго подъѣзда, отвѣчалъ слуга: угодно, я провожу васъ?

— Сдѣлай, братецъ, одолженіе!

Слуга обвелъ гостя кругомъ главнаго корпуса и, отворивъ небольшую дверь рѣшетки сада, указалъ Петру Авдѣевичу на рядъ ярко освѣщенныхъ оконъ нижняго этажа и на небольшое каменное крылечко, примыкавшее къ окнамъ.

Малая половина графини состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, устроенныхъ подъ сводами, отдѣланныхъ и убранныхъ въ послѣднемъ вкусѣ. По гладкимъ стѣнамъ, обтянутымъ обоями, висѣло множество картинъ современныхъ школъ; всѣ онѣ дышали свѣжестью и легкостью колоритовъ; въ промежуткахъ картинъ пестрѣлись гипсовыя группы; по угламъ горки съ цвѣтами. Въ самой отдаленной отъ входа комнатѣ, въ большомъ мраморномъ каминѣ, пылалъ огонь, а противъ огня, у круглаго рабочаго столика, сидѣла Наталья Александровна и читала, когда вошелъ штабсъ-ротмистръ.

— Какъ у васъ и здѣсь хорошо, сказалъ Петръ Авдѣевичъ, оглядываясь во всѣ стороны.

— Я очень люблю этотъ уголокъ, отвѣчала графиня, откладывая книгу.

— Кто же бы не полюбилъ?

— А знаете ли, Петръ Авдѣевичъ, что эта самая часть дома, два года назадъ, занята была кладовыми и погребами. Кто же бы повѣрилъ этому теперь...

— Зная коротко ваше сіятельство, почему же бы и не повѣрить, замѣтилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Но превращеніе это сдѣлала совсѣмъ не я.

— Кто же-съ?

— Покойный мужъ мой. Усадьба принадлежала ему, но, я право не знаю почему, онъ не любилъ ея.

— Вотъ это ужь странно, ваше сіятельство.

— Вѣроятно, отдаленность отъ Петербурга пугала его. Къ тому же, въ его годы не любятъ, обыкновенно, ни дурныхъ дорогъ, ни одиночества.

— Какихъ же лѣтъ былъ покойный графъ?

— Мужу моему было болѣе шестидесяти пяти.

— Можетъ ли быть-съ?

— Ежели не семьдесятъ, прибавила, улыбаясь, графиня.

— И ваше сіятельство рѣшились выйти за такого старика?

— Я была съ нимъ очень счастлива, Петръ Авдѣевичъ.

— Не смѣю не вѣрить, а странно!

— Графъ былъ уменъ, добръ и любилъ меня очень. Для супружескаго счастія больше ничего не нужно, полагаю. Вы же почему не женитесь, сосѣдъ?

— Ахъ, ваше сіятельство, въ нашемъ быту вещь эта куда мудреная. Самъ бѣденъ, да возьмешь бѣдную жену, пойдутъ маленькія, жизнь проклянешь.

— Поищите богатую невѣсту.

— А гдѣ ее найдешь? И найдешь, ваше сіятельство, неволя ей идти за такого какъ я, напримѣръ.

— Вы слишкомъ скромны, сосѣдъ; и въ столицахъ очень часто бѣдные люди дѣлаютъ блестящія партіи. Сколько примѣровъ знаю я!

— Бѣдные, согласенъ, да бѣдные эти будутъ пообразованнѣе, то есть, повоспитаннѣе меня, ваше сіятельство.... и по французски говорятъ, и кое что читали, такъ, если пріѣдется, да пріѣдетъ въ домъ, никому и не въ догадъ, что молодцу дома и перекусить нечего. А мы, ваше сіятельство, только взглянуть на насъ, такъ и видѣнъ медвѣдь, если не хуже.

— Ни кто не мѣшаетъ вамъ, Петръ Авдѣевичъ, выучиться говорить по французски, ежели только вы находите это необходимымъ, сказала графиня: это зависитъ отъ васъ.

— Зависитъ отъ меня?

— Конечно; человѣкъ, съ вашимъ характеромъ, достигнетъ всего, если только твердо захочетъ.

— Вы не шутите, ваше сіятельство! спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Повѣрьте, нѣтъ.

— И ежели бы я только захотѣлъ, то есть, выучиться по французски...

— Вы бы, въ самое короткое время, стали понимать все, а слѣдовательно и читать.

Штабсъ-ротмистръ крѣпко задумался.

На слѣдующее утро, едва солнце позолотило первымъ лучемъ своимъ верхушки деревъ и металлическіе кресты церквей уѣзднаго города, какъ въ заставу этого города внеслась уже тройка Петра Авдѣевича.

— Къ городничему что ли? спросилъ Тимошка, оборотившись къ барину.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, оглядываясь кругомъ, а какъ бы то... узнать, гдѣ живетъ тотъ... какъ бишь его зовутъ-то? Лукъянъ, или нѣтъ, Дмитрій Лукъянычъ, кажется.

— Смотритель, что ли?

— Ну, да, да; а ты его знаешь?

— Надъ училищемъ что завѣдуетъ?

— Такъ, такъ.

Не отвѣчая ни слова, Тимошка повернулъ лошадей вправо, выѣхалъ на площадь и, не доѣзжая дома городничаго, обогнулъ аптеку и пустился вдоль узкаго переулка по направленію къ ручью.

Штатный смотритель жилъ на самомъ живописномъ мѣстѣ города. Трехъ-оконный домъ его, подгнившій снизу и искривленный на бокъ, какъ бы воткнутъ былъ въ исходящій уголъ вала, висѣвшаго надъ грязною пропастью. Передъ домомъ разстилались огороды, испещренные кучами тѣхъ веществъ, которыя внушаютъ невольное отвращеніе. Мѣстами виднѣлись красноватые остовы падшихъ животныхъ всякаго рода, надъ которыми трудились пестрыя стаи одичалыхъ собакъ. Не рѣдко случалось хозяину дома замѣчать, близъ самыхъ воротъ своихъ, свѣжіе слѣды волковъ, но, не имѣя страсти къ охотѣ, штатный смотритель не обращалъ на нихъ никакого вниманія.

— У себя Дмитрій Лукъянычъ? спросилъ штабсъ-ротмистръ, съ трудомъ поднимаясь по извилистой тропинкѣ, соединявшей улицу съ калиткою дома.

Вопросъ этотъ былъ сдѣланъ Петромъ Авдѣевичемъ женщинѣ, не совсѣмъ старой, не совсѣмъ опрятной и не совсѣмъ обутой, тащившей за собою изъ калитки санки,

нагруженный не совершенно чистымъ бѣльемъ, прихваченнымъ морозомъ. На бѣльѣ сидѣла дѣвочка, лѣтъ трехъ, въ нагольномъ тулупчикѣ, красномъ клѣтчатомъ платкѣ на кудрявой бѣлокурой головкѣ, и съ страшною нечистотою подъ носомъ,

— Ходитсе, у дому, у дому, отвѣчала женщина, постороняясь, чтобы дать гостю мѣсто пройти.

Петръ Авдѣевичъ осторожно перелѣзъ чрезъ высокій порогъ калитки, прошелъ по доскѣ узкій дворикъ, заставленный развалинами и вскарабкался на высокое, сырое и животрепещущее крыльце. Изъ сѣней вылетѣли ему на встрѣчу двѣ испуганныя курицы, а въ прихожей встрѣтилъ его самъ хозяинъ, въ ситцевомъ, короткомъ, изношенномъ халатѣ и какихъ-то суконныхъ башмакахъ. Пораженный появленіемъ у себя ненавистнаго человѣка, штатный смотритель вытаращилъ на него глаза и не нашелъ, что сказать. Замѣтивъ впечатлѣніе, произведенное прибытіемъ своимъ, штабсъ-ротмистръ улыбнулся и началъ рѣчь извиненіемъ, что безпокоитъ такъ рано хозяина, но обстоятельства и покорнѣйшая просьба, которую имѣетъ объяснить...

— Просьба! у васъ, ко мнѣ? спросилъ Петра Авдѣевича смотритель.

— Точно такъ, Дмитрій Лукъянычъ, и очень важная.

— Милости просимъ въ кабинетъ, прибавилъ хозяинъ, указывая на дверь въ единственный покой свой, не совершенно похожій на кабинеты вообще. Кабинетъ штатнаго смотрителя заключалъ въ себѣ ольховую кровать, покрытую овчиннымъ тулупомъ, столъ, обитый кожей, и черный, деревянный диванъ, ни чѣмъ не обитый.

— Желалъ бы я-съ получить отъ васъ нѣкоторыя

свѣдѣнія, Дмитрій Лукьянычъ, началъ Петръ Авдѣевичъ, войдя въ кабинетъ.

— Какого рода прикажете?

— По должности, которую вы занимаете, продолжалъ штабсъ-ротмистръ: вамъ должно быть не безъизвѣстно, какимъ способомъ преподается французскій языкъ?

— Фран-цуз-скій языкъ? протяжно повторилъ штатный смотритель: а вамъ на что это свѣдѣніе?

— Крайне, то есть, нужно.

— Но французскій языкъ преподается просто.

— Какъ просто?

— Просто-съ.

— Какъ же именно просто?

— Французскій языкъ преподается какъ всякій языкъ, у насъ, въ училищѣ.

— Ну, какъ русскій напримѣръ? спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Ну, нѣтъ-съ, не совсѣмъ такъ; однако же приблизительно. Ученикамъ задается-съ урокъ, и ежели ученикъ не знаетъ, то, сообразно съ уставомъ уѣздныхъ училищъ, ему...

— Вы не совсѣмъ поняли меня, перебилъ гость: я желалъ бы знать, легокъ ли способъ преподаванія и надеженъ ли учитель вашего училища. Вотъ что мнѣ крайне интересно.

— Учитель? учителя я знаю коротко, и могу сказать, что добрый и честный человѣкъ; бѣденъ, это правда, впрочемъ, когда бы ни зашелъ къ нему, найдешь рюмку водки и закуска найдется; жена у него хозяйка.

— А кто онъ?

— Учитель?

— Да.

— Онъ, Богъ его знаетъ, кто такой и откуда, а кажется иностранецъ. Выговоръ, знаете, не совсѣмъ чистый: картавитъ и не выговариваетъ многихъ словъ; даже иногда, знаете, смѣшно дѣлается, когда слушаешь.

— А согласился ли бы онъ, Дмитрій Лукъянычъ, научить французскому языку?

— Кого же это?

— Да ужь тамъ все равно.

— Ужь не Пелагею ли Власьевну? замѣтилъ смотритель насмѣшливо.

— О нѣтъ, я давно не былъ у нихъ и бываю-то рѣдко.

— Давно ли же это, Петръ Авдѣичъ?

— Довольно давно.

— Не поссорились ли?

— Нѣтъ, а такъ, времени нѣтъ.

— Новость, коли правда.

— Ей Богу, не лгу, какъ-то не случается; а познакомивъ меня съ учителемъ, вы, то есть, крайне одолжили бы меня, Дмитрій Лукъянычъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, ничего нѣтъ легче, отвѣчалъ въ половину успокоенный смотритель: хотите, сію минуту пошлю за нимъ.

— Очень обяжете.

— Сей часъ пошлю; онъ живетъ съ аптекою на одномъ дворѣ. Кстати, послать кучера вашего, онъ мигомъ слетаетъ. Хотите я растолкую ему адресъ? а вы покурите покуда трубочку; табакъ въ столѣ, безъ церемоніи; вы потрудитесь набить сами, а то людей всѣхъ разослалъ, одинъ сижу.

Ославъ сани штабсъ-ротмистра за французскимъ учителемъ, штатный смотритель возвратился въ каби-

нетъ свой, и издалека завелъ рѣчь сначала о городничемъ, потомъ и о Елисаветѣ Парфеньевнѣ.

— А у насъ, въ городѣ, слухи пронеслись было, что въ семействѣ Тихона Парфеньича затѣвается свадьба, сказалъ Дмитрій Лукъяновичъ.

— Не слыхалъ; не изъ дочерей ли какая выходитъ замужъ? спросилъ разсѣянно штабсъ-ротмистръ.

— Ужь будто и не знаете, про кого я хочу сказать, Петръ Авдѣичъ?

— По совѣсти не знаю.

— Полно, полно!....

— Ей же ей, не знаю и не слыхалъ ни отъ кого.

— Не бось не были ни разу у Кочкиныхъ-съ?

— Быть у нихъ былъ, бывалъ и часто; о свадьбѣ же не говорили.

— Прошу покорно вѣрить вѣстямъ. Намедни Андрей Андреичъ увѣрялъ достовѣрно, что и дѣвичникъ справили.

— Чей же это?

— Пелагеи Власьевны. А знаете ли съ кѣмъ?

— Понятія, то есть, не имѣю....

— Побожитесь!

— Честью увѣряю.

— Экой же онъ вральманъ, этотъ старый! какъ же таки такъ врать! и вы не сватались даже, Петръ Авдѣичъ? спросилъ радостно смотритель.

— Я?

— Вы!

— Рехнулся видно вашъ Андрей Андреичъ?

— Неужь-то и въ помышленіяхъ у васъ не было?

— Въ помышленіяхъ, правду сказать, не то, чтобы не было, да подумалъ хорошенько....

— Что же, что же?

— То, что, какъ подумалъ, знаете, хорошенько, и раздумалъ.

— Ей Богу?

— Ей Богу, повторилъ штабсъ-ротмистръ.

— И такъ таки совсѣмъ себѣ раздумали? спросилъ Дмитрій Лукъяновичъ, не смѣя вѣрить благополучію своему.

— Совершенно, то есть, раздумалъ; и сами разсудите, какая стать? Въ женитьбѣ не полагаю счастья безъ достатка; на Лизавету Парѳеньевну надежда плоха, и свистать придется.

— Истинно свистать пришлось бы, Петръ Авдѣичъ.

— Этого, доложу вамъ, я и боялся.

— Ай да Андрей Андреичъ, ай да правдивый человѣкъ! Вотъ какъ посмѣюсь надъ нимъ, попадись только на глаза, повторилъ штатный смотритель, которому эта вѣсть возвратила всѣ утраченныя имъ надежды.

Убѣдясь, что штабсъ-ротмистръ не соперникъ ему, Дмитрій Лукъяновичъ разцѣловалъ бы его съ горячностью, но ему казалось это не ловко. Кто могъ знать, не вздумалось бы костюковскому помѣщику одуматься; тогда, разъ измѣнивъ себѣ, смотритель не въ состояніи бы былъ поправить дѣла.

Привезенный Тимошкою учитель французскаго языка оказался не иностранцемъ, а, просто, картавымъ малымъ, лѣтъ тридцати пяти, съ рыжими волосами и съ веснушками на лбу и носу. Предложеніе штабсъ-ротмистра: учить французскому нарѣчію одного, какъ говорилъ Петръ Авдѣевичъ, изъ его родственниковъ, принято было рыжимъ господиномъ только что не со слезами благодарности. Онъ передалъ ему, картавя, всѣ подробности своей системы, взялся, за пять рублей ассигнаціями, снабдить новаго ученика всѣми потребными книгами, и

готовъ былъ присягнуть, что ученикъ, меньше чѣмъ въ два мѣсяца, такъ же хорошо будетъ знать по французски, какъ онъ самъ.

— Сами же вы гдѣ научились? спросилъ у него штабсъ-ротмистръ.

— Я-съ? въ газныхъ мѣстахъ, отвѣчалъ господинъ: и выговогъ отъ пгигоды поючій погадочный.

Рѣшено было, что учитель отправится съ Петромъ Авдѣевичемъ въ деревню на всѣ святки, а по прошествіи ихъ, каждую середу будетъ за рыжимъ господиномъ пріѣзжать лошадь и отвозить его въ городъ въ воскресенье. Въ платѣ за уроки уговориться было не трудно штабсъ-ротмистру. Преподаватель согласился получать и деньгами и провизіею и даже дровами. Въ Костюковѣ только сознался учителю своему Петръ Авдѣевичъ, что ученикомъ французскаго языка будетъ онъ самъ, а что не хотѣлъ онъ сказать этого при Дмитріи Лукъяновичѣ, потому что Дмитрій Лукъяновичъ большой болтунъ и сталъ бы звонить о томъ по всему городу.

Первый приступъ показался Петру Авдѣевичу не то, чтобы труднымъ. Азбука походила на русскую и склады тоже немного. Но чѣмъ далѣе погружался онъ въ науку, тѣмъ дѣло казалось ему замысловатѣе, и не поддержи его мысль, что въ скоромъ времени онъ въ состояніи будетъ заговорить съ графинею по французски, быть бы рыжему господину безъ костюковской провизіи и безъ дровъ.

А между тѣмъ и Горностая привелъ чернобородый графскій нарочный въ Костюково, съ запискою отъ ея сіятельства, въ которой ея сіятельство пеняла Петру Авдѣевичу за скорый отъѣздъ и приглашала посѣщать ее чаще, прибавляя, что ей одной очень скучно въ Граф-

скомъ. Записку эту перечитывалъ штабсъ-ротмистръ по двадцати разъ на день, отъ чего и потемнѣла она значительно.

— Ужь не скакать ли намъ въ Графское? спрашивалъ частенько у Тимошки костюковскій помѣщикъ.

— Скакать можно, баринъ, отвѣчалъ обыкновенно Тимошка.

Наступилъ канунъ новаго года, и Тимошкѣ отданъ былъ рѣшительный приказъ изготовить тройку къ послѣобѣду.

Было восемь часовъ вечера, когда въ гостиную графини вошелъ раскраснѣвшійся отъ стужи костюковскій помѣщикъ. Завидѣвъ его, графиня вскрикнула и, въ испугѣ, чуть не упала съ кресель.

— Не бойтесь, ваше сіятельство, воскликнулъ Петръ Авдѣевичъ смѣясь: я явился къ вамъ съ подаркомъ на новый годъ, да только не съ живымъ, а съ мертвымъ. Говоря это, Петръ Авдѣевичъ снялъ съ плечъ своихъ пребольшаго и прежирнаго волка.

— Что это за чудовище? спросила графиня съ любопытствомъ и боязнію: гдѣ вы его достали?

— Только что не на дворѣ вашемъ, ваше сіятельство. Вышелъ день такой: не лѣнись я стрѣлять, волка бы четыре привезъ вамъ.

— Такъ это волкъ?

— Онъ самый, ваше сіятельство, и матерой. Подержись стужа, скоро за ними проѣзда не будетъ. Представьте себѣ: что лощина, то волкъ! а смѣлы какъ, варвары! бѣгутъ себѣ предъ коренной, и горюшки мало, будь только поросенокъ....

— Зачѣмъ же поросенокъ?

— Ахъ, ваше сіятельство, это любезное дѣло, съ поросенкомъ, въ особенности въ эту пору. Они, доложу

вамъ, то есть волки, бѣгаются теперь, такъ, попади только въ волчиху, всю стаю перекатаешь чисто; уйдетъ развѣ шальной какой. Конечно, будь ружье надежное.

— Ружье? возразила графиня: ружья должны быть здѣсь въ домѣ. Точно, мнѣ говорили о какомъ-то арсеналѣ.

Графиня позвонила и приказала вошедшему слугѣ спросить у управителя, гдѣ хранятся оружія, о которыхъ она какъ-то и отъ кого-то слышала. Слуга доложилъ графинѣ, что есть во флигелѣ цѣлая комната, наполненная всякаго рода оружіемъ.

— Хотите посмотрѣть и выбрать для себя, что вамъ понравится? сказала Наталья Александровна штабсъ-ротмистру. А ежели найдется довольно хорошее, прибавила графиня, то мы можемъ сегодня же испытать его.

— Какъ, ваше сіятельство: вы бы рѣшились ѣхать на волковъ? воскликнулъ изумленный штабсъ-ротмистръ.

— Рѣшаюсь, съ большимъ удовольствіемъ, Петръ Авдѣевичъ, только не иначе, какъ съ вами.

— И ваше сіятельство не боитесь?

— Повторяю вамъ: не боюсь ничего. Въ деревнѣ надобно пользоваться всѣми удовольствіями, а ежели къ удовольствію присоединяется опасность, тѣмъ лучше; мы испытаемъ ее.

— А ѣдемъ, такъ ѣдемъ, ваше сіятельство; опасность будетъ или нѣтъ, а волки будутъ, и не будь я Петръ Авдѣевичъ, ежели не привеземъ ихъ полости на двѣ.

Штабсъ-ротмистръ взвалилъ себѣ снова на плеча принесеннаго волка и, оставивъ его въ прихожей, отправился во флигель выбирать ружье. Мимоходомъ онъ отдалъ приказъ людямъ приготовить розвальни, тройку смирныхъ лошадей, поросенка и кулекъ съ длинною веревкою.

Въ графскомъ арсеналѣ нашелъ штабсъ-ротмистръ не только множество ружей всѣхъ націй міра, но и большое количество холоднаго оружія, какъ-то: турецкіе ятаганы, персидскія и черкесскія шашки, дамасскіе кинжалы всѣхъ возможныхъ формъ и величинъ. Глаза Петра Авдѣевича разбѣжались при видѣ богатства, разсыпаннаго по рукояткамъ и ефесамъ восточнаго оружія. Перетрогавъ каждую вещь порознь, онъ обратилъ главное вниманіе на ружья. Нѣкоторыя изъ нихъ показались Петру Авдѣевичу не надежными: ружья эти были легки и вовсе безъ украшеній; можетъ быть, знатокъ предпочелъ бы именно эти всѣмъ прочимъ, но штабсъ-ротмистръ выбралъ одно повальяжнѣе. На стволахъ его искусною рукою вычеканены были олени съ рогами, птицы, похожія на бекасовъ, лягавыя собаки на стойкѣ, и наконецъ изображалось, вѣтвистыми буквами, имя привиллегированнаго мастера Курбатова. Съ нимъ-то и возвратился штабсъ-ротмистръ въ гостиную.

Послѣ чаю, m-r Clément пришелъ доложить ея сіятельству, что сани у подъѣзда.

— Ваше сіятельство не раздумали? спросилъ штабсъ-ротмистръ.

— Напротивъ, отвѣчала гра[illegible]я: чѣмъ темнѣе дѣлается ночь, тѣмъ страшнѣе [illegible] о волкахъ, и потому тѣмъ съ большимъ удов[illegible]ъ я ѣду.

— Но позвольте [illegible]

— Я холода [illegible]

— Однако, [illegible] вѣтру и нѣтъ большаго, [illegible]

— Т[illegible]

Ф[illegible] шубку, соболій капи[illegible]ые башмаки, и шуб[illegible]евичъ зарядить

два ружья, Наталья Александровна сидѣла уже въ розвальняхъ, запряженныхъ тройкою. Пересадивъ Наталью Александровну спиною къ кучеру, штабсъ-ротмистръ спросилъ ее, не угодно ли ей взять кого нибудь съ собою, но получивъ отвѣтъ: зачѣмъ? приказалъ кучеру трогать.

— Ба, да это ты, Тимошка? воскликнулъ Петръ Авдѣевичъ, узнавъ въ кучерѣ своего вѣрнаго служителя.

— Небось, баринъ, повѣрилъ бы я барыню-то кому другому? отвѣчалъ Тимошка снимая шапку: на грѣхъ мастера нѣтъ; нападетъ звѣрь, такъ какъ бы иногда не струсилъ другой, да не надѣлалъ бѣды.

— А ты не боишься ничего? спросила не совершенно твердо графиня, которую замѣчаніе Тимошки обдало холодомъ.

— Богъ помилуетъ, матушка, графиня, авось справимся, и вашу милость не выдадимъ; будь мы вдвоемъ съ бариномъ, и не подумалъ бы кажется, а...

— Если бы не подумалъ съ бариномъ, такъ не думай и со мной, мой другъ, отвѣчала графиня. — Петръ Авдѣевичъ, прибавила она: поѣдемте въ самое дикое мѣсто.

— Вы, ваше сіятельство, не извольте только говорить громко. Звѣрь хитеръ, услышитъ, пожалуй, не пойдетъ, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, понизивъ голосъ: а ты, Тимошка, прибавь ходу, да объѣхавъ ляда, что у рѣчки, спустись въ низину, да держись лѣвой стороны; тутъ самый переходъ и есть.

— Знаемъ-съ, отвѣчалъ Тимошка, стегнувъ лошадей.

Ночь была темна, луна скрылась, и, сливаясь съ небомъ, представляла взорамъ ѣхавшихъ одну темную, непроницаемую полосу. Лошади бѣжали рысью, усадьба

осталась позади; снѣгъ скрипѣлъ подъ санями и, лишь изрѣдка, встрѣчалась имъ то черная, неподвижная сосна, то одинокій пень, то темною грядой, на бѣломъ полѣ, стоялъ безлиственный рядъ кустовъ.

Глубокое молчаніе, царствовавшее какъ въ природѣ, такъ равно и въ розвальняхъ, привело графиню въ невольный трепетъ, но, вспомнивъ о Петербургѣ и дрожа всѣмъ тѣломъ, она улыбалась при мысли о томъ, что сказали бы обожатели ея и чопорныя дамы, если бы волшебный лорнетъ могъ указать имъ, что она сидитъ въ крестьянскихъ дровняхъ, въ обществѣ Петра Авдѣевича и кучера его Тимошки, въ глухую декабрскую ночь, среди пустыхъ полей и лѣсовъ, наполненныхъ волками? Сколько эпиграммъ внушила бы она столичнымъ поэтамъ, сколько злыхъ улыбокъ вызвала бы она на уста свѣтскихъ женщинъ, и въ то же время какъ бы позавидовали ей тѣже самыя женщины и Петру Авдѣевичу тѣ же самые поэты!

— Теперь ступай тише, Тимошка, проговорилъ штабсъ-ротмистръ, выкидывая изъ саней привязанный на длинной бечевкѣ кулекъ, набитый сѣномъ.

— На что это? тихо спросила графиня.

— Это, ваше сіятельство, для того, чтобы приманить звѣря, отвѣчалъ, также тихо, Петръ Авдѣевичъ. Услышавъ крикъ поросенка, котораго я стану потискивать, волки бросятся за нами вслѣдъ и, увидя кулъ, сдуру примутъ его за самого поросенка.

— Но вы не сдѣлаете ему вреда?

— Кому это? поросенку.

— Да?

— О нѣтъ, ваше сіятельство, вѣдь я только легонько вожму ему ногу; пусть себѣ похромаетъ день другой, и живъ останется, ручаюсь вамъ. Вотъ, извольте замѣ-

чать теперь по правой сторонѣ, а я буду смотрѣть на лѣво; мѣсто надежное, вотъ и тропы пошли въ гору; если же, ваше сіятельство, увидите огоньки или самого волка, то извольте только легонько толкнуть меня, но ни слова!

— Богъ мой, какъ это весело! прошептала графиня голосомъ, дрожащимъ отъ страха.

— Еще какъ весело будетъ, погодите, ваше сіятельство, прибавилъ, едва слышно, штабсъ-ротмистръ.

Сани въ это время поровнялись съ мельницею; оставивъ ее вправо, онѣ стали спускаться въ низину, пролегавшую между молодымъ и частымъ соснякомъ. Лошади шли шагомъ; поросенокъ, пожимаемый ногами Петра Авдѣевича, изрѣдка оглашалъ окрестность пронзительнымъ, жалобнымъ крикомъ своимъ, а куль, слѣдовавшій за санями на разстояніи двадцати шаговъ, прыгалъ во всѣ стороны и, цѣпляясь иногда за отдѣльно стоявшіе кустики, дѣлалъ большіе скачки.

— Ужь не холодно ли вамъ, ваше сіятельство? спросилъ штабсъ-ротмистръ, нагнувшись къ графинѣ: вы, мнѣ кажется, изволите дрожать.

— Нѣтъ, но мнѣ страшно немножко, Петръ Авдѣевичъ, отвѣчала графиня: и ежели бы вы позволили прислониться къ вамъ, то, мнѣ кажется, я бы меньше боялась.

— Съ великимъ удовольствіемъ, Наталья Александровна, извольте сѣсть какъ вамъ только угодно будетъ.

Штабсъ-ротмистръ помогъ графинѣ податься нѣсколько назадъ, а самъ помѣстился къ ней такъ близко, что лѣвый бокъ его сдѣлался ея опорою. То, что чувствовалъ Петръ Авдѣевичъ отъ легкаго прикосновенія ея сіятельства, превосходило всякое блаженство. Онъ согласился бы не перемѣнять положенія во всю жизнь.

— Теперь ловко вамъ, ваше сіятельство? спросилъ онъ, и слово «очень» произнеслось устами графини надъ самымъ его ухомъ. Петръ Авдѣевичъ забылъ про волковъ, про Пелагею Власьевну, про ружье свое, даже про поросенка, который, пользуясь разсѣянностію штабсъ-ротмистра, прервалъ дикую свою пѣсню и, притаясь въ мѣшкѣ, сталъ изрѣдка похрюкивать. Но вдругъ въ темномъ углу сосняка мелькнуло нѣсколько двойныхъ фосфорическихъ огоньковъ. Ихъ не замѣтилъ бы Петръ Авдѣевичъ, не замѣтила бы графиня, наблюдавшая за противоположною стороною, но замѣтилъ ихъ кучеръ Тимошка. Подобравъ вожжи, онъ концемъ кнута своего легонько дотронулся до барина.

Штабсъ-ротмистръ вздрогнулъ.

— Берегите слѣва, шепнулъ ему Тимошка.

Забывъ на этотъ разъ самую графиню, Петръ Авдѣевичъ давнулъ ногою поросенка и, схватясь за ружье, согнулся такъ низко, что голова его коснулась колѣнъ. Едва крикъ животнаго раздался изъ мѣшка, какъ три волка однимъ прыжкомъ очутились шагахъ въ двадцати отъ куля.

— Вотъ они, вотъ они! радостно крикнула графиня.

— Тише, ваше сіятельство!

— Ахъ, виновата, совсѣмъ забыла.... но что же вы не стрѣляете, Петръ Авдѣевичъ? вотъ видите ли, они уходятъ.... ахъ, какъ досадно!...

Волки дѣйствительно скрылись въ опушку. Поднявъ голову, штабсъ-ротмистръ, не безъ досады, сдѣлалъ графинѣ строжайшій выговоръ и заключилъ его тѣмъ, что ежели ея сіятельство и впредь станетъ кричать такъ громко, то лучше воротиться домой, а такимъ образомъ охотиться нельзя ни подъ какимъ видомъ.

Чувствуя себя виноватой, Наталья Александровна

кялась отъ всей души и, взявъ Петра Авдѣевича обѣими ручками своими за руку, такъ мило испрашивала у него прощенія, что Петръ Авдѣевичъ наконецъ великодушно простилъ Наталью Александровну, и охота началась снова.

Не знаю, одарены ли волки способностію сообщать другъ другу грозящія опасности, но на разстояніи десяти слѣдующихъ верстъ, хотя голосъ поросенка и не умолкалъ ни на минуту, хотя фосфорическіе огоньки и свѣтились порою въ чащѣ опушекъ, но ни одинъ звѣрь не выбѣгалъ на дорогу и не приближался къ саннмъ.

Ножки графини озябли до того наконецъ, что она принуждена была сознаться въ томъ Петру Авдѣевичу, который, безъ церемонія, отыскалъ ихъ въ складкахъ шубы ея сіятельства и, переложивъ къ себѣ подъ шинель, сталъ тереть такъ усердно, что не прошло и получаса, какъ ножки свои замѣнила графиня ручками: и ручки оттеръ Петръ Авдѣевичъ.

За часъ до разсвѣта возвратились съ неудачной охоты и хозяйка и гости села Графскаго, промерзшіе до костей. Штабсъ-ротмистръ, хотя и говорилъ несладно, но не промѣнялъ бы ночь эту ни на какія другія. Графиня, отогрѣвшись у камина, начала смѣяться, и во время ужина, поднося Петру Авдѣевичу бокалъ съ шампанскимъ, поздравляла его съ наступающимъ новымъ годомъ и объявила рѣшительно, что намѣрена ѣздить за волками каждую ночь.

Слушая и смотря на ея сіятельство, за неимѣніемъ поэтовъ и чопорныхъ столичныхъ дамъ, улыбался и даже зло улыбался одинъ monsieur Clément, бывшій камердинеръ покойнаго графа. Но что думалъ онъ въ это время, то зналъ одинъ онъ.

Петръ Авдѣевичъ, войдя въ свою комнату, погасилъ свѣчу, которая была не нужна, потому что на дворѣ стало свѣтло.

День новаго года, значительно сокращенный долгимъ сномъ, показался однако же графинѣ порядочно скучнымъ. Петръ Авдѣевичъ, не замѣшанный во время катаній и волчьихъ охотъ, не имѣлъ въ особѣ своей ничего такого, что заставило бы Наталью Александровну позабыть петербургскія causeries. Впрочемъ, съ гостемъ своимъ не церемонилась графиня. Признавая въ немъ добраго и не безсмысленнаго человѣка, она была увѣрена, что благосклонность ея къ нему не возбудитъ въ Петрѣ Авдѣевичѣ никакого дерзновеннаго чувства. Дерзновеннымъ назвала бы графиня всякое сердечное чувство ничтожнаго помѣщика къ ея сіятельству. Самая мысль о возможности быть любимою штабсъ-ротмистромъ не приходила на умъ графинѣ. Нужно же было что нибудь дѣлать въ селѣ Графскомъ. Сидѣть одной?— тоска; читать?—на чтеніе употребляла Наталья Александровна по два часа въ день. Завести кругъ знакомства?—въ уѣздѣ съ кѣмъ напримѣръ? Съ Кочкиными? съ городничимъ, съ штатнымъ смотрителемъ? Такая идея и не могла коснуться ума графини, а слѣдовательно и Петръ Авдѣевичъ, такъ нечаянно ниспосланный судьбою, былъ истинный кладъ для села Графскаго. Онъ же, сверхъ безкорыстія и доброты, обладалъ рѣдкимъ въ уѣздахъ качествомъ: былъ человѣкомъ безъ всякихъ претензій. Скажи ему графиня: «Петръ Авдѣевичъ, вы сегодня мнѣ надоѣли, подите спать, но съ завтрашняго числа не ложитесь цѣлую недѣлю», и Петръ Авдѣевичъ почелъ бы себѣ за счастье выполнить волю ея сіятельства, потому что, съ перваго взгляда на ея сіятельство, онъ пересталъ думать о себѣ, о Пелагеѣ

Власьевнѣ, о Костюковѣ, короче, обо всемъ, кромѣ графини Натальи Александровны. Когда на новый годъ графиня сказала ему: «Сосѣдъ! надѣюсь, что вы ближе недѣли не уѣдете отъ меня?» штабсъ-ротмистръ пробылъ ровно недѣлю въ селѣ Графскомъ, и, уѣзжая изъ него, проклиналъ и Костюково и самого себя. По несчастію, костюковскій помѣщикъ не догадался ни разу спросить себя: «что ты именно чувствуешь къ графинѣ? простое расположеніе, дружбу ли? наконецъ уже не то ли, что называютъ любовью? а ежели чувство твое къ ней да послѣднее, къ чему поведетъ оно тебя? какія надежды питаешь ты, добрый, честный, но не полированный помѣщикъ ста двадцати душъ, любя ея сіятельство? или ты вѣришь сочетанію богинь съ пастухами? Нѣтъ, почтеннѣйшій Петръ Авдѣевичъ, сказалъ бы онъ самъ себѣ, ты возвратись въ Костюково и начни снова ѣздить къ Кочкинымъ, потому что Пелагея Власьевна любитъ тебя отъ всего сердца, а ея сіятельство даже не дѣлаетъ тебѣ чести включать особу твою въ тотъ разрядъ людей, которыхъ, въ ея кругу, называютъ противоположнымъ ей поломъ, то есть мужчинами. Но не того мнѣнія былъ уѣздъ и даже городничій.

Тихонъ Парфеньевичъ родился въ ту эпоху, когда женщины съ десятью тысячами душъ предпочитали не рѣдко здоровыхъ мужей всему прочему, и, по его соображеніямъ, милости графини, о которой впрочемъ онъ не имѣлъ никакого понятія, не могли не имѣть основаній положительныхъ. Въ этомъ предположеніи утвердили Тихона Парфеньевича: вопервыхъ, частыя поѣздки штабсъ-ротмистра въ село Графское; вовторыхъ, жеребецъ Горностай; въ третьихъ, ночныя катанья en tête à tête съ Петромъ Авдѣевичемъ, и въ четвертыхъ, новая, неслыханная милость графини къ счастливцу, ко-

стюковскому помѣщику. Послѣднее обстоятельство обнаружилось слѣдующимъ образомъ.

Однажды (это было въ концѣ января), вызванный снова графинею, штабсъ-ротмистръ объявилъ ей, между прочимъ, въ видѣ любезности, что Костюково такъ кажется ему и скучнымъ и грязнымъ послѣ села Графскаго, что при одной мысли зажить въ немъ безвыѣздно, по прежнему, онъ чувствуетъ, то есть, просто тошноту.

Слушая Петра Авдѣевича, Наталья Александровна невольно вспомнила о костюковской гостиной, о залѣ, о мебели, о кривыхъ полахъ, о той гримаскѣ, которую сдѣлала она невольно при видѣ костюковской парадной половины и, завязавъ украдкой на платкѣ своемъ узелокъ, перемѣнила разговоръ и предупредила штабсъ-ротмистра, что на этотъ разъ не отпуститъ его домой ближе двухъ недѣль. Когда же, послѣ перваго обѣда, Петръ Авдѣевичъ, по обыкновенію своему, отправился всхрапнуть, графиня потребовала къ себѣ управляющаго, Ѳедоръ Ивановичъ не замедлилъ явиться.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, господинъ Готфридъ, сказала Наталья Александровна: присланы ли были къ вамъ изъ Петербурга обои для того домика, что въ паркѣ?

— Какъ же, ваше сіятельство, я получилъ ихъ два года тому назадъ, вмѣстѣ съ мебелью и прочими вещами, отвѣчалъ управляющій.

— И мебель есть? какъ я рада!

— Присланa была и матерія для обивки, ваше сіятельство.

— Безподобно! а гдѣ же это все?

— Сохраняется въ теплыхъ кладовыхъ, ваше сіятельство.

— Могу я видѣть?

— Когда приказать изволите?...

— Сію минуту, господинъ Готфридъ, отвѣчала графиня.

Нѣмецъ пошелъ за ключами, а графиня накинула на себя мантилью, позвала monsieur Clément и, въ сопровожденіи его, отправилась въ теплыя кладовыя графскаго дома.

Въ тотъ же вечеръ перенесены были изъ кладовыхъ въ домикъ парка: часть привезенной изъ Петербурга мебели, ящикъ съ обоями, кипа ковровъ и много другихъ предметовъ, тщательно уложенныхъ въ ящики и зашитыхъ клеенкою.

Въ туже ночь, къ противоположной сторонѣ парка подъѣхало нѣсколько крестьянскихъ саней въ одиночку и нѣсколько пошевней, запряженныхъ тройками. Въ первыя уложили мебель и прочія вещи, на вторыя помѣстились разнаго рода мастеровые, а къ свѣту и слѣдъ ихъ замело снѣгомъ.

Въ послѣдующіе дни графиня была весела какъ дитя. Петръ Авдѣевичъ превзошелъ себя въ изобрѣтеніи новыхъ удовольствій. Онъ устроилъ въ саду ледяную гору, на пруду рысистый бѣгъ и скачку тройками, въ полѣ охоту на куропатокъ, и только въ комнатахъ, по вечерамъ, оказывалось воображеніе его совершенно безплоднымъ. За то въ это время приходила къ нему на помощь графиня, которая то учила штабсъ-ротмистра пѣть русскіе романсы, то играла съ нимъ въ дураки, короче, дѣлала, въ свою очередь, все, чтобы сократить гостю самую скучную для него часть дня.

Промчались и эти двѣ недѣли восхитительно для штабсъ-ротмистра и не совсѣмъ скучно для графини. Наступилъ вечеръ отъѣзда костюковскаго помѣщика. Онъ съ стѣсненнымъ сердцемъ возсѣлъ на сани свои, и

пасмурный, какъ темная ночь, помчался въ Костюково Колодезь тожь.

Много названій даютъ люди сердечнымъ чувствамъ нашимъ, но къ настоящему чувству, господствовавшему въ сердцѣ Петра Авдѣевича, не подошло бы ни одно изъ этихъ названій. Преданность его къ Натальѣ Александровнѣ выросла такъ высоко, что въ разлукѣ съ графинею онъ не считалъ себя болѣе въ живыхъ. Вся прошедшая жизнь его какъ бы не существовала: штабсъ-ротмистръ не возвращался мысленно назадъ; настоящее употреблялъ онъ въ селѣ Графскомъ, на изобрѣтеніе забавъ для графини, а о будущемъ и думать не смѣлъ. Оставались для него промежутки, или тѣ дни, тѣ мучительные дни, которые принадлежали Костюкову. Промежутки эти, все таки ради графини, посвящалъ Петръ Авдѣевичъ на искаженіе французскаго нарѣчія, на наполненіе собственной памяти такими словами, которыя могъ понимать развѣ одинъ онъ, да рыжій господинъ, его учитель, и то потому только, что этотъ не произносилъ четвертой части буквъ.

«Что бы стоило, кажется, Костюкову сгорѣть до-тла», думалъ самъ про себя штабсъ-ротмистръ, подъѣзжая къ усадьбѣ своей: «тогда я могъ бы, придравшись къ этому, погостить подолѣе у графини.»

Но бѣдный костюковскій домикъ не только не раздѣлялъ желаній своего обладателя, а блестѣлъ издали, словно цвѣтной фонарикъ.

— Баринъ, а баринъ! произнесъ наконецъ молчавшій во всю дорогу Тимошка: мнѣ мерещится, что въ домѣ-то нашемъ не ладно!

— А что ты видишь?

— Больно свѣтло въ немъ: поглядите-ка въ окнахъ какой свѣтъ. Кому бы, кажется, тѣшиться безъ насъ?

— Не поджегъ ли чего спьяна Ульяшка? замѣтилъ хладнокровно Петръ Авдѣевичъ.

— Нѣтъ, баринъ, на пожаръ не походитъ; поджегъ бы Ульяшка, горѣть бы дому однимъ огнемъ, а то, извольте сами взглянуть: въ однихъ окнахъ синее пламя, въ другихъ алое; чудно что-то! Ужь не чертовщина ли какая? съ нами крестная сила!

— Кой прахъ, вѣдь точно синѣется что-то въ залѣ, проговорилъ штабсъ-ротмистръ, пристально всматриваясь въ окна своего домика: пошелъ же поскорѣе! доѣдемъ, увидимъ.

Тутъ пробѣжавшая роща скрыла на время и домъ и усадьбу Костюкова, а чрезъ минуту страхъ Тимошки превратился въ удивленіе, а недоразумѣніе господина его въ какое-то неизъяснимое чувство, отчасти восторженное, а отчасти грустное.

Бѣдное жилище покойнаго Авдѣя Петровича преобразовалось, какъ бы волшебствомъ, въ прекрасное, даже роскошное жилище холостаго человѣка. Недавно черноватыя стѣны, испещренныя щелями, покрылись разноцвѣтными бумажками. Мѣсто кривыхъ стульевъ и треногихъ диванovъ замѣнила покойная, мягкая мебель. Стѣны увѣсились картинами, изображавшими всѣ возможныя охоты, а въ кабинетѣ своемъ нашелъ Петръ Авдѣевичъ часть графскаго арсенала. Зажженныя карсели разливали въ комнатахъ тотъ яркій свѣтъ, который принятъ былъ Петромъ Авдѣевичемъ за пожаръ, причиненный пьянымъ Ульяшкою, а Тимошкой за чертовщину.

Остановясь у порога залы, Петръ Авдѣевичъ взглянулъ на происшедшія въ домикѣ его чудеса и вздохнулъ глубоко. Потомъ, пройдя медленными шагами весь не длинный рядъ своихъ комнатъ, онъ въ кабинетѣ увидѣлъ знакомое оружіе и, вздохнувъ вторично, сѣлъ въ

кресла. Въ это время слѣдовавшій за нимъ Кондратій Егоровъ подалъ ему письмо. Петръ Авдѣевичъ, все таки молча, распечаталъ пакетъ и прочелъ слѣдующія строки:

«Ежели капризъ мой приведетъ сосѣда и друга мо«его въ негодованіе, то требую, чтобы онъ немедленно «явился ко мнѣ для объясненія.

Наталья Бѣлорѣцкая».

Штабсъ-ротмистръ поцѣловалъ украдкою записку графини, положилъ ее въ карманъ и, найдя въ кабинетѣ своемъ все нужное для письма, принялся отвѣчать. Отвѣтъ Петра Авдѣевича былъ и коротокъ и далеко не замысловатъ: написалъ онъ его безъ предварительныхъ соображеній. Вотъ онъ.

«Ваше Сіятельство!»

«На капризы негодовать долго нельзя: они скоро проходятъ; но то, что чувствую я, отвѣчая вамъ, едва ли пройдетъ когда нибудь.»

Этотъ отвѣтъ повезъ въ село Графское кучеръ Тимошка; а привезъ онъ штабсъ-ротмистру приказъ ея сіятельства не забывать ея надолго.

Оставимъ на время и село Графское и Костюково и графиню съ Петромъ Авдѣевичемъ, а заглянемъ въ давно забытое нами и Петромъ Авдѣевичемъ село Сорочки.

Героиня разсказа нашего, Пелагея Власьевна Кочкина, употребила первое время одиночества своего на ежеминутное ожиданіе штабсъ-ротмистра. Болѣе чѣмъ увѣренная въ неизмѣнности чувствъ къ ней любимаго ею человѣка, она сначала приписывала долгую отлучку его нездоровью, дѣламъ и тысячѣ другихъ причинъ, изъ которыхъ, какъ это случается всегда, ни одна не подходила къ истинной.

Пелагея Васьевна, не смотря на стужу, надѣвала попеременно то розовое, то кисейное, то вердепешевое платье, и ежедневно, въ легкомъ перстяномъ манто, выходила на большой проселокъ, прислушивалась къ малѣйшему шороху, улыбалась всякой проѣзжавшей тройкѣ, но тройка эта, обыкновенно, не сворачивала на сторону, а продолжала преспокойно путь свой и везла незнакомыя лица.

— Онъ вѣрно будетъ къ рождественскому сочельнику, думала Пелагея Васьевна; но сочельникъ прошелъ, а Петра Авдѣевича не было. Елисавета Парѳеньевна посовѣтовала дочери своей погадать для забавы и, выливъ растопленное олово въ стаканъ, наполненный снѣгомъ, мать и дочь, съ неизъяснимымъ безпокойствомъ, стали разсматривать на тѣни, какую судьбу предрекаетъ имъ фантастически вылившійся металлъ. Но узорчатый результатъ гаданья бросалъ на стѣну то профиль развѣсистаго куста, то очеркъ Пиренейскаго Полуострова; но ничего похожаго на скорый бракъ Пелагеи Васьевны съ Петромъ Авдѣевичемъ не рисовалось на грубо обтесанныхъ бревнахъ простѣнка. «Къ новому году онъ будетъ непремѣнно», повторяла довольно часто Елисавета Парѳеньевна, которая, впрочемъ, повторяла это болѣе для утѣшенія дочери, чѣмъ вслѣдствіе собственнаго убѣжденія.

Наступилъ и новый годъ; явился въ Сорочки съ поздравленіемъ, но все таки не Петръ Авдѣевичъ, а Дмитрій Лукъяновичъ, ненавистный сердцу Пелагеи Васьевны. Послѣ обычныхъ привѣтствій, онъ какъ будто удивился, что дамы встрѣчаютъ новый годъ въ такомъ одиночествѣ.

— Кому же быть у насъ въ этотъ день? замѣтила вдова: чай, всякій проводитъ праздникъ этотъ у себя.

— Справедливо, Лизавета Парѳеновна, отвѣчалъ смотритель: о женатыхъ и семейныхъ людяхъ я не говорю, но нашему брату, одинокому....

— Вы и посѣтили насъ, Дмитрій Лукъяновичъ, спасибо вамъ.

— Я — да. Но почему же бы и сосѣдямъ вашимъ, хоть бы Петру Авдѣевичу напримѣръ?

— Онъ вѣрно боленъ, замѣтила Пелагея Власьевна, покраснѣвъ.

— Онъ? не полагаю.

— Что же съ нимъ?

— Съ нимъ? повторилъ смотритель, покачиваясь на своемъ стулѣ: съ нимъ, Пелагея Власьевна, произошли, говорятъ, большія перемѣны.

— Перемѣны?

— Да-съ. Штабсъ-ротмистръ нашъ предался изученію иностранныхъ языковъ.

— Вы шутите, Дмитрій Лукъянычъ? спросила съ недовѣрчивостію вдова.

— Ни мало-съ, божусь! Очень недавно Петръ Авдѣичъ, лично, самъ, пріѣзжалъ посовѣтоваться ко мнѣ, къ какому способу прибѣгнуть для скорѣйшаго достиженія полнаго познанія французскаго нарѣчія, и, по моему же совѣту, приговорилъ на счетъ уроковъ одного изъ учителей подвластнаго мнѣ заведенія.

— Но это чудеса, но это непостижимо, Дмитрій Лукъянычъ! начинать учиться въ эти годы, и на что? и зачѣмъ? и для кого?

— Мы и сами ничего не понимаемъ, Лизавета Парѳеновна; конечно, носятся разные слухи.

— О Петрѣ Авдѣичѣ?

— Именно-съ, о немъ; но слухамъ городскимъ вѣрить не должно.

— А какіе слухи? спросила вдова съ увеличивающимся безпокойствомъ.

— Толкуютъ, продолжалъ смотритель, что штабсъ-ротмистръ сошелся вновь съ одной изъ давнишнихъ знакомокъ своихъ, такъ по русски-то не очень разговоришься при свидѣтеляхъ о вещахъ, собственно до ихъ личности касающихся. По этой причинѣ...

— Позвольте вамъ сказать, Дмитрій Лукъянычъ, перебила Елисавета Парѳеньевна: что это подлинно городскіе толки, по просту сплетни. Какая знакомая? и можетъ ли быть, чтобы не зналъ никто о пріѣздѣ въ уѣздъ новаго лица?

— Не уже ли же вы, Лизавета Парѳеновна, не слыхали о пріѣздѣ графини Бѣлорѣцкой?

— Ужь не графиня ли, по вашему, старая знакомка Петра Авдѣевича? спросила вдова насмѣшливо.

— Такъ говорятъ!

— Сплетни, Дмитрій Лукъянычъ, чистыя сплетни.

— Не знаю-съ.

— Я вамъ говорю, что сплетни!

— Ничего не знаю-съ.

— Статочное ли дѣло, чтобы знатная графиня Бѣлорѣцкая унизила себя до такого анекдота? Присягните, никто не повѣритъ.

— Такъ по какому же случаю живетъ у нея безвыѣздно сосѣдъ вашъ, Лизавета Парѳеновна?

— И это выдумка.

— Нѣтъ, ужь извините, это не выдумка, а правда.

— Вздоръ, Дмитрій Лукъянычъ, вздоръ.

— Истина, неопровержимая истина, Лизавѣта Парѳеновна. Самъ братецъ вашъ подтвердитъ, что графиня изъ Петербурга сдѣлала Богъ знаетъ какой кругъ, чтобы скорѣе повидаться съ штабсъ-ротмистромъ, съ кото-

рымъ знакома была еще до замужства своего. А теперь, какъ овдовѣла, никто не мѣшаетъ, она и шнырь въ Костюково, и ночевала тамъ. Вотъ что, Лизавета Парѳеновна, а говорить можно: вздоръ; говорить что хочешь можно.

Слушая внимательно штатнаго смотрителя, вдова покойнаго судьи и не замѣтила, что Пелагея Власьевна чуть усидѣла на креслахъ, что свѣженькое личико бѣдной дѣвушки покрылось смертною блѣдностью, а на глазахъ выступили двѣ крупныя слезы, которыхъ не смѣла вытереть Пелагея Власьевна. Улуча удобную минуту, она поспѣшно встала и вышла, шатаясь, какъ въ угарѣ.

Если бы въ умѣ племянницы городничаго и затаилось хотя малѣйшее сомнѣніе на счетъ истины сказаннаго Дмитріемъ Лукьяновичемъ, то сомнѣніе это не долго могло служить ей утѣшеніемъ. На слѣдующій день прибылъ въ Сорочки Тихонъ Парѳеньевичъ.. Достаточно было взглянуть на суровое лице его, чтобы убѣдиться въ истинѣ словъ штатнаго смотрителя. Городничій безъ околичностей повторилъ все слышанное о штабсъ-ротмистрѣ, и прибавилъ, что Петръ Авдѣевичъ и знать ихъ больше не хочетъ; и что̀ ему теперь въ какихъ нибудь нищихъ, когда богатая графиня сходитъ по немъ съ ума? Да на все приданое Полиньки не купишь половины такого жеребца, какого подарила ея сіятельство Петру Авдѣевичу. То ли еще будетъ, когда окончится годовой трауръ! И по совѣсти не понималъ Тихонъ Парѳеньевичъ, почему бы Петру Авдѣевичу не сдѣлаться мужемъ графини и чѣмъ онъ ей не пара? Ростомъ и пригожествомъ штабсъ-ротмистръ молодецъ; фамилія Мюнябы-Полевелова старинная. Не богатъ Петръ Авдѣевичъ, за то у графини десять тысячь душь! будетъ съ обоихъ; за чинами же дѣло не станетъ: коли пойдетъ служить, и сенаторомъ будетъ. — А ты, милая,

прибавилъ Тихонъ Парѳеньевичъ, обратившись къ племянницѣ: не рюми; слезами графинею не сдѣлаешься; да выбей-ка себѣ изъ головы всякія аллегоріи; женихъ Петръ Авдѣевичъ не послѣдній на свѣтѣ: пошлетъ Богъ судьбу, будешь счастлива и за другимъ! Богъ сиротъ не оставляетъ.

Городничій нѣсколько разъ съ нѣжностью поцѣловалъ племянницу свою въ лобъ, приговаривая: «что же ты будешь дѣлать, что же ты будешь дѣлать?» а племянница въ это время, закрывъ лице свое руками, всхлипывала, и слезы ея десятью ручьями лились на полъ.

Въ тотъ самый часъ, когда ея сіятельство графиня Наталья Александровна садилась въ сани съ Петромъ Авдѣевичемъ у крыльца замка своего и отправлялась въ первый разъ на волчью охоту, Пелагея Власьевна Кочкина подошла рыдая къ ручкѣ матери своей, поздравляя ее съ наступившимъ новымъ годомъ. А въ ту минуту, когда, на другой день, Пелагея Власьевна, выслушавъ разсказъ дяди своего о вѣроломствѣ жениха, силилась руками удержать слезы, глаза жениха ея были сомкнуты сладчайшимъ сномъ, рисовавшимъ штабсъ-ротмистру и волковъ и арсеналъ графини и самую графиню, во всевозможныхъ образахъ.

Вскорѣ, въ уѣздѣ къ слышаннымъ нами вѣстямъ не замедлила присоединиться и вѣсть о преобразованіи костюковской гнилушки (такъ называлъ городничій домъ Петра Авдѣевича) въ богатый чертогъ.

При первомъ свиданіи съ графинею, по превращеніи костюковскаго домика, штабсъ-ротмистръ попытался было начать благодарственную рѣчь. Но бѣленькая ручка графини прегращіозно зажала ему ротъ и премило заставила молчать.

— Вы знаете, неисправимый ворчунъ, что хоро-

шенькимъ женщинамъ позволяется и прощается все на свѣтѣ, сказала графиня.—И кто вамъ говоритъ, что фантазіи мои относятся къ вашему лицу? Ни мало. Я вспомнила о Костюковѣ вашемъ, вовсе не думая о васъ, и мнѣ пришло въ голову, что, можетъ быть, мнѣ случится еще разъ сбиться съ дороги и провести въ немъ цѣлую ночь, а какъ домикъ, по небрежности хозяина, былъ въ большомъ безпорядкѣ, вы въ этомъ согласитесь со мною, то и приказала я сдѣлать изъ него, что можно.

— Ежели такъ, ваше сіятельство, то съ этого времени костюковскій домикъ принадлежитъ вамъ и я останусь въ немъ сторожемъ, отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ.

— Согласна, Петръ Авдѣевичъ.

— Этого мало, ваше сіятельство: я переберусь во флигель, чтобы присутствіемъ моимъ не водворить того безпорядка, который нашли вы въ моемъ жилищѣ.

— Какъ хотите, сосѣдъ. Но полно говорить о Костюковѣ, а скажите мнѣ лучше, что располагаете вы дѣлать съ собою?...

— Когда, ваше сіятельство?

— Всегда. Я говорю про ваши планы, про будущность вашу?

— А что же дѣлать прикажете? пока ваше сіятельство здѣсь, я буду жить, какъ только можно долѣе, при васъ; а уѣдете вы, мнѣ тогда не все ли равно, что бы со мною ни случилось?...

— Все это очень любезно, сосѣдъ, замѣтила смѣясь графиня: но я серьезно желала бы знать, къ какой цѣли приготовляете вы себя, и не уже ли въ ваши годы человѣкъ можетъ обречь свою особу на вѣчное заточеніе въ глуши, подобной Костюкову?

— Повторяю, ваше сіятельство, что никакихъ плановъ, то есть, не дѣлаю и дѣлать не смѣю; и можетъ ли

нашъ братъ надѣяться на что нибудь, или на кого нибудь?

— Прекрасно, Петръ Авдѣевичъ, и очень пріятно слышать подобный отзывъ о друзьяхъ вашихъ, на которыхъ, какъ вы говорите, надѣяться нельзя...

— Но не уже ли вы, ваше сіятельство, думаете, что я довольно глупъ, чтобы смѣть считать васъ моимъ другомъ?

— Опять, сосѣдъ!

— Повторю тысячу разъ!

— А я повторяю во второй, что запрещаю вамъ включать меня въ число прочихъ, и прошу знать, что ежели кто нибудь имѣлъ случай мнѣ понравиться, то для того истинному участію моему нѣтъ границъ. Слышите ли, несносный человѣкъ?

— Слушаю и не переставъ бы слушать, ваше . . тельство.

— Тѣмъ лучше, потому что мнѣ остается сказать вамъ многое и, чтобы не позабыть, я выскажу это все сей часъ. Вопервыхъ, сосѣдъ, продолжала графиня: вы еще молоды, не дурны собою...

— Ваше сіятельство?

— Молчите и не прерывайте меня, иначе разсержусь пресерьезно.

— Слушаю-съ!

— Повторяю, что вы очень не дурны собою, сказала графиня: умны и благородны, а что всего важнѣе, добры чрезвычайно и можете всякую женщуну сдѣлать счастливою. Положимъ, Петръ Авдѣевичъ, что состояніе ваше можетъ служить препятствіемъ къ женитьбѣ по любви на бѣдной дѣвушкѣ; но любовь проходить и продолжительная дружба, вѣрьте мнѣ, прочнѣе, въ супружествѣ, всѣхъ прочихъ чувствъ. Который вамъ годъ, сосѣдъ?

— Мнѣ, ваше сіятельство? Въ день святаго архистратига Михаила минетъ двадцать девять...

— Двадцать девять, только?... повторила графиня. Ну, а скажите откровенно, Петръ Авдѣевичъ, стара ли бы я была для васъ?... мнѣ двадцать четыре...

— То есть, какъ это для меня?... спросилъ съ недоумѣніемъ штабсъ-ротмистръ.

— Согласились ли бы вы имѣть женою своею женщину подобную мнѣ, точно такихъ лѣтъ, и не бѣдную, разумѣется?

Вмѣсто отвѣта Петръ Авдѣевичъ потеръ себѣ лобъ.

— Что вы не отвѣчаете, сосѣдъ?

Петръ Авдѣевичъ опустилъ руку, поднялъ другую, потеръ себѣ лобъ снова, не переставая смотрѣть на графиню самыми странными глазами.

— Понимаю. Невѣста двадцати четырехъ лѣтъ стара для васъ, замѣтила Наталья Александровна, улыбаясь.

— Вы были такъ долго добры ко мнѣ, проговорилъ наконецъ протяжно костюковскій помѣщикъ: а теперь опять начинаете смѣяться надо мною; за что же бы, ваше сіятельство?...

— Отчего вы думаете, что я смѣюсь надъ вами?

— Богъ васъ накажетъ, прибавилъ штабсъ-ротмистръ съ глубокимъ вздохомъ.

— Вы съ ума сошли, сосѣдъ. Что съ вами дѣлается? воскликнула графиня съ нетерпѣніемъ.

— Дивлюсь, что не совсѣмъ сошелъ еще, потому что вы, ваше сіятельство, кажется, этого желаете. Для чего бы говорить... вамъ мнѣ... про... такія вещи несбыточныя...

— Я говорю, что чувствую и въ чемъ убѣждена.

— То, что чувствуете вы?...

— Клянусь вамъ, мой добрый сосѣдъ.

— И все это не шутка, не насмѣшка?

— А такъ не насмѣшка, что ежели вы согласитесь выполнить совѣтъ мой, то за ваше будущее счастіе ручаюсь вамъ я!...

— Какою же цѣною можетъ купить ничтожный сосѣдъ вашего сіятельства то счастіе, которое предлагаете вы ему такъ великодушно? сказалъ несчастный штабсъ-ротмистръ, бросаясь на колѣни.

— Что вы, что вы?... встаньте, ради Бога, воскликнула графиня, все еще смѣясь, но уже не на шутку испуганная странностію своего сосѣда.

— Нѣтъ, мнѣ лучше такъ!

— Но мнѣ не лучше.

Штабсъ-ротмистръ всталъ и молча усѣлся на прежнее мѣсто, а графиня, никакъ не понимая, что съ нимъ сдѣлалось, приписала неожиданный порывъ Петра Авдѣевича его странностямъ, ей еще не знакомымъ, а для избѣжанія повторенія подобныхъ сценъ, она рѣшилась окончить скорѣе разговоръ, по видимому, слишкомъ раздражительный для чувствительнаго сердца штабсъ-ротмистра.

— Короче, сосѣдъ, сказала графиня; разговоръ этотъ возобновимъ мы не здѣсь, а въ Петербургѣ, куда прошу, а ежели этого мало, приказываю вамъ непремѣнно явиться къ свѣтлому празднику. Къ тому времени мой трауръ конченъ и я свободна.

Графинѣ не мѣшало бы прибавить, что, скинувъ черное платье, она возвратится въ свѣтъ и постарается сама, ежели не забудетъ, или поручитъ кому нибудь поискать невѣсту для своего добраго деревенскаго сосѣда. Если бы графиня высказала всю мысль свою, то бѣдный Петръ Авдѣевичъ не сталъ бы тереть себѣ лба до самаго вечера, а въ полночь не приказалъ бы Ти-

мошкѣ выпустить изъ жилъ своихъ фунтовъ шесть крови. Съ штабсъ-ротмистромъ чуть не сдѣлался параличъ и сдѣлался бы онъ отъ того только, что, по врожденной простотѣ своей, костюковскій помѣщикъ принялъ слова ея сіятельства совершенно въ превратномъ смыслѣ. Какъ же принялъ костюковскій помѣщикъ слова ея сіятельства, то мы объяснимъ ниже.

Приписавъ перевязку руки своей нечаянному ушибу, Петръ Авдѣевичъ скрылъ на другой день отъ графини полуночное кровопусканіе, а говоря съ нею, придавалъ взорамъ своимъ то меланхолически сладкое выраженіе, котораго не придавалъ имъ прежде.

Послѣдующіе дни и недѣли проводились въ селѣ Графскомъ по программѣ разъ начертанной: катанье въ саняхъ смѣнялось катаньемъ съ горъ; по ночамъ охота за волками, по вечерамъ игра въ дураки и пѣніе. Такого рода образъ жизни казался раемъ для Петра Авдѣевича; онъ готовъ бы былъ провести такъ цѣлый вѣкъ. Но, увы! деревенскія забавы эти съ каждымъ днемъ теряли прелесть новизны въ глазахъ графини. Дважды въ недѣлю привозила ей цетербургская почта кипы журналовъ, пакетъ писемъ и въ нихъ полный отчетъ въ столичныхъ наслажденіяхъ. Сколько блестящихъ баловъ и праздниковъ дала столица безъ графини! Сколько новыхъ впечатлѣній сдѣлано другими женщинами на умы ея обожателей, и какъ скоро забываетъ свѣтъ отсутствующихъ! Послѣдняя мысль наводила на прекрасный ротикъ Натальи Алексаидровны горькую, едва замѣтную улыбку. «Пора домой!» начинала говорить иногда сама себѣ Наталья Александровна, но, по счастію, словъ этихъ не слыхалъ штабсъ-ротмистръ.

Прошелъ весь генварь, часть февраля. Морозы значительно уменьшились, а съ ними и ночныя охоты ста-

ли повторяться рѣже. Къ этому лишенію присоединилась порча ледяныхъ горъ, видимо уменьшавшихся отъ теплой погоды.

Навѣщая изрѣдка Костюково, штабсъ-ротмистръ съѣзжался въ немъ съ рыжимъ господиномъ и поражалъ его успѣхами, отъ которыхъ преподаватель только что не приходилъ въ отчаяніе. Петръ Авдѣевичъ началъ понимать нѣкоторыя слова, произносимыя ея сіятельствомъ, не смотря на то, что ея сіятельство за исключеніемъ буквы г произносила всѣ прочія правильно. Изъ подобнаго быстраго изученія французскаго нарѣчія ученикомъ, не явствовало ли для учителя, что въ скоромъ времени костюковская провизія и дрова станутъ оставаться въ Костюковѣ? Сверхъ того, рыжій господинъ терялъ съ Петромъ Авдѣевичемъ послѣднюю практику, ибо въ учебномъ заведеніи, подчиненномъ Дмитрію Лукъяновичу, онъ преподавалъ не это нарѣчіе, а ариѳметику.

Не замѣчая перемѣны, происшедшей въ штабсъ-ротмистрѣ и думая болѣе объ отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, чѣмъ обо всемъ касающемся до села Графскаго и всѣхъ его принадлежностей, графиня Наталья Александровна хотя и продолжала по прежнему оказывать благосклонность къ Петру Авдѣевичу, но глазъ болѣе опытный легко замѣтилъ бы, что ясные дни штабсъ-ротмистра въ селѣ Графскомъ начинали проходить, и что мысли ея сіятельства получили совершенно новое направленіе. Она не жила уже въ своемъ Графскомъ, а доживала въ немъ урочный срокъ; то, что за мѣсяцъ служило забавой ея сіятельству, въ настоящее время ей казалось скучнымъ, томительнымъ. Предлагалъ ли штабсъ-ротмистръ полуночную охоту или просто прогулку въ саняхъ, графиня не говорила болѣе: «ахъ, какъ

это весело!» а просила сосѣда ѣхать безъ нея, отговариваясь то головною болью, то усталостью. Случалось ли Петру Авдѣевичу оставаться въ Костюковѣ лишній день, сверхъ назначеннаго ея сіятельствомъ срока, не являлось за нимъ болѣе посланныхъ, не писалось записокъ. Будь на мѣстѣ штабсъ-ротмистра другой, кто бы онъ ни былъ, всѣ эти отступленія графини отъ недавнихъ привычекъ привели бы его въ отчаяніе.

Отчего же не приходилъ въ отчаяніе костюковскій помѣщикъ? Не остыла ли въ немъ страсть къ обожаемой имъ Натальѣ Александровнѣ? Нѣтъ, но великодушная графиня не сама ли отложила счастіе его до окончанія траура, а, разъ увѣренный въ этомъ счастьи, не долженъ ли былъ Петръ Авдѣевичъ, какъ благородный и деликатный человѣкъ, вооружившись терпѣніемъ, ждать свѣтлаго праздника? «А до свѣтлаго праздника, говорилъ самъ себѣ, понизивъ голосъ, Петръ Авдѣевичъ: ни гугу!» Говоря это, онъ обыкновенно прищуривалъ правый глазъ свой и, поднявъ къ верху правую руку, грозилъ себѣ указательнымъ пальцемъ. Счастливецъ!

Прошла масляница, наступилъ великій постъ, раздался ежедневный протяжный звонъ сельскихъ колоколовъ, повеселѣла окрестность и первая пѣсня жаворонка отозвалась въ сердцахъ поселянъ какою-то неизвѣстною радостію. Блеснуло наконецъ и мартовское солнце, растопились лучами его крещенскіе алмазы, сбросили лѣса свои бѣлые саваны и тысячи ручьевъ, журча и пѣнясь, побѣжали по всѣмъ направленіямъ.

Проснувшись однажды ранѣе обыкновеннаго, графиня Наталья Александровна взглянула въ окно и, ахнувъ, приказала тотчасъ же позвать къ себѣ monsieur Clément. Nous partons aujourd'hui, сказала ему графиня.

— Oui, madame la comtesse, отвѣчалъ Французъ,

и чрезъ пять минутъ въ селѣ Графскомъ поднялась страшная суета. Какъ сумасшедшій бросался во всѣ стороны господинъ Готфридъ; на крикъ его сбѣгалась многочисленная дворня, таскала чемоданы, сундуки, ящики, лазила на имперіалы подвезенныхъ экипажей, и къ полудню разбрелась по угламъ, оставивъ у главнаго подъѣзда палатъ знакомыя намъ графинину карету и кибитку, запряженныя семериками, точно въ такомъ видѣ, въ какомъ встрѣтилъ ихъ, три мѣсяца назадъ, штабсъ-ротмистръ на перекресткѣ двухъ дорогъ.

— Уже, ваше сіятельство? спросилъ у графини Петръ Авдѣевичъ печально.

— Пора, сосѣдъ, отвѣчала Наталья Александровна.

— Но зачѣмъ же такъ спѣшишь?

— Взгляните въ окно: весна.

— Весна далеко, замѣтилъ костюковскій помѣщикъ вздыхая: да почему бы вашему сіятельству не пробыть до лѣтняго пути?...

— О нѣтъ! ни за что! воскликнула графиня, смѣясь: домой пора, Петръ Авдѣевичъ; тамъ ждутъ меня родные, друзья, а здѣсь становится скучно.

Конечно простъ былъ штабсъ-ротмистръ, когда и эта фраза не раскрыла ему глазъ. Нѣтъ, онъ только пожалъ плечами, потеръ себѣ лобъ и вздохнулъ вторично.

— Впрочемъ, прибавила графиня: я надѣюсь скоро видѣть васъ въ Петербургѣ и увѣрена, что вы, сосѣдъ, не забыли нашихъ условій.

— Умру развѣ, такъ забуду, ваше сіятельство.

— То-то же, Петръ Авдѣевичъ: не заживайтесь въ Костюковѣ.

— Провались оно совсѣмъ, подумалъ штабсъ-ротмистръ.

— И ежели по хозяйству вашему, продолжала Наталья Александровна, понадобится вамъ что нибудь, то знайте, что управляющему моему отдано приказаніе...

— Какое приказаніе, ваше сіятельство?

— Я не люблю этого тона, воскликнула графиня, грозя пальчикомъ: вы забыли, что костюковскій домикъ принадлежитъ мнѣ, сосѣдъ.

— О, вамъ, конечно вамъ, ваше сіятельство, и все, что въ Костюковѣ, ваше.

— Тѣмъ болѣе должны бы вы не возражать, а слушать, что я приказываю.

— Виноватъ.

— Прощаю въ послѣдній разъ и повторяю, что ежели бы кому нибудь въ Костюковѣ понадобилось что нибудь, то приказываю тому обратиться къ Готфриду. Понимаете?

— Это слишкомъ, замѣтилъ штабсъ-ротмистръ.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что это уже слишкомъ милостиво, ваше сіятельство.

— Петръ Авдѣевичъ! я запрещаю вамъ пріѣзжать въ Петербургъ.

— Графиня!

— Я болѣе не знакома съ вами, Петръ Авдѣевичъ.

— Ваше сіятельство! завопилъ, всплеснувъ руками, Петръ Авдѣевичъ: не только свято исполню волю вашу, но потребуйте,... ну, что бы такое?

— Такъ лучше, сосѣдъ, и предупреждаю васъ впередъ, что съ капризными существами, подобными мнѣ, можетъ только ладить и ужиться тотъ, кто послушенъ какъ ребенокъ. Будьте же ребенкомъ, Петръ Авдѣевичъ, и до свиданья.

— Прощайте, прощайте, ваше сіятельство, прогово-

рилъ дрожащимъ голосомъ костюковскій помѣщикъ, цѣлуя протянутую ему ручку. Онъ хотѣлъ сказать еще что-то, но не могъ; слезы душили его, а графиня, какъ бы не замѣчая ихъ, вышла уже изъ комнаты. У кареты простился еще разъ Петръ Авдѣевичъ съ ея сіятельствомъ и.... она уѣхала, а онъ, простоявъ минутъ съ десять на дворѣ, вытеръ украдкою глаза свои клѣтчатымъ синимъ платкомъ и возвратился въ прихожую. Онъ не пошелъ далѣе: у стѣнъ прихожей стояли дубовыя лакированныя скамьи, и на одну изъ нихъ усѣлся онъ и проплакалъ еще съ полчаса, какъ плачутъ мужчины.

Тяжка разлука съ родными, съ близкими, но съ тою, кого любишь безотчетно, страстно, разлука похожа на адъ со всѣми его терзаніями, и это вполнѣ испыталъ Петръ Авдѣевичъ. Графиню Наталью Александровну любилъ онъ, какъ любили, вѣроятно, первые люди: чувствомъ полнымъ, сердцемъ неизсушеннымъ тѣми мимолетными ощущеніями, къ которымъ прибѣгаютъ люди нашего вѣка, какъ къ лекарству отъ скуки. На женщинъ не смотрѣлъ еще штабсъ-ротмистръ глазами пресыщенія; въ любви ихъ видѣлъ онъ не прихоть, а высшее благо! Графиня соединяла въ своей особѣ слишкомъ много совершенствъ, чтобы не поработить, въ одно время, какъ нравственныхъ, такъ и чувственныхъ способностей своего бѣднаго сосѣда.

Выплакавъ въ прихожей горе свое, штабсъ-ротмистръ набросилъ на себя шинель, вышелъ, никѣмъ незамѣченный, изъ великолѣпныхъ палатъ графини, и, не оглядываясь, дошелъ до конюшенъ. Тамъ, отыскавъ Тимошку, Петръ Авдѣевичъ приказалъ ему запрячь скорѣе сани свои и, бросивъ въ нихъ чемоданъ, приказалъ гнать лошадей до самаго Костюкова.

Многое и многое передумалъ герой нашъ во время

пути своего. Онъ не замѣтилъ ни поворота къ селу Сорочкамъ, ни двухъ женщинъ, стоявшихъ неподвижно у самаго поворота, ни даже того, что одна изъ этихъ женщинъ была Пелагея Власьевна, блѣдная и исхудалая. Не уѣзжай графиня въ полдень, штабсъ-ротмистръ проѣхалъ бы Сорочки, по обыкновенію своему, вечеромъ, и женщины, стоявшія у поворота, не стояли бы тамъ, потому что Пелагея Власьевна не выходила изъ дому позже сумерекъ.

Въ Костюковѣ Петръ Авдѣевичъ снова посовѣтовался съ Тимошкой, не метнуть ли руду? но Тимошка объявилъ, что кладь была бы пользительнѣе, и кладь эту составилъ Тимошка для господина своего собственными руками.

Какое бы горе ни удручало насъ, а по прошествіи ночи, на утро тоже горе кажется обыкновенно нѣсколько сноснѣе; привыкаетъ ли мысль наша къ нему, или разсудокъ беретъ верхъ надъ нервами, какъ бы то ни было, но на утро слѣдующаго дня штабсъ-ротмистръ напился чаю не безъ удовольствія и осмотрѣлъ оружейную свою съ большимъ противъ прежняго вниманіемъ. При осмотрѣ этомъ присутствовали Кондратій Егоровъ съ сыномъ своимъ, Ульяномъ Кондратьевымъ; но прикасался къ оружію одинъ господинъ, тогда какъ слуги ограничивали удивленіе свое однимъ вытягиваніемъ шей и почтительными междометіями.

Не стану распространяться о житьѣ бытьѣ штабсъ-ротмистра въ Костюковѣ, по отъѣздѣ графини; житье бытье его не представляетъ ровно ничего интереснаго. Въ грустныя минуты свѣтлый праздникъ приходилъ Петру Авдѣевичу на умъ, и, при этой мысли, всѣ черныя думы отлетали. Чѣмъ больше соображалъ и думалъ костюковскій помѣщикъ о послѣднихъ сношеніяхъ сво-

ихъ съ ея сіятельствомъ, тѣмъ больше утверждался онъ въ надеждѣ (кто бы подумалъ?) сдѣлаться ея супругомъ. Къ чему бы говорить было ей, что онъ не дуренъ собой, уменъ, добръ и можетъ составить счастье всякой женщины? Къ чему спрашивала графиня объ его лѣтахъ, и не явно ли предлагала себя въ невѣсты? а окончаніе траура? а неоднократный призывъ въ Петербургъ? а приказъ, отданный управляющему, удовлетворять всѣмъ нуждамъ штабсъ-ротмистра, приказъ, которымъ онъ, штабсъ-ротмистръ, разумѣется, никогда не рѣшился бы воспользоваться. «Однако же», подумалъ Петръ Авдѣевичъ: «праздникъ не за горами; поѣхать въ Петербургъ легко тому, у кого въ карманѣ тысячь пятокъ; у кого же ихъ нѣтъ, нужно достать. А какимъ способомъ? Послать опять за Жидомъ? да что у него возьмешь? сотню, другую, и тѣ есть ли полно? и есть, такъ на прогоны не достанетъ; пріѣдешь въ Питеръ, потребуется партикулярное платье, шляпа цѣлковыхъ въ три, чего добраго и шинель съ бархатными полами — такія носятъ. А жизнь въ гостинницѣ, а извозчикъ? и тьма тьмущая другихъ мелкихъ расходовъ? О Боже! воскликнулъ наконецъ штабсъ-ротмистръ: ну, а подарки невѣстѣ? да какой еще невѣстѣ! Не скажешь же ей: ваше сіятельство, пожалуйте мнѣ тысячку рубликовъ на покупку галантерейностей, которыя вамъ же поднесу! Нѣтъ, братъ Петръ, круто повернись, а деньгу роди, если не хочешь опростоволоситься».

Подумавъ два дня и двѣ ночи, костюковскій помѣщикъ отдалъ Тимошкѣ приказъ запрячь тѣлегу, потому что, съ наступленіемъ четвертой недѣли поста, зима, разбросавъ остатки своихъ снѣговъ по глубокимъ рвамъ и оврагамъ, бѣжала къ сѣверу, предоставивъ дороги покровительству капитанъ-исправниковъ.

Штабсъ-ротмистръ, не знакомый ни съ какого рода страхомъ, посадилъ рядомъ съ собою Тимошку и, взявъ изъ рукъ его вожжу лѣвой пристяжной и плеть, крикнулъ «пошелъ!» и привычная къ быстрому бѣгу тройка его помчалась съ мѣста, какъ изъ лука стрѣла, обдавая сѣдоковъ темноватою жидкостію, перемѣшанною съ снѣгомъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ отъ скопленія воды образовались зажоры, раздумье коней разрѣшалось сильнымъ ударомъ плети и, облитые съ ногъ до головы, господинъ и кучеръ выражали неудовольствіе свое крутымъ русскимъ словомъ и, протеревъ рукавами глаза, продолжали путь безъ оглядки. Но вотъ и большая дорога и ровъ и мостъ и городская застава. «Къ городничему!» крикнулъ Петръ Авдѣевичъ, стряхая съ шинели своей все, что было на ней лишняго.

Съ трескомъ и грохотомъ подкатила штабсъ-ротмистрская тѣлега къ знакомому крыльцу и, узнавъ ее, стоявшій у окна Тихонъ Парфеньевичъ изумился до чрезвычайности. Увидѣвъ въ прихожей нѣсколько женскихъ салоповъ, костюковскій помѣщикъ спросилъ у Дениски, дома ли баринъ и кто у него?

— Лизавета Парфеновна, отвѣчалъ Дениска, низко кланяясь.

— А Пелагея Власьевна здѣсь?

— И Пелагея Власьевна у насъ.

— Ахъ, канальство! проговорилъ сквозь зубы штабсъ-ротмистръ, пріостановясь у дверей залы: да что мнѣ въ самомъ дѣлѣ? прибавилъ онъ, махнулъ рѣшительно рукою и, толкнувъ ногою дверь, вошелъ.

Въ залѣ нашелъ Петръ Авдѣевичъ одного городничаго, поклонился ему и объявилъ, что желалъ бы поговорить съ нимъ наединѣ.

— Какіе же, помилуйте, секреты могутъ быть меж-

ду нами, Петръ Авдѣевичъ? иронически замѣтилъ хозяинъ: мы такъ далеки стали другъ другу, что можемъ, кажется, обойтись безъ всякихъ тайныхъ разговоровъ.

— Обстоятельства, почтеннѣйшій Тихонъ Парѳеньичъ, были причиною долгаго моего отсутствія, сказалъ штабсъ-ротмистръ, запинаясь.

— Я и не въ претензіи, сударь, повѣрьте.

— Что же касается до чувствъ моихъ, сказалъ Петръ Авдѣевичъ: то смѣю доложить, чувства пребываютъ тѣже.

— И до чувствъ мнѣ дѣла нѣтъ никакого, то есть, ни малѣйшаго дѣла; ежели же нужда вамъ до меня, Петръ Авдѣевичъ, то я, по службѣ и обязанности, къ услугамъ вашимъ. Что угодно?

Городничій указалъ гостю на стулъ, и усѣлся самъ, взявшись за бока.

— Никто не подслушаетъ насъ здѣсь? спросилъ гость.

— Не кому-съ и не для чего-съ; въ домѣ, кромѣ своихъ, никого нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, Тихонъ Парѳеньичъ, я долженъ сказать вамъ, что имѣю дѣйствительно большую нужду.

— Во мнѣ-съ?

— Въ васъ, Тихонъ Парѳеньичъ.

— Странно! но извольте говорить, я слушаю.

— Мнѣ нужны деньги.

— Какъ-съ?

— Мнѣ нужно денегъ, Тихонъ Парѳеньичъ, и очень много денегъ, повторилъ штабсъ-ротмистръ.

— Какое же мнѣ до этого дѣло? помилуйте.

— Я предполагалъ, что онѣ есть у васъ.

— У меня-съ?

— Да-съ.

— А ежели есть, то самъ живу и не одинъ. Все покупное; безъ денегъ, какъ вамъ извѣстно, не проживешь нигдѣ.

— Но, можетъ быть, есть лишнія.

— Лишнія-съ?

— Да-съ.

— Какъ лишнія? развѣ бываютъ у кого лишнія деньги? спросилъ съ насмѣшкою городничій.

— Я хотѣлъ сказать, Тихонъ Парфеньичъ, что, можетъ быть, есть у васъ свободные капиталы, которые, то есть, въ Приказѣ приносятъ малые очень проценты, то я могъ бы предложить вамъ большіе.

— Денегъ моихъ никто не считалъ, позвольте вамъ сказать, сударь, и куда бы ни клалъ я ихъ, до того нѣтъ никому никакого дѣла.

— Вы напрасно сердитесь, Тихонъ Парфеньичъ.

— Я не сержусь, а крайне удивляюсь вашему, милостивый государь, предложенію, и не постигаю, чѣмъ я подалъ поводъ....

— Угодно вамъ меня выслушать до конца?

— И такъ давно слушаю, кажется.

— Тихонъ Парфеньичъ, сказалъ штабсъ-ротмистръ, вставая: обстоятельства мои требуютъ, чтобы я былъ къ свѣтлому празднику въ Петербургѣ. Для поѣздки этой нужны деньги, которыхъ у меня нѣтъ. Предлагаю вамъ въ залогъ Костюково: на немъ есть казенный долгъ, но нѣтъ ни недоимокъ, ни частныхъ взысканій. Согласны ли вы дать мнѣ по шестидесяти рублей ассигнаціями за душу, всего семь тысячь двѣсти рублей? Я сію минуту совершаю актъ. Согласны ли?

— Помилуйте, да гдѣ же мнѣ взять такой кушъ! воскликнулъ городничій. Но слова эти уже произнесъ

онъ другимъ тономъ. — Мнѣ, сударь, денегъ мыши не таскаютъ.

— Стало, не согласны?

— Кто говоритъ: не согласенъ? и радъ бы, то есть, совершенно радъ. Имѣніе ваше знаю коротко, денегъ этихъ оно стоитъ, но, но....

— Простите же меня, что обезпокоилъ васъ.

— Позвольте! вотъ что можно бы попробовать, сударь, ежели только вамъ будетъ не противно.... у меня, побожусь, нѣтъ ни алтына, Петръ Авдѣевичъ, вы сами знаете.

— Я ничего не знаю, Тихонъ Парѳеньичъ.

— Ну, не вы, знаютъ другіе; а у сестры Лизаветы Парѳеньевны не попытаться ли....

— Мнѣ все равно...

— Хотите я спрошу?

— Сдѣлайте одолженіе!

— Такъ посидите же здѣсь, а я мигомъ возвращусь, и будьте увѣрены, что только для васъ, единственно для васъ, беру эти хлопоты на себя, сударь.

Штабсъ-ротмистръ отвѣчалъ на увѣреніе хозяина сухимъ поклономъ и, проводивъ глазами городничаго до дверей гостиной, принялся бить пальцами зорю на оконномъ стеклѣ. Отсутствіе городничаго было не продолжительно, а когда онъ возвратился въ залу, лице его приняло озабоченное выраженіе.

— Какой отвѣтъ несете вы мнѣ? спросилъ штабсъ-ротмистръ.—Ежели отказъ, то, сдѣлайте милость, не томите меня, Тихонъ Парѳеньичъ!

— Отказъ, сударь, не отказъ, а въ дѣлѣ такомъ поспѣшность не годится, отвѣчалъ городничій. — Сестра не сказала нѣтъ....

— Стало: да?

— Не сказала и да; а вотъ, изволите видѣть, ей бы, то есть, желательно было бы знать, на какую потребу понадобилась вамъ такая сумма?

— Это мое дѣло.

— Согласенъ, сударь, но Лизаветѣ Парѳеновнѣ какъ-то привольнѣе было бы если бы деньги, вами просимыя, пошли на пользу вашу; хотя вы, почтеннѣйшій, и забыли насъ, прибавилъ улыбаясь городничій: но не менѣе того, все таки мы думаемъ, что Петръ Авдѣичъ намъ не чужой человѣкъ.

— Отъ полноты сердца благодарю Лизавету Парѳеновну за участіе, но тайнъ моихъ, Тихонъ Парѳеньичъ, объяснять не могу, тѣмъ болѣе, что тайны эти принадлежатъ не мнѣ одному....

— Понимаю-съ.

— Понимаете или нѣтъ, дѣло ваше; я, по крайней мѣрѣ, не сказалъ ни слова.

— Скромность вещь похвальная, Петръ Авдѣичъ, въ особенности когда въ тайнахъ участвуетъ важная особа.

— Я молчу, Тихонъ Парѳеньичъ.

— Я не проговорюсь, сударь, будьте благонадежны, а слухами земля полнится. Поговаривали и о жеребчикѣ и о Костюковѣ, и о прочемъ другомъ.

— Рта не зажмешь!

— И не нужно, сударь, когда молва не касается чести; честь при васъ, и великая честь отбить у тысячи соперниковъ такую особу, какова графиня Наталья Александровна.

— Тихонъ Парѳеньичъ, перебилъ, не безъ внутренняго и весьма замѣтнаго удовольствія, штабсъ-ротмистръ: вы, какъ благородный человѣкъ, подтвердите, при случаѣ, что все вами высказанное не было никогда говорено собственно мною.

*

— Слѣдовательно, Петръ Авдѣичъ, слухи-то наши не безъ основанія.

— Я все таки молчу.

— Напрасно, сударь, право напрасно; не вовсе же мы чужіе, и что бы ни повѣрили вы намъ, съумѣемъ сохранить въ тайнѣ.

— Но что же могу я повѣрить?

— Мало ли что! а за довѣріе люди добрые заплатили бы не глупымъ совѣтомъ, сударь. Слова нѣтъ, вы и умный человѣкъ, да молодой: сѣдые волосы иногда стоятъ разсудка! А кто поручится, что дружеское мнѣніе не пригодится, хоть въ Петербургѣ напримѣръ. Намъ не въ диковинку столица: не разъ, сударь, бывали въ ней и живали.

— Какъ, Тихонъ Парфеньичъ, вы были въ Петербургѣ? спросилъ съ живостію штабсъ-ротмистръ.

— Еще бы не быть! да Петербургъ знакомъ мнѣ, какъ мой городъ.

— Какъ я радъ! воскликнулъ Петръ Авдѣевичъ.

— Въ Петербургѣ, сударь, продолжалъ городничій: свѣжему человѣку.... нельзя сказать чтобъ ловко было сначала: запутаешься въ немъ, какъ разъ, безъ знакомыхъ. А у васъ есть знакомые тамъ, Петръ Авдѣичъ?...

— Одна графиня.

— Оно хорошо, даже очень хорошо — не спорю, но, можетъ быть, покажется вамъ не то, чтобы ловко остановиться у нея въ домѣ.

— Разумѣется, нѣтъ.

— Слѣдовательно хоть первую ночь, а придется переночевать въ трактирѣ какомъ нибудь.

— И первую и вторую и недѣлю придется, коли не болѣе.

— А долго намѣреваетесь пробыть въ столицѣ?

— Я? да, таки долговато, отвѣчалъ съ самодовольною улыбкою Петръ Авдѣевичъ.

— Изъ этого, сударь, и заключить не трудно, замѣтилъ улыбаясь городничій: что слухи не ложны, и скоро вамъ на Костюково глядѣть не захочется. И то сказать: село-то Графское ни чуть не хуже, а съ такою женушкою, какъ ея сіятельство, и въ селѣ Графскомъ наврядъ ли соскучишься жить. Эхъ, Петръ Авдѣичъ! ну, что пользы морочить добрыхъ людей! Разскажите по просту, свадьба вѣдь скоро?...

— Тихонъ Парфеньичъ, ну, на что вамъ?...

— Мнѣ? какъ на что? Порадоваться за стараго пріятеля, да предложить ему услуги по силамъ.

— Ну, ну, положимъ, что скоро, отвѣчалъ смѣясь штабсъ-ротмистръ.

— На Ѳоминой, небось?...

— Ну, на Ѳоминой; потомъ-же что?...

— А на Ѳоминой, такъ торопиться дѣйствительно нужно и деньженокъ призапасти не мѣшаетъ....

— Какъ же не торопиться, посудите сами, Тихонъ Парфеньичъ! шила въ мѣшкѣ не утаишь, и скрывать, почтеннѣйшій, не для чего. По правдѣ сказать, коли уже всѣ знаютъ... только, сдѣлайте милость, то есть, не разглашайте. Знаете, не хорошо заблаговременно.

— Предателемъ не былъ и не буду.

— Кто говоритъ о предательствѣ, почтеннѣйшій! такъ, чтобы не сболтнуть.

— Болтаютъ нетрезвые, сударь.

— Боже упаси меня полагать такое, Тихонъ Парфеньичъ.

— А не полагаете, такъ къ дѣлу: право, пора — сестра ждетъ рѣшительнаго чего нибудь; деньги у ней го

товы, закладной въ судѣ не замѣшкаютъ; только, вотъ что, Петръ Авдѣичъ....

— Что же такое?

— Запродажная запись не была ли бы чище? По закладной хлопотъ много: пойдутъ справки да выправки, пожалуй, продлится съ мѣсяцъ въ присутственныхъ мѣстахъ; а будто продали, и дѣло съ концемъ! Заплатите въ срокъ: бумажку въ куски; просрочить вамъ не для чего, и сестра покойна и вы покойны; право бы такъ.

— По мнѣ, пожалуй, сказалъ Петръ Авдѣевичъ, подумавъ съ минуту: какъ ни кончить да кончить. Деньги же скоро можно, то есть, получить?...

— За деньгами остановки не будетъ; вынимайте бумаженку и по рукамъ.

— Ну, благодарю, Тихонъ Парѳеньичъ, услугу важную оказали мнѣ....

— Но не даромъ, перебилъ городничій: чуръ не забыть насъ бѣдныхъ и ничтожныхъ, когда возвыситесь.

— На этотъ счетъ просить не нужно. Одолженье за одолженье, отвѣчалъ смѣясь штабсъ-ротмистръ.

— То-то, сударь, смотрите! обманете, стыдно будетъ.

— Вѣкъ не обманывалъ, Тихонъ Парѳенычъ, а съ тридцати лѣтъ начинать, поздно.

— Гдѣ же свадьба?

— Сказать?

— Разумѣется, сказать!

— Ей Богу?

— Ей Богу, повторилъ городничій, трепля дружески штабсъ-ротмистра по плечу....

— Не выдадите, Тихонъ Парѳеньичъ?

— Что вы! присягнуть прикажете, что ли?

— А не выдадите, такъ не знаю, гдѣ именно свадьба, а думаю быть женатымъ скорехонько.

— Ай да молодецъ! вотъ ужь подлинно молодецъ!

— Не дурно то есть распорядились?

— Чего дурно, сударь! чай, у столичныхъ франтовъ отъ зависти полопаютъ легкія.

— Пусть ихъ лопаютъ, почтеннѣйшій, а какъ женюсь, такой пиръ задамъ, что ахти мнѣ.

— И насъ позовете?

— Еще бы. Женка-то какая будетъ! не чета какой нибудь Коч.... Тутъ штабсъ-ротмистръ прикусилъ себѣ языкъ и присѣлъ, зажимая ротъ.

Въ тотъ же мигъ за притворенными дверьми гостиной раздалось громкое рыданье. Городничій бросился на плачъ, а Петръ Авдѣевичъ, схвативъ фуражку свою, выбѣжалъ вонъ изъ залы. Считаю излишнимъ называть то существо, которое подналъ Тихонъ Парѳеньевичъ съ пола своей гостиной.

Къ страстной недѣлѣ всѣ нужныя бумаги для свершенія сдѣлки штабсъ-ротмистра съ Елисаветою Парѳеньевною Кочкиною были приведены къ окончанію, и денежная сумма, за исключеніемъ значительныхъ процентовъ и еще значительнѣйшихъ расходовъ по дѣлу, вручена городничимъ Петру Авдѣевичу.

Вполнѣ счастливый костюковскій помѣщикъ, не помня себя отъ радости, приступилъ ко всѣмъ приготовленіямъ и, разсчитавъ не только дни, но часы и минуты, онъ отслужилъ въ городѣ молебенъ и торжественно отправился въ Петербургъ. Тихонъ Парѳеньевичъ снабдилъ его всѣми нужными, по мнѣнію его, наставленіями, а Елисавета Парѳеньевна, забывъ всѣ

прежнія, какъ она говорила, непріязненности, вручила ѣхавшему съ бариномъ Ульяшкѣ огромный пирогъ съ печенкою.

Разсчитывая время, штабсъ-ротмистръ не ошибся. Онъ далъ себѣ клятву прибыть въ Петербургъ наканунѣ свѣтлаго праздника, чтобъ первому поздравить ея сіятельство, и за часъ до заутрени тѣлегу Петра Авдѣевича остановили у московской заставы. Подорожная записана, и оставалось назначить ямщику тотъ домъ, или ту гостинницу, въ которой намѣренъ былъ остановиться костюковскій помѣщикъ.

Ночь была темна и туманна — фонари не освѣщали улицъ, а казались желтоватыми пятнами на темномъ полѣ. Петръ Авдѣевичъ выскочилъ изъ тѣлеги, отыскалъ въ карманѣ цѣлую кипу скрученныхъ бумажекъ, исписанныхъ рукою Тихона Парфеньевича, но адреса квартиры, въ которой, двадцать три года назадъ, останавливался городничій, отыскать никакъ не могъ.

— Ну, пошелъ куда нибудь! воскликнулъ штабсъ-ротмистръ, обращаясь къ ямщику: да только, смотри, въ хорошую гостинницу, а не въ дрянь какую нибудь.

— Отвеземъ въ хорошую, баринъ, отвѣчалъ ямщикъ, легонько ударяя коней.

Тѣлега проѣхала Обуховъ Мостъ, Сѣнную Площадь, повернула на право, и, проѣхавъ Невскій Проспектъ, остановилась у воротъ гостинницы Демута. Измученный долгою дорогою, толчками и нетерпѣніемъ, штабсъ-ротмистръ потребовалъ скорѣе нумеръ.

— Въ какую цѣну? спросилъ не совсѣмъ учтиво встрѣтившій его человѣкъ во фракѣ, принявъ пріѣзжаго, сообразно русской пословицѣ, по платью.

— А вы кто то есть такой? Я съ вами не говорилъ,

отвѣчалъ Петръ Авдѣевичъ съ учтивостію, причиною которой былъ фракъ.

— Я служитель здѣшній.

— Служитель?...

— Малые нумера заняты, а осталось отдѣленіе въ бель-этажѣ, продолжалъ слуга: чтобы не показалось дорогонько. Онъ дерзко и насмѣшливо окинулъ взглядомъ грязно одѣтаго штабсъ-ротмистра, который, въ свою очередь, узнавъ, что говорившій съ нимъ такъ непочтительно былъ не болѣе какъ служитель гостинницы, не удовольствовался однимъ словеснымъ отвѣтомъ, но, засучивъ рукавъ правой руки, начиналъ заносить ее по всѣмъ правиламъ наступательной гимнастики.

Фракъ, знакомый, вѣроятно, съ подобными жестами, въ одинъ мигъ перемѣнилъ мнѣніе свое о пріѣзжемъ и, увернувшись отъ штабсъ-ротмистрской ладони, преучтиво пригласилъ его пожаловать за нимъ.

Не познакомь штабсъ-ротмистра село Графское съ роскошнымъ убранствомъ комнатъ, отдѣленіе, которое отведено было Петру Авдѣевичу въ гостинницѣ Демута, конечно бросилось бы ему въ глаза. Малиновые насыпные обои, покрытые слоемъ нечистотъ, почернѣвшіе бронзовые часы и канделабры, триповая, засаленная отъ частаго прикосновенія мебель и потрескавшійся паркетъ — все это намекнуло бы всякому другому постояльцу, что хозяинъ гостинницы заставитъ заплатить его очень дорого за неопрятность своего параднаго отдѣленія. Костюковскому помѣщику было не до того. Заутреня началась во всѣхъ церквахъ, металлическій гулъ раздался во всей столицѣ. «Графиня, думалъ нашъ герой, вѣроятно возвратится изъ церкви не раньше, какъ часамъ къ двумъ, много къ тремъ. Какъ же рада она будетъ! Чай прождала вчера весь день и говорила: вѣр-

но, не будетъ, сердце мое чувствуетъ, что не будетъ! а я тутъ, какъ тутъ!»

— Ульяшка! крикнулъ штабсъ-ротмистръ: поди въ низъ и узнай отъ кого нибудь, гдѣ живетъ ея сіятельство графиня Бѣлорѣцкая.

Ульяшка обратился съ этимъ вопросомъ къ слугѣ; слуга послалъ его къ дворнику, дворникъ пришелъ съ Ульяшкой къ штабсъ-ротмистру и поздравилъ его съ праздникомъ, но о жилищѣ ея сіятельства не зналъ никто изъ прислуги гостинницы Демута.

«Пойду я самъ и справлюсь въ городѣ, сказалъ самъ себѣ Петръ Авдѣевичъ: короче будетъ.»

Не умывшись и не выбривъ лица, онъ на скоро надѣлъ давно знакомый намъ сюртукъ, шинель, фуражку и, приказавъ Ульяшкѣ не отлучаться, вышелъ на улицу. Городъ блисталъ уже тысячами огней, народъ двигался по всѣмъ направленіямъ, кареты скрещались на каждомъ шагу, всѣ лица сіяли радостію. Петръ Авдѣевичъ присоединился къ толпѣ, которая, какъ быстрый потокъ, увлекла его за собою. Чрезъ минуту очутился онъ на дворцовой площади. Тутъ, представившаяся глазамъ штабсъ-ротмистра картина до того поразила его, что онъ забылъ и себя и цѣль поѣздки своей въ Петербургъ. Долго не могъ онъ отвести взоровъ отъ великолѣпнаго зимняго жилища Русскихъ Царей, сіявшаго всѣмъ блескомъ своего величія. Нѣсколько далѣе и на лѣво отъ дворца, на едва колыхающейся поверхности невскихъ водъ, качались фрегаты и другія царскія суда, разукрашенныя разноцвѣтными флюгерами, флагами, и блиставшія тысячами фонариковъ. Еще далѣе, на темно-синемъ горизонтѣ, тянулись черною полосой величавыя стѣны крѣпости и высился къ небу безконечный шпицъ Петро-Павловскаго собора.

Дошедши до набережной, штабсъ-ротмистръ сначала впился жадными взорами въ описанную нами картину, потомъ повернулъ голову на сторону Зимняго дворца, опоясаннаго огненнымъ ожерельемъ. Сквозь стекла оконъ блеснуло ему такъ много золота, такъ много звѣздъ, что пораженный умъ Петра Авдѣевича отказался отъ дальнѣйшихъ соображеній.

«Господи Боже мой! да что же это такое въ самомъ дѣлѣ? проговорилъ въ полголоса костюковскій помѣщикъ. — Неужьто все это мнѣ мерещится?... или доступны людямъ такія чудеса?

При мысли этой онъ погрузился къ глубокую думу, а крѣпость, дрогнувъ, освѣтилась мгновенно яркимъ пламенемъ, разразилась страшнымъ ударомъ и покатила по дремлющей красавицѣ Невѣ волны бѣлаго дыма... На возгласъ крѣпостныхъ каронадъ фрегаты царскіе отозвались оглушительнымъ грохотомъ. Воздухъ потрясся, земля задрожала, и народъ русскій, обнаживъ голову, набожно перекрестился.

— Христосъ Воскресе, родимый! сказалъ какой-то бородатый старикъ въ коричневой сибиркѣ, стоявшему возлѣ него штабсъ-ротмистру.

— Во истину! отвѣчалъ послѣдній, заключая бородача въ свои объятія. Кругомъ лобызались всѣ, какъ лобызается въ кружку своемъ одна родная семья.

Очень довольный неожиданнымъ привѣтствіемъ сибирки, и не простой уѣздной, а столичной, Петръ Авдѣевичъ обратился къ ней съ вопросомъ, не знаетъ ли она, наче чаянія, ея сіятельства графини Бѣлорѣцкой?...

— Знавалъ, батюшка, точно знавалъ, отвѣчалъ бородачъ: и не разъ доводилось вывозить мусоръ со двора ея графскаго сіятельства.

— Какъ я радъ, что ты знаешь! воскликнулъ штабсъ-ротмистръ. — Я, братецъ, признаюсь тебѣ, первый разъ въ Питерѣ и ровно ни съ кѣмъ не знакомъ.

— Такъ-съ!

— У графини же долженъ быть тотчасъ послѣ заутрени.

— А ваша милость сродственники имъ?

— Нѣтъ еще, дружокъ.

— Стало по дѣльцу какому пожаловать изволили?

— По дѣлу, братецъ.

— Понимаемъ-съ!

— Ну, скажи же мнѣ, пожалуйста, гдѣ домъ ея сіятельства? Знаю я, что въ собственномъ живетъ, и улицу называли, да невдогадъ мнѣ и не записалъ. Подумалъ: можетъ ли быть, чтобы въ Питерѣ не знали ея дома.

— Языкъ и до Кіева доведетъ русскаго человѣка.

— То-то и есть.

— Покойница-то, продолжалъ подумавъ бородачъ, проживать изволила на Литейной.

— Покойница? повторилъ съ ужасомъ Петръ Авдѣевичъ.

— А не знали, ваша милость? чай годковъ двѣнадцать есть, какъ скончаться изволила.

— Ужь какой-же ты, братецъ, проговорилъ штабсъ-ротмистръ, глубоко вздохнувъ. — Вотъ перепугалъ! на смерть то есть.

— Чего-съ?

— Я говорю, братецъ, про графиню Наталью Александровну, а ты толкуешь, прахъ тебя знаетъ, про покойницу какую-то.

— Наталья Александровна? повторилъ бородачъ: постой, постой! Эй, Прокопъ, а Прокопъ! подь сюда!

крикнула сибирка, и на зовъ этотъ подбѣжалъ краснощекій парень, въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ и глянцовитой шляпѣ.

— Скажи, пожалуй, спросилъ старикъ: не доводилось ли тебѣ счищать дворъ у золовки покойницы графини Прасковьи Васильевны? ну, той, что, знаешь, въ запрошломъ году....

— Кому требуется, тятинька?...

— Вотъ этому барину.

Быстро повернулся къ штабсъ-ротмистру молодой парень, приподнялъ шляпу свою, тряхнулъ головою, вмѣсто поклона, и, похристосовавшись съ Петромъ Авдѣевичемъ, объяснилъ ему на кудреватомъ нарѣчіи, что графиня Наталья Александровна, то есть золовка покойницы, живетъ въ собственной фатерѣ, на Большой Морской, что домъ богатый, важнѣйшій домъ у графини, да дворня, то есть, безъ всякаго обхожденія, словно гармизонтъ какой. Отыскать Большую Морскую было не трудно штабсъ-ротмистру; домъ же ея сіятельства указалъ ему первый попавшійся ему извощикъ; но весь передній фасадъ этого дома былъ мраченъ, и въ двухъ окнахъ, у самаго подъѣзда мелькалъ слабый свѣтъ. Петръ Авдѣевичъ постучался въ рѣзную дубовую дверь. Онъ не замѣтилъ ручки звонка и другаго способа входить не зналъ; за дверьми не отозвался никто. Петръ Авдѣевичъ повторилъ удары; тоже молчаніе. Онъ повернулся къ дверямъ спиною и каблуками поднялъ такой стукъ, что дремавшій у лѣстницы швейцаръ, въ испугѣ и съ просонья, опрометью бросился къ подъѣзду.

Увидѣвъ небритаго и покрытаго грязью господина, привратникъ ея сіятельства съ негодованіемъ спросилъ у штабсъ-ротмистра, зачѣмъ онъ лѣзетъ.

— У себя ли графиня?

— Графиня? повторилъ протяжно швейцаръ, продолжая всматриваться въ вопрошавшаго. — А что тебѣ въ томъ, у себя ли графиня? зачѣмъ пожаловалъ въ такую пору? стащить, небось, что нибудь?

— Ахъ ты грубіянъ! ахъ ты неучъ этакой! заревѣлъ разгнѣванный костюковскій помѣщикъ: да знаешь ли, ракалія, что, скажи я только слово ея сіятельству, праху твоего не останется здѣсь!

Принимая, вѣроятно, ранняго гостя за бродягу, встрѣтившаго свѣтлый праздникъ слишкомъ весело, опытный привратникъ, не желая заводить шуму, прехладнокровно взялъ Петра Авдѣевича за плечо, и, прежде чѣмъ тотъ успѣлъ сдѣлать какое бы то ни было сопротивленіе, захлопнулъ передъ нимъ дверь и заперъ ее на ключъ. Бѣшенство штабсъ-ротмистра дошло до высочайшей степени; онъ бросился было назадъ, но дубъ устоялъ, и, какъ ни кричалъ Петръ Авдѣевичъ, на крикъ его не появлялся болѣе швейцаръ, а явились два дворника, вооруженные метлами. Они подошли къ нему съ обѣихъ сторонъ, и, взявъ подъ руки, свели съ крыльца, и, приговаривая: «ступай, ступай, любезный!» проводили до самаго Невскаго Проспекта. Напрасно объяснялъ имъ Петръ Авдѣевичъ, что ея сіятельство коротко ему знакома, что пріѣхалъ онъ въ Питеръ единственно для того, чтобы повидаться съ нею, что ея сіятельство приказала ему пріѣхать, дворники не переставали легонько подталкивать его, проговаривая однозвучное «ступай, ступай, любезный!»

— Хорошо же! я васъ ужо, проговорилъ Петръ Авдѣевичъ, и, бросивъ на проводниковъ своихъ гнѣвный взглядъ, скорыми шагами пустился вдоль проспекта.

Домохранители ея сіятельства, постоявъ съ минуту

на углу улицы, молча возвратились домой, а костюковскій помѣщикъ, вспомнивъ, что не знаетъ гдѣ остановился, сталъ въ тупикъ. По счастію, Полицейскій Мостъ показался ему знакомымъ; извощики навели Петра Авдѣевича на самую ближнюю гостинницу, и гостинница эта оказалась Демутовою.

Взойдя въ свое отдѣленіе, костюковскій помѣщикъ взглянулъ въ зеркало и ужаснулся. Лице его и одежда не могли не произвести на швейцара неблагопріятнаго впечатлѣнія, и, помирясь мысленно съ ночными неудачами своими, Петръ Авдѣевичъ положилъ отсрочить свиданіе свое съ ея сіятельствомъ до поздняго утра. Вытребовавъ рюмку водки и кушанья, онъ поѣлъ, раздѣлся и легъ отдохнуть.

Ульяшка, повытаскавъ изъ чемодана скромный барскій скарбъ, развѣсилъ его по всѣмъ диванамъ, кресламъ и стульямъ; потомъ вычистилъ штабсъ-ротмистрскіе сапоги, выбилъ трубку и, не снимая тулупа, улегся на одной изъ кушетокъ, обитыхъ трипомъ, которая показалась Ульяшкѣ удобнѣе прочихъ. Слуга заснулъ прежде господина: думать было ему не о чемъ, дворца и Невы онъ не видалъ, а поужинать успѣлъ Ульяшка въ плотную, выпить также. Чего же болѣе для русскаго человѣка, не взыскательнаго по природѣ своей?

Давно проснулась столица, и народъ кипѣлъ въ ней какъ въ котлѣ. Въ блестящихъ каретахъ мчались по Невскому Проспекту блестящіе мундиры. Дождь визитныхъ карточекъ лился въ прихожія богатыхъ домовъ, все бодрствовало, все шевелилось кругомъ, и не шевелился одинъ штабсъ-ротмистръ; не шевелился и вѣрный грязнымъ привычкамъ своимъ Ульянъ, превратившій, въ нѣсколько часовъ, прикосновеніемъ своимъ, бархатъ кушетки въ матерію невѣдомаго рода.

При пробужденіи, штабсъ-ротмистра ожидало нѣсколько новыхъ неудачъ. Во первыхъ, онъ проснулся не въ восемь часовъ, а въ четыре по полудни: значило, часъ поздравленій прошелъ давно; во вторыхъ, Петру Авдѣевичу объявили, что всѣ магазины и лавки не отопрутся до четвертаго дня праздника, а въ третьихъ, донесъ дворникъ, что въ Кирочной, по врученному ему штабсъ-ротмистромъ адресу, не нашелся тотъ, отрекомендованный Тихономъ Парфеньевичемъ портной, жившій въ Петербургѣ двадцать два года назадъ, а отыскался таковой близъ Чернышева Моста. Дворникъ вызывался даже проводить къ нему штабсъ-ротмистра, но не ранѣе четвертаго дня праздниковъ, потому что въ первые дни всякій гуляетъ, замѣтилъ дворникъ.

Петръ Авдѣевичъ вздохнулъ протяжно, помочилъ языкомъ своимъ усъ, подергалъ его и разсудилъ, что показаться ему въ свѣтъ, не представившись ея сіятельству, было бы крайне не ловко, и лучше просидѣть эти дни на своей половинѣ и дать время лицу и рукамъ штабсъ-ротмистра отойти. Лице штабсъ-ротмистра и руки были дѣйствительно такого не нормальнаго цвѣта, что, разсматривая ихъ внимательно, можно было бы подумать, что продержалъ ихъ Петръ Авдѣевичъ въ какомъ нибудь химическомъ растворѣ, въ составъ котораго вошло изрядное количество ѣдкихъ веществъ. Трое сутокъ провелъ костюковскій помѣщикъ у окна гостинницы своей, отъ утра до сумерекъ, а въ сумерки выходилъ въ корридоръ и, куря трубку, бесѣдовалъ то съ слугами гостинницы, то съ мимопробѣгавшими горничными. У первыхъ спрашивалъ онъ, что дѣлается новенькаго, а у послѣднихъ, кто ихъ господа и изъ какой губерніи.

Наступило утро четвертаго дня. Пробудясь доволь-

но рано, Петръ Авдѣевичъ приказалъ нанять суточнаго извощика, и въ сопровожденіи дворника пустился въ городъ. Первый визитъ, имъ сдѣланный, былъ къ портному Савелью Лебедкину, обитавшему на чердакѣ, близъ Чернышева Моста. Портной, худенькій человѣчекъ съ известковыми наростами на ногтяхъ, сначала разсыпалъ на столѣ кучу разноцвѣтныхъ кусочковъ шерстяныхъ матерій и помогъ выбрать изъ нихъ самыя модныя, потомъ, снявъ съ штабсъ-ротмистра мѣрку, обязался поторопиться изготовленіемъ всѣхъ заказанныхъ ему штукъ. Отъ портнаго Петръ Авдѣевичъ заѣхалъ въ гостиный дворъ, купилъ полдюжины готоваго бѣлья съ прошивочками, манжеты на руки, шляпу, палку, двѣ пары сапоговъ, стклянку съ восточнымъ букетомъ, то есть пачулею и, очень довольный всѣми пріобрѣтенными вещами, возвратился въ гостинницу. Вечеръ того дня прокурилъ онъ въ бильярдной палкинскаго трактира, а все слѣдующее утро употребилъ штабсъ-ротмистръ на дополненіе, въ гостиномъ дворѣ, своего щегольскаго туалета. Онъ не забылъ ни пестраго шарфа, ни булавки съ розетками, ни блестящихъ запонокъ, ни перчатокъ перваго сорта, притомъ просторныхъ, какъ вообще любилъ ихъ, находясь еще въ службѣ.

Побуждаемый то дворникомъ, то Ульяшкою, Савелій Лебедкинъ окончилъ къ сроку принятой заказъ и всѣ штуки разомъ принесъ ожидавшему его Петру Авдѣевичу. То было въ пятницу.

Глаза костюковскаго помѣщика разбѣжались, когда Лебедкинъ, съ свойственною портному ловкостію, разостлалъ передъ нимъ новый «тувалетъ» его. И дѣйствительно, ни что не могло сравниться съ изысканностію цвѣтовъ тѣхъ матерій, изъ которыхъ были сшиты новыя платья. Какія полосы не бѣжали по нижнимъ плать-

ямъ! съ какими другими полосами не смѣшивались онѣ, образуя то кружки, то полукружки! А пуговицы на голубомъ и коричневомъ фракѣ! поднеси ихъ къ свѣту: глазамъ больно станетъ! на иныхъ красовалась древесная вѣтка, на другихъ словно звѣзда съ лучами и всякими прочими затѣями. Больше всего понравился Петру Авдѣевичу лиловый жилетъ съ вышитымъ бордюромъ, такимъ выпуклымъ, что дотронься до него слѣпой, онъ тотчасъ бы догадался въ чемъ сила. Поблагодаривъ Лебедкина за платье и снабдивъ его новыми заказами, штабсъ-ротмистръ приказалъ Ульяшкѣ сходить за цирюльникомъ, а самъ усѣлся бриться.

Ровно въ полдень вошелъ костюковскій помѣщикъ въ прихожую дома ея сіятельства. Швейцаръ, не узнавшій гостя, доложилъ, что графиня еще не принимаетъ.

— Скажи, братецъ, ея сіятельству, что я не посторонній, а Петръ Авдѣичъ Мюнябы-Полевеловъ, и больше ничего; впрочемъ, пріятель, ихъ сіятельство тамъ уже знаютъ...

Посланный швейцаромъ слуга немедленно возвратился и, къ великому удивленію перваго, доложилъ гостю, что изволили приказать просить.

Поправивъ воротнички манишки и пригладивъ волосы, Петръ Авдѣевичъ съ трепетнымъ біеніемъ сердца пошелъ по лѣстницѣ на верхъ.

На Петрѣ Авдѣевичѣ былъ коричневый фракъ, лиловый жилетъ, пестрый шарфъ, стразовая булавка, блестящія запонки, и панталоны полосатые до крайности. Цирюльникъ придалъ головѣ его запахъ бергамота, смѣшаннаго съ поджареннымъ масломъ, оставшимся вѣроятно на щипцахъ. Лацканы же фрака и носовой платокъ заражены были восточнымъ букетомъ пачули.

Пройдя длинную анфиладу комнатъ, далеко не столь роскошную на глаза Петра Авдѣевича, какъ покои села Графскаго, онъ повстрѣчалъ хозяйку въ дверяхъ спальни.

— Здравствуйте, сосѣдъ! воскликнула графиня съ такою же точно улыбкою на устахъ, съ какою обыкновенно встрѣчала она сосѣда своего мѣсяцъ назадъ.— Очень, очень рада видѣть васъ; наконецъ вы въ Петербургѣ, сосѣдъ! прибавила она, протянувъ ему свою ручку.

— Я пріѣхалъ не сегодня, ваше сіятельство, а какъ приказать изволили, то есть, какъ разъ къ заутрени свѣтлаго Христова Воскресенья.

— Что же вы дѣлали до сихъ поръ и почему не были еще у меня?

— Я былъ, ваше сіятельство, но люди ваши не допустили меня.

— Быть не можетъ!

— Божусь.

— Но когда же? мнѣ ничего не сказали.

— Я заходилъ, ваше сіятельство, поздравить въ утро перваго дня.

— Теперь понимаю, перебила графиня: люди мои были напуганы какимъ-то бродягою, а, можетъ быть, и негодяемъ, который, вообразите себѣ, сосѣдъ, былъ такъ дерзокъ, что насильно ворвался въ домъ и кричалъ такъ громко, что люди должны были прибѣгнуть къ силѣ и съ трудомъ выгнали его на улицу. Вотъ отчего и васъ, думаю, какъ незнакомаго человѣка, не приняли.

Слушая ея сіятельство, костюковскій помѣщикъ вспыхнулъ и не только не назвалъ имени бродяги, но навелъ разговоръ на другіе предметы.

Наталья Александровна, какъ и въ селѣ Графскомъ,

посадила рядомъ съ собою Петра Авдѣевича, напоила его кофеемъ, смѣялась, шутила, но, чего не замѣчалъ штабсъ-ротмистръ, называла его не иначе, какъ «сосѣдъ»; а называла его такъ графиня потому, что имени и отчества припомнить никакъ не могла.

Два часа пробылъ счастливецъ въ прекрасномъ будуарѣ графини и премило выпровоженъ былъ ею, съ строгимъ приказомъ не забывать ея и являться часто и безъ церемоніи.

«Боже праведный! за что изливаешь Ты на недостойнаго раба твоего такую благодать!» повторялъ съ чувствомъ костюковскій помѣщикъ: «и чѣмъ я заслужилъ столь великія щедроты Твои?» И рѣчь эту повторялъ по нѣскольку разъ въ день Петръ Авдѣевичъ.

Усердно промолясь часть ночи, штабсъ-ротмистръ далъ обѣтъ сходить пѣшкомъ въ Невскій Монастырь, отслужить угоднику молебенъ, потомъ поклониться Казанской Богоматери. Чрезъ сутки онъ снова отправился къ своей графинѣ, но черезъ сутки графиня не могла принять его; она поздно легла въ постель и будить себя не приказала. Петръ Авдѣевичъ прождалъ три дня, а на четвертый сдѣлалъ новую попытку. Графини не было дома.

«Что же бы это значило?» подумалъ костюковскій помѣщикъ и, пропустивъ еще нѣкоторое время, снова явился въ прихожую ея сіятельства.

Промежутки между визитами своими къ ея сіятельству убивалъ Петръ Авдѣевичъ частію на улицахъ, частію въ биллярдной палкинскаго заведенія, гдѣ удалось ему завестись обширнымъ знакомствомъ. Тамъ нашелъ герой нашъ людей очень обязательныхъ и счастливыхъ игроковъ; говорю счастливыхъ потому, что нѣкоторые изъ нихъ выигрывали у Петра Авдѣевича только тогда,

когда Петръ Авдѣевичъ ставилъ порядочный кушъ. Другіе изъ обязательныхъ знакомцевъ палкинскаго заведенія не играли съ нимъ вовсе, но держали пари, удвоивая куши при выигрышѣ. Результатъ штабсъ-ротмистрскаго препровожденія времени въ бильярдной обозначался половинною убылью капитала, занятаго у Елисаветы Парфеньевны Кочкиной. Впрочемъ, стоило ли думать Петру Авдѣевичу о такихъ пустякахъ? Не ниспосылало ли ему небо въ числѣ великихъ щедротъ десять тысячь душь и много прочаго другаго? Съ такими утѣшительными мыслями и прибылъ онъ въ домъ ея сіятельства послѣ недѣльной разлуки.

На обычный вопросъ: принимаетъ ли графиня? швейцаръ отвѣчалъ: пожалуйте. И въ томъ же будуарѣ засталъ графиню штабсъ-ротмистръ, и на тѣхъ же креслахъ пилъ съ ея сіятельствомъ кофе, и долго, долго говорилъ и шутилъ. Графиня продолжала называть его просто сосѣдомъ.

На этотъ разъ произошла въ свиданіи Петра Авдѣевича съ ея сіятельствомъ одна только ничтожная варіація. Вошелъ въ будуаръ, безъ доклада, какой-то, очень не дурной собою, молодой человѣкъ, который даже не поклонился графинѣ, а просто пожалъ ей руку и, съ любопытствомъ посмотрѣвъ на штабсъ-ротмистра, преспокойно усѣлся на первыя попавшіяся кресла. Страннымъ показалось костюковскому помѣщику, что на молодомъ человѣкѣ этомъ не было ни запонокъ, ни булавокъ, ни даже пестраго платка, а просто что-то черное. Нижнее платье его не притянуто даже было къ низу двумя глянцовитыми штрипками, а, вмѣсто шарфа, на шеѣ былъ небольшой черный платокъ, повязанный весьма небрежно. «Разгильдяй!» подумалъ штабсъ-ротмистръ, отвернувшись отъ помѣшавшаго ему гостя.

Нужно было графинѣ, какъ хозяйкѣ дома, спросить у новаго гостя что нибудь; она и спросила по французски. Петръ Авдѣевичъ уже понималъ это нарѣчіе, и понялъ, что графиня спросила, отчего уѣхалъ онъ вчера такъ рано отъ нея?

— Je tombais de sommeil, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

«Невѣжа!» подумалъ Петръ Авдѣевичъ.

Въ свою очередь и молодому человѣку нужно же было спросить у хозяйки что нибудь; онъ и спросилъ у нея, взглянувъ искоса на штабсъ-ротмистра: «D'où vous tombe ce prodige?

— Cela? c'est un de mes pauvres voisins de campagne, brave homme du reste, que je voudrais marier.

— Avec qui donc, par exemple?

— Peu importe, отвѣчала смѣясь графиня.

И этихъ немногихъ словъ достаточно было Петру Авдѣевичу, чтобы, забывъ всѣ приличія, издать глухой, ужасный стонъ, побагровѣть и подняться на ноги.

— Что съ вами, что это? воскликнула испуганная графиня, со страхомъ смотря на него.

— Ни-че-го-съ! отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, и, шатаясь, вышелъ изъ будуара.

Въ тотъ же вечеръ, заплативъ въ гостинницѣ Демута по неповѣренному никѣмъ счету, костюковскій помѣщикъ приказалъ нанять лошадей до первой станціи и въ сумерки выѣхалъ изъ Петербурга въ той самой тѣлегѣ, въ которой въѣхалъ въ него такъ недавно.

Петръ Авдѣевичъ не пилъ, не ѣлъ, не спалъ и не говорилъ ни слова. Въ карманѣ Петра Авдѣевича находилось достаточно денегъ на прогоны, на весь путь до Костюкова. Какое счастье!

Первымъ дѣломъ штабсъ-ротмистра, по пріѣздѣ его

на родину, было слѣдующее распоряженіе. Онъ снялъ со стѣнъ своего домика картины, оружія и прочія украшенія, бережно уложилъ все въ ящики и, вмѣстѣ съ мягкою мебелью, отправилъ въ село Графское. Потомъ принялся Петръ Авдѣевичъ сдирать со стѣнъ разноцвѣтныя бумажки, а кончивъ и это занятіе, приказалъ разставить по комнатамъ все, что находилось въ нихъ до пріѣзда графини. Горностай подвергся той же участи, но разстаться съ нимъ штабсъ-ротмистръ не могъ еще никакъ. Онъ просидѣлъ въ стойлѣ его цѣлый часъ, а возвратившись въ спальню, прилегъ на трехногій диванъ свой и горько заплакалъ.

Въ продолженіе одной недѣли голова штабсъ-ротмистра покрылась сѣдиною, глаза его потухли, щеки впали, а отросшая борода придала недавно свѣжему лицу его выраженіе страдальца; онъ не говорилъ ни съ кѣмъ, не входилъ въ хозяйство, а ежели случалось Кондратью Егорову докладывать, что нужно бы купить кое что для дома, но денегъ не было въ конторѣ, Петръ Авдѣевичъ отвѣчалъ обыкновенно: не нужно, и знакомъ приказывалъ приказчику выйти.

Такъ протянулась еще недѣля, а за нею насталъ и срокъ платежа семи тысячь двухъ сотъ рублей, занятыхъ у Кочкиной. О срокѣ этомъ, конечно, не вспомнилъ бы костюковскій помѣщикъ, но вспомнилъ Тихонъ Парѳеньевичъ, и, въ сообществѣ Дмитрія Лукьяновича, пожаловалъ въ Костюково. Войдя въ первую комнату, городничій оглянулся во всѣ стороны и покатился со смѣху.

— Ба! воскликнулъ онъ, утирая глаза рукою: старые знакомые, добро пожаловать; посмотри-ка, братъ, Дмитрій, и стульчики и столы все наслѣдственное; видно гости-то разъѣхались по домамъ. Ай да Петръ Авдѣевичъ, вотъ разодолжилъ!

Новый смѣхъ, къ которому присоединился и смѣхъ Дмитрія Лукьяновича, раздался въ бѣдныхъ стѣнахъ жилища штабсъ-ротмистра.

— Гдѣ же баринъ? спросилъ наконецъ Тихонъ Парѳеньевичъ у Кондратья Егорова, стоявшаго у дверей въ грустной задумчивости.

— Баринъ не здоровъ, отвѣчалъ приказчикъ.

— Чай, послѣ петербургскихъ свадебныхъ пировъ? Чему дивиться, занеможешь какъ разъ съ непривычки-то; ну, братецъ, такъ веди же насъ къ нему: дѣльце есть небольшое.

Петръ Авдѣевичъ, не обративъ ни какого вниманія на слышанный имъ смѣхъ и сарказмы, просилъ гостей извинить его и присѣсть.

— Рады бы, сударь, да нѣдосугъ намъ, почтеннѣйшій, отвѣчалъ городничій; мы, извольте видѣть, пожаловали къ вамъ по дѣльцу.

— По какому, Тихонъ Парѳеньевичъ?

— Сегодня срокъ, сударь, должишкѣ; онъ, разумѣется, плевый для васъ; ну, а сестрѣ Лизаветѣ...

— У меня нѣтъ денегъ, Тихонъ Парѳеньичъ, сказалъ равнодушно штабсъ-ротмистръ.

— А нѣтъ, такъ и не нужно; условіе останется въ полной силѣ; а сказано въ немъ: что, буде я, то есть отставной штабсъ-ротмистръ Петръ Авдѣевъ, сынъ Мюнябы-Полевеловъ, такого-то числа и года не возвращу обратно вдовѣ надворнаго совѣтника Лизаветѣ Парѳеновой Кочкиной, полученныхъ мною, въ видѣ задаточной суммы, семи тысячь двухъ сотъ рублей государственными ассигнаціями, то вольна она, Лизавета Парѳенова, дочь Кочкина, вступить во владѣніе родовымъ имѣніемъ моимъ и проч. и проч.

— Что же мнѣ теперь дѣлать? спросилъ Петръ Авдѣевичъ.

— Что? повторилъ смѣясь городничій; а что же дѣлать? или возвратить заимствованную сумму, или снабдить, хоть меня, или, пожалуй, племянника форменною довѣренностію для свершенія именемъ вашимъ купчей крѣпости. Да, я вѣдь и забылъ было сообщить вамъ, мой почтенный, о сочетаніи законнымъ бракомъ родной племянницы, вы помните ее, можетъ статься, Пелагеи Власьевны съ Дмитріемъ Лукъяновичемъ.

Штабсъ-ротмистръ не отвѣчалъ ни слова.

— Что же вы, сударь, не поздравите меня? вотъ это не хорошо, прибавилъ Тихонъ Парѳеньевичъ: я въ подобномъ, или, правда, не совсѣмъ подобномъ случаѣ, а, помнится, и радовался и поздравлялъ васъ...

Высказавъ это, городничій кивнулъ штатному смотрителю, и оба зажали рты платками, чтобы не лопнуть со смѣху.

Убѣдившись, что Петръ Авдѣевичъ или не слышитъ ничего, или уже Богъ знаетъ что съ нимъ дѣлается, Тихонъ Парѳеньевичъ подложилъ ему заблаговременно подготовленную довѣренность на имя самого городничаго... Петръ Авдѣевичъ, все таки молча, подписалъ довѣренность, расписался въ книгѣ и снова легъ на диванъ.

— Теперь остается, сударь, какъ ни щекотливо, но формы, Петръ Авдѣичъ, формы, ужь извините меня, остается, говорю, узнать, сколько, то есть, времени располагаете вы пробыть... здѣсь?...

— Я? отвѣчалъ штабсъ-ротмистръ, въ Костюковѣ моемъ?...

— Ну, сударь, не совсѣмъ въ вашемъ...

— Да, да, простите разсѣянность, Тихонъ Парѳеньичъ... все думаю о другомъ...

— Это ничего, это отъ усталости должно быть, замѣтилъ, но только уже не смѣясь, городничій.

— Я выйду сегодня, сейчасъ...

— Зачѣмъ же, сударь? ни кто не говоритъ!

— Нѣтъ, Тихонъ Парѳеньичъ, нѣтъ, я, я... вотъ видите...

Съ этимъ словомъ штабсъ-ротмистръ улыбнулся какъ-то странно, опустилъ руки и закрылъ глаза... Гости было бросились къ нему, позвали людей, но, видя что Петръ Авдѣевичъ не приходитъ въ себя, почли за лучшее не безпокоить его долѣе и удалиться.

Въ одиннадцатый день, послѣ описаннаго нами происшествія, кучеръ Тимошка, не отходившій отъ постели больнаго барина своего ни на шагъ, замѣтилъ что лице Петра Авдѣевича будто оживилось, а дыханіе барина становилось ровнѣе и правильнѣе. Тимошка, не довѣряя себѣ, на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты и тотчасъ же возвратился въ нее, ведя за собою, знакомаго уже намъ, Готфрида Іогана Гертмана.

— Взгляните-ка, Ѳедоръ Иванычъ, сказалъ шепотомъ кучеръ: ей Богу, бариново-то личико словно оживилось.

— И точно: закраснѣлось будто, замѣтилъ Нѣмецъ: а вотъ, дай-ка спирту, я попробую потереть виски, да дамъ понюхать.

Тимошка взялъ на столѣ стклянку и передалъ ее графининому управляющему. Едва коснулась вата ноздрей больнаго, онъ повернулъ голову и раскрылъ глаза... Увидѣвъ это, добрый кучеръ крикнулъ отъ радости, но Ѳедоръ Ивановичъ унялъ его знакомъ, и продолжалъ ухаживать за штабсъ-ротмистромъ, то согрѣвая треніемъ руки его, то давая больному вдыхать спиртъ. Заботы управляющаго не пропали, и, совершенно при-

шедши въ себя, больной спросилъ, наконецъ, слабымъ голосомъ: гдѣ онъ, что съ нимъ и отчего онъ ничего не помнитъ?

Тимошка пустился было въ объясненія, но и въ этотъ разъ, приказавъ ему молчать, Ѳедоръ Ивановичъ попросилъ Петра Авдѣевича не начинать говорить, пока хотя нѣсколько не укрѣпится, и не проспитъ часокъ-другой. Штабсъ-ротмистръ повиновался и крѣпко заснулъ; въ это время Тимошка, съ радости, напился до полусмерти. Оба, какъ баринъ, такъ и кучеръ, проснулись почти въ одинъ часъ, но уже не въ этотъ день, а въ слѣдующій. Петру Авдѣевичу исполнилось двадцать девять лѣтъ, слѣдовательно четырнадцать часовъ сна послѣ кризиса нервной горячки только что не поставили его на ноги. Онъ спросилъ поѣсть и проглотилъ, за одинъ разъ, миску бульону съ порядочнымъ кускомъ бѣлаго хлѣба; потомъ спросилъ трубку, въ одинъ мигъ выкурилъ ее до тла, и, подозвавъ къ себѣ Ѳедора Ивановича, принялся разспрашивать его какъ о болѣзни своей, такъ и обо всемъ прочемъ, что съ нимъ случилось. Бѣдный костюковскій помѣщикъ не помнилъ ровно ничего.

Господинъ Готфридъ описалъ ему подробно всѣ припадки перваго воспаленія, не забылъ упомянуть и объ усердіи Тимошки и другихъ людей, а потомъ уже коснулся и прочаго...

Штабсъ-ротмистръ, выслушавъ господина Готфрида, спросилъ наконецъ: по какому же случаю находится еще онъ, костюковскій помѣщикъ, въ сельцѣ своемъ Костюковѣ, когда Костюково это не принадлежитъ ему болѣе.

На вопросъ штабсъ-ротмистра, графскій управляющій отвѣчалъ улыбаясь, что, по случаю продажи имѣнія, къ ея сіятельству послана была имъ господиномъ Гот-

фридомъ, эстафета, и, по эстафетѣ же, полученъ отвѣтъ, въ которомъ ея сіятельство, немедленно и за какую бы то ни было цѣну, приказать изволили перекупить Костюково у госпожи Кочкиной, на имя прежняго владѣльца; а какъ Елисавета Парфеньевна изъявила согласіе уничтожить всѣ выданные ей штабсъ-ротмистромъ документы за десять тысячь рублей ассигнаціями, то и привезъ эту сумму господинъ Готфридъ штабсъ-ротмистру.

— Гдѣ же деньги эти? спросилъ, поблѣднѣвъ, костюковскій помѣщикъ; глаза его страшно блистали.

Ѳедоръ Ивановичъ, все таки улыбаясь, вынулъ изъ кармана тщательно завернутую кипу ассигнацій и подалъ ее больному. Вскочивъ съ постели какъ сумасшедшій, штабсъ ротмистръ судорожно схватилъ деньги и бросилъ ихъ въ лице управляющему.

— Скажите богатой графинѣ вашей, воскликнулъ надменно полумертвецъ: что сосѣдъ можетъ быть преглупою, пребезсмысленною тварью, но подлецомъ — никогда! Прощайте, господинъ Готфридъ!

Оробѣвшій Нѣмецъ хотѣлъ было возражать, но Петръ Авдѣевичъ дружески пожалъ ему руку и, указавъ на дверь, громко позвалъ Ульяшку.

Въ сумерки того же дня костюковскій помѣщикъ одѣлся съ ногъ до головы въ свое старое платье, новое же роздалъ людямъ. Отцовскія бумаги бросилъ онъ въ печь, положилъ въ карманъ къ себѣ кошелекъ съ оставшимися отъ прогоновъ деньгами и, помолясь предъ иконами, вышелъ, никѣмъ не замѣченный, изъ дому.

Черезъ мѣсяцъ переѣхали на житье въ Костюково новые владѣльцы его, а именно: недавно перешедшій изъ штатныхъ смотрителей въ становые пристава Дмитрій Лукъяновичъ и супруга его Пелагея Власьевна.

Кучеръ Тимошка за безпросыпное пьянство сосланъ былъ на поселеніе.

—

Прошло десять мѣсяцевъ послѣ происшествій, описанныхъ нами. Настали святки. Давно не доводилось терпѣть такой стужи, какъ въ ту лютую зиму. Въ одну изъ крещенскихъ морозныхъ ночей, въ окно постоялаго двора, стоявшаго поодаль отъ деревни, постучался какой-то прохожій.

— Кого Богъ даетъ? спросила хозяйка, лѣниво слѣзая съ палатей. Увидѣвъ сквозь замерзшее окно прохожаго, она зажгла лучину и отперла дверь.

Въ избу вошелъ человѣкъ, на взглядъ лѣтъ пятидесяти; лице его было блѣдно и худо; одежда прохожаго не походила на крестьянскую, не походила она и на солдатское одѣяніе, а представляла что-то среднее между военнымъ и крестьянскимъ. Посмотрѣвъ на него съ недовѣрчивостію, хозяйка разбудила мужа и шепнула ему что-то на ухо. Хозяинъ постоялаго двора, отставной солдатъ, менѣе боязливый чѣмъ жена его, убѣдившись, что у прохожаго не было ни ружья, ни палицы, и видя, что, снявъ съ себя сумку, онъ преспокойно усѣлся подъ образами, спросилъ у него, не хочетъ ли онъ чего перекусить? Прохожій пошарилъ въ карманахъ, въ сумкѣ и, не найдя видно денегъ, отвѣчалъ, что ѣсть не хочетъ, а выпилъ бы воды и охотно прилегъ бы на печь.

— Кто же тебѣ мѣшаетъ, любезный? отвѣчалъ хозяинъ: вода въ сѣняхъ, а печь, вотъ она, ложись съ Богомъ!

Прохожій взялъ со стола кружку, вышелъ въ сѣни и, отыскавъ въ углу кадку съ водою, напился и возвратил-

ся въ избу; потомъ, поставивъ кружку на прежнее мѣсто, онъ перекрестился и легъ на печь, подложивъ себѣ подъ голову сумку.

— Видно, шаромыжникъ какой, шепнула хозяйка на ухо хозяину.

— Богъ съ нимъ, пусть себѣ выспится; простору много въ избѣ, отвѣчалъ тотъ, укладываясь на палатяхъ, и снова тишина воцарилась на постояломъ дворѣ.

По прошествіи нѣкотораго времени, новый стукъ послышался у дверей, и на этотъ разъ не одинъ, а много голосовъ долетѣло до слуха хозяевъ. Засвѣтивъ лучину, хозяйка, какъ и прежде, бросилась отпирать наружную дверь, и въ избу при этомъ вошло нѣсколько ломовыхъ извощиковъ того разряда, которыми весьма дорожатъ содержатели постоялыхъ дворовъ.

— Милости просимъ, милости просимъ! кричалъ съ палатей своихъ хозяинъ; чай, проголодались? такъ и похлебать найдется что въ печи.

— Вѣстимо, проголодались, хозяинъ, отвѣчалъ одинъ изъ извощиковъ, отдирая отъ бороды своей ледяныя сосульки: а есть что въ печи, такъ ставь поскорѣй и хлѣба подать потрудись!

Извощики, побросавъ шапки свои въ одинъ уголъ и снявъ пояса, стали расхаживать вдоль и поперегъ избы, постукивая ногами и разминая различными движеніями тѣла оледенѣлые члены.

— Ну, морозецъ Богъ послалъ! началъ тотъ же парень: духъ захватываетъ, въ гору-то и конца не берутъ, словно по желѣзу каленому ступаютъ.

— А издалеча ѣдете? спросилъ хозяинъ.

— Изъ-подъ Кіева; вотъ, безъ малаго третью недѣлю тащимся; путь-то бѣдовый; что будетъ въ здѣшнихъ

мѣстахъ, а за Черниговымъ ни порошинки снѣга, грѣхъ такой, право.

— Тутъ снѣгу не оберетесь, а лѣсами дорога добрая, хоть шаромъ покати.

Во время разговора мужа съ извощиками, хозяйка постлала на столъ кусокъ холстины, и, вытащивъ изъ печи чугунъ со щами, вынула изъ него мясо, которое, свѣсивъ при извощикахъ, изрѣзала въ мелкіе куски, и высыпала обратно въ тотъ же чугунъ. Свѣшенъ былъ предварительно и хлѣбъ, поданный гостямъ. За первымъ блюдомъ поставлена была на столъ корчага съ кашей, за кашею подана была половина барана, зажареннаго въ салѣ, а заключился ужинъ огромною миской молока съ ситникомъ. Поглотивъ все безъ остатка, извощики помолились у образа, сняли тулупы и стали укладываться спать, кто на лавкахъ, а кто на печь.

— Да тутъ лежитъ кто-то, воскликнулъ одинъ изъ извощиковъ, замѣтивъ спящаго прохожаго: напрасно же, хозяева, вы не сказали намъ, что есть постояльцы у васъ.

— Это бездомокъ какой-то, отвѣчала хозяйка: а вотъ, я разбужу его. И пододвинувъ къ печи скамейку, она стала на нее и принялась расталкивать прохожаго.

— Добрый человѣкъ, сказала супруга отставнаго солдата: проѣзжіе ребята хотятъ отдохнуть, ты же чай выспался, такъ Богъ съ тобой: скоро разсвѣнетъ.

Прохожій приподнялъ голову, посмотрѣлъ молча на хозяйку, потомъ слѣзъ на полъ, надѣлъ сумку свою на плечи и, отыскавъ палку, вышелъ изъ избы.

Предъутренній морозъ охватилъ его бѣднаго въ свои холодныя объятія, но за спиной бездомка щелкнула дверь; предъ нимъ лежала дорога; онъ поднялъ глаза къ небу, завернулся въ свое рубище и пошелъ...

Въ эту ночь мерзли птицы небесныя, въ эту ночь собакъ своихъ не оставили бы на дворѣ добрые хозяева, и въ эту же ночь вытолканъ былъ несчастный прохожій потому только, что у прохожаго не оказалось ни гроша денегъ, чтобъ заплатить за скудный ужинъ на постояломъ дворѣ, стоявшемъ на землѣ графини Натальи Александровны Бѣлорѣцкой.

На утро, одинъ изъ лѣсниковъ графини, обходя участокъ свой, увидѣлъ человѣческій слѣдъ, проложенный кѣмъ-то съ большой дороги въ лѣсъ. «Воръ,» подумалъ лѣсникъ, идучи по слѣду. Шагахъ въ двухъ стахъ отъ большой дороги, онъ вдругъ остановился и, затрясшись всѣмъ тѣломъ, снялъ шапку... Въ сторонѣ, на древесномъ пнѣ, сидѣлъ бѣлый мертвецъ, покрытый рубищемъ; мутные глаза его были открыты: они какъ будто смѣялись.

Пріѣхавши на мѣсто съ временнымъ отдѣленіемъ земскаго суда, становой узналъ его и, не смотря на то, что смѣявшійся мертвецъ былъ не кто иной, какъ соперникъ становаго, Петръ Авдѣевичъ, Дмитрій Лукьяновичъ даже не улыбнулся. Улыбнуться же покойника заставила предсмертная мысль его: онъ замерзалъ съ увѣренностію принадлежать впредь съ землею помѣщицѣ.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Агаѳья Андреевна Савартина была одной изъ самыхъ безпокойныхъ, одной изъ самыхъ сварливыхъ женщинъ нашей планеты. Будь Агаѳья Андреевна насѣкомымъ, существо это, по всѣмъ вѣроятностямъ, принадлежало бы къ числу тѣхъ насѣкомыхъ, которыя, безъ сомнѣнія, созданы для какой нибудь пользы, но пользы этой не могли еще опредѣлить самые ученые естествоиспытатели. Агаѳья Андреевна родилась и росла до семнадцати лѣтъ въ деревнѣ, въ домѣ родителей своихъ, любя которыхъ желала имъ всѣхъ благъ земныхъ, за исключеніемъ однакоже дѣтокъ, потому что дѣтки, во первыхъ, могли бы ослабить здоровье нѣжно любимой родительницы, а во вторыхъ, убавить наслѣдство Агаѳьи Андреевны. Она

знала уже въ семнадцать лѣтъ, въ чемъ состоитъ разница между законными долями дѣтей мужскаго и женскаго пола, и при одной мысли о рожденіи братца, а вмѣстѣ съ тѣмъ и превращеніи для нея родительскихъ наслѣдственныхъ тысячи душъ въ семдесятъ одну, вся кровь семнадцатилѣтней Агаѳьи Андреевны стремилась къ сердцу, предоставляя щеки желчной блѣдности и синимъ пятнамъ.

Въ одно утро къ дому Андрея Павловича подъѣхала бричка; изъ нея выскочилъ господинъ въ шинели морскаго офицера, и, отыскавъ родителя Агаѳьи Андреевны въ кабинетѣ, сталъ душить его въ своихъ мощныхъ объятіяхъ. На крикъ полузадушеннаго прибѣжала сначала Анна Алексѣевна, потомъ Агаѳья Андреевна, потомъ полдворни, а къ вечеру весь околотокъ узналъ уже, Богъ знаетъ какъ, что къ Андрею Павловичу прибылъ, издалека и послѣ долгой отлучки, меньшой братъ его, Павелъ Павловичъ Савартинъ, флота капитанъ-лейтенантъ.

Тридцатипятилѣтній румяный морякъ, питая страсть къ морю, питалъ дружбу къ старшему брату, о женщинахъ же вспоминалъ только въ портахъ, о цвѣтѣ лица ихъ не заботился, и совершенно равно было для Павла Павловича, была ли женщина бѣла, смугла, желта или черна какъ уголь.

Пріѣздъ его въ деревню старшаго брата расшевелилъ на время Андрея Павловича; но прошло нѣсколько дней, и послѣдній снова впалъ въ ту прозу, въ которой провелъ уже отставной полковникъ не одинъ высокосный годъ. Андрей Павловичъ, по разстроившемуся здоровью, не могъ продолжать службы, снялъ мундиръ и поселился въ деревнѣ. Напрасно пристращался онъ къ хозяйству, напрасно улучшалъ породу коровъ, которыя падали

разъ въ каждые три года: хлѣба то подсыхали на поляхъ отъ недостатка дождей, то подмокали на тѣхъ же поляхъ отъ изобилія тѣхъ же дождей, то давали урожай самъ десять, и тогда залеживались въ амбарахъ, по недостатку покупателей, короче, никогда не удовлетворяли ожиданій нетерпѣливаго хозяина. Ко всему этому, военный взглядъ Андрея Павловича привыкнуть не могъ къ неуклюжимъ манерамъ крестьянъ, говорившихъ размахивая руками и ходившихъ медленно. Полковникъ въ послѣдній разъ внутренно упрекнулъ себя за поспѣшность скинуть мундиръ, и, облачась въ халатъ, заперся въ свой кабинетъ, съ непоколебимымъ намѣреніемъ выходить изъ него только въ часы, опредѣленные для ѣды. Сидячая и лежачая жизнь не замедлила обратить мускулы его въ жиръ, оттянуть подбородокъ, раздуть шею, щеки и животъ. Анна Алексѣевна была тогда женщина лѣтъ тридцати шести, довольно свѣжая, очень добрая, не очень умная, мало ученая, но строгая исполнительница семейныхъ обязанностей; она даже, говорятъ, ударила однажды въ щеку какого-то красиваго сорванца, сдѣлавшаго ей любовную декларацію. Про Агаѳью Андреевну мы сказали уже все, что должно было сказать, и потому обратимся къ пріѣзду Павла Павловича и къ удару, постигшему скромную дщерь отставнаго полковника.

Разсказавъ во всей подробности послѣднее путешествіе свое въ Грецію, морякъ спросилъ старшаго брата, съ какою цѣлью обрекъ онъ себя состоянію пулярдъ, и долго ли надѣется прожить въ подобномъ бездѣйствіи.

— А что, братецъ, какъ бы ни прожить, а прожить, и конецъ, отвѣчалъ, вздохнувъ, Андрей Павловичъ.

— Стало тошно становится? спросилъ морякъ.

*

— Какъ бы тебѣ сказать? и не тошно, а скучно.

— Надѣнь мундиръ.

— Ты шутишь?

— Ей ей, нѣтъ!

— Стало, смѣешься надо мною?

— Еще меньше.

— Что жь сказали бы младшіе? Тесаковъ стоялъ девятымъ послѣ меня, а теперь я къ нему подъ команду....

— Важность большая!

— Косачевъ, продолжалъ Андрей Павловичъ: и Косачевъ чуть ли не перегналъ меня....

— Богъ съ ними! здоровье дороже всего.

— На здоровье не жалуюсь, припадковъ никакихъ не чувствую и Бога не гнѣвлю; тоска только беретъ по временамъ.

— Отъ бездѣйствія, братецъ, отъ лежанія, отъ жирной пищи, вотъ отъ чего! Ну, что бы, кажется, стоило завестись добрымъ конемъ, да каждое утро протрястись на немъ верстъ, этакъ, съ десятокъ? Чай, и сосѣди есть и зайцы?

— Не люблю, братецъ, охоты, не люблю и сосѣдей: брататься съ ними нужно, ну, а безъ привычки, не ловко какъ-то; большая же часть изъ нихъ молодежь: дай имъ волю, станутъ съ тобою на *ты*; все мелочь, подпоручики какіе-то! прибавилъ Андрей Павловичъ.

— Какъ хочешь, перебилъ морякъ: а насидѣть тебѣ водянку, повѣрь мнѣ; и врядъ ли кому поздоровится деревня. У тебя жена и дочь, дѣвица на возрастѣ, и ее заморишь; посмотри-ка, о-сю пору желта, какъ пупавка; зачахнетъ въ деревнѣ, твоей же совѣсти упрекъ, плакаться будешь тогда, а на кого? на себя, братъ.

— Что же дѣлать? научи; я бы радъ, да не придумаю.

— Ступай въ Москву; весело поживешь тамъ, а потомъ, пожалуй, возвращайся въ деревню, да не лежи, а суетись, заведи собакъ, составь общество. Велика бѣда, что молодежь, да подпоручики! и мы носили по одной звѣздочкѣ, а тѣмъ не менѣе были людьми порядочными; по лѣтамъ и чины, все въ свое время. Я правду говорю тебѣ, братъ.... и дожидаться нечего: скидай-ка халатъ, надѣнь что нибудь полегче, да пойдемъ-ка походить! Я же, кстати, засидѣлся у тебя и становится не ловко; а вотъ какъ вымахаемъ садъ, посмотришь — явится и аппетитъ, и сонъ будетъ слаще, и помолодѣешь....

— А что ты думаешь? спросилъ съ нерѣшительностію отставной полковникъ.

— Думаю, что дѣло сдѣлаемъ....

— А дѣло, такъ и маршъ; впрямь не лучше ли будетъ! сказалъ Андрей Павловичъ, вставая.

Къ удивленію Анны Алексѣевны, Агаѳьи Андреевны и всей дворни, Андрей Павловичъ проходилъ по саду до самой ночи, и поужиналъ какъ не ужиналъ давно.

Это происходило въ мартѣ, а въ апрѣлѣ въ метрическую книгу прихода Пятницы-Божедомки внесено было имя новорожденнаго младенца Варвары, дочери отставнаго полковника Андрея Павлова и супруги его Анны Алексѣевны Савартиныхъ. Воспріемниками младенца были флота капитанъ-лейтенантъ Павелъ Павловичъ и дѣвица Агаѳья Андреевна Савартины же.

Вотъ въ чемъ состоялъ страшный ударъ, который нанесла неумолимая судьба семнадцатилѣтнему сердцу желтой дѣвушки, дщери Андрея Павловича и въ тоже время крестной матери юной Вареньки, оканчивавшей ученіе свое въ одномъ изъ московскихъ женскихъ пансіоновъ, въ ту минуту, когда намѣренъ я познакомить

покороче моихъ читателей какъ съ нею, такъ и съ ея старшею сестрицею.

Прошло ровно семнадцать лѣтъ съ минуты рожденія Варвары Андреевны, и многое измѣнилось въ теченіе этого времени въ семействѣ Савартиныхъ.

Во первыхъ, Павелъ Павловичъ, явившійся какъ нарочно къ крестинамъ племянницы, пробылъ въ Москвѣ не долго, и распрощавшись съ братомъ, не далъ обѣщанія возвратиться скоро. Капитанъ-лейтенантъ любилъ Андрея Павловича, но любилъ его менѣе своего лугера, съ которымъ не разставался семнадцать лѣтъ сряду. Анна Алексѣевна сильно простудилась въ гостиномъ дворѣ, и употребивъ всевозможныя симпатическія средства, принялась чахнуть и не пережила первой весны. Андрей Павловичъ, забывъ наставленія брата, пересталъ прохаживаться по утрамъ, и долежался до смерти, поручивъ, какъ меньшую дочь свою, Вареньку, такъ и законную часть ея, въ полное и безотчетное распоряженіе Агаѳьи Андреевны, съ тѣмъ однако же, чтобы, по замужествѣ меньшой, старшая сестра выдѣлила ей добросовѣстно половину всей оставленной имъ собственности. Мудро распорядился чадолюбивый родитель, и на кого же было положиться ему въ послѣднюю минуту, какъ не на Агаѳью Андреевну, дѣвицу испытанной кротости, на существо, правда, часто мѣнявшееся въ лицѣ, но никогда не возвышавшее голоса, и столь послушное, что, намекни бывало ей отецъ или мать о чемъ бы то ни было, намекъ ловился на лету и выполнялся немедленно.

Наружность Агаѳьи Андреевны, отъ природы не совсѣмъ пріятная, внушала постороннимъ мысль, что невѣста съ достаткомъ не всегда дѣлаетъ мужа счастливымъ. Вотъ почему и до тридцатишестилѣтняго возра-

ста своего не нашла себѣ партіи старшая дочь почтеннаго Андрея Павловича. До двадцати лѣтъ она не торопилась замужествомъ; высокій ростъ ея, гибкій, даже слишкомъ гибкій станъ, черные глаза, густыя брови и волосы, черные какъ чернила, не оставляли въ умѣ дѣвушки никакого сомнѣнія, что, протяни она только руку, такъ сей часъ и схватятся за нее полдюжины мужчинъ лучшаго общества. Между тѣмъ послѣ родовъ зачахла Анна Алексѣевна; вѣрныя симпатическія средства не задержали ее на планетѣ нашей, и въ двадцать одинъ годъ Агаѳья Андреевна осталась круглою сиротою, съ пятью стами душь прилагательнаго и безотчетною опекою надъ такимъ же количествомъ душь, принадлежавшихъ Варенькѣ. По истеченіи послѣдняго траура, Агаѳья Андреевна въ первый разъ надѣла розовое платье, такую же шляпку, и явилась въ губернскомъ собраніи. Тутъ увѣрена была богатая невѣста найти все, что только было лучшаго въ городѣ.

Хотя Агаѳья Андреевна и не находила необходимымъ спѣшить замужествомъ, однако желала убѣдиться собственными глазами, что, переселяясь въ Москву, она не оставляетъ за собою никого, о комъ могла бы пожалѣть со временемъ. Двадцатидвухлѣтняя дѣвица одарена была рѣдкою способностію соображать все, и смотря на чепчикъ, какъ на необходимое для женщины украшеніе, она вознамѣрилась надѣть его только въ такомъ случаѣ, когда чепчикъ этотъ принесетъ ей всевозможныя выгоды, болѣе положительныя въ свѣтскомъ смыслѣ, чѣмъ въ сердечно поэтическомъ.

Въ собраніи привѣтствовали Агаѳью Андреевну такъ, какъ обыкновенно привѣтствуютъ, послѣ погребенія, родственниковъ покойника; симпатическихъ же взглядовъ не замѣтила дѣвица, хотя во все время бала

не спускала глазъ со всѣхъ молодыхъ людей высшаго общества въ губерніи. На прочую мелочь не обратила Агаѳья Андреевна никакого вниманія, и возвратилась домой въ желчномъ расположеніи духа.

Съ наступленіемъ зимы, остатокъ семейства Савартиныхъ, то есть двадцатидвухлѣтняя и двухлѣтняя дочери покойнаго Андрея Павловича, перебрались на житье въ Москву, и перебрались онѣ вслѣдствіе родственнаго совѣта Павла Павловича, изъявленнаго имъ въ письмѣ къ Агаѳьѣ Андреевнѣ. Письмо это, присланное морякомъ съ береговъ Эллады, тотчасъ послѣ смерти Андрея Павловича, заключало въ себѣ слѣдующее.

«Любезный другъ и племянница Агаша!

Съ истиннымъ прискорбіемъ извѣстился я о скоропостижной кончинѣ, какъ брата, такъ и доброй сестры, Анны Алексѣевны. Желалъ бы пріѣхать къ тебѣ самъ, но обязанности службы не позволяютъ исполнить сего желанія моего, а потому и прошу тебя, Агаша, вооружиться всею твердостію, и погрустя, сколько того потребуютъ, какъ чувства твои, такъ и приличіе, вспоминать о крестницѣ нашей Варенькѣ, и заняться преимущественно ея воспитаніемъ. Кому, какъ не тебѣ, позаботиться о благополучіи ввѣренной тебѣ судьбою малютки? Люби ее какъ мать, не жалѣй ничего для ея воспитанія, и помни, что состояніе мое независимо и что, не имѣя намѣренія жениться, я отдамъ его вамъ, если ты, другъ мой, выполнишь свято свои обязанности. Въ противномъ случаѣ отдамъ его одной Варенькѣ. Прости грубую откровенность моряка и дяди твоего

Павла Савартина».

У Павла Павловича была тысяча душь, чистыхъ какъ хрусталь. Павелъ Павловичъ не только не издер-

живалъ своихъ доходовъ, но даже изъ получаемаго жалованья откладывалъ частицу въ банкъ. Нужно ли прибавить, что Агаѳья Андреевна сохраняла всю наружность нѣжной матери къ крестницѣ, и, лаская ее, даже улыбалась?

Но выбросимъ всѣ подробности жизни Агаѳьи Андреевны и ея крестницы въ продолженіе всей юности послѣдней, и перескочивъ чрезъ семнадцатилѣтіе, послѣдуемъ снова за ними.

Мы уже сказали выше, что на семнадцатомъ году Варенька Савартина оканчивала ученіе въ одномъ изъ московскихъ пансіоновъ, когда старшей сестрицѣ ея минули роковыя тридцать шесть лѣтъ, а съ ними утратилась въ ней и послѣдняя надежда, какъ говорятъ, пристроиться. Годы эти ни мало не устрашаютъ женщинъ, поставляющихъ внутреннія достоинства выше наружной красоты; но, къ несчастію своему, Агаѳья Андреевна, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, не получила никакого образованія, а талантовъ не имѣла отъ природы. Прочитавъ плохой переводъ Notre-Dame de Paris, она вообразила себя чѣмъ-то очень похожимъ на Эсмеральду. Вслѣдствіе этой увѣренности, въ первые годы своего сиротства, Агаѳья Андреевна завела было козу, но въ губерніи мало кому былъ знакомъ романъ Виктора Гюго, и коза, равно какъ и обладательница ея, не обратили на себя ни малѣйшаго вниманія.

Въ эпоху, нами описываемую, надъ головою Эсмеральды мчалась тридцать седьмая весна. Во рту ея желтѣлъ рядъ благопріобрѣтенныхъ зубовъ; нѣкогда гибкій станъ Эсмеральды вытянулся и будто засохъ. Напрасно искала Агаѳья Андреевна спасенья своей красотѣ въ яркихъ румянахъ и бѣлилахъ тончайшаго свойства; отцвѣтшая красавица не знала, какое неблагопрі-

ятное впечатлѣніе производитъ подобная размалевка на нервы мужчинъ, иначе, конечно, предпочла бы хотя и желтый, но, по крайней мѣрѣ, естественный цвѣтъ кожи.

Въ одинъ прекрасный майскій вечеръ, въ Москвѣ, у подъѣзда дома, занимаемаго женскимъ пансіономъ, стояло множество каретъ; въ обширныхъ же сѣняхъ, наполненныхъ толпою разряженныхъ женщинъ, слышались всѣ нарѣчія, и не рѣдко, среди громкаго смѣха, раздавался плачъ. То былъ разъѣздъ и прощаніе выпущенныхъ дѣвицъ съ дѣвицами, остававшимися въ пансіонѣ.

— Карета Савартиной! раздалось у подъѣзда.

— Пожалуйте, пожалуйте, сударыня, суетливо проговорилъ вбѣжавшій въ сѣни ливрейный лакей, и поддерживая смуглую, худощавую барыню за локоть, быстро повелъ ее къ каретѣ.

— Варенька, прошу не отставать, сказала смуглая барыня, обращаясь къ заплаканной черноволосой дѣвушкѣ въ бѣломъ платьѣ.

— Adieu, душеньки, adieu mes anges! пропищала, всхлипывая, та, которую звали Варенькой, и снова бросилась въ объятія трехъ дѣвицъ одного съ нею возраста.

Если бъ тотъ же ливрейный лакей, который отвелъ къ каретѣ смуглую барыню, не повторилъ маневра своего надъ черноволосою дѣвицею, долго бы еще продолжались нѣжныя прощанія подругъ; но барыня начинала сердиться, и, волею неволею, Вареньку посадили рядомъ съ смуглою барынею, то есть съ Эсмеральдою, и рысью повезли по Москвѣ. Осушивъ платкомъ покраснѣвшій носикъ и глазки, молоденькая дѣвушка высунула было голову изъ дверецъ кареты, но сухая рука Эсмеральды

крѣпко схватила пансіонерку, и, не совсѣмъ нѣжно, усадила ее на мѣсто.

— Ты позабываешь, что на улицахъ этого не дѣлаютъ, проговорила строгимъ голосомъ Агаѳья Андреевна, обращаясь къ сестрѣ.

— Мнѣ хотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Струиньку, maman, плаксиво отвѣчала дѣвушка.

— Какая Струинька, что за Струинька? Все это прекрасно въ четырехъ стѣнахъ пансіона, а теперь не кстати эти нѣжности, сударыня! Прошу отучиться отъ вашей пансіонской наивности: вы, слава Богу, не дитя.

Выслушавъ разгнѣванную сестру, Варенька вздохнула, и, прильнувъ къ спинкѣ кареты, опустила глазки и задумалась. Водворившееся въ каретѣ молчаніе ни разу не нарушилось до выѣзда двухъ сестрицъ Савартиныхъ изъ города; но, увидѣвъ предъ собою Тверскую заставу, Варенька не выдержала.

— Что же, maman, развѣ мы ѣдемъ въ деревню? воскликнула она съ выраженіемъ не совсѣмъ веселымъ.

— На дачу, рѣзко отвѣчала Агаѳья Андреевна.

— Ахъ, какъ это весело!

— Радуюсь за тебя, проговорила сквозь зубы и съ язвительною улыбкою Эсмеральда.

— А далеко эта дача, maman?

— Увидишь, я верстъ не считаю.

— И есть тамъ роща?...

— Сколько разъ я говорила тебѣ, Варенька, что слово maman совсѣмъ не кстати, перебила Агаѳья Андреевна: ты, кажется, намѣрена оставаться всю жизнь пансіонеркою.

— Но я привыкла....

— Отвыкни, сударыня.

— Постараюсь, chère amie.

— Еще новость!

— Простите, ma soeur, я разсѣянна сегодня и мнѣ такъ не ловко называть васъ, какъ вы приказали, проговорила улыбаясь Варенька.

— Я не понимаю, право, отчего же не ловко тебѣ называть меня сестрой? Или я уже кажусь тебѣ такой старухой? спросила иронически Эсмеральда.

— Quelle idée!

— Такъ что же?

— Мнѣ какъ-то пріятнѣе было бы называть васъ maman.

— А мнѣ такъ это кажется лишнее.

Новое молчаніе. Карета въ это время поравнялась съ первымъ въѣздомъ въ Петровскій паркъ. Вскорѣ до слуха Вареньки стали долетать звуки духовыхъ инструментовъ. Она хотѣла было высунуть головку изъ окна кареты, но опомнилась, и, проглотя вторичный вздохъ, снова прижалась къ подушкамъ, и не только не возобновляла разговора съ сестрою, но боялась взглянуть на нее. Въ свою очередь, Агаѳья Андреевна, казалось, занята была чѣмъ-то весьма серьезнымъ, и даже, повидимому, не совсѣмъ пріятнымъ, потому что взоръ ея, направленный въ спину кучера, былъ неподвиженъ и мраченъ.

Такъ проѣхали сестрицы все пространство, раздѣляющее Петровскій паркъ отъ Всесвятскаго, и самое Всесвятское. Миновавъ церковь, карета круто повернула влѣво, съѣхала съ шоссе, и, перебравшись черезъ мостикъ, стала подниматься на песчаный холмъ, по дорогѣ въ село Покровское. Еще минута, и любопытнымъ глазамъ пансіонерки предсталъ налѣво сосновый боръ, а направо деревушка, носящая названіе Коптева. У од-

ной изъ крайнихъ избъ этой деревушки остановилась карета Агаѳьи Андреевны Савартиной.

— Ну, что же ты сидишь? воскликнула Агаѳья Андреевна, обратясь къ Варенькѣ, когда ливрейный лакей отперъ дверь экипажа.

— Но развѣ дача ваша здѣсь, ma soeur? спросила робко дѣвушка, предполагавшая, вѣроятно, что между дачею и простою избою есть какая нибудь разница.

— Я такъ спросила, прибавила Варенька, выходя изъ кареты, и обѣ сестрицы направили шаги къ крыльцу бревенчатаго строенія, окруженнаго не садомъ, не цвѣтникомъ, а пустымъ мѣстомъ, обнесеннымъ кольями.

Коптево есть нѣчто въ родѣ злой насмѣшки надъ страстью Москвичей жить лѣтомъ не въ деревняхъ, а на дачахъ. Переберись въ деревушку эту на лѣтнее время булочникъ Нѣмецъ, сѣдельникъ съ Кисловки, или частный пансіонъ, я отъ души пожалѣлъ бы о булочникѣ, о сѣдельникѣ, о пансіонѣ, но, конечно, не позволилъ бы себѣ и тѣни насмѣшки на ихъ счетъ. Нѣтъ! Коптево наполняется обитателями другаго рода. У нѣкоторыхъ изъ этихъ обитателей есть прекрасныя помѣстья, иногда обширные сады въ самой Москвѣ, блестящіе экипажи и рысаки съ аттестатами. Обитатели эти платятъ въ одно лѣто за наемъ избъ вдвое болѣе того, что стоятъ самыя избы. А увеселенія, которыми пользуются, живя въ Коптевѣ.... Но, прежде чѣмъ приступимъ къ исчисленію коптевскихъ удовольствій, опишемъ самое Коптево. Знаменитая деревня эта упала какъ съ неба на такой пустырь, на которомъ не поселился бы добровольно, конечно, ни одинъ даже закоренѣлый мизантропъ. Состоитъ усадьба эта изъ нѣсколькихъ избъ, обращенныхъ главными фасадами на пыльную дорогу. За избами на большомъ пространствѣ торчатъ низень-

кія, тощія сосны. При малѣйшемъ движеніи воздуха, изъ подъ сосенъ поднимается пыль, и, если вѣтеръ дуетъ съ той стороны, пыль эта несется на избы и живущихъ въ нихъ; если же, напротивъ, вѣтеръ дуетъ со стороны бора, вся пыль бора и дороги, поднимаясь тучею, въ свою очередь, аттакуетъ избы и живущихъ въ нихъ, съ лицевой стороны. Во время дождя пыль эта растворяется, и всѣ сообщенія въ Коптевѣ прекращаются. Коптевскіе жители только что не проводятъ ночей внѣ деревни: такъ неудобна она для жизни. Спрашивается: по какому же случаю всѣ избы Коптева постоянно нанимаются, и за весьма не дешевую цѣну?

Дача Эсмеральды состояла изъ двухъ покоевъ, раздѣленныхъ сѣнями. Въ одномъ изъ нихъ, парадномъ, ложилась обыкновенно пыль съ дороги, а заключалъ онъ въ себѣ гостиную и спальню Агаѳьи Андреевны. Во второй половинѣ приготовила Агаѳья Андреевна не комнату, а уголъ для Вареньки; въ углу этомъ поставили некрашенную кровать, некрашенный столикъ, два стула, комодъ и бумажныя ширмы. Небольшое окошко, доставшееся въ удѣлъ Варенькѣ, не могло служить ей большимъ развлеченіемъ, потому что въ окно это виднѣлись одинъ соснякъ и не всегда свѣтлое небо. За ширмами, отдѣлявшими уголъ пансіонерки, стоялъ огромный сундукъ, на которомъ, вѣроятно, покоился кто-то по ночамъ, потому что на сундукѣ валялись перина и нѣсколько грязныхъ подушекъ; все же прочее пространство втораго покоя заставлено было шкафами, наполненными одеждою Эсмеральды; въ промежуткахъ гнѣздились дворовыя дѣвки и дѣвочки.

«Такъ вотъ что сестрица называетъ дачею», подумала Варенька, нѣжно цѣлуясь со всѣмъ женскимъ поломъ, найденнымъ ею въ непарадной половинѣ избы.

«Но здѣсь должно быть очень скучно», прибавила она, вздохнувъ и окидывая взглядомъ будущее свое жилище.

Вслѣдъ за Варенькой вошла въ покой ея и Агаѳья Андреевна. Старшая сестрица замѣтила младшей, что въ ея годы дѣвица должна пріучаться къ порядку, къ аккуратности, а потому и предоставляетъ крестная мать своей крестницѣ похлопотать о снабженіи комнаты всѣми недостающими предметами. Впрочемъ, Агаѳьѣ Андреевнѣ казалось, что предусмотрительность ея и истинно материнская нѣжность къ Варенькѣ предупредили всѣ потребности послѣдней, и къ предметамъ, находившимся въ покоѣ младшей сестры, врядъ ли, по ея мнѣнію, нужно было что нибудь прибавить.

Пансіонерка съ умиленіемъ выслушала Эсмеральду, и напечатлѣла на одной изъ частей лица сестры пламенный поцѣлуй благодарности.

За поцѣлуемъ послѣдовалъ вечерній чай, а послѣ чаю старшая сестра начертала меньшой подробнѣйшую программу ея жизни на дачѣ. Программа эта заключалась не во многихъ пунктахъ, но пункты разъяснены были крестною матушкою такъ подробно, что дополненія къ нимъ были совершенно не нужны. Напримѣръ: Варенька должна была вставать въ шесть часовъ, идти прогуливаться въ семь, садиться за пяльцы въ восемь, оставлять работу и ученье въ два, обѣдать въ два съ половиною, приниматься вновь за серьезныя занятія въ четыре, оставлять ихъ въ восемь, пить чай въ восемь съ половиною, идти прогуливаться въ девять, быть въ постели въ десять. Во время прогулокъ должна была непремѣнно сопутствовать Варенькѣ дворовая и довѣренная женщина Агаѳьи Андреевны, нѣкто Анисья Кузьминична.

— Какъ, ma soeur, та старая дурнушка, что подхо-

дила къ моей рукѣ, такая черная, страшная и, кажется, злая? воскликнула невольно пансіонерка.

— Она можетъ казаться вамъ, сударыня, чѣмъ вамъ угодно, отвѣчала Эсмеральда: но безъ нея, ручаюсь вамъ, вы не сдѣлаете ни одного шага изъ дому.

Ручательство Агаѳьи Андреевны выполнилось вполнѣ. Анисья Кузьминична, съ перваго вечера, приклеилась, такъ сказать, къ юной барышнѣ и не отстала отъ нея ни на шагъ. Съ перваго же вечера, проведеннаго въ очаровательномъ Коптевѣ, постигла Варенька, какой участи подвергла ее судьба, и въ то время, какъ юныя подруги радовались сельскою жизніію, она, бѣдная, вздыхала, чуть ли не плакала. На слѣдующее утро Анисья Кузьминична разбудила Вареньку ровно въ шесть часовъ. Старшая сестра встала въ восемь, и обѣ напились чаю на половинѣ послѣдней, въ комнатѣ, убранной, если не роскошно, то, по крайней мѣрѣ, прилично, то есть съ ситцевыми гардинами на окнахъ и ситцевою мебелью вдоль стѣнъ. Сверхъ необходимой мебели, какъ то: дивана, четырехъ креселъ и полудюжины стульевъ, находилось на половинѣ Эсмеральды фортепіано, на которомъ Агаѳья Андреевна, лѣтъ восемнадцать сряду, разыгрывала съ большимъ чувствомъ вальсъ Вебера.

Въ восемь часовъ и десять минутъ Эсмеральда напомнила крестницѣ, что до двухъ надлежало ей заняться чѣмъ нибудь серьезнымъ.

— Но чѣмъ же, ma soeur? спросила Варенька.

— Мнѣ все равно, лишь бы ты не болталась, отвѣчала Агаѳья Андреевна: въ спальнѣ моей ты найдешь книги, выбери любую и садись переводить; дѣвушка твоихъ лѣтъ должна быть занята.

Варенька, не безъ вздоха, медленно вошла въ спальню сестрицы, и, взявъ съ полки первую попавшуюся ей

книгу, отправилась въ свою комнату, вынула изъ портфеля нѣсколько листовъ бумаги и расположилась у столика, съ твердымъ, хотя грустнымъ, намѣреніемъ переводить. Книга, захваченная институткою, заключала въ себѣ какое-то старинное путешествіе вокругъ свѣта; замѣчательное произведеніе это перешло къ Агаѳьѣ Андреевнѣ, въ числѣ не читанныхъ ею книгъ, отъ покойнаго родителя. Въ два часа, пять листовъ, мелко исписанныхъ по французски рукою Вареньки, заслужили ей одобрительную улыбку крестной матери, которая хотя и не провѣрила перевода, однако получила самое выгодное мнѣніе о прилежаніи сестры.

— Ты должна чувствовать, сказала Эсмеральда: какъ необходимо занятіе для дѣвушки твоихъ лѣтъ; что бы ты стала дѣлать цѣлое утро?

— Мнѣ бы, ma soeur, очень хотѣлось побѣгать по окрестностямъ, отвѣчала застѣнчиво Варенька.

— Побѣгать?.... въ твои годы?.... ты шутишь?

— Ну, походить, ma soeur.

— На это я назначаю два часа въ день; довольно, надѣюсь.

— Но въ назначенное вами время, ma soeur, вѣрно никто не прогуливается по дачамъ; утромъ спятъ еще, а въ девять часовъ вечера поздно.

— Тѣмъ лучше!

— Тѣмъ лучше? отчего же лучше? спросила Варенька.

— Оттого, что дѣвушкѣ твоихъ лѣтъ неприлично встрѣчаться съ кѣмъ нибудь; въ семнадцать лѣтъ сидятъ въ классахъ и прогуливаются только для здоровья.

— Богъ мой, какъ скучно быть слишкомъ молодой, ma soeur, и какъ ошибаются дѣвицы, думая что внѣ пансіона сущій рай. Выходитъ напротивъ, совсѣмъ на-

противъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, черезъ рѣшетку сада видно....

— Что видно?

— Видно какъ проѣзжаютъ экипажи, проходятъ пѣшкомъ, прибавила молодая дѣвушка, запинаясь и краснѣя.

— А развѣ вамъ позволяютъ смотрѣть на улицу? спросила Эсмеральда, сдвинувъ брови.

— Позволять не позволяютъ, ma soeur, но между кустовъ иногда немножко бываетъ видно.

— Прекрасное препровожденіе времени! замѣтила Агаѳья Андреевна.

— Что же тутъ дурнаго?

— Напротивъ, такъ хорошо, что я нарочно заѣду въ пансіонъ и передамъ начальницѣ о новомъ занятіи дѣвицъ во время прогулокъ.

— Ахъ, какъ это можно! воскликнула Варенька со страхомъ. — Ради Бога, ma soeur, не дѣлайте этого; знаете ли, что меня назовутъ ябедницею; не все ли вамъ равно теперь, когда я вышла?

— У оставшихся дѣвицъ есть также родные, которые принимаютъ въ нихъ участіе, и, предупредя начальницу, я окажу имъ большую услугу.

— Нѣтъ, ma soeur, пожалуйста нѣтъ! вы ничего не скажете, не правда ли? иначе я просто умру съ отчаянія.

— Не умрешь!

— Право умру!...

— Право не умрешь. Пора обѣдать. Вечеромъ я отлучусь часа на два, а ты кончишь за меня уголъ подушки; пялецъ твоихъ еще нѣтъ, слѣдовательно все равно, чѣмъ бы ты ни занялась.

Обѣдъ Агаѳьи Андреевны былъ столько же скроменъ,

сколько скромны были дача и убранство комнатъ, и одежда прислуги, и самая обувь Анисьи Кузьминичны. Въ четыре часа пополудни Эсмеральда сѣла въ карету и отправилась въ городъ, а Варенька, проработавъ до поздняго вечера за пяльцами, надѣла шляпку, и, отыскавъ зонтикъ, хотѣла было выйти на дорогу, но грубый голосъ Анисьи остановилъ ее.

— Куда же вы это, барышня, изволите однѣ? спросилъ аргусъ въ ситцевомъ капотѣ, съ платкомъ на посѣдѣвшей головѣ.

— Я — я хочу пройтись.

— Да вѣдь на улицу не приказала сестрица, а прогуляться извольте возлѣ куфни.

— Какъ возлѣ кухни?

— Ужь такъ, барышня, воля ваша, а на улицу какъ же можно когда не приказали!

— Помилуй, Анисьюшка, да тамъ песокъ и эти сухія деревья; тамъ ужасно скучно.

— Скучно, не скучно, а извольте, барышня, пожаловать.

— Я не пойду, Анисья.

— Какъ вамъ угодно.

— Лучше совсѣмъ не пойду, прибавила съ досадою молодая дѣвушка.—Какое мученье; это просто наказаніе!

— Не наше дѣло, барышня, это власть господская, переступить ея не смѣемъ; приказано возлѣ куфни, такъ ужь возлѣ куфни и извольте гулять, сударыня.

— Гуляй сама тамъ, а я останусь. Боже мой, какая тоска!... Выговоривъ это, Варенька чуть не заплакала, и, быстро отвернувшись отъ Анисьи Кузьминичны, вошла въ такъ называемую гостиную, въ которой и просидѣла до ночи. Чаю она не пила, а въ десять часовъ раздѣлась и легла въ постель.

*

На слѣдующее утро бѣдная Варенька, вспомнивъ о сценѣ своей съ Анисьею, съ трепетомъ вошла въ комнату Агаѳьи Андреевны. Но, о удивленіе! послѣдняя поздоровалась съ нею точно такъ же какъ и наканунѣ, и, не сдѣлавъ ни малѣйшаго замѣчанія, посадила ее снова за переводъ. Занятіе это не только не казалось непріятнымъ молодой дѣвушкѣ, но, напротивъ, «Путешествіе вокругъ свѣта» начинало пресерьезно интересовать ее, чему, впрочемъ, я по крайней мѣрѣ, ни мало не удивляюсь. Новые пять листовъ, мелко исписанныхъ, заслужили Варенькѣ одобрительный взглядъ Эсмеральды — и скромный обѣдъ послѣдовалъ, какъ и вчера, за переводомъ.

Когда же вечеромъ, окончивъ другой уголокъ подушки, Варенька надѣла шляпку свою и вышла на крыльце, уже не Анисья Кузьминична, а сама Агаѳья Андреевна спросила ее изъ окна, куда она идетъ?

— Я хочу прогуляться, ma soeur, отвѣчала Варенька.

— На улицу нельзя.

— О нѣтъ, ma soeur, я пойду въ ту сторону, за кухню.

— Вчера ты туда не хотѣла, слѣдовательно и сегодня нѣтъ причинъ идти въ ту сторону.

— Что же мнѣ дѣлать?

— Возвратиться въ комнату, разумѣется, и не гулять вовсе.

Отвѣтъ Эсмеральды былъ сдѣланъ такимъ тономъ, что Варенькѣ и въ голову не пришло не снять тотчасъ же шляпки и не послѣдовать приказанію.

Такъ прошла цѣлая недѣля, въ продолженіе которой если пансіонерка лишена была всѣхъ средствъ познакомиться съ окрестностями Коптева, то, по крайней мѣрѣ,

«Путешествіе вокругъ свѣта» познакомило прилежную переводчицу съ разными любопытными землями.

Однажды тетушка, дѣвица лѣтъ Эсмеральды, сказала мнѣ, двѣнадцатилѣтнему мальчику, отнимая романъ: Читай все, кромѣ романовъ; я говорю это серьезно; а не хочешь, такъ я посажу тебя за философію.

— За какую это философію, тетушка?

— А ужь тамъ за какую бы то ни было, отвѣчала она гнѣвно....

Подобныя мѣры были бы излишними со стороны Агаѳьи Андреевны, потому что Варенька день ото дня болѣе и болѣе пристращалась къ своему переводу, и, только въ свободное отъ занятій время, сидѣла задумавшись у окна гостиной и грустно слѣдила за каждымъ Нѣмцемъ, приходившимъ въ гости къ знакомому, отъ Рогожской заставы въ Покровское.

Лѣтніе обитатели Коптева не могли служить развлеченіемъ молодой дѣвушкѣ, потому что они, подобно Агаѳьѣ Андреевнѣ, ежедневно уѣзжали въ различныя стороны, и возвращались поздно. Прохаживался, правда, по деревнѣ одинъ изъ посредственныхъ драматическихъ актеровъ, и ступалъ онъ мѣрно, и красиво драпировался въ плащъ, но наружность трагика не приглянулась пансіонеркѣ, которая была слишкомъ молода чтобы оцѣнить всю поэтическую прелесть тѣни родителя Гамлета. Сверхъ того, можетъ быть, задумчивость семнадцатилѣтней Вареньки происходила и не отъ одной коптевской тоски и тѣхъ лишеній, которымъ подвергала ее старшая сестра и вѣрная исполнительница приказаній госпожи своей, Анисья Кузьминична. И дѣйствительно, не отъ другихъ ли причинъ возродилась эта задумчивость? Въ одинъ изъ вечеровъ первой недѣли, проведенной ею въ Коптевѣ, она вдругъ сдѣлалась такъ весела и такъ раз-

сѣянна, что слѣдившая за всѣми движеніями барышни Анисья Кузьминична возъимѣла нѣкоторое сомнѣніе, а при вечернемъ докладѣ барынѣ, то есть Агѳаьѣ Андреевнѣ, сообщила ей, что барышня молъ очень часто выглядываютъ за окошко и даже съ кѣмъ-то кланяются.

— И ты не врешь, Аниска? спросила барыня.

— Отсохни у меня языкъ, коли вру, матушка.

— А не врешь, увидимъ! прибавила Эсмеральда, злобно улыбаясь.

Три дня сряду не выѣзжала Агаѳья Андреевна изъ Коптева, и, отъ самаго обѣда до сумерекъ, просиживала у окна, не спуская глазъ съ проѣзжавшихъ; но на четвертый, наскучивъ безплоднымъ наблюденіемъ, а можетъ быть и усомнившись въ истинѣ доноса, сдѣланнаго ей Анисьею Кузьминичною, поручила своей повѣренной строжайше наблюдать за крестницею и собралась со двора. Вечеръ былъ тихъ и ясенъ, небо прозрачно, сосны стояли неподвижно, и двигались въ воздухѣ одни облака пыли, вздымаемыя всякимъ проѣзжающимъ экипажемъ. Едва карета Эсмеральды выѣхала изъ Коптева, по направленію къ Москвѣ, какъ повстрѣчался съ нею щегольской кабріолетъ, запряженный кровнымъ гнѣдымъ рысакомъ. Въ кабріолетѣ сидѣлъ мужчина среднихъ лѣтъ, въ свѣтломъ пальто, и очень молоденькая дама.

— Стой, стой, Кондрашка! закричала Агаѳья Андреевна, толкая зонтикомъ кучера. Карета остановилась; сама же госпожа, приподнявъ подушку, скрывавшую небольшое окошко въ задней части кузова, стала смотрѣть въ него. Лице госпожи приняло выраженіе гіены, выжидающей жертву, не подозрѣвающую вражескаго присутствія.

По врожденному ли инстинкту, или просто по со-

ображенію, только Эсмеральда почувствовала, что встрѣченный ею кабріолетъ не проѣдетъ Коптева не подавъ ей повода къ новому негодованію на Вареньку. Такого рода предчувствія рѣдко обманывали старшую дочь покойнаго Андрея Павловича, и на этотъ разъ внутренній голосъ шепталъ ей вѣрно. Гнѣдой рысакъ сталъ какъ вкопанный противу самыхъ оконъ знакомой намъ дачки, и уже не простые поклоны, а громкія восклицанія раздались изъ устъ молоденькой дамы, и на восклики эти отвѣчала также громко Варенька, высунувъ головку изъ окна домика.

— Хорошо же, хорошо! прошипѣла сквозь зубы Агаѳья Андреевна, которая, впрочемъ, никогда не слѣдовала первому порыву гнѣва, и потому не приказала кучеру вернуться назадъ; напротивъ того, выждавъ чтобы кабріолетъ отъѣхалъ отъ оконъ дачи, она велѣла Кондрашкѣ продолжать путь.

Агаѳья Андреевна возвратилась поздно, а Варенька провела эту ночь отраднѣе прежнихъ; одно тревожило нѣсколько молодую дѣвушку: сказать ли сестрѣ о проѣхавшихъ въ кабріолетѣ и о свиданіи ея съ ними, или не сказать? Въ первомъ случаѣ строгая сестрица, безъ сомнѣнія, найдетъ обстоятельство это неприличнымъ для дѣвушки семнадцати лѣтъ, а во второмъ, чего Боже упаси, лишитъ Вареньку послѣдняго наслажденія: сидѣть у окошка. «Нѣтъ, скажу лучше,» подумала дѣвушка, и, за утреннимъ чаемъ, немного покраснѣвъ, объявила Агаѳьѣ Андреевнѣ о случившемся.

— Странно! сказала Эсмеральда выслушавъ ее: ты говоришь, что эта Лиза Чернская одного съ тобою выпуска? Какъ же я ея не помню?

— О нѣтъ, ma soeur, совсѣмъ не одного, замѣтила пансіонерка: Лиза вышла въ прошломъ году.

— Вотъ какъ!

— Да, ma soeur, но мы были очень дружны; я даже обожала ее.

— Опять наивное выраженіе!

— Простите, ma soeur, позабыла; а Лиза очень и очень миленькая.

— Скажи же мнѣ, пожалуйста, не уже ли Лизу твою отпускаютъ совершенно одну?...

— Какъ одну, ma soeur?

— Ну, вчера, напримѣръ?...

— Вчера Лиза была не одна, со старшимъ братомъ.

— Серьезно?...

— Серьезно, ma soeur!

— Старшему брату этому, разумѣется, лѣтъ этакъ двадцать, даже двадцать два?.... спросила иронически Агаѳья Андреевна.

— Какъ можно, что вы, ma soeur! воскликнула Варенька, вспыхнувъ. — Онъ старый, такой не хорошій, у него почти вся голова безъ волосъ. Онъ точно отецъ Лизы, такой серьезный....

— И глаза твои не обманываютъ тебя, Варенька?

— Ручаюсь что нѣтъ; вы сами увидите, ma soeur.

— Гдѣ же это?

— Они обѣщались непремѣнно заѣхать; даже вчера въ отчаяніи были, что не застали васъ.

По всегдашнему обычаю, изъ отвѣтовъ старшей сестрицы Варенька не могла вывести никакого заключенія. Агаѳья Андреевна не изъявила ни гнѣва, ни радости; на обѣщаніе же Лизы, возратиться въ Коптево, Эсмеральда не обратила ни малѣйшаго вниманія.

— Какая она право холодная, подумала Варенька: и какъ ей не скучно сидѣть всю жизнь одной, ни съ кѣмъ не быть знакомою. Но такъ думала Варенька, не подо-

зрѣв я даже, что ежедневныя поѣздки Агаѳьи Андреевны должны же были имѣть какую нибудь цѣль....

При вечернемъ рапортѣ Эсмеральдѣ, Анисья Кузьминична подтвердила барынѣ, что барышня сказала правду, и дѣйствительно, когда баринъ, проѣхавшій съ молодою дамою, скинулъ шляпу, кланяясь Варварѣ Андреевнѣ, то высмотрѣла она, Анисья, преизрядную лысину; впрочемъ, баринъ былъ такъ себѣ, ничего, и лѣтъ ему дала бы она не больше пятидесяти этакъ.

— Если такъ, Аниска, то пусть себѣ кланяется и разговариваетъ; а въ случаѣ если, безъ меня какъ нибудь, имъ вздумалось бы и зайдти къ намъ, то пусть себѣ зайдутъ; слышишь? сказала Агаѳья Андреевна.

— Слушаю-съ.

— Теперь ступай спать.

— Покойной ночи, матушка.

— Прощай.

Анисья вышла изъ опочивальни барыни, а барыня долго еще соображала и думала, отчего бы, кажется, краснѣть Варенькѣ, когда у него лысина и ему пятьдесятъ лѣтъ. — Впрочемъ, увидимъ, заключила Агаѳья Андреевна, и захрапѣла.

Не позже какъ на слѣдующій день, часа за два до захожденія солнца, тотъ же англійскій кабріолетъ, подъѣхавъ къ домику сестрицъ, точно такъ же какъ и за два дня до этого, остановился, и молоденькая дама, выскочивъ изъ него, съ крикомъ не подошла, а подбѣжала къ окну.

— Cher ange, Lise! Это Лиза Чернская! воскликнула Варенька, обращаясь къ Агаѳьѣ Андреевнѣ: можно ли пригласить ее?

— Разумѣется, можно, поди же поскорѣе.... прошептала Эсмеральда.

— А брата?...

— И брата проси....

— Mercі, милочка! ахъ, pardon, mercі, ma soeur! проговорила съ радостью Варенька, и прыгая бросилась вонъ изъ комнаты.

Черезъ минуту голосъ ея смѣшался съ голосомъ Лизы; къ нимъ присоединился и голосъ мужчины, то есть брата Лизы; минуты черезъ двѣ пріѣхавшихъ встрѣтила у порога сама Агаѳья Андреевна.

— Варенька! познакомь же меня съ твоею подругою, сказала старшая сестра съ граціею, напоминавшею тѣхъ пастушекъ, которыхъ малевали когда-то на потолкахъ.—Я такъ много уже слышала отъ тебя, что была въ нетерпѣніи....

Молоденькая дама, или Лиза, молча и съ улыбкою, поклонилась Агаѳьѣ Андреевнѣ, и проговоривъ ей въ отвѣтъ очень милую фразу, въ свою очередь, представила хозяйкѣ своего брата, и братъ этотъ поклонился довольно сухо.

— Вы очень часто посѣщаете наши окрестности? сказала Эсмеральда, обращаясь къ гостю. Къ Лизѣ обратиться было бы ей довольно трудно, потому что Лиза, не теряя ни одной минуты, завладѣла Варенькою, и обѣ, предоставивъ Агаѳьѣ Андреевнѣ кавалера, помѣстились въ углу и заговорили вдругъ, пересыпая слова нѣжными поцѣлуями.

— Прогулки наши повторяются ежедневно, и надежда встрѣтиться съ вашею сестрицею привлекаетъ Лизу въ эту сторону, отвѣчалъ братъ Лизы, человѣкъ лѣтъ сорока пяти, наружности далеко не привлекательной. Впрочемъ, многія женщины предпочли бы его красавцамъ.

Григорій Сергѣевичъ Чернскій былъ строенъ, до-

вольно высокаго росту и лысъ. Глаза его, совершенно сѣрые, выражали твердость; носъ, не греческій и не римскій, вмѣщалъ въ себѣ много неправильностей, а нижняя челюсть выступала нѣсколько впередъ. Густыя брови Григорія Сергѣевича сходились надъ носомъ, а уши, не большія, но красноватыя, скрывались до половины подъ густыми бѣлокурыми и щетинистыми бакенбардами, въ которыхъ проглядывала сѣдина. Одежда гостя, состоявшая изъ длиннаго пальто и клѣтчатаго галстуха, завязаннаго небольшимъ узломъ, свидѣтельствовала о совершенномъ равнодушіи Чернскаго къ современнымъ модамъ. По глубокому шраму, разсѣкавшему часть лба и всей лѣвой щеки, не трудно было догадаться, что братъ Лизы не всегда носилъ статское пальто и клѣтчатый галстухъ съ небольшимъ узелкомъ. Такое заключеніе сдѣлала о гостѣ и Агаѳья Андреевна, почему она тотчасъ же и спросила его, не служилъ ли онъ въ военной службѣ.

— Довольно долго, отвѣчалъ гость.

— Отчего же оставили ее такъ рано?

— Рано? отвѣчалъ улыбаясь Чернскій: по мнѣ пятьдесятъ два года.

— Можетъ ли быть?

— Къ несчастью — да.

— Вѣрно раны принудили васъ отказаться отъ блистательной будущности?

— Будущность отъ насъ сокрыта, а сестрѣ восемнадцать лѣтъ, и родителей мы не имѣемъ.

— Такое самоотверженіе дѣлаетъ вамъ много чести, замѣтила жеманно Агаѳья Андреевна.

— Я не вижу самоотверженія.

— Какъ? пожертвовать службою, остат
тельное поприще для сестры, прин

ную обязанность отца, вы это не считаете самоотверженіемъ?

— Въ такомъ случаѣ я счастливѣе васъ.

— Какъ это?

— Конечно. Не въ одинаковомъ ли мы положеніи, и не посвятили ли вы себя вашей сестрицѣ, точно такъ же какъ я своей, съ тою только разницею, что въ поступкѣ моемъ я нахожу отраду и наслажденіе, а вы....

Эсмеральда закусила губу, и, кашлянувъ нѣсколько разъ, начала было оправдываться, но Чернскій перемѣнилъ разговоръ и Агаѳья Андреевна оправилась. Въ это время Варенька, подбѣжавъ къ разговаривавшимъ, спросила со страхомъ у старшей сестры, можетъ ли она пройтись съ Лизою по деревнѣ.

— И прекрасно сдѣлаете, отвѣчалъ Чернскій: вечеръ безподобный, нужно имъ пользоваться.

Разумѣется, что послѣ подобнаго замѣчанія Агаѳья Андреевна не могла сказать — нѣтъ. Обѣ дѣвушки не заставили повторить себѣ позволеніе и поспѣшно вышли изъ дому, а гость съ хозяйкою продолжали разговаривать о различныхъ предметахъ.

Но оставимъ ихъ en tête–à–tête и послѣдуемъ за дѣвицами. Взявшись подъ руки, подруги скорымъ шагомъ прошли всю деревню и отправились по тропинкѣ, проложенной по дорогѣ къ Покровскому.

Пока крайняя коптевская изба не осталась далеко позади ихъ, обѣ шли молча и робко озираясь. Когда же тщательный осмотръ окрестностей убѣдилъ Лизу, что никто не можетъ ея подслушать, она радостно всплеснула руками и поцѣловала Вареньку.

— Я такъ счастлива, такъ счастлива, Барбочка, что могу наконецъ сказать тебѣ «надѣйся»! воскликнула она.

— Тише, ради Бога, Лиза, тише!

— Кого ты боишься? посмотри: ни души.

— Все равно, мой другъ, ты не знаешь сестры; она имѣетъ тысячу глазъ; одна Анисья чего стоитъ.

— Полно, дитя, вѣрь мнѣ, мы во сто разъ умнѣе твоей сестры и всѣхъ Анисей въ мірѣ.

— Знаешь ты ихъ!

— Богъ съ ними, Варя. А всего интереснѣе то, что Pierre во всемъ открылся Грегоару! *во всемъ*, понимаешь ли?

— Можетъ ли быть? Богъ мой, какъ страшно!

— Сначала было страшно, повторила Лиза: но потомъ.... Грегоаръ строго запретилъ сумасшедшему преслѣдовать тебя и взялъ съ него слово не стараться даже съ тобою видѣться. Вотъ почему, душка, онъ и не показывался такъ долго.

— А я, ma chère, думала, что братъ твой позабылъ меня, сказала со вздохомъ Варенька.

— Какая умная мысль, Варя! какъ это на тебя похоже; да знаешь ли, что Pierre такъ похудѣлъ, такъ измѣнился въ это время!

— И ты меня не обманываешь, Лиза?

— Какъ это мило!

— Не сердись, мой ангелъ, но ты представить себѣ не можешь, сколько мученій перенесла я въ этомъ отвратительномъ Коптевѣ; сколько разъ я плакала. И поговорить даже не съ кѣмъ, это ужасно! Тебя не вижу, о немъ не слышу; можетъ быть, думала я, онъ уѣхалъ. Мнѣ и другіе ужасы приходили въ голову. И старшій братъ твой, Лиза, и онъ казался мнѣ такимъ серьезнымъ, сердитымъ.

— Серьезнымъ, положимъ, но отчего же с тымъ?

— У него такой шрамъ на лицѣ!

— Прекрасная причина, замѣтила Лиза, смѣясь: какой ты ребенокъ, Варя.

— Хорошо смѣяться тебѣ, избалованной всѣми, а посмотрѣла бы я, какъ бы ты посмѣялась, сидя, съ утра до вечера, всякій день въ запертой комнатѣ! Да, клянусь тебѣ, Лиза, не будь у меня путешественника...

— Какого это путешественника?... спросила Лиза, не понимая словъ подруги.

— Я, ma chère, говорю про книгу.

— Охота же тебѣ, Варя, когда есть вещи, право, болѣе интересныя, и первая изъ нихъ нашъ бѣдный Pierre.

— Я сердита на него.

— Par exemple?...

— Право, онъ дрянной, твой Pierre.

— Давно ли, ma chère?

— Съ тѣхъ поръ какъ я вышла изъ пансіона, съ тѣхъ поръ какъ вмѣсто чудеснаго, очаровательнаго сада, меня гоняютъ въ этотъ противный лѣсъ!... Помнишь ли, Лиза, какъ, бывало, твой братъ проходилъ каждый день мимо насъ?

— Чѣмъ же виноватъ братъ?

— Не знаю, но тогда я была во сто разъ счастливѣе.

— Послушай, Варя, перебила очень серьезно подруга: теперь все зависитъ отъ одной тебя....

— А что я могу сказать и сдѣлать, когда твой братъ, противный Грегоаръ, взялъ съ него слово не видаться со мною? Pierre, я знаю, не измѣнитъ своему слову, а слѣдовательно и все кончено....

— Напротивъ, ma chère!...

— Что напротивъ?

— Напротивъ, говорю тебѣ, ничего не кончено, и противный Грегуаръ обѣщался все устроить.

— Не вѣрю, Лиза.

— Ребенокъ!...

— Пусть себѣ ребенокъ, а все таки не вѣрю чтобы старшій братъ твой позволилъ Пьеру любить меня, Лиза. Грегоаръ морякъ, а сестра говорила мнѣ, что всѣ моряки серьезные люди. У меня дядя служитъ на морѣ, и такой строгій, что сама Агата боится его до смерти; я даже увѣрена, что если она такъ обходится со мною, то это по приказанію дяди Павла Павловича....

— Варя, Варя! que tu es donc sotte, ma petite! и какъ легко обмануть тебя! обвинять дядю, когда дядя этотъ... но нѣтъ, не скажу больше ни слова, а знай одно, что братъ Pierre любитъ тебя безъ памяти, что любовь его, какъ ты знаешь, длится вотъ уже два года, и если ты только хочешь сдѣлаться моею сестрицею (представь себѣ, какъ это будетъ весело), то ни слова твоей ледяной Эсмеральдѣ, которая употребитъ всѣ средства чтобы насъ разлучить.

— Богъ мой, отчего же опытъ не позволяетъ мнѣ вѣрить всему что говорятъ! воскликнула торжественно Варенька.

— Опытъ? и ты говоришь про опытъ, Варя?

— Надѣюсь, что въ эту недѣлю я многому научилась; но взгляни-ка, Лиза! такъ точно, они идутъ за нами, прибавила шепотомъ встревоженная дѣвушка, указывая подругѣ на шедшихъ вдали Агаѳью Андреевну и Григорья Сергѣевича.

— Ни слова о томъ, что я тебѣ сказала, Варя; старайся только понравиться Грегоару: отъ него зависитъ все, все! Выговоривъ это, Лиза завела рѣчь о пансіо-

нѣ, и, убавивъ шагу, продолжала спускаться съ пригорка, прилегающаго къ покровскому пруду.

Догнавъ дѣвушекъ, Агаѳья Андреевна предложила имъ не женироваться и не ограничивать прогулки своей прудомъ, а даже совѣтовала пройти въ садъ Покровскаго.

— А мы съ Григорьемъ Сергѣевичемъ, прибавила она: будемъ ждать васъ къ ужину.

Не вѣря ушамъ своимъ, Варенька съ недоумѣніемъ посмотрѣла на Лизу, которая, въ свою очередь, тихонько пожала ей руку, и поблагодаривъ Эсмеральду за любезное предложеніе, воспользовалась имъ и увела подругу.

Никогда еще не бывала Эсмеральда въ такомъ веселомъ расположеніи духа, какъ въ этотъ вечеръ. Глаза ея блистали только что не радостью; натуральный цвѣтъ щекъ равнялся съ румянами, она улыбалась и кокетничала... Правда, шедшій съ ней рядомъ Григорій Сергѣевичъ сохранялъ свою всегдашнюю суровость, но короткіе знакомые его не могли бы не замѣтить, что въ этотъ вечеръ старшій братъ Лизы былъ не въ нормальномъ состояніи. На устахъ его была улыбка, но была ли то улыбка веселости, или одна иронія, вотъ чего не распознали бы даже самые друзья его.

— Я все таки повторяю, Григорій Сергѣевичъ, сказала Эсмеральда, когда дѣвицы удалились отъ нихъ: что взглядъ вашъ на нѣкоторыя вещи очень, очень оригиналенъ, даже новъ.

— Почему же, Агаѳья Андреевна?

— Потому что мужчины смотрятъ обыкновенно на женщинъ съ другой точки зрѣнія.

— А съ какой именно? спросилъ Григорій Сергѣевичъ, незамѣтно поворачивая въ сторону.

— Мужчины, продолжала старая дѣва: не признаютъ въ насъ существъ имъ равныхъ, мужчины не

ищутъ въ женитьбѣ солиднаго счастія, въ женщинахъ ищутъ не помощницъ, друзей, совѣтницъ, а рабынь, покорныхъ, послушныхъ и слѣпыхъ. Вотъ какъ понимаетъ эгоистическій полъ вашъ бѣдныхъ женщинъ, вотъ для чего женятся они.... это не выносимо!

— Я позволяю себѣ, Агаѳья Андреевна, руководствоваться собственными убѣжденіями; свѣтъ мнѣ мало знакомъ; проведи я всю жизнь въ кругу людей, о которыхъ вы говорите, не ручаюсь, можетъ быть и я сдѣлался бы точно такимъ, какъ другіе.

— Да избавитъ васъ Богъ.

— Скажите лучше, избавилъ Богъ.

— Вы очень счастливы, Григорій Сергѣевичъ, вы чрезвычайно счастливы, повѣрьте мнѣ; и какъ много хорошаго сохранила вамъ судьба.

— Вы полагаете?

— Я въ этомъ увѣрена. Но странно, продолжала Эсмеральда меланхолическимъ тономъ: скажите мнѣ, отчего люди одинаковыхъ свойствъ и одинаковаго образа мыслей рѣдко встрѣчаются между собою? отчего судьба вѣчно ставитъ между ними тысячу преградъ?

— Такъ все идетъ на свѣтѣ, Агаѳья Андреевна.

— Положимъ; но я спрашиваю: отчего напримѣръ.... Тутъ Эсмеральда, остановясь, бросила на спутника своего лукавый взглядъ, и съ ужимкою продолжала: — отчего, напримѣръ, Григорій Сергѣевичъ, мы видимся съ вами въ первый разъ сегодня? Часъ назадъ, ни вы, ни я не подозрѣвали о существованіи другъ друга; то есть слышали, можетъ быть, что есть на свѣтѣ какая-то Савартина, какой-то Чернскій, и больше ничего... Въ одинъ часъ, не болѣе, не знаю какъ вы, но я, ручаюсь вамъ, узнала васъ такъ коротко, такъ глубоко...

— Агаѳья Андреевна, перебилъ Чернскій

добные мнѣ, очень походятъ на экстрактъ какого нибудь дѣла; прочитавъ его, подробностей читать не стоитъ: дѣло становится яснымъ.

— Но всякое ли дѣло выигрываетъ своимъ яснымъ изложеніемъ, Григорій Сергѣевичъ?

— Объ этомъ скромность, можетъ быть, должна бы заставить меня умолчать, сказалъ улыбаясь Чернскій: впрочемъ, какъ бы то ни было, а я ставлю откровенность выше всѣхъ добрыхъ свойствъ человѣка, и признаюсь вамъ, что Коптево ваше, не смотря на свою пыль и пески, чуть ли не сдѣлается любимѣйшею цѣлью нашихъ прогулокъ; я увѣренъ, что сестра Лиза раздѣлитъ мое мнѣніе на этотъ счетъ.

— А мы, съ своей стороны, Григорій Сергѣевичъ, не предпримемъ ни одной прогулки безъ васъ, а прогуливаться привыкли мы почти каждый день, прибавила Агаѳья Андреевна, жеманно улыбаясь.

Очень довольная своимъ отвѣтомъ, Эсмеральда поправила косынку, будто бы невзначай уронила зонтикъ, и нарочно медлила поднять, чтобы дать время сдѣлать это Григорью Сергѣевичу, и поблагодарила его очень граціозно. Однимъ словомъ, во время прогулки съ гостемъ, Эсмеральда была такъ мила и кокетлива, что трудно было узнать ее.

Въ десять часовъ Чернскіе простились съ Савартиными; молодыя дѣвушки нѣжно расцѣловались, а Агаѳья Андреевна дозволила Варенькѣ встать на слѣдующій день часомъ позже.

Агаѳья Андреевна приступила къ своему ночному туалету въ самомъ веселомъ расположеніи духа, но, взглянувши въ зеркало, вдругъ какъ будто призадумалась. Въ этотъ вечеръ она не такъ равнодушно снимала фальшивую косу, отплетала фальшивыя косички, выни-

мала фальшивые зубы, стирала съ лица фальшивый цвѣтъ, снимала съ таліи корсетъ, сильно подбитый ватою; однимъ словомъ, не только не равнодушно, но съ видимымъ нетерпѣніемъ и досадою разставалась въ этотъ вечеръ съ приставною третью самой себя. Даже присутствіе Анисьи Кузьминичны досаждало ей. Но отчего жь? спроситъ читатель. Оттого, что въ этотъ вечеръ братъ Лизы Чернской пробудилъ въ Эсмеральдѣ новую вспышку надежды сдѣлаться дамою, и очень ошибались тѣ, которые смотря на наружную холодность ея, думали что Эсмеральда отказалась отъ этой мысли. Влюбиться, можетъ быть, она и не могла, еще меньше полюбить искренно, но сдѣлать приличную партію, выйти за человѣка, хоть урода, но съ чиномъ и состояніемъ — другое дѣло. Посредственностью не удовольствовалась бы Агаѳья Андреевна; ей не хотѣлось быть хуже другихъ, да и за что же? Вотъ почему и промчались тридцать шесть весенъ надъ головою брюнетки, не надѣвъ на нее чепчика.

О Григорьѣ Сергѣевичѣ Чернскомъ Агаѳья Андреевна сдѣлала слѣдующее заключеніе. «Ему лѣтъ сорокъ пять и болѣе, слѣдовательно, онъ слишкомъ старъ для Вари, на которую онъ впрочемъ не обращалъ никакого вниманія. Онъ только что вышелъ въ отставку, слѣдовательно долженъ быть чиновенъ. Пальто его не щегольское, сапоги не глянцовитые, но бѣлье голландское, а на Лизѣ шляпка изъ Итальянской соломы, вещь не дешевая. А какая лошадь въ кабріолетѣ! я не знаю толку въ лошадяхъ, а все таки знаю, что такихъ встрѣчала только у богача Заболевскаго; лошадь не простая и не дешевая. Будь онъ такой франтъ, какъ тотъ, что пѣшкомъ доходитъ до парка, а въ паркѣ садится уже въ кабріолетъ, такъ тотъ не сталъ бы гонять лошадь по нашимъ

пескамъ. Нѣтъ, ужь въ этомъ я не ошибусь: Чернскій съ достаткомъ, иначе быть не можетъ. Не сдѣлалъ же онъ партіи до сихъ поръ — и на это причины отыскать не трудно. Молодая и богатая не пошла бы за такого не красиваго какъ онъ, иная мать и задумалась бы, смотря на его шрамъ; а на бѣдной самъ жениться не хочетъ. Мнѣ же тридцать шесть лѣтъ; худощавыя кажутся моложе, гораздо моложе; у меня родовыхъ пять сотъ душь чистыхъ, прикупила двѣсти семьдесятъ, всего семь сотъ семьдесятъ; фамилія прекрасная, наслѣдство дяди въ виду; я пишу къ нему часто, много; дядя не можетъ быть мною не доволенъ; а чтобы Варенька вышла за мужъ прежде меня, тому не бывать и не бывать!» Съ послѣднимъ словомъ, сказаннымъ самой себѣ, Эсмеральда повязала голову платкомъ, горло платочкомъ, намазала ротъ какимъ-то жиромъ, и, завернувшись въ стеганое одѣяло, улеглась въ постель. Анисья задула свѣчу, поклонилась въ темнотѣ барынѣ, и на цыпочкахъ вышла изъ опочивальни.

Варенька въ эту ночь думала о своемъ Пьерѣ, не помышляя впрочемъ о замужествѣ; мысль эта казалась столь несбыточною, что и не закрадывалась въ ея хорошенькую головку.

Пьеръ или Петръ Сергѣевичъ, меньшой братъ Григорья Сергѣевича и Елисаветы Сергѣевны Чернскихъ, былъ двадцатидвухлѣтній гусарскій поручикъ, стоявшій съ полкомъ своимъ не совсѣмъ въ Москвѣ, но являвшійся, подобно метеору, въ различныхъ мѣстахъ и въ одно и то же время, какъ въ полку, такъ и въ бѣлокаменной. Добрый и безпечный, онъ былъ любимъ всѣми безъ исключенія. Правда, отъ старшихъ никому не доставалось такъ часто, какъ Пьеру, и было за что: начальство смотрѣло за нимъ строго, Григорій Сергѣе-

вичъ не дарилъ ему ни одной шалости, ни одной проказы, и не проходило дня, чтобы Пьеръ не былъ обреченъ на выслушаніе предлинной и преназидательной рѣчи. Впрочемъ, все это не мѣшало Григорью Сергѣевичу только что не страстно любить шалуна брата.

Возвратясь отъ Савартиныхъ довольно поздно (Черискіе жили на Никитскомъ бульварѣ), старшій братъ нашелъ меньшаго въ темномъ кабинетѣ своемъ, на кушеткѣ. Пьеръ былъ мраченъ столько, сколько можетъ быть мраченъ двадцатидвухлѣтній юноша, гусарскій поручикъ, влюбленный въ пансіонерку и увѣренный во взаимности.

— Ну, что скажете, не мила она? спросилъ онъ вошедшаго брата.

— Кто?

— Варенька.

— Очень мила, отвѣчалъ Григорій Сергѣевичъ, снимая перчатки.

— И вы говорили съ нею?

— Немного.

— Напрасно.

— Почему же?

— Потому что Варенька не только хороша собою, но умна, добра и наивна, однимъ словомъ, одарена всѣмъ, что составляетъ счастіе мужей.

— Не спорю.

— Лаконизмъ вашъ, Грегоаръ, предвѣщаетъ назидательную диссертацію; такъ предупреждаю васъ, что сегодня я ни за что не буду ея слушать; я не выходилъ изъ дому во весь вечеръ и лежалъ неподвижно, какъ видите.

— Тѣмъ хуже; въ праздную голову забѣгаетъ обык-

новенно вздоръ, и я предпочелъ бы застать васъ, хоть, пожалуй, за Комментаріями Цезаря.

— Завтра же покупаю ихъ.

— А послѣ завтра оставишь ихъ навѣрно, и пустишься танцовать.

— Грегоаръ, согласитесь, что вы одинъ изъ самыхъ несносныхъ менторовъ, воскликнулъ гусаръ, смѣясь, обнимая брата и цѣлуя его въ лысую голову. — Ну, скажите по совѣсти, можно ли быть послушнѣе меня? можно ли въ самое короткое время такъ измѣниться, разумѣется къ лучшему, какъ измѣнился я, и отчего же? Оттого, что вы этого пожелали.

— И оттого, перебилъ Григорій Сергѣевичъ: что Варенька Савартина, конечно, могла бы быть одною изъ самыхъ восхитительныхъ женщинъ, ручаюсь тебѣ; а скажи я одно слово, понимаешь ли? одно только слово Павлу Павловичу, который, не сегодня такъ завтра, будетъ въ Москву, и могу назвать Вареньку сестрою.

— Вы эгоистъ, капитанъ, и по привычкѣ ставите себя на первомъ планѣ; однако я убѣжденъ, что капитанъ Чернскій непремѣнно скажетъ это слово.

— Какъ жаль, что капитанъ и поручикъ не всегда согласны въ своихъ предположеніяхъ.

— Капитанъ настойчивъ, какъ всѣ моряки.

— Поручикъ не основателенъ, какъ всѣ молодые гусары.

— Мы играемъ въ забавную игру, капитанъ.

— И вы проиграете, поручикъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, не проиграю, клянусь вамъ, Грегоаръ.

— А на чемъ основана эта увѣренность, желалъ бы я знать?

— На томъ, братъ, что, лежа здѣсь на диванѣ, я об-

думалъ планъ аттаки и надѣюсь разбить васъ въ пухъ, сказалъ Пьеръ.

— Какъ, даже безъ помощи Цезаря и его Комментаріевъ?

— Даже, повторилъ молодой человѣкъ.

— Любопытно!

— Слушайте!

— Изволь....

— Мнѣ двадцать два года, началъ Пьеръ.

— Правда.

— Я пустъ и вѣтренъ.

— Къ несчастью, и это правда.

— До настоящей минуты всѣ мои поступки, всѣ дѣйствія были не только не основательны, но и непростительно, ребячески безсмысленны — положимъ...

— Не положимъ, а были въ самомъ дѣлѣ.

— Ну, были, повторилъ смѣясь гусаръ: но никто на свѣтѣ не скажетъ чтобы я, Петръ Чернскій, не сдержалъ даннаго слова.

— Еще бы!

— Слѣдовательно, на этомъ пунктѣ позвольте остановиться.

— Лучше продолжать.

— Будемъ продолжать. Я даю вамъ честное слово, что сдѣлаюсь чѣмъ вы прикажете, а вы, въ свою очередь, замолвите словечко Павлу Павловичу, и называйте Вареньку сестрою, и Богъ проститъ вамъ вашъ эгоизмъ!

— Прекрасно придумано, поручикъ, и остается мнѣ употребить лѣтъ десять времени на составленіе того реестра условій, которыя, разъ подписавъ, вы конечно выполните свято, я не сомнѣваюсь. Но кто же поручится, что изобрѣтательный умъ вашъ не создастъ но-

выхъ средствъ къ новымъ шалостямъ, которыя хотя въ буквальномъ смыслѣ и не будутъ въ разногласіи съ подписаннымъ условіемъ, но, не менѣе того, сдѣлаютъ изъ меня, вашего брата, совершеннаго дурака, а изъ хорошенькой сестрицы моей, Вареньки, пренесчастную женщину?

— А основываете вы, капитанъ, такое обидное для меня предположеніе?...

— На томъ, поручикъ, что, мѣсяцъ назадъ, не долѣе, желая, признаюсь вамъ чистосердечно, избавиться отъ дорогаго присутствія вашего въ Москвѣ, я препроводилъ васъ въ полкъ, обязавъ при томъ, честнымъ же словомъ, не являться обратно безъ особенной надобности.

— Ну, и что же?

— Вы спрашиваете, что?

— Да, капитанъ.

— А то, поручикъ, что, къ прискорбію моему, мы въ эту минуту передаемъ мысли свои далеко не помощью электрическаго телеграфа, а просто изустно, и вы, поручикъ, въ Москвѣ.

— Но, капитанъ, я прибылъ сюда по службѣ, слѣдовательно не безъ надобности.

— То есть, перебилъ старшій братъ: вы откомандированы для покупки офицерскихъ вещей.

— Необходимыхъ, капитанъ. На дняхъ вещи будутъ готовы и я оставляю васъ.

— Изъ дней составляются годы, поручикъ.

— Вы несносны, Григорій Сергѣевичъ; ни одна женщина не согласится быть вашею женою, ручаюсь вамъ головою.

— Не ручайтесь: одну могу я назвать сію минуту.

— И это исключеніе?

— Родная сестра Вареньки, Агаѳья Андреевна Савартина, брюнетка — тридцати лѣтъ.

— Сорока̀, сухая, размалеванная и злая, перебилъ гусаръ.

— Ба, вы знакомы?

— Я ненавижу ее и прячусь отъ этой фуріи вотъ уже два года.

— Вѣрное и надежное средство чтобъ достигнуть вашей цѣли, поручикъ.

— Когда брата зовутъ Григорьемъ Сергѣевичемъ, а дядю Павломъ Павловичемъ, то и это средство къ достиженію цѣли надежно.

— Вы забыли одно.

— Слово, которое вы скажете, капитанъ.

— Котораго не скажу.

— До подписанія условія, согласенъ.

— Нѣтъ.

— Безчеловѣчный капитанъ! До какой же эпохи? не мучьте меня.

— До пріѣзда Павла Павловича, повѣса, сказалъ послѣ продолжительнаго молчанія Григорій Сергѣевичъ, взявъ меньшаго брата за оба уха и нѣжно цѣлуя его.

Восторгъ Пьера помѣшалъ въ эту ночь капитану перваго ранга Чернскому заснуть въ обычный его часъ, то есть ровно въ полночь.

Въ продолженіе недѣли Григорій Сергѣевичъ Чернскій былъ, въ сопровожденіи сестры своей Лизы, три раза у Савартиныхъ въ Коптевѣ, и одинъ разъ послѣднія посѣтили первыхъ. Въ этотъ разъ Петръ Чернскій просидѣлъ въ кабинетѣ старшаго брата, не показываясь гостямъ. Послушный какъ ребенокъ, онъ слѣпо слѣдовалъ предписаніямъ строгаго капитана, и крѣпко надѣялся.

Павелъ Павловичъ дѣйствительно писалъ старому сослуживцу своему Григорью Сергѣевичу о скоромъ прибытіи своемъ въ Москву, но мало ли что могло удержать старика на любимой его стихіи.

Эсмеральда торжествовала: казалось, надежды ея осуществлялись съ каждымъ днемъ, и одно только обстоятельство тревожило всепредвидѣвшую Агату. Анисья намекнула ей однажды, что, по мнѣнію ея, то есть Анисьи, Богъ, кажется, послалъ барышнѣ женишка.

— Какой барышнѣ? воскликнула Агата.

— Вѣстимо, матушка, Варварѣ Андреевнѣ.

— Что ты говоришь?

— Вѣстимо, матушка, Варварѣ Андреевнѣ.

— Во первыхъ, слово вѣстимо — мужицкое слово, а во вторыхъ, съ чего ты взяла этотъ вздоръ? проговорила съ сердцемъ Эсмеральда.

— Можетъ статься, я и ошиблась, сударыня, по глупости своей; спроста, матушка, показалось.

— Да что же наконецъ показалось?

— Да будто приволакиваться изволитъ.

— Кто?

— Баринъ тотъ, съ царапиной.

— За Варенькой?

— Кажись, матушка.

— Не бось взяла изъ того, что онъ ѣздитъ къ намъ на дачу?

— Ѣздить, пусть себѣ ѣздитъ, а въ прошлый-то разъ, сударыня, вы изволили прогуливаться съ сестрицею ихнею, а баринъ-то съ нашею барышнею. Вотъ, какъ поотстали-то они и какъ разъ подошли къ окошкамъ, я и слушаю, да такъ, матушка, Агаѳья Андреевна, не извольте подумать, чтобы изъ хитрости какой, и не слушала, да услышала невзначай.

— Ты?

— Я, сударыня, признаться сказать я, своими то есть ушами.

— А что они говорили?

— Сначала, признаться, не разобрала, а какъ стали подходить, баринъ-то и говоритъ: «Я молъ, то есть, вамъ ручаюсь, мнѣ молъ можете повѣрить, мы молъ коротко знакомы».—Ахъ, говоритъ барышня, какъ я счастлива, да нѣтъ, до такого счастія не доживу, говоритъ, а сама и зардѣлась словно розанъ, краснехонька; а баринъ-то, глядя на нее: «ужь будьте, говоритъ, увѣрены, все устроится; на себя, говоритъ, беру; я давно желалъ, говоритъ, поговорить съ вами, да нельзя было, говоритъ, а потерпите».

— Аниска, пропищала вспыхнувъ Агаѳья Андреевна: если ты осмѣлилась слово прибавить къ тому, что ты точно слышала, то знаешь ли что я съ тобою сдѣлаю?

— Матушка, сударыня, провались я на этомъ мѣстѣ, да чтобы меня разорвало, если хоть словечко выдумала.

— Аниска, повторила съ бѣшенствомъ Эсмеральда: разскажи мнѣ опять, что слышала ты, да смотри, точнехонько, слова не проронн.

Анисья Кузьминична повторила самымъ аккуратнымъ образомъ свой разсказъ. Едва она кончила, какъ посинѣвшая дѣва умчалась на половину Вареньки. Она застала свою крестницу за «Путешествіемъ»; пансіонерка перелистывала самыя интересныя мѣста, и до того углубилась въ чтеніе, что, увидѣвъ неожиданно предъ собою искаженное лице сестрицы, вскрикнула отъ ужаса.

— Пожалуйте-ка сюда, сударыня, сказала Агаѳья Андреевна, ухвативъ Вареньку за руку и таща ее за со-

бою. Послѣдняя молча повиновалась, и обѣ перешли въ гостиную. Эсмеральда затворила за собою дверь, и, пристально взглянувъ на крестницу, спросила не твердымъ голосомъ: о чемъ говорила она съ Григорьемъ Сергѣевичемъ, прогуливаясь по рощѣ.

— Я, ma soeur?

— Да, вы, ma soeur, повторила Эсмеральда, чудовищно улыбаясь.

— Мы говорили о многомъ.

— О чемъ именно?

— Не помню, право.

— Вы лжете?

— Я?

— Вы лжете и краснѣете.

— Увѣряю васъ!

— Лжете, лжете, нагло, безстыдно лжете!

— Но ради Бога, ma soeur, скажите мнѣ, о чемъ же могла я говорить съ человѣкомъ, котораго видѣла три раза?

— Не тебѣ меня допрашивать, а отвѣчать прошу, дрянная дѣвчонка, и знай, что какъ бы ты ни была хитра и скрытна, меня не проведешь! я все узнаю, все!...

— Боже мой, что же я сдѣлала? воскликнула Варенька: и за что такіе нападки?

— За то, сударыня, что въ ваши годы не ведутъ себя такъ непристойно и не ищутъ случая шептаться съ посторонними мужчинами; ужь не надѣетесь ли вы выйти замужъ за него!

— За кого же это, ma soeur?

— Не бось не знаете про кого я говорю?

— Не за Григорья ли Сергѣевича? спросила молоденькая дѣвушка, улыбаясь сквозь слезы. Что это вы въ

самомъ дѣлѣ, ma soeur? какъ мнѣ ни грустно, а смѣяться хочется; ну, можетъ ли же это быть?

— Такъ зачѣмъ же говорилъ онъ про какое-то устройство, про счастіе, и увѣрялъ въ чемъ-то? Ты видишь, я все знаю, все слышала! а не говорила для того, чтобы убѣдиться въ твоей неискренности, въ твоей закоренѣлой скрытности.

Послѣднія слова Агаѳьи Андреевна проговорила тономъ менѣе грознымъ; смѣхъ Вареньки и вовсе не коварное выраженіе ея лица нѣсколько успокоили старую дѣву. Съ своей стороны, какъ молода и неопытна ни была пансіонерка, а догадалась, что старшая сестрица ровно ничего не слыхала и не знала, а потому и рѣшилась похитрить въ первый разъ въ своей жизни.

— Будьте справедливы, ma soeur, сказала Варенька съ веселымъ и наивнымъ видомъ: ну, можетъ ли мнѣ сказать что нибудь интересное Григорій Сергѣевичъ, и особенно такое, чего бы я вамъ не пересказала тотчасъ же? А если онъ и говорилъ, положимъ что говорилъ, повѣрьте, или я не поняла, или думала совсѣмъ о другомъ; ну, что мнѣ въ Григорьѣ Сергѣевичѣ? онъ такъ старъ и такъ дуренъ; вѣдь не пойду же я за него замужъ.

— Кто говоритъ о замужествѣ! не рано ли, сударыня.

— Мнѣ рано, ma soeur, а ему поздно, отвѣчала Варенька, смѣясь.

Отвѣты Вареньки успѣли наконецъ совершенно успокоить Агаѳью Андреевну и разсѣяли всѣ ея сомнѣнія. Переходя изъ тона въ тонъ, изъ цвѣта въ цвѣтъ, она заключила грозную сцену только что не материнскимъ нѣжнымъ наставленіемъ и, выпроводивъ сестру изъ гостиной, тотчасъ же велѣла заложить лошадей.

Былъ часъ второй пополудни, когда знакомая намъ

савартинская карета въѣзжала въ Москву въ Прѣсненскую заставу. Повернувъ вправо, она пробралась переулками до Арбата, съ Арбата на Сивцевъ-Вражекъ; тутъ уже вышла изъ нея Эсмеральда, оглянулась во всѣ стороны, и, пользуясь пустотою улицы, вбѣжала въ калитку пятиоконнаго деревяннаго домика. Къ домику этому, весьма опрятному съ надворной стороны, примыкалъ садикъ, аршинъ десяти въ окружности; дворъ былъ усыпанъ краснымъ пескомъ, а изъ собачьей конуры, приставленной ко входу въ кладовую, выглядывала желтая собачья морда; морда эта, услышавъ стукъ калитки, приподняла было уши, но, увидѣвъ Эсмеральду, опустила уши и засмѣялась, какъ смѣются собачьи морды.

— У себя ли Марья Акимовна? спросила вошедшая у двухъ румяныхъ мальчиковъ, игравшихъ въ серсо!

— Бабушка дома-съ! отвѣчали мальчики, и пріѣзжая вошла.

Замѣтно было, что появленіе кареты у воротъ произвело въ самомъ домѣ нѣкоторое волненіе. Эсмеральду не встрѣтилъ никто, но едва она вошла въ прихожую, какъ изъ той же прихожей опрометью выскочилъ кто-то, хлопнувъ за собою дверью. Не снимая ни салопа, ни галошъ, гостья прошла въ слѣдующую комнату, взглянула мимоходомъ въ зеркало, висѣвшее между двухъ оконъ, и, не останавливаясь, продолжала путь до угловаго покоя, въ которомъ сидѣли двѣ особы, а именно: хозяинъ и хозяйка дома, или, лучше сказать, просто хозяйка, то есть Марья Акимовна, и супругъ ея, Абрамъ Абрамовичъ. Фамиліи лицъ этихъ Эсмеральда не знала, хотя знала ихъ лѣтъ десять.

Завидя Савартину, почтенная чета поспѣшно поставила на стоявшій передъ нею столикъ чашки съ кофе,

и силилась встать, но встать не могла ни какъ, и вотъ отчего: Марья Акимовна, женщина лѣтъ шестидесяти, средняго росту, достигла той округлости, которая при паденіи тѣла дѣлаетъ всякій ушибъ невозможнымъ. Финикообразный носъ Марьи Акимовны отвисшею оконечностью своею лежалъ на выдавшейся впередъ верхней губѣ, верхняя губа на нижней, нижняя на подбородкѣ, подбородокъ, совокупно съ чудовищною шеею, лежалъ на груди, грудь на желудкѣ, желудокъ на колѣняхъ, которыхъ оконечности также не выступали впередъ, хотя Марья Акимовна не стояла, а сидѣла въ кожаныхъ креслахъ, обитыхъ мѣдными гвоздиками. Еслибъ къ сидящей Марьѣ Акимовнѣ приставить доску, доска эта коснулась бы всѣми точками своей гладкой поверхности всѣхъ наружныхъ точекъ тѣла, или, правильнѣе, жира Марьи Акимовны, за исключеніемъ однакоже верхней части головы, осѣненной тюлевымъ чепчикомъ съ голубыми лентами. На всѣхъ порахъ Марьи Акимовны образовались мелкія красноватыя пятнышки. На хозяйкѣ дома была шелковая блуза gris de lin и вязанный платокъ; на колѣняхъ ея лежали сибирскій котъ, табачный платокъ и шитый гарусомъ ридикюль.

Супруга Марьи Акимовны судьба облекла въ совершенно противоположную форму. Абрамъ Абрамовичъ носилъ на угловатыхъ плечахъ своихъ семидесятилѣтнее печеное яблоко кофейнаго цвѣта, съ рѣдкимъ серебрянымъ клочкомъ волосъ на темени. Красномраморные глаза его лѣниво выглядывали изъ подъ отвисшихъ вѣкъ; на щекахъ отъ времени образовались два кургана; нижняя челюсть съ подбородкомъ поссорились съ верхнею, отчего вѣчно открытый ротъ представлялъ видъ, не совсѣмъ привлекательный. Многимъ даже казалось, что по худобѣ Абрамъ Абрамовичъ долженъ бы

быть прозрачнымъ. Старикъ трясся всѣмъ тѣломъ, носилъ фуфайки, теплые сапоги, любилъ Марью Акимовну, любилъ ея кота, любилъ всѣхъ гостей, любилъ и садикъ, и ту желтую собаку, что лежала въ конурѣ, но болѣе всего Абрамъ Абрамовичъ любилъ кофе и кушалъ его въ прикуску, изъ блюдечка. Въ старинные годы добылъ себѣ Абрамъ Абрамовичъ чинъ; въ настоящее время любилъ величать имъ супругу, вслѣдствіе чего и называлъ Марью Акимовну офицершею.

Вотъ каковы были особы, силившіяся привстать при появленіи Эсмеральды.

— Ахъ, пожалуйста, не безпокойтесь, и что за вѣчныя церемоніи, воскликнула Агаѳья Андреевна, махая руками: я пріѣхала на минуточку и имѣю сказать вамъ слова два, моя почтенная.

— Такъ присядьте же, моя матушка, присядьте вотъ сюда, отвѣчала хозяйка, указывая гостьѣ на кресла супруга: а ты, Абрамъ Абрамовичъ, пересядь вонъ туда...

— Зачѣмъ же его тревожить, оставьте.

— Ничего, матушка, не разсыплется.

— Да нѣтъ, пожалуйста, нѣтъ, я возьму другія кресла.

— Эхъ, Абрамъ, Абрамъ! какой ты, право, неповоротливый, и глухъ сталъ; бѣда съ нимъ просто, матушка, вожусь цѣлый день...

Выслушавъ супругу, Абрамъ Абрамовичъ поперхнулся, кашлянулъ раза два, и снова принялся за кофе, а супруга продолжала разговоръ.

— Давно, матушка, не заглядывали къ намъ, я уже и соскучилась; думаю, не разгнѣваться ли изволили, да за что бы, кажется?

— Нѣтъ, Марья Акимовна, гнѣваться не за что, а просто недосугъ: взяла сестру изъ пансіона, заботамъ

нѣтъ конца съ дѣвочкою; не оставить же ее безъ присмотра.

— Что же, Агаѳья Андреевна, замужъ бы ее поскорѣе. Пригожа сестрица ваша?...

— Она не дурна... мы похожи одна на другую; отъ замужества я не прочь, да за кого, Марья Акимовна?

— Мало ли, матушка, жениховъ въ бѣлокаменной; что вы, Агаѳья Андреевна! дѣвица-то она не бѣдная, приданое мнѣ извѣстно; къ тому же молода, да еще хорошенькая; мигомъ состряпаемъ.

— Вѣдь вы всегда такъ говорите, замѣтила Эсмеральда: а придется сдѣлать, и пойдетъ въ долгій ящикъ.

— Эхъ, матушка, матушка! да кто же сдѣлаетъ скорѣе Марьи Акимовны? Ну кто, скажите-ка? небось Аполлинарія? что жь вы взяли-то съ нея? а чай года четыре водила васъ, и кончила ничѣмъ; насулитъ, насулитъ, а смотришь, болтунъ. Я ли причиною, что вы, мое солнышко, въ дѣвкахъ сидите? Тотъ не хорошъ, тотъ не пригожъ! и состояніе подавай, да чтобъ былъ графъ, да чтобъ былъ князь; и есть они, да нѣтъ состоянія, не годятся. Послѣдняго-то забраковали, Агаѳья Андреевна, и на меня разгнѣваться изволили, а чѣмъ я причиною? Непригожъ — за то домъ, да домъ какой? съ иголочки!

— И не говорите, Марья Акимовна: на обезьяну ужасно похожъ.

— Не всѣмъ быть красивымъ, мать моя; не въ красѣ счастіе!

— Все такъ, но перестанемъ говорить обо мнѣ; я за другимъ дѣломъ завернула къ вамъ.

— Извольте, матушка, слушаемъ.

— Но какъ бы....

— Что это, спросила Марья Акимовна: мѣшаетъ старикъ, что ли?

— Лучше бы глазъ на глазъ.

— Извольте, матушка, тотчасъ. Абрамъ Абрамовичъ, а Абрамъ Абрамовичъ! воскликнула старуха, обращаясь къ старику.

Тотъ повернулъ голову и поперхнулся.

— Абрамъ Абрамовичъ, повторила Марья Акимовна: выдь-ка вонъ на часокъ, провѣтрись.

Супругъ качнулъ головою, затрясся, и, упершись сухими руками въ ручки креселъ, кряхтя приподнялся на ноги, и, кашляя и сморкаясь, побрелъ вонъ изъ комнаты.

— Ну, матушка, продолжала старуха: не извольте опасаться; въ домѣ, кромѣ кота да насъ, ни души; не подслушаютъ. Съ какимъ дѣльцемъ пожаловали?...

— Дѣло важное, Марья Акимовна, и прибыльное, сказала таинственно Эсмеральда.

— Дай то Богъ, дай то Богъ!

— Но предупреждаю, дорогая моя, что свертѣть его нужно скоро: всякій день дорогъ.

— А что же такое, матушка?

— Вотъ видите ли, Марья Акимовна, я буду откровенна: вы, я знаю, не измѣните мнѣ.

— Боже упаси!

— То-то же; потому что, какъ бы то ни было, а щекотливое обстоятельство встрѣтилось, и, не устрой мы заблаговременно, бѣда случиться можетъ.

— И отъ этого упаси Господи! сказала набожно старуха.

Эсмеральда продолжала: Я уже сказала вамъ, что сестра моя вышла изъ пансіона; дѣвочка молоденькая, вѣтреная, сдружилась тамъ съ подобною же себѣ сорвиголовою, а къ той наѣзжалъ братъ, вотъ и заве-

лись съ этимъ братомъ у сестрицы моей шуры-муры. Я ничего не знаю, какъ вдругъ, на дняхъ, смотрю: подкатилъ къ дачѣ кабріолетъ. Вышли дама съ мужчиною и идутъ прямо ко мнѣ въ домъ; спрашиваютъ Вареньку, принимаю; пошли гулять, просидѣли до ночи, и на другой день опять, и опять; я приглядывать, и подслушала разговоръ.

— Кто жь это былъ? спросила Марья Акимовна, съ видомъ совершеннаго равнодушія.

— Вы ихъ не знаете?

— Не мудрено, матушка, я такъ спросила.

— Впрочемъ, скрывать не для чего, сказала Эсмеральда, которая вспомнила, между прочимъ, что если старуха знаетъ брата Лизы, то, вѣрно, знаетъ и его состояніе: пунктъ самый интересный для перезрѣлой дѣвы. — Брата этого, продолжала Агаѳья Андреевна, зовутъ Чернскимъ.

— Чернскимъ? повторила старуха поспѣшно, но тотчасъ же опомнилась.

— Да, Чернскимъ, Марья Акимовна; а развѣ вы знакомы съ ними?

— Нѣтъ, матушка, не знакома, а слыхать слышала.

— Богаты они?

— И этого путемъ не знаю. Такъ что же далѣе-то?

— А далѣе то, Марья Акимовна, что дѣвочку-то мнѣ бы желалось пристроить поскорѣе.

— Чернскій-то, видно, молодъ въ женихи, или другая причина?

— Напротивъ, старъ для сестры, ужь слишкомъ старъ.

— Старъ? спросила старуха, и улыбнулась недовѣрчиво.

*

— Какъ же! надѣюсь, что для семнадцатилѣтней дѣвушки мужъ въ пятьдесятъ не молодъ?

— Чего бы вамъ бояться, матушка, Агаѳья Андревна? старикъ барышнѣ не опасенъ.

— Правда, моя милая, но есть другія причины.

— Вотъ это дѣло иное!

— Что бы тамъ ни было, перебила Эсмеральда: а если вы, Марья Акимовна, сдѣлаете для меня это дѣльце и сосватаете женишка, то можете положиться на мою благодарность.

— Женишка? повторила въ раздумьѣ сваха: почему бы и не сыскать женишка для такой невѣсты; одно, Агаѳья Андреевна: какъ къ спѣху, такъ ужь будьте помягче, матушка; совершенными люди не раждаются, гдѣ же я-то ихъ возьму?

— Такъ и быть, Марья Акимовна, перебила Эсмеральда улыбаясь: обѣщаюсь вамъ быть поснисходительнѣе, только бы поскорѣе, какъ можно поскорѣе.

— Какъ же скоро, матушка?

— По мнѣ хоть сегодня.

— Шутить изволите?

— Ей, ей, нѣтъ; ну, не сегодня именно, а на дняхъ непремѣнно.

— На дняхъ? пожалуй на дняхъ, когда возьмете Мишурина.

— Какого это? черненькаго? помилуйте, Марья Акимовна, онъ очень молодъ!

— Тѣмъ лучше, матушка.

— Не хочу.

— Напрасно, Агаѳья Андреевна! Мишуринъ прекрасный молодой человѣкъ; у батюшки ихняго и состояньице есть; сестрицѣ вашей какъ разъ подъ стать, и молодъ и пригожъ.

— Не хочу, не хочу, не хочу, прокричала Агаѳья Андреевна: у этой дѣвочки мужъ не долженъ быть очень хорошъ собою; она этого не стоитъ.

— Воля ваша, матушка.

— Да, воля моя, и этого не будетъ.

— Такъ возьмите того, что похожъ на обезьяну.

— И этого не хочу.

— Онъ не старъ.

— Все таки не годится. Онъ съ состояніемъ, подумала Эсмеральда: а не быть же ей богаче меня.

— Какого же, наконецъ, желаете вы, Агаѳья Андреевна? ужь я право не знаю; лучшенькихъ забраковали; выберите, потрудитесь, сами.

— Кого жь бы, напримѣръ? проговорила Эсмеральда въ раздумьѣ. — Да чего же мы ищемъ такъ долго! воскликнула она съ радостію: гдѣ Хвостинъ? въ Москвѣ онъ, Марья Акимовна?...

— Хвостинъ?

— Ну, да.

— Тотъ, что въ парикѣ, выгнанный изъ службы за проступки?...

— Ну, тотъ самый.

— Бога вы не боитесь, матушка, по плечу ли онъ сестрицѣ-то вашей? не вы ли сами разбранили меня, когда, не зная еще каковъ этотъ Хвостинъ, я отрекомендовала его вамъ.

— Марья Акимовна! одно изъ двухъ: беретесь ли вы за дѣло или нѣтъ? Я знаю что дѣлаю а, извините меня—свахъ много въ Москвѣ, отъ денегъ не откажется ни одна.

— Гнѣваться не за что, Агаѳья Андреевна; слова нѣтъ, дѣло ваше. Мои слова при мнѣ и остаются; угодно вамъ Хвостина, я пошлю за нимъ.... но предупреж-

даю, матушка, что у него, какъ говорится, ни пуговки, и ходитъ-то онъ оборванцемъ; прилично ли будетъ женишку явиться въ первый разъ въ домъ невѣсты въ неопрятномъ видѣ?

— Я дамъ ему денегъ! воскликнула Эсмеральда.

— Безъ того нельзя, матушка.

— А если обманетъ?

— Возьмите съ него расписку.

— Что въ ней?

— Такъ сдѣлайте условьице.

— Какое условіе?

— А вотъ какое, матушка: вы даете ему денегъ на одежду, на извозчика, на то, на другое, а онъ обязанъ возвратить всѣ эти деньги, какъ женится; не терять же вамъ своего добра, хоть бы и изъ за сестрицы родной.

— Ну, такихъ условій заключать мнѣ не хочется. Такъ ужь вы, моя добрая, похлопочите и устройте все сами; двѣ тысячи вамъ за комиссію, довольно ли? дѣло сладить, надѣюсь, будетъ не трудно.

— Матушка, Агаѳья Андреевна! и совѣстно мнѣ, да ужь простите.

— Что еще?

— Ей Богу, совѣстно.

— Говорите скорѣе.

— Агаѳья Андреевна! продолжала сваха, кривя ротъ: за двѣ тысячи рублей....

— Разумѣется, ассигнаціями, перебила Эсмеральда.

— Понимаю, что ассигнаціями, матушка; я очень довольна милостями вашими, но въ эту пору, признаться вамъ, такъ обѣднѣла, такъ обѣднѣла....

— Значитъ, Марья Акимовна, надо дать вамъ что нибудь впередъ?

— Хоть половинку.

— Половинку много; и какъ я дамъ половинку, когда и дѣло не началось?

— Избави Богъ не сладить, назадъ отдамъ, Агаѳья Андреевна, не покривлю душой; на старости лѣтъ грѣха не возьму на себя.

— Вѣрю вамъ, вѣрю, моя милая, а все таки половины не дамъ. Вотъ, есть со мною золотыхъ десять, возьмите, пожалуй; но чуръ хлопотать.

— Сію минуту пошлю племянницу, завтра же отвѣта ждите, матушка, Агаѳья Андреевна; чай, Хвостинъ изъ Москвы не отлучался, и куда ему....

— Возьмите, возьмите, вотъ они!

Говоря это, Эсмеральда вытащила изъ кармана платокъ, развязала узелъ и высыпала на столикъ свои десять полуимперіяловъ.

— Ахъ ты жидовка этакая, ахъ ты ехидна проклятая! воскликнула Марья Акимовна, когда карета, увезшая Эсмеральду, застучала по мостовой: такъ вотъ какъ ты платишь за этакія дѣла! Тутъ не жалѣешь и двухъ тысячь рублей за то, чтобы я, христіанка, помогла тебѣ продать сестру родную, за то, чтобы сгубить роднаго человѣка и выдать ее, бѣдняжку, за мерзавца, за игрочугу, пьяницу! Нѣтъ, мать моя, деньги-то я съ тебя стащу, небось, и безъ того должна ты мнѣ за прежнія хлопоты, а грѣха творить не стану! Дуня, а Дуня! закричала громко старуха: поди сюда, да живо!

На зовъ свахи вбѣжала дѣвушка лѣтъ двадцати, бѣлокурая и полная, въ ситцевомъ платьѣ, съ пунцовымъ платочкомъ на шеѣ.

— Помнишь ли, Дуня, того красиваго гусарчика, что ѣзжалъ сюда ко мнѣ съ черноусымъ офицеромъ.

— Года два назадъ, тетенька? спросила дѣвушка.

— Да, да, года два назадъ.

— Еще онъ юнкеръ, тетенька?

— Ну, да, былъ юнкеромъ тогда, теперь ужь вѣрно офицеръ.

— А! помню, тетенька: они все шутили со мною, такіе веселые!

— Ну, ну, именно, шалунъ былъ большой. Сходи же ты, Дуняша, на Никитскій бульваръ, спроси у будочника домъ Чернскаго: домъ этотъ его, и вызови самого барина.

— А ежели, тетенька, барина не застану дома, что тогда?

— Тогда скажи кому изъ людей, что проситъ барина заѣхать Марья Акимовна, и нашъ адресъ оставь, и чтобъ заѣхалъ завтра вечеромъ; слышишь?

— Слушаю, тетенька!

Дѣвушка хотѣла бѣжать.

— Постой, прибавила старуха: не все еще; забѣги ужь однимъ разомъ и къ Хвостину; знаешь вѣдь Хвостина?

— Еще бы, тетенька, не знать этого грубіяна.

— Забѣги къ Хвостину и позови его ко мнѣ сію минуту, да торопись, Дуня; накинь что нибудь на голову.

Племянница вышла, а въ комнату, трясясь, вошелъ Абрамъ Абрамовичъ.

Отыскавъ домъ Чернскаго на Никитскомъ бульварѣ, Дуня позвонила у дверей и освѣдомилась у появившагося слуги, дома ли баринъ.

— Григорій Сергѣевичъ? спросилъ слуга.

— Ну, Григорій Сергѣевичъ.

— Григорій Сергѣевичъ выѣхали вчера изъ городу, повторилъ слуга.

— Надолго?

— Неизвѣстно-съ; но отъ кого же вы?

— Я отъ тетеньки, Марьи Акимовны, что живетъ на Сивцевомъ-Вражкѣ, въ собственномъ домѣ.

— Прозванье же какое у тетеньки?

— Тетеньку всѣ знаютъ тамъ, спросите только Марью Акимовну, сказала дѣвушка, кокетничая.

— Доложу, доложу барину; больше ничего-съ?

— Нѣтъ, ничего-съ; только доложите безпремѣнно.

— Доложу, доложу-съ; да куда же вы спѣшите, побудьте еще немножечко-съ.

— Зачѣмъ мнѣ быть? я ничего у васъ не забыла, возразила Дуня, вертясь и жеманясь.

— Какія вы, право-съ, хорошенькія-съ.

— Хороша, да не для васъ.

— Отчего же не для насъ?

— Да такъ, что не для васъ.

— Экія спесивыя, право, и поговорить-то съ нами не хотите....

— О чемъ съ вами говорить? прощайте.

— Погодите-съ, погодите маленько! закричалъ слуга вслѣдъ Дунѣ, но Дуня, оглянувшись раза два и сдѣлавъ гримаску, пустилась бѣгомъ вдоль бульвара.

Ростиславъ Семеновичъ Хвостинъ жилъ въ Столярномъ переулкѣ, въ домѣ нотаріуса, и занималъ квартиру не въ первомъ этажѣ, а нѣсколько ниже перваго, то есть тамъ, гдѣ окна верхнею частью своею касались колѣнъ проходившихъ по улицѣ. Сорокасемилѣтній Ростиславъ Семеновичъ, весьма неблаговидный по свойствамъ, привычкамъ и образу жизни, поддерживался должками, которые дѣлалъ съ искусствомъ, какимъ одарено не большое число смертныхъ. Двадцать разъ предлагалъ онъ кредиторамъ своимъ засадить его въ яму и внести кормовыя, но кредиторы считали такую сдѣлку для нихъ невыгодною и предпочли прекратить съ долж-

никомъ всякое сношеніе. Единственнымъ же и постояннымъ средствомъ къ поддержанію существованія Ростислава Семеновича были два пѣтуха, носимые Хвостинымъ въ одну изъ харчевенъ Смоленскаго рынка; тамъ побѣды этихъ птицъ надъ подобными имъ доставляли хозяину удовольствіе и мелкія деньги; этими мелкими платилъ Хвостинъ за квартиру и поддерживалъ кредитъ свой въ сосѣдней мелочной лавочкѣ. Водя дружбу и знакомство со всѣми московскими свахами, Ростиславъ Семеновичъ не терялъ надежды подцѣпить достаточную невѣсту, вслѣдствіе чего неоднократно представляемъ былъ и въ купеческіе и въ другіе дома низшаго сорта. Въ подобныхъ случаяхъ онъ относилъ хозяину своему, нотаріусу, двухъ пѣтуховъ, бралъ у нотаріуса фракъ, завивалъ парикъ въ цирюльнѣ и, уже на счетъ свахи, нанималъ лихача извозчика и являлся на показъ. Но, увы! не посчастливились Ростиславу Семеновичу попытки его. Сама Эсмеральда нашла Хвостина никуда негоднымъ, и онъ уже отчаявался успѣть въ своемъ предпріятіи, когда къ окнамъ его квартиры подбѣжала вертлявая племянница Марьи Акимовны.

— Дуня, Дуня, къ кому ты? спросилъ Хвостинъ, стараясь удержать дѣвушку за платье.

— Что вы балуете, стыдно вамъ, право! отвѣчала Дуня, отскакивая въ сторону.

— Ну, разсердилась.

— Вымыли бы лучше халатъ, ишь какой черный, словно трубочистъ; гадко смотрѣть.

— Вымой, когда хочешь, а мнѣ некого заставить.

— Такъ вотъ и вымою сей часъ, проговорила съ негодованіемъ дѣвушка: далась вамъ прачка! ступайте лучше къ тетенькѣ; она прислала за вами.

— На кой я ей прахъ?

— Кто ее знаетъ!

— Былъ развѣ кто у нея?

— Можетъ и были, лукаво отвѣчала Дуня.

— Такъ что жь ты не говоришь прямо? ступай сюда, да разскажи.

— Ряхнулась я что ли, чтобы идти къ вамъ? Упаси меня Господи.

— Иди, небось.

— Нечего баляснячать, ступайте скорѣе, ступайте: дожидаются.

— Не пойду, пока не войдешь.

— А мнѣ какое дѣло? не ходите себѣ, я скажу тетенькѣ что сказала вамъ, и больше ничего; прощайте!

Дѣвушка пустилась было бѣжать въ обратный путь, но Хвостинъ остановилъ ее, предлагая проводить.

— Сама дорогу найду, рѣзко отвѣчала Дуня, и на этотъ разъ никакія убѣжденія Ростислава Семеновича не могли заставить племянницу Марьи Акимовны, не только остановиться, но даже повернуть голову назадъ.

Да проститъ мнѣ читатель небольшое отступленіе отъ настоящихъ происшествій разсказа, но для объясненія ихъ необходимо возвратиться нѣсколько назадъ.

Во время первой прогулки съ Варенькой по Коптеву, Лиза объявила подругѣ, что братъ ея, Пьеръ, открылся во всемъ старшему брату и далъ ему слово не искать свиданій съ Варенькой и не попадаться на глаза Эсмеральдѣ. Лиза была увѣрена (и самъ Пьеръ раздѣлялъ ея мнѣніе), что Григорій Сергѣевичъ не имѣлъ прежде о любви брата никакого понятія; но молодые люди ошибались. Капитанъ Чернскій не только зналъ все, но отъ души желалъ женить его со временемъ на племянницѣ почтеннаго Павла Павловича, своего друга и бывшаго командира. Самъ Павелъ Павловичъ подалъ

ему эту мысль и уполномочилъ дѣйствовать полновластно, то есть не упускать изъ виду Агаѳьи Андреевны, способной, какъ выражался самъ дядя, на все. «Я знаю», писалъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ старикъ Савартинъ капитану Чернскому, «что Агаѳья наняла избу въ какой-то деревушкѣ, по близости отъ Москвы, и отвела въ ней чуланъ для Вареньки; знаю также, что на дняхъ послѣдняя выйдетъ изъ пансіона и попадетъ снова подъ желѣзную лапу своей сестры. Обо всемъ этомъ, любезный другъ, пишетъ мнѣ аккуратно давнишній корреспондентъ мой, Илья Гавриловъ, старый и вѣрный слуга покойнаго брата Андрея. Илья Гавриловъ ходитъ по оброку, который, разумѣется, плачу за него я, а онъ, посредствомъ жены своей, находящейся при племянницѣ, разузнаетъ обо всемъ и аккуратно доноситъ мнѣ. Не знаю, колотитъ ли онъ свою Анисью, или доброю манерою заставляетъ говорить, но какъ бы то ни было, а все что творитъ моя старшая племянница, черезъ недѣлю мнѣ извѣстно; знаю и слова, знаю и дѣйствія ея. Горько, дружище, имѣть подобную змѣю въ семействѣ, а дѣлать нечего; присмотри за Варенькою и не выпускай ея изъ виду!»

Въ концѣ письма Павелъ Павловичъ просилъ Григорья Сергѣевича потрудиться съѣздить въ Орелъ, получить отчетъ съ управляющаго его имѣніемъ и выгнать этого управляющаго въ двадцать четыре часа. Григорій Чернскій не замедлилъ исполнить порученіе своего бывшаго начальника, а вслѣдствіе этого и не застало капитана приглашеніе Марьи Акимовны,

Возвращаюсь къ разсказу.

Едва скрылась за угломъ проворная Дуня, какъ Ростиславъ Семеновичъ, высунувшись до половины изъ окна, повернулся лицемъ къ первому этажу и, громо-

гласно вызвавъ кухарку нотаріуса, освѣдомился дома ли хозяинъ.

— Дома, отвѣчала кухарка.

— Скажи же ему, Марѳа, что нуженъ дескать фракъ, а за пѣтухами пусть пришлетъ самъ.

Часъ спустя, Ростиславъ Семеновичъ прикатилъ на лихачѣ къ Марьѣ Акимовнѣ, и, бросивъ мимоходомъ въ желтую собаку камнемъ, влетѣлъ въ комнаты.

— Чего ты это ломишься, батюшка? словно непріятель, право, такой шумъ поднялъ! воскликнула съ негодованіемъ старуха: подумала и не вѣсть что.

— Сами, тетушка, прислали; Дуня ваша сказала ждете, я, паръ политесъ, взялъ лихача, разумѣется на вашъ счетъ, алонъ-марширъ, отвѣчалъ развязно Хвостинъ, обнимая сваху и цѣлуя ее насильно въ обѣ щеки.

— Отстань, окаянный! экой, прости Господи, сорванецъ уродился! отстань, кричала старуха, освободясь изъ объятій гостя.... Уфъ, замучилъ вертопрахъ! ну, по лѣтамъ ли тебѣ, сударь, дурачиться?

— Развѣ старъ, ма тантъ?

— Небось, молодъ?

— Шутите, тетенька, чтобы старъ былъ; если прислали, стало не старъ еще.

— Подлинно посылаетъ судьба счастіе недостойнымъ.

— Неужьто счастіе?

— И не ожидаешь, батюшка, какое.

— Ма тантъ, не турманте, говорите скорѣе, не то...

— Остепенись, батюшка, да возьми стулъ; голова кружится, глядя на тебя. Абрамъ Абрамовичъ, прибавила старуха, обращаясь къ мужу, сидѣвшему точно въ такомъ положеніи, въ какомъ застала его Агаѳья Андреевна: пересядь подальше и пусти его на свое мѣсто.

— А вотъ, я помогу, сказалъ Хвостинъ, бросаясь на старика, котораго, не давъ ему опомниться, Ростиславъ Семеновичъ перенесъ за ширмы и бросилъ на постель. Перепуганный Абрамъ Абрамовичъ поблѣднѣлъ, какъ смерть, и заворчалъ, а Марья Акимовна, всплеснувъ руками, закричала отъ ужаса...

— Что ты дѣлаешь, грѣховодникъ, негодяй ты этакой, безстыдный человѣкъ! долго ли тебѣ убить старика! еще смѣется! вопила старуха.

И дѣйствительно, Ростиславъ Семеновичъ покатился со смѣху, переминаясь на мѣстѣ, потомъ усѣлся противъ свахи, и долго, долго еще корчилъ рожи, представляя Абрама Абрамовича.

Гость наконецъ успокоился, обѣщалъ быть серьезнымъ и приготовился слушать. Полугнѣвно, полурезрительно передала Марья Акимовна Ростиславу Семеновичу предложеніе Савартиной, и, замѣтивъ намѣреніе гостя снова обняться, поклялась, что, тронься онъ только съ мѣста, она выпроводитъ его на улицу и найдетъ другаго жениха.

Большихъ усилій стоило Хвостину обуздать порывъ своего счастія и не выразить его какимъ нибудь новымъ фарсомъ.

— Но, ахтительная моя, померанцевая моя Мар-Акимъ (такъ сокращенно называлъ Хвостинъ Марью Акимовну), воскликнулъ онъ, протягивая руки къ старухѣ: скажите мнѣ, въ чемъ репрезентируюсь я моей суженой? неужьто, ма тантъ, какой нибудь слуга ихній, видя меня входящаго въ семъ сандрильонѣ (онъ показалъ на фракъ), не влѣпитъ мнѣ же затрещины и не сотворитъ але-вузанъ! Опять же шосюра (тутъ Ростиславъ Семеновичъ поднялъ ногу и чуть не положилъ ее на колѣни старухѣ), взгляните на эту вещь, ма тантъ: совершенныя

Ѳивы! слыхали тетушка, про Ѳивы со ста воротами? Положимъ, что вы и почтеннѣйшій Абрамъ Абрамовичъ принимаете меня не по платью; богатая же невѣста дѣло иное: пока доберется до душевныхъ достоинствъ, чего добраго, чихнетъ на наружныя инперфекціи....

— Хороши достоинства! замѣтила съ пренебреженіемъ сваха.

— Сила не въ нихъ, Мар-Акимъ, дѣло не о нихъ, а о привлекающихъ атансіонъ; о нихъ потолкуемте, ма тантъ: пунктъ важный, интересный пунктъ.

— Возьмите платье на прокатъ, если повѣрятъ.

— Если повѣрятъ, повторилъ съ ужимкою Хвостинъ.

— Небось вѣры не имутъ добрые люди, видно, такъ себя велъ.

— Наставленія пуръ-апре, а теперь поговоримте серьезно, перебилъ Ростиславъ Семеновичъ, наморщивъ лобъ: говорить пустяки нечего, не повѣрятъ платья, и не поручитесь вы, такъ дѣла и затѣвать нечего. Есть на Кузнецкомъ, у Француза, много всякихъ фраковъ, продолжалъ Хвостинъ подумавъ: выбрать можно на любой ростъ; сегодня бы съѣздилъ довѣдаться.

— Кто же мѣшаетъ? съѣзди.

— Хорошо съѣзди, а извощику вы заплатите, Мар-Акимъ?

— Заплачу, отвѣчала старуха.

— И за прокатъ вы же заплатите?

— И за прокатъ заплачу.

— Неужь то?

— Ей Богу, заплачу, только, не прогнѣвайся, батюшка, гроша не дамъ безъ сохранной расписки.

— Чорта съ два, дурака нашли, ма тантъ, давать на себя обязательства, когда по вашему же дѣлу лѣзу въ долгъ.

— По моему дѣлу?

— Разумѣется, отвѣчалъ съ важностію Хвостинъ: кто поручится, что Агаѳья Андреевна ваша не откажетъ мнѣ въ рукѣ сестры; а тогда чья вина? небось, моя?

— Заключи, въ свою очередь, формальное условіе съ Савартиной, да заключи на гербовомъ листѣ.

— А что вы думаете, тетушка?

— Да напиши, продолжала сваха: что буде она не устроитъ свадьбы твоей съ Варварою Андреевной, то обязуется она, Агаѳья, Савартина заплатить тебѣ, Хвостину, издержанныя тобою по сему случаю, приблизительно, двѣ тысячи рублей серебромъ.

— Тетушка, тетушка, проговорилъ Ростиславъ Семеновичъ, качая головой: кто же видывалъ чтобы подобныя условія заключались? да знаете ли, ма тантъ, сунься только съ подобною бумагою, пожалуй, такъ скрутятъ, что на, поди.

— А ты небось думаешь, что Савартина знаетъ дѣла по твоему? думаешь что, выдавъ разъ подобное обязательство, она не выкупитъ его чистыми деньгами? спросила старуха, злобно улыбаясь: простякъ же ты, батюшка....

Ростиславъ Семеновичъ, молча выслушавъ старуху, почесалъ себѣ голову, потомъ, подумавъ съ минуту, щелкнулъ пальцами и пустился на лихачѣ по направленію къ Пречистенскому бульвару.

Очень довольная своимъ новымъ планомъ, Эсмеральда, внутренно торжествуя, возвращалась съ Сивцева-Вражка въ Коптево. Мрачная дѣва рѣшилась, во что бы то ни стало, сбросить съ себя такъ долго тяготившія ее обязанности покровительницы меньшой сестры, и, пользуясь неопытностью ея, жесткимъ обращеніемъ своимъ принудить ее выйти замужъ за перваго встрѣчнаго. По рѣдкимъ и весьма краткимъ посланіямъ Павла Павлови-

ча, Агаѳья Андреевна ясно видѣла, что почтенный дядя только изъ приличія освѣдомлялся о крестницѣ. «Впрочемъ, думала Агата, гдѣ ему помнить и съ какой стати хлопотать дядѣ о племянницахъ, которыхъ не видалъ онъ семнадцать лѣтъ? Выдавъ Вареньку за Хвостина, я же напишу Павлу Павловичу, что предпочла выбрать для нея человѣка не первой молодости, а степеннаго, хотя и не богатаго; сестрино письмо также пройдетъ черезъ мои руки, слѣдовательно, съ этой стороны бояться мнѣ нечего.» Въ подобныхъ соображеніяхъ провела Эсмеральда всю дорогу, и почти въ веселомъ расположеніи духа вышла изъ кареты. Вареньку застала она на любимомъ ея мѣстѣ, то есть у окна гостиной. Поздоровавшись, старшая сестра спросила меньшую, не пріѣзжалъ ли кто въ ея отсутствіе.

— Нѣтъ, ma soeur, никого не было.

— Что же ты дѣлала?

— Я работала.

— Покажи.

Варенька подвинула пяльцы къ усѣвшейся Агаѳьѣ Андреевнѣ, и, отвернувъ бумагу, показала только что дошитый уголъ подушки.

— Нельзя похвастаться, чтобы много было сдѣлано въ цѣлое послѣ обѣда, замѣтила Эсмеральда.

— Я кончила, ma soeur.

— Можно было, по крайней мѣрѣ, вшлить новую канву.

— Вы мнѣ ничего не приказывали, уѣзжая.

— А догадки нѣтъ, сударыня?

— Простите, ma soeur, не догадалась.

Помолчавъ нѣсколько минутъ, Агаѳья Андреевна объявила сестрѣ, что пора спать, и выпродивъ ее, позвала Анисью.

Анисья Кузьминична донесла барынѣ, что Варвара Андреевна украдкою выбѣгала въ рощу, и, украдкою же, хотѣла, никѣмъ не замѣченная, пробраться въ домъ; но барышнѣ не удалось, потому что она, то есть Анисья, согласно съ приказаніемъ барыни, смотритъ за барышнею въ оба и ни на одинъ мигъ не разлучается съ нею.

— А зачѣмъ она бѣгала въ лѣсъ? спросила Агаѳья Андреевна, нахмурясь.

— Такъ, матушка, ни зачѣмъ, прогуляться изволили.

— Только?

— Помилуйте, сударыня, не стану же лгать милости вашей, отвѣчала Кузьминична, съ едва замѣтною дрожью во всемъ тѣлѣ.

Варенька дѣйствительно попалась на глаза Анисьѣ, но не уходя изъ дому, а возвращаясь изъ лѣсу, и Анисья не знала что вызвало барышню въ лѣсъ. Не видала она и того, что, тотчасъ же по отъѣздѣ Агаѳьи Андреевны въ городъ, изъ опушки противоположнаго сосноваго бора выѣзжалъ, противу самой избы, на славномъ конѣ, закутанный въ сѣрую шинель человѣкъ, что человѣкъ этотъ высмотрѣлъ все, и, улучивъ удобную минуту, швырнулъ въ окно барыниной дачи небольшую записочку.

— Не долго ей бѣгать по рощамъ! сказала про себя Эсмеральда, ложась въ постель. Но сонъ не касался ея, и до разсвѣта Агата продумала о средствахъ поспѣшить свадьбою крестницы.

Отъ природы злая, желчная, завистливая и холодная, Агаѳья Савартина ни о чемъ болѣе не мыслила до совершеннолѣтія, какъ о блаженствѣ сдѣлаться первою или, по крайней мѣрѣ, одною изъ первыхъ дамъ въ провинціи. Вслѣдствіе потери половины наслѣдства, по милости явившейся на свѣтъ сестры, она сдѣлалась еще злѣе, еще желчнѣе, завистливѣе и холоднѣе. Когда же,

по выходѣ изъ пансіона, Варенька переселилась къ ней въ домъ, и молодостью своею, а равно и красотою, стала ежеминутно напоминать старой дѣвѣ, что перезрѣлость въ женщинахъ большой порокъ, что молодость и свѣжесть великое дѣло, Эсмеральда почувствовала близъ сердца присутствіе змѣи и змѣи ядовитой, иначе называемой ревностью. Въ ту же минуту, когда Анисья Кузьминична донесла барынѣ о какомъ-то конфиденціяльномъ разговорѣ Григорья Сергѣевича Чернскаго съ ея сестрою, змѣя ужалила сердце Агаѳьи Андреевны, и первый результатъ укушенія изобразился твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ сбыть Вареньку съ рукъ, и сбыть предательски.

Можетъ быть характеръ моей Эсмеральды найдутъ не натуральнымъ, преувеличеннымъ, невозможнымъ. Я даже убѣжденъ, что по мнѣнію нѣкоторыхъ, какъ они сами себя называютъ, безпристрастныхъ критиковъ, Агаѳья Андреевна не что иное, какъ существо фантастическое, чудовищное, плодъ напряженнаго воображенія автора, силящагося создать что нибудь новое. Въ отвѣтъ подобнымъ критикамъ, я позволю себѣ сдѣлать одно только замѣчаніе. Положеніе людей, ихъ характеры, пружины дѣйствующія ими, такъ разнообразны, что, не рѣдко, самая обыкновенная личность, вѣрно списанная съ натуры, кажется невозможной тому, кто не встрѣчалъ ея. И кого не упрекали въ преувеличеніи!

На другой день утромъ, Варенька явилась къ чаю блѣдная и съ покраснѣвшими глазами. Бѣдную дѣвушку тревожилъ въ продолженіе всей ночи внезапный отъѣздъ Григорья Сергѣевича Чернскаго; объ отъѣздѣ его узнала Варенька отъ Пьера, явившагося наканунѣ въ Коптево, и явившагося не самопроизвольно, а съ разрѣшенія старшаго брата. Молодой человѣкъ вызвалъ запискою

предметъ любви своей въ сосновую рощу, высказалъ сначала въ самыхъ пылкихъ выраженіяхъ и грусть свою не видѣть болѣе Вареньки такъ часто какъ прежде, и антипатію свою къ ея сестрицѣ, потомъ надежды, возможность неизрѣченнаго блаженства, и, въ заключеніе, объявилъ, что братъ его дозволилъ ему, Пьеру, наблюдать издали за обожаемой Варенькою, но не стараться видѣться съ нею болѣе одного раза.

Блѣдность Вареньки не ускользнула отъ глазъ Эсмеральды, которая, прикоснувшись сжатыми губами ко лбу сестры, спросила у нея отрывисто, что съ нею и не больна ли она.

— Голова болитъ, ma soeur, отвѣчала та.

— Отъ бѣганья въ самый жаръ по двору.

— Какъ отъ бѣганья?

— Ты вчера уходила въ рощу одна.

Варенька вспыхнула и не отвѣчала ни слова.

— Что жь васъ удивляетъ, сударыня? продолжала Эсмеральда: или въ самомъ дѣлѣ вы предполагаете, что меня можно провести, обмануть? вы ошибаетесь, сударыня, и вотъ доказательство.

— Ma soeur.... проговорила трепетно Варенька. Она такъ растерялась, что полное сознаніе готово было сорваться съ языка, но удовлетворенная Агаѳья Андреевна не сочла нужнымъ продолжать сцену, и перешла къ другимъ предметамъ.

— Сегодня, сказала она, отвернувшись отъ Вареньки: будетъ къ намъ вѣроятно незнакомый тебѣ гость, съ которымъ я хочу, даже требую, чтобъ ты была любезна.

— Слушаю, ma soeur.

— Одѣнься получше, не слишкомъ парадно, разумѣется, и если онъ пригласитъ тебя прогуляться, то мо-

жешь идти. Тотъ, кого я ожидаю, мнѣ коротко знакомъ, а этого достаточно.

Варенька не отвѣчала, но глаза ея остановились неподвижно на сестрѣ; сердце Варенькино шепнуло ей, что новый гость привезетъ ей новое горе.

— Вы, кажется, меня не слышали? воскликнула Эсмеральда.

— Нѣтъ, слышала, ma soeur, но голова у меня такъ болитъ...

— Болитъ? повторила Эсмеральда.

— Да, ma soeur, очень болитъ.

— Ложитесь въ постель.

— Ежели позволите, ma soeur.

— Какъ же бы я не позволила? ложитесь сей часъ же и прикажите Анисьѣ поставить вамъ горчичники, а о лекарствѣ я подумаю сама.

— Зачѣмъ же горчичники? спросила испуганная дѣвушка: боль пройдетъ безъ лекарствъ.

— По мнѣнію вашему, но не по моему, замѣтила иронически Агаѳья Андреевна: впрочемъ, позвольте мнѣ, сударыня, дѣйствовать по собственному моему произволу; пока вы не замужемъ, вами распоряжаюсь я одна.

— Страшно горчичники, ma soeur, и никогда еще мнѣ не ставили ихъ, проговорила Варенька жалобно.

— Болѣзнь еще страшнѣе.

— Повѣрьте, все пройдетъ.

— Отъ горчичниковъ и лекарства, увѣрена.

— Нѣтъ, ma soeur, просто пройдетъ, увѣряю васъ.

— Тѣмъ лучше; тогда и ложиться не зачѣмъ. Согласны вы?

— Согласна, тысячу разъ согласна, повторила молодая дѣвушка, подбѣгая цѣловать Агату.

— Эти нѣжности приторны, Варенька, я давно хо-

тѣла сказать тебѣ это; право, пора отъ нихъ отучиться! замѣтила Агата, отворачивая свои желтыя щеки отъ свѣжихъ устъ крестницы.

Прошло утро, прошла большая часть дня, точно въ такомъ порядкѣ, какъ проходили всѣ утра и всѣ части дней на коптевской дачѣ Савартиныхъ, съ тѣмъ же «Путешествіемъ», съ тою же канвою, обѣдомъ, нѣсколькими колкими замѣчаніями Агаѳьи Андреевны и тѣми же подавленными вздохами Вареньки. Лишь на кухнѣ дачи произошло нѣкоторое измѣненіе. Къ Анисьѣ Кузьминичнѣ пришелъ изъ города супругъ ея. Илья Гавриловъ, бѣловолосый старикъ, коротко остриженный, плохо одѣтый, но доброй и честной наружности. Въ этотъ день Илья принесъ госпожѣ своей половину годоваго оброка.

Кромѣ Анисьи, при барышняхъ находилось еще четверо служителей, обоего пола, а именно: кучеръ, лакей, горничная и кухарка, да сверхъ того двѣ три дѣвчонки. Пользуясь частыми отлучками изъ кухни служителей и глухотою кухарки, супруги, то есть Илья Гавриловъ съ Анисьею Кузьминичною, разговаривали громко. Корреспондентъ Павла Павловича никогда не разспрашивалъ Анисью о житьѣ бытьѣ господъ. Онъ зналъ, что этотъ способъ былъ бы ненадеженъ; повѣренная Агаѳьи Андреевны, конечно, угадала бы намѣренія супруга, и, вопреки врожденной болтливости, положила бы на уста свои печать молчанія. Илья Гавриловъ бралъ терпѣніемъ: говорила и проговаривалась сама Анисья Кузьминична. Смиренно сидя на прилавкѣ, супругъ пилъ съ разстановкою чай, наливаемый супругою, и слушалъ.

— Хлопотъ у меня пропасть, продолжала Анисья, по выходѣ лакея съ блюдомъ.

Илья молчалъ.

— Столько хлопотъ, повторила Кузьминична: что, кажется, бросила бы все; да жаль барыни.

Илья не вымолвилъ ни слова.

— За людьми присмотри, за кухней присмотри, провизію купи, въ лавочку бѣгай, какъ дѣвчонка какая нибудь, бѣлье перештопай, да еще и за барышнею приглядывай.

Вниманіе Гаврилыча удвоилось.

— Словно дитя какое, на помочахъ водить нужно: на улицу выйти не смѣй, къ окошку не подходи.

— Кто же это, ты, что ли, Кузьминична, къ окошку подходить не смѣй? равнодушно спросилъ старикъ.

— Не я, а барышня; барышнѣ запретъ прогуливаться безъ меня, такъ вотъ и таскайся за нею будто нянька. Правда, за куфней не разгуляется, такъ, спасибо, сидитъ больше дома; развѣ оченно соскучится, такъ выскочитъ на крыльце, а я за ней.... Хорошо бы, когда впрямь есть женихъ, прибавила послѣ краткаго молчанія Анисья, наливая супругу шестую чашку чаю: а не вѣрится, что-то мудрено!

Кузьминична умолкла, желая тѣмъ возбудить любопытство мужа, но мужъ понялъ Анисью и не промолвилъ все таки ни одного словечка. Выведенная изъ терпѣнія упорнымъ молчаніемъ Гаврилыча, осторожная наперсница Агаѳьи Андреевны постепенно высказала, со всѣми подробностями, какъ барыня сердилась на барышню за прогулку ея подъ окнами съ лысымъ барономъ, какъ приказывала ей, Анисьѣ, подслушивать разговоры Варвары Андреевны съ сестрицею лысаго барина; наконецъ, какъ Агаѳья Андреевна приказала горничной молодой барышни готовить къ сегодняшнему дню голубенькое платье и причесать Варвару Андреевну получше, чего еще никогда не приказывала. Короче, Ильѣ

Гаврилову было чѣмъ наполнить листа два почтовой бумаги и было чѣмъ порадовать Павла Павловича. Между тѣмъ на барскую половину понесли кофе для барыни, а скоро и барыня сама, съ зонтикомъ въ рукѣ, отправилась видно прогуляться, чего, впрочемъ, до этого дня она никогда еще не дѣлала.

Эсмеральда, будто безъ цѣли, прошлась сначала раза два по деревнѣ, потомъ повернула къ Покровскому, и, снова возвратясь, отправилась къ Москвѣ. Въ соснякѣ повстрѣчался съ ней драпированный трагикъ; онъ было приподнялъ шляпу и хотѣлъ поклониться, но Агаѳья Андреевна не удостоила артиста взгляда и продолжала путь, не пріостанавливая шага и не сводя глазъ съ петербургскаго шоссе. Въ это же самое время по Всесвятскому мчались изъ Москвы дрожки, запряженныя высокою бѣлою лошадью; на нихъ сидѣлъ подбочась мужчина лѣтъ сорока пяти, не совсѣмъ толстый, но широкій въ плечахъ и плотнаго тѣлосложенія. Изъ подъ глянцовитой черной шляпы его торчали тщательно примазанные виски темнаго парика. Виски парика покоились на двухъ шарообразныхъ щекахъ пунцоваго цвѣта, съ синеватымъ отливомъ; отливъ этотъ пощадилъ вѣки глазъ и носъ господина, все же остальное пространство, между шляпою, надѣтою на самыя брови, до атласнаго галстуха на пружинѣ, равно имѣло синеватый оттѣнокъ. Прочей одежды ѣхавшаго разсмотрѣть было нельзя, потому что онъ былъ закутанъ въ зеленый плисовый воротникъ и шинель изъ непромокаемаго камлота. Хозяинъ дрожекъ, покрытыхъ алымъ клѣтчатымъ чахломъ, сидѣлъ только что не на колѣняхъ у своего сѣдока: такъ не просторенъ былъ экипажъ, называемый въ Москвѣ калибером. «Наконецъ»! сказала про себя Эсмеральда, разсмотрѣвъ издали ѣхавшаго прямо къ ней на-

встрѣчу господина. Пять минутъ спустя, калиберъ остановился, баринъ сбросилъ съ себя камлотовый плащъ, и, соскочивъ на землю, подбѣжалъ съ развязными поклонами къ Агаѳьѣ Андреевнѣ. На подбѣжавшемъ былъ черный фракъ, довольно узкій, черный бархатный жилетъ, черные панталоны и бронзовая цѣпочка. Всѣ части одѣянія носили слѣды времени, блестѣли по швамъ и отзывались чужою собственностью. За прокатъ костюма, болѣе приличнаго въ настоящее время года, требовали на Кузнецкомъ мосту гораздо дороже, чѣмъ согласилась бы заплатить Марья Акимовна.

— Прошли для меня ненастные дни и настало ведро, сказалъ господинъ, охорашиваясь и протягивая руку Эсмеральдѣ.

— Приберите руку и ступайте рядомъ со мною, холодно отвѣчала Агаѳья Андреевна, повертывая къ Коптеву: мы должны еще переговорить о многомъ.

— Повинуюсь и слушаю, проговорилъ господинъ, надѣвая шляпу.

— Марья Акимовна конечно передала вамъ послѣдній разговоръ нашъ о васъ, Ростиславъ Семеновичъ? спросила Эсмеральда.

— Передала, Агаѳья Андреевна, и получила на всѣ предложенія мой ассантиментъ, отвѣчалъ Хвостинъ.

— Ассантиментъ вашъ никому не нуженъ, а равно не нужны и выраженія, которыхъ, можетъ быть, вы сами не понимаете.

— То есть, французскія?....

— То есть никакихъ не нужно, а прошу отвѣчать просто, ясно и по русски.

— Ассомантное вступленіе, признаюсь, Агаѳья Андреевна, но дѣлать нечего, покоряюсь и не пророню ни

единаго иностраннаго слова; даю вамъ честную, рыцарскую клятву.

— Ростиславъ Семеновичъ, перебила съ нетерпѣніемъ Эсмеральда: вы, кажется, намѣрены играть роль жениха, а меня это бѣситъ; предупреждаю васъ.

— Но Марья Акимовна не предложила мнѣ другихъ ролей.

— Такъ я предложу, съ запальчивостью воскликнула Эсмеральда.

Хвостинъ приподнялъ шляпу и комически поклонился.

— Роль ваша покуда довольно жалкая, продолжала сардонически Агаѳья Андреевна: вы стары, дурны, ничтожны, вотъ что такое вы!... правду ли я говорю?

— Взгляды на вещи и вкусы различны, замѣтилъ Хвостинъ съ меньшею увѣренностью.

— Я спрашиваю, правду ли я говорю? повторила Эсмеральда: или нужны доказательства болѣе ясныя?

— Вы обладаете рѣдкимъ даромъ убѣжденія, Агаѳья Андреевна.

— Итакъ...

— Итакъ, повторилъ, нагло улыбаясь, Хвостинъ: изъ рѣдкихъ внутреннихъ и наружныхъ достоинствъ моихъ должна воспослѣдовать невѣдомая мнѣ польза для васъ, милостивая государыня, Агаѳья Андреевна, почему и предложится за нихъ какая примѣрно цѣна?

— Слишкомъ высокая, но съ условіями различнаго рода, отвѣчала Эсмеральда.

— Приступимъ къ делиберації, или, простите, выражусь по русски, къ торгу.

— Вы должны употребить все, чтобы понравиться моей сестрѣ. Понравиться впрочемъ невозможно, поспѣ-

шила прибавить Эсмеральда: по крайней мѣрѣ, показаться сноснымъ.

— Искренность первый шагъ къ дружбѣ, замѣтилъ Ростиславъ Семеновичъ.

— Вы должны ѣздить къ намъ часто, и, отбросивъ всѣ не приличныя порядочному человѣку манеры, вести себя такъ, чтобы сестра, если приметъ ваше предложеніе, то, по крайней мѣрѣ, приняла бы его безъ особеннаго отвращенія; понимаете?

— Увы! ясно, очень ясно.

— Остальное касается до меня одной.

— Плюсъ покорнѣйшаго вашего слуги, Ростислава.

— То есть?

— Меня, прибавилъ Хвостинъ, кланяясь.

— Я не понимаю?

— Позвольте объяснить.

— Говорите скорѣе.

— У сестрицы вашей пятьсотъ душь, если не ошибаюсь.

— Состояніе остается при ней; доходами же жены пользуется обыкновенно мужъ, разумѣется не одинъ, а вмѣстѣ.

— Прекрасно!

— Надѣюсь!...

— Все такъ, Агаѳья Андреевна, но есть у жениха должки. Женихъ бѣденъ, такъ кредиторы дѣлаютъ ему снисхожденіе и оставляютъ въ покоѣ; но какъ только женихъ, то есть я, дѣлается счастливымъ супругомъ вашей сестрицы, тѣ же кредиторы оцѣнятъ это счастіе, и завистники, какова большая часть смертныхъ, бросятъ счастіе супруга вмѣстѣ съ нимъ въ яму. Разумѣется, что это будетъ въ такомъ только случаѣ, когда

нѣжная рука обожаемой супруги не воздвигнетъ между своею половиною и ими вѣчную преграду.

— Сколько у васъ долговъ? спросила Агаѳья Андреевна.

— У меня-съ? не много.

— А именно?

— У меня-съ, тысячь какихъ-нибудь пять, шесть, не болѣе.

— Ихъ выплатятъ въ день вашей свадьбы, если она будетъ.

— Зачѣмъ же предполагать неудачу, Агаѳья Андреевна.

— Мы кончили съ вами, такъ ли?

— Надѣюсь, что кончили, произнесъ, запинаясь, Хвостинъ: и вотъ все, что я имѣю дополнить съ моей стороны, но это сущая бездѣлица...

Эсмеральда остановилась.

— Допустимъ, Агаѳья Андреевна, продолжалъ Ростиславъ Семеновичъ, что я понравлюсь; понравиться, впрочемъ, какъ вы говорите, невозможно, но сестрица ваша выйдетъ за меня безъ особеннаго отвращенія.

— Потомъ?

— Потомъ?... потомъ, вотъ именно этого слова я и страшусь, потому что потомъ, во первыхъ, Ростиславъ Семеновичъ можетъ служить образцемъ счастливыхъ, супруговъ, а можетъ, все таки «потомъ», когда его хорошо узнаютъ, разстаться съ милой супругой. Мало ли какое «потомъ» ожидаетъ Ростислава Семеновича, Агаѳья Андреевна.

— Я не предвижу средствъ...

— Предохранить меня отъ подобныхъ кипроко, хотите вы сказать?

— Да.

— Подумаемъ.

— Думайте вы.

— Придумалъ.

— Что же?

— Застраховать это слово, то есть слово «потомъ».

— Не понимаю.

— Дозвольте пояснить.

— Говорите.

— Я буду откровененъ, какъ братъ.

— Будьте ясны, и скорѣе.

— На потребу жизни холостаго человѣка, стараго, дурнаго, ничтожнаго, прибавлю бѣднаго, кладу я, старый, дурной, бѣдный и ничтожный, по три рубля серебромъ въ сутки; меньше нельзя.

— Положимъ.

— Только девяносто рублей въ мѣсяцъ, тысяча девяносто пять въ годъ, высокосныхъ не считаю для краткости; ограничимъ сумму цифрою четырьмя, то есть тысячами, звонкою монетою; по четыре на сто, потребно положить капиталъ во сто тысячь, и я доволенъ. Не думайте однако, почтеннѣйшая Агаѳья Андреевна, чтобы я когда нибудь былъ способенъ посягнуть на собственность той женщины, которая согласится отдать мнѣ, старому, дурному, бѣдному, ничтожному, руку и сердце; избави Боже, напротивъ того...

— Сестра моя не имѣетъ капиталовъ, замѣтила Эсмеральда.

— О, знаю, и знаю очень хорошо, что не имѣетъ; но вы, сестрица, дѣло иное....

— Сократимъ разговоръ: вотъ дача, насъ могутъ подслушать; кончимъ, сказала Агаѳья Андреевна: ста тысячь я не дамъ; четвертью этой суммы согласна

обезпечить васъ, и то въ случаѣ разрыва послѣ свадьбы: вотъ мое слово.

— Расписочку бы, Агаѳья Андреевна, прибавилъ въ полголоса Хвостинъ.

— Увидимъ и переговоримъ послѣ; теперь старайтесь быть любезнѣе, сколько можете, и прошу помнить, что отъ успѣха въ этомъ дѣлѣ зависитъ все ваше будущее благополучіе.

Исполняя въ точности приказаніе сестры, Варенька давно уже принарядилась, причесалась и сѣла у окна гостиной, когда вошла Агаѳья Андреевна съ Ростиславомъ Семеновичемъ. Будь Ростиславъ Семеновичъ похожъ хотя нѣсколько на порядочнаго человѣка, Варенька пришла бы въ отчаяніе отъ мысли, что Эсмеральда въ новомъ гостѣ своемъ готовитъ ей жениха; но Хвостинъ съ перваго взгляду показался ей до того непозволительнымъ и потому неопаснымъ, что, поклонясь ему, она даже привѣтливо улыбнулась. «Вѣрно, этотъ господинъ нуженъ сестрицѣ по какимъ нибудь дѣламъ, вотъ отчего и приказано мнѣ быть любезною», подумала она, закрывая пяльцы.

Осмотрѣвъ внимательно всю комнату, гость перенесъ глаза на Вареньку. При взглядѣ на нее, на него напала какая-то застѣнчивость; онъ гладилъ шляпу и не смѣлъ сѣсть.

— Что же вы стоите?... сказала Эсмеральда, обращаясь къ Хвостину: да, я еще не познакомила васъ съ сестрою. Варенька! Ростиславъ Семеновичъ Хвостинъ, давнишній, короткій мой знакомый.

Варенька вторично присѣла.

— Прошу безъ церемоній, Ростиславъ Семеновичъ! пріѣзжайте къ намъ почаще... каждый день, прибавила

Эсмеральда; мы живемъ уединенно, и ровно нигдѣ не бываемъ.

— Много чести, Агаѳья Андреевна, слишкомъ много чести дѣлаете мнѣ, отвѣчалъ гость, затягивая фракъ на нижнюю пуговицу.

— Зачѣмъ эти фразы между старыми знакомыми!

— Не фразы, Агаѳья Андреевна, а страхъ надоѣсть частыми посѣщеніями.

— Не мнѣ, во всякомъ случаѣ.

— Не вамъ, такъ вашей сестрицѣ.

— И не сестрѣ, ручаюсь вамъ, Ростиславъ Семеновичъ; напротивъ, я убѣждена, что Варенька будетъ всегда ожидать васъ съ нетерпѣніемъ.

— Какъ же это? спросилъ Хвостинъ недовѣрчиво; въ то же время и Варенька бросила на старшую сестру вопросительный взглядъ.

— Что же васъ такъ удивило? отвѣчала Эсмеральда съ улыбкою: причина далеко не такъ замысловата. Я лѣнива и теперь не могу двигаться и ходить по жару и пыли, а Варенькѣ, напротивъ, не сидится дома; будь у насъ кавалеръ, она гуляла бы, а я могла бы не выходить, Скажите мнѣ теперь, Ростиславъ Семеновичъ, согласны вы замѣнять меня во время прогулокъ и быть кавалеромъ Вареньки?

— Помилуйте, Агаѳья Андреевна, что касается до моего согласія, то я почту за особенную честь.

— А ты, Варя?

— Мнѣ будетъ очень пріятно, ma soeur, отвѣчала Варенька наивно, и даже не покраснѣла, такъ не опасенъ казался ей господинъ въ потертомъ фракѣ и примазанномъ парикѣ. Общій разговоръ продлился до чаю, а часу въ восьмомъ Эсмеральда напомнила сестрѣ и гостю, что жаръ скоро спадетъ и вечеръ прекрасный. Пер-

вая побѣжала за шляпкой и зонтикомъ, а второй, встрѣтивъ значительный взглядъ Агаѳьи Андреевны, молча поклонился и вышелъ на улицу, въ ожиданіи Вареньки.

— Куда же мы пойдемъ? весело спросила послѣдняя, обращаясь къ новому своему кавалеру.

— Куда прикажете, отвѣчалъ тотъ почтительно.

— Если вамъ все равно, то отправимся въ Покровскій паркъ; тамъ много дорожекъ и тѣни; намъ не будетъ такъ жарко.

Гость поклонился въ знакъ готовности и молча послѣдовалъ за Варенькой.

Странное дѣло! Дерзкій, морально безобразный и погрязшій въ мелочные пороки Ростиславъ Семеновичъ, не только не оставался такимъ, какимъ былъ всегда, даже въ присутствіи строгой и неприступной Эсмеральды, но видимо старался держать себя прилично. Онъ шелъ нѣсколько позади Вареньки, не смѣлъ поднять на нее глазъ, и отвѣчая на вопросы ея, взвѣшивалъ предварительно каждое слово, и дѣлалъ все это нимало не помышляя о наставленіяхъ Эсмеральды. Хвостину было страхъ не ловко, когда встрѣчались съ ними группы гуляющихъ. Онъ отворачивалъ тогда голову, боясь чтобы кто нибудь не узналъ его, и боялся Ростиславъ Семеновичъ не за себя, а за Вареньку. Короче, не узнали бы его во время первой прогулки ни Агаѳья Андреевна, ни Марья Акимовна.

— А вы живете не на дачѣ? спросила между прочимъ молодая дѣвушка своего кавалера.

— Нѣтъ-съ, въ городѣ, Варвара Андреевна, отвѣчалъ со вздохомъ кавалеръ.

— Какъ душно должно быть тамъ!

— Что дѣлать, я бѣдный человѣкъ, нанимать дачи не въ силахъ.

— Вы давно знакомы съ сестрицей?

— Какъ бы вамъ сказать? не очень.

— Какъ, не очень?

— То есть, довольно давно, поспѣшилъ сказать замѣтно смутившійся Хвостинъ: кой какія дѣла доставили мнѣ честь часто встрѣчаться съ Агаѳьей Андреевной.

— Гдѣ же это?

— Въ разныхъ домахъ.

— Вообразите, Ростиславъ Семеновичъ, что я до этой минуты не была ни у кого и рѣшительно никого не знаю.

— Отчего же это-съ?

— Вопервыхъ, я недавно вышла изъ пансіона, а потомъ сестрица находитъ, что мнѣ рано еще ѣздить въ свѣтъ.

— Сестрица очень любитъ васъ, Варвара Андреевна?

— О, да, я думаю, отвѣчала Варенька со вздохомъ. Затѣмъ разговоръ прервался на время.

Покровскій паркъ, названный паркомъ неизвѣстно почему, не что иное какъ березовая роща, пересѣченная единственною дорожкою. Въ рощѣ этой нѣтъ ни птицъ, ни цвѣтовъ, ни даже лужаекъ; изъ подсохшей травы и мха торчатъ кое гдѣ пни, возвышаются коническія кучи муравейника, на концѣ же рощи красуется столбъ съ прибитою къ нему доскою, а на доскѣ очень ясно изображена относящаяся къ гуляющимъ просьба хозяина: «не стрѣлять птицъ, не рвать цвѣтовъ и не топтать газона». За столбомъ прекращается насыпная дорожка, и лѣсъ, примыкающій къ парку, становится разнообразнѣе. Тропинки, проложенныя произвольно, змѣятся, скрещаются и разбѣгаются во всѣ стороны; одна изъ нихъ ведетъ къ мельницѣ и полузаросшему пруду,

и эту тропинку Варенька предпочла прочимъ, и предложила своему кавалеру идти по ней.

— Позвольте, сударыня, слѣдовать за вами, куда только вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ Хвостинъ, приподнимая шляпу: ноги мои привыкли къ ходьбѣ, и усталость мнѣ незнакома.

— Какъ я вамъ благодарна! радостно воскликнула Варенька: представьте, что во все время житья нашего на дачѣ, ни разу еще не удавалось мнѣ такъ далеко отходить отъ деревни. Не правда ли, что мы будемъ вполнѣ пользоваться позволеніемъ сестрицы, Ростиславъ Семеновичъ? Вы такіе добрые.

Новый вздохъ вырвался изъ груди спутника, который, подавивъ его, отвѣчалъ готовностью выполнять малѣйшія желанія Варвары Андреевны. Первая прогулка продлилась до полнаго захожденія солнца, а по возвращеніи домой, Варенька съ удивленіемъ и радостью встрѣтила на лицѣ старшей сестры не сдвинутыя брови, не гнѣвный взглядъ, а улыбку и снисхожденіе.

— Вамъ было, кажется, не скучно? спросила Эсмеральда, обращаясь какъ къ гостю, такъ и къ крестницѣ.

— О, нѣтъ, ma soeur, напротивъ, мнѣ чрезвычайно весело. Ростиславъ Семеновичъ такъ любезенъ, такъ любезенъ, что это прелесть, и если его не утомляетъ подобное гулянье, то я готова всегда повторить его.

— Тѣмъ лучше, мой другъ, замѣтила Эсмеральда, дѣлая одобрительные знаки гостю: но согласится ли твой кавалеръ?

— Не сомнѣвайтесь, сударыня, на мой счетъ, спѣшилъ подхватить Хвостинъ: отъ подобнаго удовольствія и чести вѣрно никто бы не отказался.

— Но другимъ я не повѣрю сестры, Ростиславъ Семеновичъ.

— Тѣмъ счастливѣе я, Агаѳья Андреевна, и тѣмъ болѣе цѣны придаю обществу вашей сестрицы. Но не пора ли мнѣ оставить васъ?

— Нѣтъ, рано еще: девятый часъ, а мы ложимся обыкновенно въ десять. Не желаете ли закусить чего нибудь? Варенька! прикажи подать что есть; почтенный гость извинитъ пустынницъ.

Варенька вышла, а Эсмеральда, затворивъ за нею дверь, обратилась къ Хвостину.

— Ну, что же вы молчите, и что съ вами дѣлается? недовольны вы чѣмъ нибудь? спросила скороговоркою Агаѳья Андреевна, принявъ обыкновенный суровый видъ.

— Я недоволенъ? чѣмъ же я могу быть недоволенъ? разсѣянно спросилъ гость.

— Не знаю, но лице ваше угрюмо, мрачно какъ-то; не сказала ли вамъ сестра чего нибудь непріятнаго?

— Напротивъ, Агаѳья Андреевна, сестрица ваша сущій ангелъ....

— Браво! какъ сладко это выраженіе.

— Сладко или нѣтъ, но подобной дѣвушки не случалось мнѣ еще встрѣчать; вотъ что вѣрно!...

— Вы уже влюблены, кажется? насмѣшливо замѣтила Агаѳья Андреевна.

— Не мнѣ, сударыня, смѣть говорить про любовь! Съ такою фигурою, какъ моя, не влюбляются люди; я не такъ глупъ.... я просто говорю.... что.... да что говорить, зачѣмъ!

— Ростиславъ Семеновичъ! вы преинтересны въ эту минуту. Какъ? въ одну прогулку? ха, ха, ха...

— Смѣйтесь, если смѣшно.

— Мало что смѣшно: глазамъ не вѣрю, счастливецъ! И смѣть говорить, что счастіе не слѣпо! Не дальше

*

какъ сегодня, только что не пришлось упрашивать жениться, и, сегодня же, черезъ нѣсколько часовъ, тотъ же человѣкъ чуть не плачетъ отъ сердечнаго волненія. Брависсимо, чувствительный Ростиславъ Семеновичъ! да постарайтесь только суженой вашей внушить то чувство, которое внушила она вамъ (въ чемъ, впрочемъ, я нѣсколько сомнѣваюсь); завтра же приступимъ къ свадьбѣ, противиться не стану, будьте увѣрены.

— Не понимаю, къ чему ведутъ колкости и насмѣшки ваши надо мною, Агаѳья Андреевна, сказалъ очень серьезно гость: не я навязывался въ женихи къ вашей сестрицѣ, а вы сдѣлали мнѣ это предложеніе. Что вынудило васъ обратиться къ моему лицу, этого, признаюсь, не постигаю и отгадать не берусь; это ваше дѣло; но такъ какъ вы удостоили меня чести принять меня къ себѣ въ домъ, то насмѣшки я считаю совершенно излишними.

— Обратиться къ вамъ? сдѣлать предложеніе? презрительно повторила Эсмеральда: полноте, Ростиславъ Семеновичъ, не возгордитесь пожалуйста такою честью; честь не велика, предупреждаю васъ!

— Значитъ, есть причина?

— Можетъ быть.

— Тайная?

— Можетъ быть и тайная; какое же вамъ до нея дѣло?

— Дѣла нѣтъ; подобные мнѣ женихи лишены всѣхъ правъ, самыхъ обыкновенныхъ; я знаю это, сказалъ Хвостинъ, какъ бы говоря самъ съ собою.

— Слѣдовательно и любопытство неумѣстно, и допросы ни къ чему не ведутъ.

— Истина, сущая истина!

— Вы требовали обезпеченія, расписки какой-то? я

готова выдать ее сію минуту; напишите сами, я подпишу.

— Ненужно.

— Какъ ненужно? воскликнула Агаѳья Андреевна, бросивъ безпокойный взглядъ на Хвостина.

— Впрочемъ, прибавилъ, какъ бы опомнясь, Ростиславъ Семеновичъ: дайте лучше, дайте мнѣ расписку, дѣло будетъ вѣрнѣе. Я и самъ не понимаю, что со мною сдѣлалось; ничего не понимаю.... соображенія не стало никакого, словно усталъ, а можетъ быть и точно усталъ! Пожалуйте кусокъ бумаги, я напишу и вы потрудитесь переписать и подписать вашъ чинъ, имя, отчество и фамилію.

— Помните, однако, что заплатить вамъ я должна только въ случаѣ разрыва послѣ свадьбы.

— По мнѣ пожалуй; я и напишу въ этомъ смыслѣ.

Эсмеральда разорвала почтовый листъ бумаги, одну половину его передала гостю, а другую положила передъ собою и вооружилась перомъ. Когда Хвостинъ окончилъ черновую расписку, Агаѳья Андреевна сперва прочла ее со вниманіемъ, а потомъ, списавъ копію, снова передала Ростиславу Семеновичу.

Не лишнимъ считаю прибавить, что во время прогулки Вареньки съ Хвостинымъ, Агаѳья Андреевна вышла въ свою очередь на улицу и остановилась противъ калитки третьей дачки или домика, и приказала стоявшей у колодца бабѣ вызвать Конона Кононовича, если Кононъ Кононовичъ у себя. Его знала Эсмеральда не лично, а по разсказу Анисьи Кузьминичны, передававшей барынѣ всѣ подробности коптевскаго міра. Отъ Кузьминичны узнала Агаѳья Андреевна, что ближайшая сосѣдка ея по дачѣ называлась Вѣрою Ивановною, что мужъ ея покоится, вотъ уже три года, на Ваганьковѣ, а

дочь влюблена въ богатаго купца, красавца, не обращавшаго на дочь Вѣры Ивановны никакого вниманія, отчего дѣвица чахла, впрочемъ ѣздила часто съ маменькой въ паркъ и держала своихъ собственныхъ лошадей. Знала Эсмеральда кто проживалъ и на другихъ дачахъ, а именно: въ первой, съ правой стороны, стоялъ старикъ музыкантъ; жена музыканта до смерти любила мужа и своими руками перевязывала ему фонтанель; музыкантъ держалъ пролетку и пилъ кобылье молоко. Подальше музыканта жилъ Кононъ Кононовичъ, нѣкогда занимавшійся хожденіемъ по дѣламъ. Кононъ Кононовичъ, по словамъ Анисьи, былъ человѣкъ крайне странный и брился три раза въ двѣ недѣли. Вмѣстѣ съ нимъ проживала вдова племянница, такая изъ себя бѣлокурая; у племянницы былъ мальчикъ, называвшій Конона Кононовича дяденькой. Дяденьку этого приказала вызвать Эсмеральда.

— Вы извините меня, Кононъ Кононовичъ, сказала Эсмеральда выбѣжавшему на улицу человѣку въ растрепанномъ видѣ: я имѣю къ вамъ очень важную просьбу.

— При-при-при-ка-а-жите, ссу-у-дарыня, промолвилъ Кононъ Кононовичъ, заикаясь: чѣ-ѣмъ могу слу-у-жить?

При этомъ словѣ онъ согнулъ голову на сторону, прищурилъ лѣвый глазъ, и, покрививъ ротъ, закатилъ бѣлокъ праваго глаза подъ лобъ.

— Скажите мнѣ, пожалуйста, продолжала Эсмеральда: условія и расписки пишутся вѣдь обыкновенно на гербовой бумагѣ? вѣдь на гербовой бумагѣ?

— Бе-ез-пре-е-емѣнно, ссу-у-дарыня, на гербовой.

— А если на простой?

— На-а про-стой, повторилъ Кононъ Кононовичъ, щелкнувъ языкомъ: на-а-простой на-а-писать мо-ожно, да-а что-о въ ней, на-а простой?

— Не правда ли? только на гербовой и дѣйствительно условіе?

— Без-пре-мѣн-но только дѣй-стви-и-тельно-съ.

— Очень вамъ благодарна, Кононъ Кононовичъ.

— По-о-милуйте, су-да-а-рыня, без-пре-е-мѣн-но на гер-бо-овой, при-а-кажите на-пи-сать, а не-и-на-че.

Конона Кононовича стало страшно корчить въ эту минуту; ею воспользовалась Агаѳья Андреевна, слегка поклонилась ему и скорыми шагами пошла въ обратный путь. Къ скорчившемуся Конону Кононовичу подошелъ съ любопытствомъ трехлѣтній мальчикъ племянницы, и, огрызая какую-то кость, сталъ превнимательно всматриваться въ посинѣвшаго дяденьку, у котораго никогда еще не выдѣлывали бѣлки подобныхъ штукъ. Когда же слово, доведшее Конона Кононовича до такого неистоваго затрудненія, вылетѣло наконецъ изо рта съ необычайною силою и громомъ, испуганный сынокъ племянницы, не ожидавшій взрыва, треснулся объ землю и залился слезами.

— Что ты это... что-о ты это ду-ра-чекъ? говорилъ Кононъ Кононовичъ, хотя и съ гримасами, но мягче; потомъ поднялъ плакавшаго и унесъ въ комнату.

— Пе-ре-пу-а-гал-ся, глу-пень-кой, пе-ре-пу-га-а-лся, ду-ра-а-чекъ! досказалъ онъ въ самомъ домѣ и нѣсколько позже.

Слѣдствіемъ свиданія Агаѳьи Андреевны съ Кононом Кононовичемъ была выдача ею расписки въ двадцать пять тысячь ассигнаціями Ростиславу Семеновичу Хвостину, который, раскланявшись обѣимъ сестрамъ, накинулъ на плеча непромокаемый камлотовый плащъ,

и, растолкавъ лихача, приказалъ погонять коня и осторожнѣе махать кнутомъ.

Калиберъ отбѣжалъ саженей сто отъ Коптева, когда извозчикъ, толкнувъ локтемъ своего задумчиваго сѣдока, указалъ ему плетью на опушку лѣса.

— Что тамъ? спросилъ Хвостинъ.

— Ишь конь-то какой, ишь конь-то какой! глядь-ка, баринъ.

— Гдѣ ты видишь?

— Вотъ, спрятался за кустъ, а вотъ опять скачетъ, смотрите, правѣе вонъ той сосны съ желтою маковкой.

— Офицеръ?

— Анциферъ, повторилъ извозчикъ.

— Кой же прахъ кутаться въ шинель! на дворѣ и безъ того душно.

— Видно, баринъ, прячется.

— Зачѣмъ?

— Богъ его знаетъ; може подъѣзжаетъ къ зазнобушкѣ какой. Вотъ ужь часа два смотрю, все рыскаетъ, все рыскаетъ; а конь-то какой, дорогой конь, конь тысячный.

Слушая извозчика, Ростиславъ Семеновичъ сначала повернулся нѣсколько на бокъ, чтобы удобнѣе слѣдить за офицеромъ въ шинели, а потомъ перенесъ ногу, и сѣлъ уже не верхомъ, а бокомъ, и, до самаго въѣзда дрожекъ на шоссе, не сводилъ глазъ своихъ съ гарцовавшаго по опушкѣ незнакомца.

Наблюденія Хвостина ни мало не мѣшали ему продолжать размышленія о причинахъ, доставившихъ ему, Хвостину, не только случай часто находиться въ обществѣ прекрасной Варвары Андреевны, но даже жениться на дѣвушкѣ такой хорошенькой, воспитанной и богатой. Какая могла быть этому тайная причина? Вѣрно

немаловажная, когда Агаѳья Андреевна рѣшилась на подобное дѣло и, забывъ всѣ приличія, только что не навязывала сестру, и кому же? Ему, ничтожному Хвостину.

Пропустивъ однѣ сутки, Ростиславъ Семеновичъ снова явился на дачу Савартиныхъ, и снова былъ принятъ радушно. Варенька очень обрадовалась, увидѣвъ своего кавалера. За привѣтствіемъ послѣдовалъ обычный чай, а за чаемъ прогулка. Глядя на гостя, Эсмеральда дивилась перемѣнѣ, происшедшей во всей его особѣ. Фатальное лице Хвостина утратило пурпурный цвѣтъ и подернулось водяною блѣдностью; блескъ глазъ потухъ, голосъ смягчился, и, кто бы подумалъ? всѣ манеры аляповатаго Ростислава Семеновича сдѣлались пристойными. Онъ говорилъ тихо, не вплеталъ въ рѣчь иностранныхъ словъ, не брался за бока, не просилъ рому когда подавали чай, и, не знай Эсмеральда, что Хвостинъ принадлежитъ къ числу самыхъ странныхъ существъ, Хвостинъ показался бы ей довольно порядочнымъ, дюжиннымъ человѣкомъ, проходящимъ путь жизни незамѣтно. Разительной перемѣны этой не могла замѣтить Варенька, видѣвшая кавалера своего только во второй разъ. Ростиславъ Семеновичъ казался ей добрымъ пожилымъ человѣкомъ, безъ всякой претензіи, стариннымъ знакомымъ сестры, къ которому послѣдняя имѣла полную довѣренность, почему пансіонерка наша, въ началѣ второй прогулки и обратилась къ Хвостину съ предложеніемъ дойти до той деревни, которая видна съ мельницы.

— До Иванькова, хотите вы сказать, Варвара Андреевна?

— А деревню эту зовутъ Иваньковымъ?

— Да, Иваньковымъ.

— Такъ до Иванькова, согласны?...

— Очень охотно.

— Пойдемте поскорѣе, добрый Ростиславъ Семеновичъ, сказала, смѣясь, дѣвушка: дайте мнѣ руку, вамъ ловче будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, позвольте.... воскликнулъ Хвостинъ, почтительно уклоняясь отъ протянутой ему руки: я, то есть, не позволю себѣ.

— Чего это не позволите?

— Вамъ, Варвара Андреевна, не прилично идти со мною подъ руку.

— Почему же?

— Ужь вѣрьте, Варвара Андреевна, я говорю что чувствую; идти за вами уже большая честь. Хвостинъ снялъ шляпу.

— Какой вы странный, Ростиславъ Семеновичъ! сказала Варенька, расхохотавшись отъ всего сердца: я непремѣнно разскажу это сестрицѣ.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста нѣтъ, Варвара Андреевна, къ чему же говорить?

— Развѣ вы боитесь ея?

— Нѣтъ, но, вотъ изволите видѣть, Варвара Андреевна, сестрица ваша будетъ смѣяться, будетъ трунить надо мною.

— Надъ вами, Ростиславъ Семеновичъ?

— Да, надо мною; можетъ быть, я, впрочемъ, предполагаю только, такъ говорю.... а вы все таки не извольте говорить вашей сестрицѣ. Кстати, прибавилъ Хвостинъ, очень довольный случаемъ перемѣнить разговоръ: вотъ опять-съ тотъ офицеръ въ шинели, что встрѣтился мнѣ третьяго дня, близъ деревни. Какая славная у него лошадь, посмотрите, Варвара Андреевна.

Варенька взглянула на офицера, ѣхавшаго позади ихъ, и вздрогнула.

— Не правда ли, что лошадь очень хороша?

— Да, Ростиславъ Семеновичъ, кажется, точно очень хороша.

— Но посудите, зачѣмъ, кажется, надѣть шинель въ такой жаръ? вѣдь странно, Варвара Андреевна?

— Да, странно, Ростиславъ Семеновичъ, проговорила Варенька съ неизъяснимымъ волненіемъ, отворачивая пунцовое личико отъ Хвостина.

Въ этомъ мѣстѣ тотъ, на кого обращено было все вниманіе разговаривавшихъ, поровнялся съ ними, и, окинувъ бѣглымъ взглядомъ какъ Вареньку, такъ и Хвостина, снялъ было фуражку, но, какъ бы опомнясь, далъ лошади шпоры и понесся во всю конскую прыть. Ростиславъ Семеновичъ, отъ котораго ничто не ускользнуло, взглянулъ на свою даму, капнянулъ и улыбнулся. Проскакавшій скоро скрылся изъ глазъ, и Варенька оправилась; минутное молчаніе нарушилось нѣсколькими незначительными фразами, и, по прошествіи нѣкотораго времени, Покровскій паркъ остался позади гуляющихъ. Подходя къ заросшему иваньковскому пруду и водяной мельницѣ, Хвостинъ снова увидѣлъ офицера, спускавшагося шагомъ съ противоположной горы. Ростиславъ Семеновичъ взглянулъ украдкою на свою собесѣдницу, снова улыбнулся, и, начавъ рѣчь о рыбѣ, сталъ пристально смотрѣть въ воду, опираясь обѣими руками на перила моста.

Пока Хвостинъ дѣлалъ различныя замѣчанія на счетъ глубины пруда, силы воды, выгоды мельницъ и прочая, Пьеръ Чернскій, то есть офицеръ закутанный въ шинель, успѣлъ, спустясь съ горы, проѣхать плоти-

ну, вручить украдкой Варенькѣ тщательно сложенный листъ мелко исписанной бумаги, прибавивъ, что это записка отъ Лизы, и добраться, все таки шагомъ, до противоположнаго берега. Все это сдѣлано было и очень скоро и очень осторожно.

Окончивъ между тѣмъ наблюденія свои надъ глубиною пруда, силою воды и прочимъ, Ростиславъ Семеновичъ предложилъ Варварѣ Андреевнѣ взглянуть на Иваньково, прекрасную деревушку, наполненную большею частію иностранцами. Варенька съ улыбкою приняла предложеніе своего кавалера и побѣжала впередъ. За Иваньковымъ представился наблюдательному взору Хвостина новый любопытный предметъ: то была не водяная, а вѣтряная мельница. Ростиславъ Семеновичъ, любившій, какъ онъ говорилъ, до страсти всѣ изобрѣтенія, доказывавшія умъ человѣка, попросилъ у спутницы дозволенія осмотрѣть не только наружность, но и внутренность колотовки, Осмотръ продолжался минутъ двадцать... Почти столько же времени употребила Варенька на прочтеніе письма, врученнаго ей Пьеромъ и написаннаго не имъ, а сестрою его, Лизою. Подруга извѣщала ее о скоромъ прибытіи въ Москву Павла Павловича, о временной отлучкѣ изъ Москвы Григорья Сергѣевича, объ отчаяніи Пьера, тщетно употреблявшаго всѣ усилія, всѣ мѣры, чтобы сказать ей, Варенькѣ, хотя два слова, встрѣтившаго ее наконецъ, но не одну, а съ какимъ-то старымъ господиномъ въ парикѣ, и прочая, и прочая. Отвѣтъ просила Лиза вручить Пьеру, если только можно будетъ сдѣлать это осторожно, очень осторожно. Послѣдняя фраза заставила Вареньку горько улыбнуться.

«Вручить отвѣтъ мой Пьеру! а какія имѣю я сред-

ства чтобы написать отвѣтъ, а главное передать его,» подумала молодая дѣвушка, печально опустивъ головку и глубоко, глубоко вздохнувъ.

— Извините, Варвара Андреевна, что такъ долго заставляю васъ дожидаться, послышалось изъ самаго верхняго окна мельницы.

Варенька вздрогнула, и, увидѣвъ между крыльевъ мельницы лице своего кавалера, поспѣшно спрятала письмо и просила не торопиться сходить, говоря, что мѣстоположеніе очаровательное, и что она очень охотно полюбуется имъ еще цѣлый часъ времени.

— Не уже ли вы согласились бы пробыть здѣсь такъ долго?

— Съ радостью, Ростиславъ Семеновичъ.

— Въ такомъ случаѣ, Варвара Андреевна, я воспользуюсь этимъ временемъ и срисую кое что, сказалъ Хвостинъ, спускаясь внизъ.

Черезъ минуту Ростиславъ Семеновичъ вышелъ изъ мельницы, очистилъ рукою пыль съ рукавовъ и воротника фрака, и, вынувъ изъ кармана кипу разныхъ бумагъ, отыскалъ нѣсколько клочковъ чистой и принялся чертить карандашемъ какія-то каракули. Нѣсколько разъ разрывалъ онъ на части начатый рисунокъ, и, кладя карандашъ свой близъ сидѣвшей Вареньки, убѣгалъ въ мельницу для новыхъ наблюденій. Короче, Ростиславъ Семеновичъ маневрировалъ такъ искусно и такъ долго, что, въ то самое время, когда оконченный эскизъ мельницы положенъ былъ имъ въ карманъ фрака, отвѣтъ Лизѣ, написанный карандашемъ, на кускѣ бумаги, лежалъ уже въ перчаткѣ Вареньки и оставалось только передать его по назначенію. Объ этомъ и думала и передумывала влюбленная пансіонерка, возвращаясь по знакомой уже дорогѣ, соединяющей Иваньково съ Коптевымъ.

Кому неизвѣстно, что счастіе никогда не ограничивается одною только улыбкою, а улыбнись оно разъ, улыбнется и десять. То же испытала надъ собою въ этотъ вечеръ и подруга Лизы. Сердце шепнуло ей, что Пьеръ Чернскій повстрѣчается съ нею еще разъ; и дѣйствительно, Пьеръ Чернскій повстрѣчался съ ней на тѣсной лѣсной тропинкѣ. Надобно же было, какъ нарочно, въ это время Хвостину потерять перчатку, и, отыскивая ее, отстать отъ своей дамы.

— Богъ мой, какъ весело! воскликнула Варенька, обращаясь къ догнавшему ее Ростиславу Семеновичу.

— Не правда ли, сударыня, что очень, очень весело?

— Просто чудесно, восхитительно!

— Ахъ, Варвара Андреевна, если бы вы знали какъ мнѣ весело это слышать?

— Право, Ростиславъ Семеновичъ?

— Право, Варвара Андреевна.

— Стало, вамъ не надоѣла еще наша прогулка?

— Мнѣ?

— Ну, да, вамъ, конечно.

— А кто бы мнѣ велѣлъ являться въ Коптево?

— Вы дѣлаете это изъ дружбы къ сестрицѣ Агаѳьѣ Андреевнѣ.

— Изъ дружбы? повторилъ Хвостинъ, улыбаясь.

— Я полагаю.

— Васъ обманываютъ, Варвара Андреевна; сестрица ваша презираетъ меня и имѣетъ на то полное право. Хотите знать что я и кто я таковъ?

Варенька съ изумленіемъ смотрѣла на Хвостина.

— Не пугайтесь, Варвара Андреевна, я не опасенъ вамъ болѣе.

— Ростиславъ Семеновичъ, Ростиславъ Семеновичъ! проговорила пансіонерка со страхомъ: зачѣмъ вы гово-

рите мнѣ все это? Вы шутите, и думаете вѣрно, что, слушая васъ въ этомъ лѣсу, одна и такъ поздно, я, я испугаюсь? Голосъ Вареньки дрожалъ, лице покрылось блѣдностью.

— Нѣтъ, Варвара Андреевна, продолжалъ Хвостинъ: не пугать васъ я хочу, а, напротивъ, успокоить самого себя, и, высказавъ вамъ всю правду, загладить въ вашихъ глазахъ мой проступокъ.

— Проступокъ? Вы, Ростиславъ Семеновичъ, такъ добры, такъ любезны со мною, что я не понимаю, о какомъ проступкѣ вы говорите.

— Выслушайте; исповѣдь не длинна.

— Полноте шутить; право, я не трушу, замѣтила, смѣясь, его спутница.

— Все таки выслушайте, Варвара Андреевна; отъ этого зависитъ, можетъ быть, вся ваша будущность.

— Моя будущность? и вы говорите это серьезно?

— Какъ только можно серьезнѣе.

— Въ такомъ случаѣ, Ростиславъ Семеновичъ, разскажите, пожалуйста! воскликнула дѣвушка съ безпокойствомъ.

— Дѣло въ томъ, продолжалъ Хвостинъ: что сестрицу вашу Агаѳью Андреевну я видѣлъ всего два раза въ жизни до пріѣзда моего къ вамъ на дачу, и чести пользоваться полною ея довѣренностію обязанъ такому обстоятельству, которому вы, Варвара Андреевна, не повѣрите, ручаюсь. Прежде же чѣмъ коснусь этого обстоятельства, долженъ сознаться вамъ, что я, Хвостинъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ самое ничтожное, самое жалкое существо, невѣжественное по воспитанію, замаранное по службѣ и отвергнутое людьми порядочными, отвергнутое вслѣдствіе многосложнаго сплетенія обстоятельствъ, и, можетъ быть, болѣе несчастливое,

чѣмъ... но все равно! Подобныхъ мнѣ тварей не называютъ даже въ хорошемъ обществѣ, къ которому, впрочемъ, я никогда и не принадлежалъ.

— Какіе ужасы разсказываете вы про себя, Ростиславъ Семеновичъ! замѣтила Варенька, краснѣя.

— Хотя и ужасную правду, но сущую правду говорю я вамъ; будьте въ этомъ увѣрены.

— Но зачѣмъ же?

— Затѣмъ, Варвара Андреевна, чтобы вы, которыя обращаетесь со мною такъ милостиво и съ такою довѣрчивостью, не подумали когда нибудь, что Хвостинъ лишенъ даже скотскаго инстинкта благодарности, что Хвостинъ не умѣлъ цѣнить васъ, и, дѣйствуя заодно съ Агаѳьею Андреевною, готовъ былъ предать васъ, и заплатилъ за довѣренность подлостью.

— Предать меня, дѣйствуя за одно съ сестрою?

— Да, съ сестрою... Но взгляните, вотъ она на лице... сказалъ Хвостинъ, понизивъ голосъ. Оправьтесь, ради Бога, Варвара Андреевна, и не забудьте, что, отгадай она только о чемъ мы говорили, не видать вамъ болѣе меня. Оно бы еще ничего, но жаль если и тому молодому человѣку, что такъ часто встрѣчался намъ сегодня, и, какъ кажется, жениху вашему, придется прогуливаться на славномъ конѣ своемъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Не смотрите на меня такими глазками, Варвара Андреевна: не даромъ же прожилъ Хвостинъ пятьдесятъ лѣтъ, не даромъ и пристрастился онъ къ мельницамъ!... Ростиславъ Семеновичъ разсмѣялся, а Варенька, покраснѣвъ до слезъ, побѣжала навстрѣчу Эсмеральдѣ.

По румянцу, покрывшему хорошенькое личико сестры, по разсѣянности ея и несвязнымъ отвѣтамъ, Эсмеральда заключила, что Ростиславъ Семеновичъ уже

приступилъ къ дѣлу, и, улучивъ удобную минуту, Агаѳья Андреевна спросила Хвостина, началъ ли онъ?

— Да, но вы помѣшали мнѣ; покуда не говорите ей ни слова, а завтра я буду.

Въ этотъ вечеръ гость раскланялся съ дамами ранѣе обыкновеннаго, и, испросивъ позволенія возвратиться на слѣдующій день, отправился домой. Проѣхавъ Всесвятское и повернувъ на Ходынское поле, Ростиславъ Семеновичъ замѣтилъ ѣхавшаго вдали гусарскаго офицера въ шинели.

— Пошелъ, пошелъ! крикнулъ Хвостинъ, толкая извощика въ спину: двугривенный на водку, когда догонишь вонъ того верховаго.

Лихачъ натянулъ вожжи, хлестнулъ концемъ ихъ бѣлую спину своего разбитаго бѣгуна, и въ двѣ минуты настигъ всадника, который тотчасъ же узналъ спутника Вареньки и никакъ не могъ постичь, съ какой стати махалъ онъ ему платкомъ и дѣлалъ руками какіе-то знаки. «Я не знаю его,» подумалъ Чернскій, невольно осаживая свою лошадь.

— Позвольте попросить у васъ сигарочки, если есть, сказалъ Хвостинъ, обращаясь къ Пьеру Чернскому.

Чернскій вынулъ сигарочницу, и, молча, передалъ ее Ростиславу Семеновичу, который сошелъ уже съ дрожекъ, и очень громко приказалъ кучеру ѣхать къ Пресненской заставѣ и тамъ дожидаться его.

— Погода удивительная, продолжалъ Хвостинъ, преспокойно закуривая сигару.

Чернскій не отвѣчалъ.

— Погода удивительна, повторилъ Ростиславъ Семеновичъ: а конь вашъ утомился на порядкахъ, такъ не лучше ли бы намъ пройтись пѣшкомъ?

— Но, мнѣ кажется, вы довольно уже нагулялись сегодня? отвѣчалъ Пьеръ.

— Да, въ паркѣ; но прогуливаясь съ невѣстой, женихи не устаютъ никогда.

— Съ невѣстою?

— Что же тутъ удивительнаго? спросилъ Хвостинъ, какъ бы не замѣчая удивленія молодаго человѣка.

— Съ вашею невѣстою?

— Именно, съ Варварою Андреевною Савартиной. Но развѣ вы ее знаете?...

— Послушайте, милостивый государь, проговорилъ Чернскій, сходя съ лошади: такого рода шутки и дерзки, и неумѣстны!

— Шутки, можетъ быть, но правда не неумѣстна.

— Вы лжете.

— Ей ей нѣтъ!

— Вы лжете, и лжете нагло, повторилъ молодой человѣкъ, подходя къ Ростиславу Семеновичу и хватая его за руку.

— Зачѣмъ же эти жесты? замѣтилъ тотъ съ видомъ совершеннаго спокойствія: порядочные люди могутъ разговаривать, не ломая другъ другу костей; я же теперь въ такомъ положеніи, что руки мои мнѣ болѣе нужны, чѣмъ все прочее.

— Кто вы? спросилъ Чернскій грознымъ голосомъ.

— Я?...

— Да, вы?

— То есть, какъ зовутъ?

— Ну, да, да, тысячу разъ да.

— Зовутъ меня Ростиславъ Семеновичъ Хвостинъ.

— Вашъ адресъ?

— Живу въ Столярномъ переулкѣ, въ домѣ нотаріуса, то есть не въ домѣ, а подъ домомъ. Впрочемъ, предупреждаю васъ, что меня вы дома врядъ ли найдете. Все свободное время провожу я на Смоленскомъ рынкѣ,

въ ресторацiи Булкина; туда, изволите видѣть, купечество и наша братья, мелкiе людишки, снесятъ своихъ пѣтуховъ; я же, признаться вамъ, живу покуда пѣтухами, и, не будь ихъ, фрака этого, что на мнѣ, не повѣрилъ бы нотарiусъ.

Слушая Хвостина, Пьеръ Чернскiй переходилъ отъ удивленiя къ удивленiю.

— Что, ужь не кажусь ли я вамъ сумасшедшимъ какимъ нибудь? спросилъ, улыбаясь, Ростиславъ Семеновичъ. — Нѣтъ, не думайте этого, и если знакомы съ моею невѣстою, Варварою Андреевною Савартиною, то спросите у нея.

— Опять это имя! воскликнулъ съ бѣшенствомъ молодой человѣкъ, становясь предъ своимъ спутникомъ: или вы только сумасшедшiй, или...

— Или *Хвостинъ*, хотите вы сказать?

— Лжецъ, безстыдный лжецъ; это яснѣе.

— Помилуйте! могъ ли бы сумасшедшiй замѣтить, что, пока онъ измѣрялъ глубину иваньковскаго пруда, невѣстѣ его передалъ гусарскiй офицеръ цѣлый листъ, исписанный такъ мелко, что на прочтенiе его невѣста употребила цѣлый часъ... Потомъ, могъ ли бы сумасшедшiй разсчесть, что, пока онъ станетъ лазить по вѣтряной мельницѣ, разбросавъ предварительно цѣлую кипу бумаги у ногъ своей невѣсты, невѣста, конечно, успѣетъ написать отвѣтъ и передать его офицеру въ то время, когда онъ, то есть женихъ, углубится въ отысканiе не потерянной перчатки. Согласитесь, что подобныя дѣйствiя свидѣтельствуютъ, нѣкоторымъ образомъ, о здравомъ умѣ жениха! Не правда ли?...

Чернскiй онѣмѣлъ отъ изумленiя; руки его опустились; онъ молчалъ.

— Но вотъ обстоятельство, которое требуетъ нѣко-

тораго объясненія, преспокойно продолжалъ Хвостинъ: что, напримѣръ, вынуждаетъ иногда прекрасныхъ, образованныхъ, богатыхъ и молоденькихъ дѣвицъ, подобныхъ моей невѣстѣ, выходить замужъ, не только за перваго встрѣчнаго, но за такихъ, которымъ вы, молодой человѣкъ, при первомъ знакомствѣ, бросаете въ лице слова: наглый, безстыдный лжецъ, и проч., и проч.? Вотъ обстоятельство курьезное; развѣ не правда?

— Продолжайте, я слушаю.

— Извольте. Но зачѣмъ стоять на мѣстѣ? сказалъ Хвостинъ, знакомъ приглашая спутника идти далѣе.—И такъ, вы видите, что я не совсѣмъ сумасшедшій. Впрочемъ, остается еще одинъ пунктъ: постоянный гость Булкинской ресторація и владѣлецъ двухъ знаменитыхъ пѣтуховъ, можетъ легко быть лжецомъ, наглымъ и безстыднымъ лжецомъ! Но, по счастью Булкинскаго гостя, въ карманѣ его случилась бумажка, подписанная лицемъ, вамъ, вѣрно, знакомымъ, прибавилъ Хвостинъ: вотъ она, эта бумаженка; но, предупреждаю, разорвите вы ее, вашъ покорный слуга лишится, въ случаѣ, разумѣется, разрыва послѣ брака съ Варварою Андреевною Савартиной, послѣдняго куска хлѣба. Выговоривъ съ разстановкою эту фразу, Ростиславъ Семеновичъ вынулъ изъ кармана письменное обязательство Эсмеральды, и передалъ его Чернскому, который съ жадностію пробѣжалъ документъ, и едва устоялъ на ногахъ.

— Лжецъ ли я? спросилъ Хвостинъ.

— Вы, вы? едва слышно проговорилъ молодой человѣкъ: или вы величайшій мошенникъ, или честный человѣкъ.

— Ни то, ни другое. Я, продолжалъ серьезно Хвостинъ, потерялъ уже всѣ права на честность, но сохранилъ, благодаря Бога, то, что честные люди называютъ

остаткомъ врожденной доброты. Мнѣ сваха предложила выгодную женитьбу, и, увидѣвъ Варвару Андреевну, мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: если уже подобное созданіе обречено судьбою выйти насильно замужъ, то причина должна существовать; а встрѣтивъ сегодня лихаго гусара, я сказалъ себѣ, смотря на васъ, вотъ причина.я.

— И вы могли подумать?

— Что молодые люди ведутъ любовную переписку съ дѣвицами, не думая на нихъ жениться? перебилъ Хвостинъ: виноватъ, подумалъ. Этого мало: я даже пріискалъ названіе подобнымъ молодымъ людямъ; хотите скажу?...

— Нѣтъ, этого названія я не заслужилъ, Ростиславъ Семеновичъ, и въ эту минуту дальнѣйшее объясненіе считаю излишнимъ. Завтра, въ десять часовъ утра, я буду къ вамъ.

— Нѣтъ, перебилъ Хвостинъ: завтра въ десять часовъ мы увидимся у васъ; лошадь ваша отдохнула и мнѣ пора на покой.... Прощайте, молодой человѣкъ, не взыщите за санфасонъ: въ рестораціи Булкина галантерейному обращенію не научишься.

Вручивъ Хвостину свой адресъ, Чернскій вскочилъ на коня, вонзилъ въ его бока острые шпоры и помчался во всю прыть. Ростиславъ Семеновичъ возсѣлъ, въ свою очередь, на пунцовую клѣтчатую подушку дрожекъ, и, приказавъ лихачу не гнать бѣлаго коня, мелкою рысью отправился по направленію Прѣсни.

Подскакавъ къ своей квартирѣ, Петръ Чернскій былъ не мало удивленъ, увидѣвъ у воротъ дорожный дормезъ, вокругъ котораго суетилась большая часть братниной прислуги.

— Кто пріѣхалъ и чей это экипажъ? спросилъ гу-

саръ, обращаясь къ одному изъ лакеевъ Григорья Сергѣевича.

— Генерала Савартина, отвѣчалъ тотъ.

— Какъ? Павла Павловича?

— Точно такъ; они пріѣхали съ барином, часа три назадъ.

Соскочивъ съ коня и бросивъ поводья слугѣ, Петръ Чернскій побѣжалъ въ домъ. Первое лице, встрѣтившее его, былъ братъ, второе Павелъ Павловичъ, котораго молодой Чернскій не зналъ еще и ни разу не видалъ. Семнадцать лѣтъ мало измѣнили черты бывшаго капитанъ-лейтенанта; мало измѣнилъ Савартина и высокій постъ, занимаемый имъ на службѣ. Всегда веселый, безпечный, но въ высшей степени добрый и благородный, Павелъ Павловичъ внушалъ съ перваго взгляда, какъ уваженіе, такъ и полную довѣренность. Не оплакивалъ онъ, семнадцать лѣтъ назадъ, потерю единственнаго брата, но за то, и по прошествіи столькихъ лѣтъ, воспоминаніе объ Андреѣ Павловичѣ наводило на моряка точно такую же грусть, какую чувствовалъ онъ въ первое время тяжкой потери. Далеко не охладѣла въ сердцѣ его страсть къ морю, къ командуемой имъ эскадрѣ! Онъ не разстался бы съ ними ни для чего на свѣтѣ, но долгъ крестнаго отца и покровителя Вареньки заставилъ Павла Павловича проститься на время съ моремъ, съ эскадрою, и предпринять долгій, скучный путь. Морякъ ни минуты не колебался. Въ Орлѣ встрѣтилъ его Григорій Сергѣевичъ, и, вдвоемъ уже, прибыли они въ Москву.

— Что съ тобою? спросилъ съ безпокойствомъ старшій Чернскій, у входившаго въ комнату брата: ты страшенъ.... на тебѣ лица нѣтъ.

— Прежде всего представь меня Павлу Павловичу,

братъ, а потомъ уже сообщу тебѣ много новаго, отвѣчалъ Пьеръ, принужденно улыбаясь.

— Не про соперника ли твоего, Хвостина?

— Какъ, ты знаешь?

— Все знаю, мой другъ; я только что возвратился отъ свахи; но, успокойся: твой будущій дядя въ нетерпѣніи познакомиться съ тобою. Сдѣлай милость, улыбнись и постарайся понравиться; онъ вообще не терпитъ пасмурныхъ лицъ. Но вотъ онъ.

Пьеръ поспѣшно обернулся, хотѣлъ начать какую-то привѣтственную фразу, но увидѣвъ предъ собою свѣжаго старика, почтенной и привѣтливой наружности, шедшаго къ нему съ улыбкою на лицѣ и распростертыми объятіями, предпочелъ поберечь фразу до другой оказіи и броситься прямо на грудь моряка, назвавъ его предварительно дядюшкою.

Крѣпко сжалъ старикъ молодаго человѣка, нѣжно поцѣловавъ его троекратно, и, усадивъ рядомъ съ собою, на диванѣ, сперва долго и молча любовался имъ, а потомъ, снова поцѣловавъ, началъ разспросы: отчего, во первыхъ, такой молодецъ не служитъ на морѣ? потомъ, точно ли онъ любитъ Вареньку, и пригожа ли Варенька, и знаетъ ли она, хотя по наслышкѣ, о дядѣ Павлѣ? и проч., и проч. Пьеръ Чернскій, въ свою очередь, повѣрилъ Павлу Павловичу всѣ невинныя тайны своего знакомства съ крестницею моряка, превозносилъ ея красоту, жаловался на старшаго брата, прекратившаго всякія сношенія влюбленныхъ, и кончилъ подробнымъ изложеніемъ происшествій послѣдняго дня, встрѣчи своей съ Хвостинымъ, разговора ихъ на Ходынскомъ полѣ, и проч.

Слушая первую часть разсказа Пьера Чернскаго, старикъ смѣялся отъ души, но выслушавъ послѣднюю,

онъ нахмурилъ было лобъ и значительно взглянулъ на Григорья Сергѣевича. Приходъ Лизы, обращавшейся уже съ гостемъ какъ съ давнишнимъ знакомымъ, возвратилъ лицу Павла Павловича его всегдашнее выраженіе веселости, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разговоръ принялъ другой оборотъ.

Общимъ совѣтомъ положено было послать на слѣдующее утро пригласить Хвостина и, не позже завтрашняго вечера, окончить всѣ сердечныя дѣла, какъ Пьера Чернскаго, такъ и Вареньки. Первый не спалъ всю послѣдующую ночь отъ избытка счастья, вторая не подозрѣвала ничего и спала покойно.

О намѣреніи Агаѳьи Андреевны насильно выдать Вареньку за Хвостина, Григорій Сергѣевичъ Чернскій узналъ, тотчасъ же по возвращеніи своемъ въ Москву, отъ Марьи Акимовны, къ которой явился вслѣдствіе приглашенія Дуни. Старуха, впрочемъ, не подозрѣвала существованія старшаго брата юнкера Чернскаго, и, увидѣвъ капитана, крайне смутилась. Когда же гость, простясь съ почтенною свахою, поблагодарилъ ее за участіе и откровенность, послѣдняя назвала его щедрымъ и благороднымъ человѣкомъ.

Наступило наконецъ и послѣднее утро моего разсказа. Ростиславъ Семеновичъ явился на Никитскій бульваръ ровно въ назначенный ему гусаромъ часъ, и не на лихачѣ, а пѣшкомъ. Какъ принятъ былъ новый женихъ крестницы ея крестнымъ отцемъ, о чемъ говорили они до полудня, запершись въ кабинетѣ Григорья Сергѣевича, для меня покрыто мракомъ неизвѣстности. Знаю только, что въ Коптевѣ, на дачѣ дѣвицъ Савартиныхъ, въ это утро, какъ и во всѣ предыдущія, напились чаю въ девятомъ часу, въ десять разошлись по своимъ угламъ, и Варенька, къ часу, перевела нѣсколько стра-

ницъ любимаго Путешествія. Въ часъ явилась она въ гостиную, и Эсмеральда, сдѣлавъ ей обычную гримасу и нѣсколько колкихъ замѣчаній, засадила ее за пяльцы. Во время обѣда, Агаѳья Андреевна, сгарая нетерпѣніемъ выдать сестру замужъ, завела косвенно рѣчь о тоскѣ, нераздѣльной съ жизнью дѣвицъ вообще.

— Но не уже ли, ma soeur, мы вѣчно будемъ жить такъ, какъ живемъ здѣсь, въ Коптевѣ? наивно спросила пансіонерка.

— Надѣюсь, что не иначе, отвѣчала Эсмеральда.

— Это ужасно, ma soeur.

— Старайся выйдти замужъ.

— За кого же? и кто ѣздитъ къ намъ? все такіе старые.

— Про кого же ты это говоришь?

— Какъ, про кого, ma soeur? во первыхъ Григорій Сергѣевичъ.

— Онъ тебѣ не нравится?

— Конечно, нѣтъ; Григорій Сергѣевичъ можетъ быть очень добръ, уменъ, но ему пятьдесятъ лѣтъ, и въ эти годы....

Эсмеральда улыбнулась.

— Въ эти годы, ma soeur, я не полагаю чтобы можно было жениться на молоденькой.

— Не спорю съ тобою; дѣйствительно, пятидесятилѣтнему мужчинѣ странно было бы выбрать жену восемнадцати лѣтъ; но не думай чтобы для прочнаго счастія молоденькой дѣвушки необходимъ былъ мужъ двадцати лѣтъ. Я, по крайней мѣрѣ, предупреждаю тебя, что о подобной партіи и мечтать не совѣтую: до глупостей я тебя не допущу.

— Не допустите, ma soeur, такъ и думать нечего о замужествѣ.

— Почему же?

— Потому, что за стараго я выйти не соглашусь.

— А что вы называете старымъ? спросила сестра, сдвигая брови.

— Пятьдесятъ лѣтъ, напримѣръ.

— Не всѣмъ пятьдесятъ; первый Хвостинъ.

— Какъ, ma soeur, Хвостинъ?

— Ну, да, Хвостинъ, Ростиславъ Семеновичъ, прекрасный человѣкъ, умный, добрый, не дуренъ собой и и можетъ составить счастье любой дѣвушки. Ему едва ли есть сорокъ: самое время жениться.

Варенька со страхомъ посмотрѣла на старшую сестру. Она вспомнила признаніе Ростислава Семеновича, совѣтъ его быть осторожной, и не вымолвила ни одного слова въ отвѣтъ Эсмеральдѣ, которая, принявъ молчаніе крестницы за полусогласіе, смягчила голосъ и продолжала:

— Я первая почла бы за благополучіе имѣть мужемъ Ростислава Семеновича. Не говоря уже о тысячѣ преимуществъ замужней дамы, о свободѣ, о правѣ пользоваться всѣми свѣтскими удовольствіями, большое счастіе не слыхать ни противорѣчія, ни капризовъ и ничего того, чѣмъ дарятъ женъ мужья молодые. Во первыхъ, Хвостинъ былъ бы обязанъ тебѣ, напримѣръ, почти всѣмъ состояніемъ: важное обстоятельство, потому что боязнь лишиться состоянія дѣлаетъ мужей очень снисходительными. И кто же тебѣ говоритъ, что, не любя большаго свѣта, онъ не предпочелъ бы заняться хозяйствомъ и жить въ деревнѣ? Тогда никто не помѣшалъ бы тебѣ поселиться въ столицѣ, или, даже, ѣхать за границу. Я, по крайней мѣрѣ, сознаюсь откровенно, предпочла бы Парижъ Коптеву, и полную независимость постоянному заключенію.

Эсмеральда на минуту замолчала и украдкою взгля-

нула на Вареньку. Старшей сестрѣ страхъ хотѣлось проникнуть въ душу крестницы и прочесть въ ней результатъ своихъ заманчивыхъ убѣжденій; но крестница продолжала сидѣть молча и смотрѣть въ землю. Очаровательныя картины, такъ искусно начертанныя Агаѳьею Андреевною, не совсѣмъ не нравились нашей пансіонеркѣ. Парижъ и самая деревня улыбались ей, но не въ обществѣ Ростислава Семеновича, а Пьера Чернскаго.

— Ахъ, мой другъ, Варенька! прибавила Эсмеральда, испустивъ продолжительный вздохъ: отчего я не ты? отчего опытъ и полное знаніе свѣта и людей неразлучны съ зрѣлостію лѣтъ? Какъ бы я была счастлива, какъ бы я была счастлива! и, клянусь тебѣ, представься не только Хвостинъ, ну, кто бы ни былъ, но только, разумѣется, не мальчишка, минуты бы не подумала! Сегодня помолвка, черезъ недѣлю свадьба, а тамъ, а тамъ: не Парижъ, такъ прелестная дача близъ Петербурга, прекрасный экипажъ, опера, гулянье, тѣсный кружекъ друзей. Вечеромъ гулянье по Невѣ; мужъ боится простуды, составляетъ себѣ партію дома; изъ этого не слѣдуетъ чтобы жена твоихъ лѣтъ не отходила отъ него, и когда подумаешь, что всѣ эти прелести зависятъ отъ одного слова, отъ одного *да!* прибавила съ энтузіазмомъ Эсмеральда, то.... вѣрь мнѣ, Варенька....

— Генералъ, дядюшка вашъ Павелъ Павловичъ пожаловалъ! воскликнула вбѣжавшая Анисья: они входятъ на крыльце, сударыня, вотъ они....

И дѣйствительно, вслѣдъ за Анисьей, въ растворенныхъ дверяхъ гостиной показался сѣдой ст къ, въ флотскомъ сюртукѣ, съ генераль

Съ неизъяснимымъ внут
дѣленнымъ страхомъ въ

достью во всѣхъ чертахъ, бросилась Эсмеральда только что не на шею Павлу Павловичу.

— Дядюшка, милый, дорогой дядюшка! кричала она, всхлипывая: какая неожиданная радость, какое счастье! Варенька, другъ мой, подойди же къ крестному отцу, ко второму отцу, благодѣтелю.

Агаѳья Андреевна охотно бы задушила втораго отца и благодѣтеля въ своихъ объятіяхъ, но Павелъ Павловичъ ограничился троекратнымъ лобызаніемъ, и, освободясь изъ рукъ старшей племянницы, перешелъ къ меньшей. Варенька, покраснѣвъ до глазъ, присѣла, какъ присѣдаютъ въ пансіонѣ, и робко, не поднимая глазъ, подошла къ моряку.

— Ба, да ты у меня красавица! сказалъ старикъ, улыбаясь: подойди, моя душа, и дай себя разцѣловать. Вотъ такъ, вотъ такъ! Ну, слава Богу, здорова, счастлива, кажется, довольна покуда! Спасибо, Агаша, спасибо: сберегла мнѣ Вареньку, и, сколько я слышалъ, замѣняла ей мать! Еще разъ спасибо.

Принимая благодарность дяди за чистую монету, Агаѳья Андреевна разсыпалась въ похвалахъ Варенькѣ, о безпредѣльной любви своей къ ней, о попеченіяхъ, и проч., и проч.

Пока Эсмеральда выхваляла себя, къ рукѣ пріѣзжаго поочередно подходила вся наличная дворня покойнаго Андрея Павловича, въ томъ числѣ и Анисья Кузьминична. На послѣднюю старикъ взглянулъ какъ-то странно, и благодарность, изъявленная генераломъ служанкѣ, страхъ какъ походила на благодарность, изъявленную госпожѣ.

Слушая со вниманіемъ куму, Павелъ Павловичъ не спускалъ глазъ съ крестницы, и замѣтно было, что глаза его наполнялись время отъ времени едва замѣтною

влагою. Не будь вице-адмиралъ Савартинъ вспоенъ морскою водою, убаюканъ зелеными волнами, закаленъ бурями океановъ, онъ двадцать разъ уже заплакалъ бы, смотря на Вареньку, на дочь Андрея Павловича, напоминавшую ему чрезвычайнымъ сходствомъ любимаго брата.

Выбившись изъ силъ безконечно длиннымъ изложеніемъ своихъ собственныхъ достоинствъ, Агаѳья Андреевна, съ притворною нѣжностію, приложилась къ плечу дяди и спросила, переводя дыханіе, надолго ли пожаловалъ къ нимъ дорогой гость.

— Какъ бы тебѣ сказать, моя милая? отвѣчалъ Павелъ Павловичъ: надолго, нѣтъ, нельзя сказать; служба прежде всего; а останусь сколько будетъ нужно для вашихъ дѣлъ.

— Ахъ, какъ грустно, право, дядюшка! Что это вы не навсегда пріѣхали?

— Что же дѣлать, Агаша, обязанности....

— Положимъ, нельзя навсегда, по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ провели бы съ нами.

— Зачѣмъ, душа моя? благослови Богъ устроить васъ обѣихъ. Кстати, примолвилъ Павелъ Павловичъ: за мною ѣдутъ къ вамъ гости.

— Кто же это, дядюшка? съ безпокойствомъ спросила Эсмеральда.

— Знакомые ваши. Григорья Чернскаго знаешь?

— Да, дядюшка.

— Ну, вотъ онъ.

— Мы давно не видали его.

— Не мудрено: Григорій выѣхалъ ко мнѣ навстрѣчу въ Орелъ. Славный [illegible] человѣкъ и [illegible]

— Точно

горій Сергѣевичъ. Но какъ же онъ никогда не говорилъ намъ о томъ, что вы его знаете?

— Не болтливъ онъ, мой другъ; притомъ, можетъ быть, имѣлъ на то свои причины.

Эсмеральда, вздохнувъ, опустила глаза.

— Онъ, правду сказать, и говорилъ мнѣ кой что о васъ, продолжалъ Савартинъ: а славный малый, сроднился бы съ нимъ охотно. Вы же любите его?

— Очень, дядюшка, застѣнчиво отвѣчала Агаѳья Андреевна.

— Ну, а ты, Варя?

— Я, я, mon oncle? воскликнула, вспыхнувъ, пансіонерка.

— Чего же ты, мой другъ, такъ перетревожилась? Не пугайся: Григорья въ женихи тебѣ не прочу, стоватъ для тебя; а вотъ, напримѣръ, Варя, скажи мнѣ откровенно, да смотри же — откровенно, понимаешь? желала бы ты имѣть Григорья моего братомъ?

— Ахъ, mon oncle, братомъ какъ бы я желала!

— И уважала бы его, и любила какъ меня?

— Очень бы любила, mon oncle, очень! повторила дѣвушка, краснѣя.

— Ну, и хорошо, моя душа; дай же тебя теперь поцѣловать и ступай, не теряя ни минуты, къ нему навстрѣчу, а встрѣтишь — расцѣлуй его отъ меня, смотри покрѣпче. Вы же, мой другъ, Агаша, дозволяете ей исполнить въ точности мое порученіе и называть впередъ Григорья Чернскаго братомъ? спросилъ Павелъ Павловичъ, обращаясь къ трепетавшей отъ радости Эсмеральдѣ.

— Дядюшка, несравненный дядюшка! нужно ли спрашивать у меня подобнаго позволенія? воскликнула Агата, бросаясь снова на шею моряка. Нѣжное созданіе не совсѣмъ поняло несравненнаго дядюшку.

Варенька, болѣе понятливая, покраснѣла, и не поцѣлуями, а взоромъ, полнымъ счастья, поблагодарила крестнаго отца. Прыгая, выскочила она сначала изъ комнаты, а потомъ изъ дому, забывъ точно такъ жешляпку и зонтикъ, какъ забыла она въ эту минуту все прежнее горе.

Молодость, молодость! какъ много въ тебѣ хорошаго!

Родные остались одни въ гостиной; дядя улыбался, смотря на племянницу, та улыбалась смотря на дядю; оба торжествовали и обоимъ было страхъ какъ весело!

— Ну, что? не молодецъ я? спросилъ послѣ нѣкотораго молчанія Павелъ Павловичъ.

— Дядюшка, драгоцѣнный дядюшка.... проговорила Эсмеральда.

— Ты поняла меня: объясненій, надѣюсь, ненужно.

— Ненужно, дядюшка, право, ненужно.

— И хорошо; теперь же, мой другъ, поговоримъ о другомъ обстоятельствѣ, столько же для меня близкомъ.

— Поговоримъ, поговоримъ, дядюшка, отвѣчала Агаѳья Андреевна, нѣжно глядя на Павла Павловича. Кума догадалась въ чемъ дѣло.

— Я уже сказалъ тебѣ, Агаша, продолжалъ морякъ: что единственнымъ желаніемъ моимъ было пристроить васъ обѣихъ; понимаешь, васъ обѣихъ? слѣдовательно, замужствомъ одной исполняется одна только половина желаній и остается пріискать другаго жениха. Породнившись съ Чернскимъ, я удовлетворенъ вполнѣ. Въ немъ, надѣюсь, найду добраго, умнаго и надежнаго роднаго, можетъ быть, подпору старости, утѣшеніе послѣднихъ дней, а потомъ и достойнаго, благодарнаго наслѣдника. Прибавлю даже, и не скрою отъ тебя, что мнѣ бы не хотѣлось дробить наслѣдство; Чернскаго же полюбилъ я какъ роднаго сына и, повторяю, если ты только, Агаша, раздѣляешь мое мнѣніе [illegible] честь-

ное слово никогда не раскаяваться въ своемъ согласіи, то я сегодня же составлю духовную въ пользу потомства Чернскихъ, если потомство будетъ, и завѣщаю имъ какъ мои тысячу душь, такъ и весь наличный капиталъ, собранный мною добросовѣстно и честно.

— Дядюшка, не думайте чтобы корысть когда нибудь была доступна моему сердцу. Дядюшка, да накажетъ меня Богъ, если слова мои не искренни.

— Стало, ты, другъ мой, согласна?

— Совершенно согласна, клянусь вамъ.

— Клятвъ ненужно, а для совѣсти моей достаточно одного твоего слова, Агаша. Не скрою отъ тебя, что считаю за большое счастіе слышать все, что слышу отъ тебя, моя душа. Варю уговорить будетъ не трудно, она дитя, и съ интересомъ незнакома. Какъ ты думаешь?

— Конечно, дядюшка, за нее ручаюсь вамъ головою, честью, всѣмъ чѣмъ угодно; притомъ, милости ваши касаются болѣе нашего будущаго поколѣнія, дядюшка, прибавила застѣнчиво Эсмеральда.

— Ну, другъ мой, не совсѣмъ, не совсѣмъ; я старъ и могу умереть скоро; тогда всѣми доходами моими все таки пользоваться будетъ Чернскій; понимаешь?

— Зачѣмъ же думать о смерти, дядюшка? Смерть въ рукахъ Божіихъ.

— Все такъ, Агаша, все такъ.... но довольно объ этомъ и возвратимся къ полному благополучію видѣть васъ обѣихъ замужемъ; и такъ....

— Итакъ, дядюшка, повторила, не безъ внутренняго волненія, Агата: я порадую васъ.

— Право?

— Да, дядюшка, и надѣюсь на дѣлѣ оправдать довѣренность вашу ко мнѣ.

— Чего жь бы лучше, Агаша?

— Другой женихъ нашелся.

— Не Хвостинъ ли? спросилъ морякъ, безъ всякаго видимаго удивленія.

— Какъ, дядюшка, вы это знаете?

— Очень просто, мой другъ; я только въ Москву, а Хвостинъ ко мнѣ, и даже, вообрази себѣ, съ рѣшительнымъ предложеніемъ; чудакъ, право!

— Можетъ ли быть?

— Повѣрь; въ первую минуту, признаюсь тебѣ, господинъ этотъ, можешь посудить, чрезвычайно меня озадачилъ. Думаю, не наглецъ ли какой, бродяга, и одѣтъ какъ-то странно, но потомъ потолковали, онъ же разговорчивъ, слова нѣтъ, и передалъ мнѣ подробно о расположеніи твоемъ къ нему, о томъ даже, что ты сама отыскала его, однимъ словомъ, всѣ обстоятельства, сопровождавшія ваше знакомство. Ну, не зная человѣка, какой же я могъ дать ему отвѣтъ? Говорю, если племянница подтвердитъ ваши слова, почтеннѣйшій, и знаетъ васъ коротко, я поперечить не стану и ни мало не присвоиваю себѣ этого права. Выходитъ на повѣрку, что малый-то дѣйствительно знакомъ тебѣ, Агаша?

— Какъ же, дядюшка, очень хорошо знакомъ.

— И ты знаешь точно, что Хвостинъ очень порядочный человѣкъ?

— Ручаюсь вамъ, дядюшка, подобныхъ людей рѣдко и встрѣтишь.

— Тѣмъ лучше, мой другъ.

— Онъ обладаетъ всѣми похвальными свойствами, дядюшка, и для мужа....

— Постой, Агаша, перебилъ Павелъ Павловичъ: замужествомъ шутить не должно и на жениха обязаны мы смотрѣть какъ на человѣка, которому повѣряемъ не только жизнь нашу, но честь.... стало быть, дѣло это

крайне серьезно.... Ты скажи мнѣ по совѣсти: сдѣлай тебѣ Хвостинъ, тебѣ, понимаешь ли, Агаша, формальное предложеніе, согласилась ли бы ты, понимаешь ли, Агаша? *ты, ты*—отдать ему руку? потому что на искреннія похвалы нужны доказательства неопровержимыя; ты, другъ мой, не дитя и промаха не дашь, я увѣренъ; не дѣйствуй опрометчиво, чтобы не плакать потомъ.

— Вы думаете, что совѣсть когда нибудь упрекнетъ меня, дядюшка, за выборъ Хвостина?

— Именно, другъ мой, этого-то я и боюсь, а потому и спрашиваю: согласна ли была бы ты принять его предложеніе для себя, понимаешь ли, для себя?

— И вотъ какъ, дядюшка, согласна, что минуты не подумала бы.

— Точно?

— Богомъ вамъ клянусь.

— Ну, довольно, я вполнѣ счастливъ, сказалъ Павелъ Павловичъ, цѣлуя Агаѳью Андреевну: всѣ желанія мои исполнились! Ба, да вотъ и они, гости наши, воскликнулъ Савартинъ, взглянувъ въ окно: и Хвостинъ съ ними, какими судьбами? Впрочемъ, все къ лучшему. Какъ бишь его зовутъ? все забываю.

— Ростиславъ Семеновичъ, дядюшка, поспѣшно подсказала Эсмеральда.

— Да, Ростиславъ Семеновичъ. А, Ростиславъ Семеновичъ! крикнулъ Павелъ Павловичъ, высунувшись изъ окна: пожалуйте-ка къ намъ, будущій роденька.

Хвостинъ не замедлилъ явиться и почтительно подошелъ къ рукѣ Агаѳьи Андреевны, которая, значительно улыбнувшись, поцѣловала его въ щеку.

— Ну, поздравляю васъ, мой дорогой племянникъ, ваша взяла, и Агаша съ своей стороны объявила согласіе, сказалъ Савартинъ, взявъ за руку Хвостина.

— Можетъ ли быть? воскликнулъ Ростиславъ Семеновичъ.

— А вы сомнѣвались развѣ? подхватила со вторичнымъ значительнымъ взглядомъ Эсмеральда.

— Нѣтъ, не хочу грѣшить, Агаѳья Андреевна, отвѣчалъ Хвостинъ: и если, не смотря на мои недостатки, на мои лѣта, и, что всего хуже, на фигуру мою въ парикѣ и турнюру иньобельную, какъ вы называли ее, Агаѳія Андреевна, вы сами сдѣлали мнѣ честь своимъ избраніемъ, посредствомъ друга вашего — почтенной Марьи Акимовны....

— А кто такая эта Марья Акимовна? спросилъ Павелъ Павловичъ.

— Наша общая и давнишняя знакомая, Павелъ Павловичъ.... отвѣчалъ Хвостинъ: то, конечно, продолжалъ онъ, обращаясь къ Эсмеральдѣ: я въ согласіи вашемъ сомнѣваться не могъ, и потому уже не могъ, Агаѳья Андреевна, что, отказавъ ничтожному, бѣдному и старому Ростиславу послѣ всѣхъ авансовъ, вами ему сдѣланныхъ, вы бы себя страшно окомпроментировали.

Заключивъ свою рѣчь, Ростиславъ Семеновичъ нѣжно пожалъ руку Эсмеральды и попросилъ у нея позволенія напечатлѣть на устахъ ея первый поцѣлуй.

— Цѣлуйте, я позволяю, сказалъ Павелъ Павловичъ, смѣясь: такъ и должно!

Еще не успѣла поблѣднѣвшая Агаѳья Андреевна отнять сухой щеки своей отъ устъ Хвостина, какъ въ комнату вошли остальные гости, а именно: Григорій Чернскій, Лиза, Варенька и Пьеръ Чернскій; послѣдніе казались совершенно счастливыми.

— Шампанскаго! воскликнулъ Ростиславъ Семеновичъ, не выпуская изъ рукъ своихъ руки Эсмеральды: нужно бы выпить за наше здоровье, ваше превосходи-

тельство? прибавилъ онъ, обращаясь къ Павлу Павловичу.

Увидѣвъ Пьера, Эсмеральда остолбенѣла; зрачки глазъ ея неимовѣрно расширились, ротъ раскрылся....

— Кто это? спросила она, наконецъ, Павла Павловича.

— Какъ, кто? женихъ Вареньки, Петръ Чернскій, братъ Григорья и мой племянникъ, отвѣчалъ дядя: впрочемъ, вы еще, кажется, не знакомы, такъ рекомендую тебѣ. Подойди, душа моя, сказалъ Павелъ Павловичъ, обращаясь къ Пьеру: а тебѣ, Петръ, рекомендую будущую роденьку, Ростислава Семеновича Хвостина, жениха Агаши, избраннаго ею произвольно, прибавилъ Савартинъ, съ трудомъ скрывая улыбку самодовольствія.— Надѣюсь, что никто изъ васъ не имѣетъ причины быть недовольнымъ?

Эсмеральда, пожелтѣвъ, упала въ обморокъ.

Въ началѣ іюля, у крыльца церкви, что близъ Арбатскихъ воротъ, стояло, часу въ шестомъ вечера, нѣсколько каретъ и любопытныхъ. Вниманіе послѣднихъ привлечено было брачнымъ обрядомъ, совершаемымъ надъ двумя красавцами, такъ, по крайней мѣрѣ, выражалась Марья Акимовна, смотрѣвшая на церемонію изъ за темнаго угла теплаго придѣла. Рядомъ съ нею дрожалъ Абрамъ Абрамовичъ и улыбалась свѣженькая Дуня. Новобрачныхъ звали Петромъ Сергѣевичемъ и Варварою Андреевною Чернскими. Присутствовали при бракѣ Павелъ Павловичъ, Григорій Сергѣевичъ и Лиза; а поодаль отъ нихъ, у самыхъ дверей, стоялъ и усердно молился Ростиславъ Семеновичъ Хвостинъ.

— Но гдѣ же Эсмеральда? спроситъ, можетъ быть, любопытный читатель.

А Богъ съ нею! отвѣчу я. И не все ли вамъ равно?

ВОСПОМИНАНІЕ

О ЗАХАРѢ ИВАНОВИЧѢ.

(РАЗСКАЗЪ ПУТЕШЕСТВЕННИКА.)

---

26 іюля 1846 года, осмотрѣвъ кульмское поле сраженія, сидѣлъ я у рѣшетки русскаго монумента, въ ожиданіи дилижанса, долженствовавшаго проѣхать изъ Теплица въ Дрезденъ. Дилижансъ не замедлилъ. На вопросъ мой: «есѣ ли свободное мѣсто?» кондукторъ отвѣчалъ утвердительно и отворилъ карету. Въ ней сидѣло пять пассажировъ; я занялъ шестое и послѣднее мѣсто, между двумя нѣмцами, сидѣвшими спиною къ лошадямъ.

День склонялся къ вечеру; солнце не грѣло, но жгло; атмосфера въ дилижансѣ нашемъ сгустилась до того, что дышать было трудно.

Окинувъ взглядомъ спутниковъ моихъ, я пораженъ былъ наружностію двухъ изъ нихъ; оба сидѣли противъ

меня, у самыхъ дверецъ; обоимъ было лѣтъ по пятидесяти и въ обоихъ было по десяти пудовъ вѣсу; красныя, опухшія лица ихъ изображали нетерпѣніе, страданіе и досаду. Нѣмецъ, сидѣвшій между ними, курилъ изъ фарфоровой студенческой трубки, и каждый разъ, когда облако табачнаго дыма проходило мимо носа толстяка, сидѣвшаго съ правой стороны, глаза его закрывались, а самое лице уходило въ широкій желтый галстухъ, какъ голова черепахи уходитъ въ свою скорлупу. Наконецъ нетерпѣніе толстаго господина дошло до высшей степени, и, повернувъ голову круто влѣво, онъ обратился, мимо нѣмца, къ толстяку, сидѣвшему съ лѣвой стороны, съ слѣдующимъ вопросомъ: «Min Herr lange gefart in Dresd?» — «Nicht verstehe», отвѣчалъ тотъ. Вопросившій господинъ подумалъ и перевелъ вопросъ на французскій языкъ; но вопросъ свой облекъ онъ и на этомъ нарѣчіи въ такую же форму непонятности. Когда же толстякъ лѣвой стороны отвѣчалъ знаками, что онъ и этого языка не понимаетъ, «ну, побери же тебя нелегкая!» воскликнулъ съ досадою на чистомъ русскомъ языкѣ толстый господинъ, сидѣвшій справа. При этомъ возгласѣ глаза того, къ кому привѣтствіе это обращалось, заблистали радостію. «Какъ? спросилъ онъ: вы русскій?» и оба господина обнялись съ восторгомъ.

Когда первое изъявленіе радости миновало, господинъ правой стороны началъ длинный разсказъ своего несчастнаго путешествія, изъ котораго я узналъ, что назывался онъ Захаромъ Ивановичемъ, что, пристроивъ послѣднюю дочь, выѣхалъ изъ Россіи, Богъ знаетъ для чего; что почелъ за священную обязанность, путешествуя, не пропускать ни одного достопамятнаго мѣста, не ознакомившись съ примѣчательностями, вслѣдствіе

чего, безъ всякой надобности, взялъ въ Теплицѣ нѣсколько горячихъ ваннъ, отъ которыхъ и приключился ему ударъ, и что, наконецъ, предвидя неудобство сидѣть шестерымъ въ дилижансѣ, онъ взялъ для себя одного два мѣста, но одно изъ нихъ оказалось въ другой каретѣ.

Повѣствованіе заключилось кучею сильныхъ и рѣзкихъ выраженій. Слушая Захара Ивановича, я не могъ удержать улыбки, которую онъ замѣтилъ и нахмурилъ брови. Я поспѣшилъ успокоить почтеннаго земляка и сталъ говорить съ нимъ по русски. Восторгъ Захара Ивановича чуть не причинилъ ему втораго удара: такъ громко, такъ искренно обрадовался онъ, что нашелъ въ душной и узкой каретѣ двухъ русскихъ.

На половинѣ дороги кондукторъ объявилъ, что дилижансъ не отправится въ путь ближе получаса, и потому мы успѣемъ напиться кофе. Захаръ Ивановичъ предпочелъ ужинъ, заказалъ его, а самъ отправился купаться. За чашкою кофе я познакомился съ другимъ землякомъ моимъ, не уступавшимъ въ досужествѣ Захару Ивановичу, но не походившимъ на него ничѣмъ другимъ. Онъ ѣхалъ въ Брюссель, гдѣ ожидали его жена и дочь.

Ужинъ, заказанный Захаромъ Ивановичемъ, былъ аккуратнѣе его и поспѣлъ къ сроку, въ то время какъ самъ Захаръ Ивановичъ долго еще долженъ былъ служить прелюбопытнымъ зрѣлищемъ для жителей того мѣстечка, въ которомъ мы остановились. Проѣзжая мимо пруда (кондукторъ не оказалъ ни малѣйшей готовности ждать нашего спутника), увидѣли мы, что Захаръ Ивановичъ лежалъ доскою на поверхности воды, ни мало по видимому не заботясь ни объ ужинѣ, ни о новомъ знакомствѣ своемъ.

Утромъ слѣдующаго дня прибыли мы благополучно въ Дрезденъ и остановились въ гостинницѣ Гайдукова.

Дрезденъ первый иностранный городъ, который обращаетъ на себя особенное вниманіе русскихъ путешественниковъ, выѣзжающихъ изъ Россіи сухимъ путемъ. Многіе изъ нихъ, пробывъ въ Дрезденѣ трое сутокъ, вѣрно уже успѣли познакомиться съ Цвингеромъ, Финглятеромъ, Террасою, Японскимъ дворцемъ, Королевскимъ садомъ, и, вѣрно, побывали мимоходомъ въ Картинной галлереѣ, въ Грюнгевельбе, въ Музеумѣ, слазили на крышу лютеранской церкви Богоматери и накупили кучу всякой дряни, а главное, по случаю дешевизны всего, издержали гораздо болѣе, чѣмъ предполагали, и устали до смерти.

Въ первый проѣздъ мой чрезъ Дрезденъ, я не только прошелъ полный курсъ печатнаго путеводителя, но прошелъ и Саксонскую Швейцарію, а, что всего хуже, познакомился съ тремя лучшими врачами.

Теперь я въ третій разъ пріѣхалъ въ Дрезденъ. Сдѣлавшись опытнѣе, разумѣется, не звалъ я врачей, не лазилъ на крыши, а, выбравъ комнату самую удобную, расположился отдохнуть, въ ожиданіи обѣда. Сонъ мой былъ прерванъ появленіемъ хозяина гостинницы. Пухлое лицо его было орошено слезами, а желудокъ виномъ; онъ былъ, по видимому, болѣе пьянъ, чѣмъ несчастливъ.

— Что вамъ нужно? спросилъ я у Гайдукова.

— Я погибшій человѣкъ! отвѣчалъ Гайдуковъ, и слезы потекли на галстухъ.

— Но что же съ вами случилось?

— Раззоренъ и гибну безъ возврата!

— Жаль! но отчего же гибнете вы безъ возврата? спросилъ я, вставая съ постели.

Гайдуковъ сообщилъ мнѣ печальную исторію своихъ несчастій, которой не могу не разсказать: такъ забавны показались мнѣ эти несчастія.

Счастливѣйшая эпоха жизни его прошла на родинѣ, предъ кухоннымъ очагомъ. Лѣтъ десять назадъ, Гайдуковъ поѣхалъ съ бариномъ своимъ за границу; баринъ его тамъ померъ и Гайдуковъ остался одинъ. Съ той минуты начались несчастія, которыя такъ усердно оплакивалъ хозяинъ великолѣпной гостинницы, что на Соборной площади въ Дрезденѣ.

Несчастный Гайдуковъ имѣлъ несчастіе понравиться двадцатилѣтней дѣвушкѣ, нѣмкѣ, прекрасной нравственности, дочери честныхъ, богатыхъ родителей и хорошенькой собою, которая согласилась выйти за него замужъ. За женитьбой послѣдовалъ случай купить, въ кредитъ и за сходную цѣну, одинъ изъ лучшихъ домовъ въ городѣ. Гайдуковъ, сдѣлавшись гражданиномъ дрезденскимъ, очень скоро научился говорить по нѣмецки. За несчастнымъ переходомъ изъ поваровъ во владѣльцы послѣдовало новое несчастіе. Купцы дрезденскіе предложили Гайдукову меблировать домъ его въ кредитъ, снабдили серебромъ и бронзою, и пустой домъ Гайдукова превратился въ роскошную гостинницу. Хозяинъ, съ горя, предался пьянству, и, въ теченіе десяти лѣтъ, пользовался доходами гостинницы, не платя кредиторамъ своимъ ни гроша. Онъ заключилъ плачевную исторію своихъ несчастій просьбою ссудить ему пятьдесятъ тысячь талеровъ.

Эта просьба, какъ я узналъ, была его привычкою и обращалась ко всѣмъ русскимъ, безъ исключенія.

Похохотавъ отъ души надъ несчастіями Гайдукова, и выгнавъ его изъ комнаты, я заснулъ на нѣсколько часовъ, а пообѣдавъ, отправился на террасу Бриля.

Терраса Бриля любимое мѣсто гулянья дрезденскихъ жителей. Съ четырехъ часовъ по полудни, ежедневно собирается на ней множество гуляющихъ. Посредственный хоръ музыки играетъ въ воксалѣ до полуночи. За входъ платятъ грошъ; кружка пива, четверть порціи кофе, кусокъ дыни, продаются по грошу. Расчетливость германская изобрѣла способъ угощаться за сходнѣйшую цѣну, и, не рѣдко, въ теченіе цѣлаго вечера простоитъ предъ нѣмцемъ гигантскій стаканъ воды, на дно котораго опускаютъ кусокъ сахару. Дамы приносятъ въ воксалъ чулки и тому подобные предметы рукодѣлья.

Въ этотъ вечеръ многочисленная дрезденская публика была привлечена въ воксалъ новымъ, совершенно новымъ предметомъ. Прибывшій изъ Лейпцига артистъ игралъ, съ неслыханнымъ въ Дрезденѣ чувствомъ, на инструментѣ, составленномъ изъ небольшихъ колокольчиковъ. Рукоплесканіямъ, звону и похваламъ не было конца.

Не принимая ни малѣйшаго участія въ общемъ восторгѣ, я преспокойно расположился у окна, обращеннаго на Эльбу, и предался размышленіямъ, отъ которыхъ оторванъ былъ неожиданнымъ происшествіемъ.

Я вдругъ почувствовалъ, что двѣ сильныя руки схватили меня сзади за шею и такъ сдавили ее, что, при всемъ желаніи крикнуть, я крикнуть не могъ. Не испугъ, но удивленіе овладѣло умомъ моимъ; я былъ убѣжденъ, что въ воксалѣ, при тысячѣ свидѣтелей, никто не могъ покуситься на жизнь мою, но, не имѣя, ни въ знакомствѣ, ни въ родствѣ, никого, кто бы сталъ обращаться со мной подобнымъ образомъ, я терялся въ догадкахъ. Объяснилось, что руки, меня давившія, принадлежали Захару Ивановичу; привезъ онъ ихъ въ Дрезденъ въ

вечернемъ теплицкомъ дилижансѣ. Захаръ Ивановичъ былъ такъ забавно наивенъ, что сердиться на него недостало у меня духу. Онъ проголодался и спросилъ двѣ порціи кофе. Ему принесли четыре кофейника, столько же чашекъ и молочниковъ. Онъ принялся за кофе, а нѣмцы принялись смотрѣть на земляка моего съ удивленіемъ. Когда же третій кофейникъ перешелъ въ желудокъ Захара Ивановича, онъ пріостановился, ударилъ себя по широкому лбу и началъ думать.

— Что съ вами? спросилъ я съ безпокойствомъ: мнѣ показалось, что съ нимъ ударъ.

— Позвольте! позвольте! я что-то хотѣлъ сказать вамъ и забылъ, отвѣчалъ Захаръ Ивановичъ. — Да, вотъ что!

И землякъ расхохотался во все горло.

— Но что же такое?

— Умора, ей Богу, умора что за народъ эти саксонцы.... Ба! да вѣдь я вамъ еще не разсказалъ, какъ я доѣхалъ до Дрездена!

— Разскажите, пожалуйста.

— Вотъ, видите ли, почтеннѣйшій, продолжалъ землякъ, сливая въ свой стаканъ все, что оставалось въ четвертомъ кофейникѣ и въ четвертомъ молочникѣ: правду вамъ сказать, когда мы пріѣхали на ту станцію, гдѣ я заказалъ ужинъ.... ну, помните, ту, на которой мы разстались.... я и сообразилъ, что въ каретѣ тѣсненько, а спѣшить не для чего; сверхъ того, мой товарищъ, нашъ братъ русскій.... не знаете ли его?

— Кого?

— Степана Степаныча Выдрова, что живетъ въ Крестцахъ? Прекрасный человѣкъ, обстоятельный.... скупенекъ, правда, ну, да провалъ его возьми!

— Не знаю, Захаръ Иванычъ.

— Я познакомлю васъ; человѣкъ онъ, знаете, гнилой, и заболѣй въ Теплицѣ. «Оставь», говоритъ, «Трифона, я привезу тебѣ его въ Дрезденъ, въ вечернемъ дилижансѣ, что отходитъ въ четыре часа». — Эй, привезешь ли? — «Привезу», говоритъ, «честное слово.» Вотъ, я, сударь мой, не говоря ни кому ни слова, и поди купаться, и вижу, ѣдетъ вашъ дилижансъ; думаю себѣ, пусть ѣдетъ на здоровье, а я, какъ выкупаюсь, да поужинаю, да отдохну часокъ и дождусь второй кареты, то и пріѣду въ Дрезденъ, не торопясь. Такъ и случилось.

— Но вы, если не ошибаюсь, хотѣли разсказать еще что-то? спросилъ я.

— Да, да! (Захаръ Ивановичъ снова покатился со смѣху.) Вообразите, почтеннѣйшій, мы вылѣзли изъ кареты, остановились въ одной гостинницѣ съ вами; ну! я умылся, одѣлся; какой-то болванъ изцарапалъ мнѣ всю рожу: видно здѣсь и брить-то не умѣютъ; я и выхожу на крыльце. Только вышелъ, а какой-то господинъ, прекрасно одѣтый, и шасть мнѣ подъ ноги. «Что, молъ, тебѣ, братецъ, нужно?» Онъ по нѣмецки. Что ты будешь дѣлать! Я за Гайдуковымъ. Гайдуковъ и объясняетъ мнѣ, что господинъ, сирѣчь лонъ-лакей, показываетъ всѣ городскія рѣдкости. Ну, знаете, въ первый разъ въ городѣ — какъ не посмотрѣть! я и возьми его.

— Понималъ ли же по крайней мѣрѣ вашъ лонъ-лакей по русски?

— Ни словечка: да оно бы, вотъ видите, ничего! Ужь коли рѣдкость, подумалъ я, такъ постоитъ сама за себя; на кой прахъ тутъ языкъ? Хоть бы взять, напримѣръ, картину, колонну какую нибудь, обелискъ, или что другое: покажетъ пальцемъ, ну, привретъ тамъ, что ни на есть, по своему, и смотришь. Нѣтъ-съ! посадилъ

меня насильно въ фургонъ, да изволитъ везти за городъ. Гляжу — вывозитъ совсѣмъ таки вонъ. Уже и огороды позади, и сады позади.... глядь — и картофельныя поля подъ бокомъ. Я его за воротникъ: постой, говорю, кто знаетъ что у тебя на умѣ, а я дальше не поѣду. Онъ туда, сюда; нѣтъ, кричу кучеру: хераусъ! а самъ машу, назадъ, назадъ! Вернулись; что же вы думаете, какую рѣдкость хотѣлъ мнѣ показать этотъ молодецъ? а?

— Не могилу ли Моро? спросилъ я.

— Что-о? Да развѣ это интересно?

— Смотря по человѣку, Захаръ Иванычъ; для меня такъ очень интересно.

— Эге, ге, ге! значитъ дуракъ-то я, а не онъ, проговорилъ сквозь зубы и почесывая свою лысую голову бѣдный Захаръ Ивановичъ.

Онъ видимо смутился.

Мнѣ стало жаль земляка, и, желая успокоить его, я приписалъ всю вину лонъ-лакею, который, имѣя постоянно дѣло съ иностранцами, долженъ былъ бы непремѣнно знать нѣсколько нарѣчій. Впрочемъ, виноватъ ли былъ Захаръ Ивановичъ въ томъ, что языки не дались ему?

— Все такъ, ну, да! не понялъ, не догадался, ну, положимъ! воскликнулъ съ досадою Захаръ Ивановичъ. — Въ сущности же, почтеннѣйшій, продолжалъ онъ: большая нужда до ихъ могилъ! да осмотрѣть ихъ и жизни не хватитъ.... Муро, Мюра, велика важность!

— Но Моро былъ нашимъ генераломъ и убитъ въ Дрезденскомъ сраженіи.

— Нашимъ? повторилъ Захаръ Ивановичъ: странно! никогда не слыхалъ; ну, дай Богъ ему царство небесное.

— А знаете ли, продолжалъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія: право, досадно становится, когда подумаешь, что прожилъ я пятьдесятъ лѣтъ неучемъ. Вѣдь держали же и въ наше время нѣмцевъ, французовъ разныхъ, и куда дешевы были они тогда. Помнится, послѣ раззоренія, пошлютъ зачѣмъ ни на есть въ Москву; сосѣди и просятъ матушку: нельзя ли, молъ, захватить подводамъ, какъ назадъ поѣдутъ порожнякомъ, учителя или двухъ, или сколько бъ тамъ ни понадобилось. Лучшенькихъ покойница разсылала по роднымъ, а что пожиже, то сосѣдямъ. Вѣрите ли, вся дворня, даже мальчишки говорили по французски. Что жь бы, кажется, стоило мнѣ научиться! Не тутъ-то было — только и наровишь, бывало, какъ бы выжить мусью изъ дому; а вотъ пришла нужда, хватился, да поздно. Я, правду сказать, передъ выѣздомъ изъ Россіи и припасъ нѣмецкіе разговоры съ словаремъ и всякими прочими затѣями; выдумка не глупая — нѣмецкія слова написаны по русски: была бы память, а выучиться не трудно; я таки, признаться, въ первое время и налегъ на нихъ крѣпко.

— Зачѣмъ же вы не продолжали, Захаръ Иванычъ, если вамъ казалось это такъ легко?

— А вотъ отчего, почтеннѣйшій, что книжка-то придумана и хорошо, да сдѣлана глупо. Заучилъ я первыя три страницы, и знаю, что небо — химмель, звѣзды — штерне, отецъ — фатеръ, а дядя — охеймъ. Дѣло только въ томъ: когда же приведется говорить объ этихъ вещахъ? а, положимъ, и приведется, такъ не привяжешь же ихъ веревкой ко всему тому, что говорится прежде и послѣ! Сверхъ того, не забудьте, что ежели, упаси Господи, забудешь пересыпать нѣмецкія слова полдюжиной *деръ*, да полдюжиной *дасъ*, то, пожалуй, выйдетъ совсѣмъ

другое. Нѣтъ, батюшка, чуть ли не умнѣй будетъ книгой-то завернуть что нибудь, а съ нѣмцами объясняться чѣмъ Богъ послалъ.

Слушая земляка, я не могъ удержаться отъ улыбки, а Захаръ Ивановичъ не замѣтилъ ея, потому что самъ не переставалъ хохотать во все горло. Видя, что онъ кончилъ свой кофе, я всталъ.

— Куда вы отсюда? спросилъ землякъ.

— И самъ не знаю, отвѣчалъ я.

— А не знаете, такъ пройдемтесь по набережной, и цухаусъ!

Мы расплатились и вышли изъ воксала.

Вечеръ былъ очаровательный; у нашихъ ногъ дремала Эльба; вдали, на пурпуровомъ небѣ, отдѣлялись чернымъ силуэтомъ вершины башенъ и крышъ новаго города; вдоль всей набережной суетился народъ: въ часъ, обыкновенно, возвращались въ Дрезденъ пароходы. Землякъ, идя со мной рядомъ, насвистывалъ префальшиво «Травушку», отчего становилось и смѣшно и грустно.

Захаръ Ивановичъ объявилъ мнѣ, между прочимъ, что нумеръ, имъ занятый, рядомъ съ моимъ.

Былъ часъ одиннадцатый вечера, когда мы возвратились домой. Проходя по длиннымъ корридорамъ гостинницы, землякъ вдругъ остановился у одной двери и сталъ въ нее стучать.

— Спишь ли ты? спросилъ онъ чрезъ замочную скважину.

— Ахъ! это вы, отвѣчалъ чей-то пискливый голосъ: я въ постели, а спать не сплю; войдите.

— А не спитъ, такъ пойдемте, я познакомлю васъ, сказалъ, обращаясь ко мнѣ, землякъ.

— Да кто же тутъ живетъ?

— Выдровъ, тотъ самый, про котораго я говорилъ вамъ... Ну, что же тутъ церемониться? войдемте!

— Въ другое время, а теперь поздно, Захаръ Иванычъ.

Пожелавъ сосѣду покойной ночи, я пошелъ къ себѣ въ комнату.

Написавъ нѣсколько писемъ и отпустивъ горничную, прехорошенькую и пресвѣженькую нѣмочку, я раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Не знаю въ которомъ часу, но гораздо за полночь, сонъ мой прерванъ былъ шумомъ отворившейся двери въ комнатѣ Захара Ивановича.

— Кто тамъ? прохрипѣлъ знакомый голосъ сосѣда.

— Я, батюшка! отвѣчалъ кто-то жалобнымъ топомъ.

— Трифонъ! ты, что ли?

— Да, сударь.

— Зачѣмъ?

— Да гонятъ вонъ изъ корридора.

— Кто гонитъ?

— Корридорная мамзель, сударь; спать, говоритъ, не позволяется въ корридорѣ.

— Вотъ-те на! за дѣломъ пришелъ! Ну, куда я тебя дѣну?

— Попроситься развѣ въ пустую комнату, что противъ лѣстницы? пробормоталъ Трифонъ.

— Ну, какъ знаешь; хоть на крышу ложись!

И слышно было какъ Трифонъ, подобравъ что-то съ полу, медленно вышелъ въ корридоръ, осторожно притворивъ за собой дверь.

За тѣмъ послѣдовало молчаніе, за молчаніемъ храпъ, и такой храпъ, о которомъ въ Дрезденѣ, конечно, не имѣли до пріѣзда Захара Ивановича никакого понятія.

На слѣдующее утро, осмотрѣвъ еще разъ картин-

ную галлерею, я пошелъ прогуляться по городу. На торговой площади встрѣтилъ я стариннаго знакомаго, Александра Фридриха Франца Зельфера, который съ визгомъ только что не бросился ко мнѣ на шею. Александръ Фридрихъ Францъ Зельферъ былъ сорокапятилѣтній младенецъ, съ пухленькими щечками, съ воротникомъ и въ бѣлой бумажной шляпѣ, покрытой какою-то непромокаемою эссенціею. Отецъ его, суконный торговецъ, обращался съ дѣтищемъ своимъ съ невѣроятною въ нашъ вѣкъ нѣжностію, гонялъ его за маленькія шалости, укладывалъ спать не позже десяти часовъ, и нянчился съ нимъ какъ съ груднымъ ребенкомъ. Юный Зельферъ, не смотря на зрѣлость своего возраста, не имѣлъ никакого понятія о многихъ вещахъ, не курилъ ничего и даже не пилъ пива. Знакомствомъ моимъ съ Зельферомъ обязанъ я былъ страсти, которую питалъ онъ ко всѣмъ русскимъ. Зельферъ понималъ нашъ языкъ и пресмѣшно на немъ выражался; удовлетворивъ разспросамъ Александра Фридриха Зельфера, я пригласилъ его обѣдать со мной.

Въ пятомъ часу по полудни мы вошли въ общую столовую гостинницы Гайдукова. Въ ней собралось уже множество посѣтителей, между которыми засѣдалъ и Захаръ Ивановичъ, тотчасъ же представившій мнѣ пріятеля своего, Степана Степановича Выдрова, тоненькаго и желтенькаго человѣчка.

Степанъ Степановичъ былъ типъ непріятныхъ людей, какъ по наружности своей, такъ и по всему прочему. Судьба, по видимому, удовольствовалась надѣлить его полнымъ числомъ необходимыхъ органовъ, ни мало не заботясь объ отдѣлкѣ каждой части порознь. Глаза даны были Степану Степановичу, вѣроятно, для того чтобы онъ не разбилъ себѣ носа, носъ же для нюхательнаго

табаку, въ который, какъ я узналъ впослѣдствіи, Степанъ Степановичъ клалъ гераніумъ и подмѣшивалъ не малое количество поташу, и, наконецъ, самое прозваніе Выдрова носилъ Степанъ Степановичъ конечно по сходству волосъ своихъ съ шерстью животнаго, отъ имени котораго произошло это прозваніе. Я бы могъ прибавить нѣсколько словъ о ртѣ, зубныхъ корняхъ (потому что зубовъ у него не было), и объ ушахъ Степана Степановича, но это было бы нескромно, потому что ротъ, сжимаясь, скрывалъ свои недостатки, а уши были заткнуты морскимъ канатомъ и ватой. За столъ посадилъ насъ Захаръ Ивановичъ рядомъ и спросилъ шампанскаго, отъ котораго отказались и Зельферъ и я.

Гайдуковъ, обращавшій все свое вниманіе на русскихъ, подходилъ безпрестанно то къ одному, то къ другому съ вопросами: хорошо ли вино, хорошъ ли поваръ и ловко ли намъ сидѣть? И каждый разъ, вмѣсто отвѣта, Захаръ Ивановичъ крѣпко жалъ ему руку и благодарилъ его за всѣхъ.

Въ началѣ обѣда, Выдровъ успѣлъ разпросить у меня: откуда я родомъ, гдѣ служилъ, какого чина, отчего вышелъ въ отставку и сколько у меня душъ крестьянъ и въ какихъ именно губерніяхъ. Къ концу обѣда онъ самъ разсказалъ, но не про чинъ и не про службу, а о причинѣ поѣздки своей за границу. Причина же состояла въ железѣ, образовавшейся, по его словамъ, въ шейныхъ мышцахъ, треснувшей въ запрошлую осень, и застуженной въ крещенскіе морозы прошедшею зимою. Степанъ Степановичъ начиналъ уже снимать свой галстухъ, чтобы показать мнѣ железу, но Захаръ Ивановичъ взялъ его поспѣшно за руки и удержалъ, оправдывая при томъ насиліе свое весьма основательными доводами.

Я позавидовалъ нѣмцамъ, не понимавшимъ нашего языка, и поспѣшно вышелъ изъ за стола. Зельферъ хотѣлъ было сдѣлать тоже: онъ силился встать, и встать не могъ, пытался сказать мнѣ что-то и сказать не могъ. Оказалось, что, во время нашего разговора съ Выдровымъ, Захаръ Ивановичъ убѣдилъ Александра Фридриха Франца Зельфера выпить два стакана шампанскаго, вслѣдствіе чего Александръ Фридрихъ Францъ Зельферъ сдѣлался пьянъ.

Гайдуковъ, съ помощію двухъ слугъ, вывелъ Зельфера на улицу, посадилъ на извощика и отправилъ къ папенькѣ; а я ушелъ изъ столовой, заперся въ своей комнатѣ, и на громкій зовъ Захара Ивановича отвѣчалъ краснорѣчивымъ молчаніемъ.

Въ тотъ вечеръ давали «Волшебнаго Стрѣлка», и я отправился въ театръ. Кто не слышалъ этого дивнаго произведенія безсмертнаго Вебера въ Дрезденѣ, тотъ не можетъ вполнѣ оцѣнить геніяльнаго таланта маэстро. Самъ Веберъ поставилъ эту оперу на дрезденской сценѣ; онъ передалъ душу свою артистамъ, и до сихъ поръ душа его какъ бы паритъ надъ головами избранныхъ и вдохновенныхъ талантовъ, первенство между которыми, по всей справедливости, принадлежитъ Тихачеку.

Во время самаго представленія, ни одного звука, ни одного возгласа не раздавалось въ партерѣ, и только, по окончаніи нѣкоторыхъ арій, восторженное «браво!» произносилось въ полголоса, и снова тишина водворялась повсюду.

По выходѣ изъ оперы, я перешелъ площадь, погулялъ по Террасѣ, полюбовался на Эльбу, наѣлся мороженаго, намечтался досыта и возвратился въ гостинницу.

Проходя мимо столовой, я увидѣлъ Захара Ивановича, игравшаго со Степаномъ Степановичемъ въ преферансъ. Кругомъ стола стояло нѣсколько трактирныхъ слугъ, а рядомъ съ толстымъ землякомъ моимъ сидѣлъ Гайдуковъ. По краснымъ бѣлкамъ его не трудно было догадаться, что несчастный содержатель гостинницы имѣлъ и въ этотъ вечеръ, какъ во всѣ прочіе, несчастіе напиться.

— Здорово, почтеннѣйшій! воскликнулъ Захаръ Ивановичъ, протягивая мнѣ обѣ руки.

— Везетъ ли вамъ счастіе? спросилъ я у сосѣда.

— Какое счастіе! отвѣчалъ онъ. — Смотрите, что этотъ вампиръ написалъ на меня! прибавилъ землякъ, указывая на Выдрова, который, дѣйствительно, долженъ былъ походить на это фантастическое существо.

— Что за счастіе, что за счастіе! проговорилъ шепелявя Степанъ Степановичъ: это ли называютъ счастіемъ у добрыхъ людей?

— Мало небойсь! ненасытный ты этакой! перебилъ Захаръ Ивановичъ: добро бы разъ или два, а то, что сядешь съ нимъ, то и развязывай кошель; и, прахъ его знаетъ, какъ онъ это дѣлаетъ чтобы сдавать себѣ такія игры, отъ которыхъ не отвертишься никакимъ образомъ! Просто, способу нѣтъ! сами взгляните: ну, какъ не купить? шесть взятокъ на рукахъ; ну, куплю.

— И я куплю.

— Вотъ видите! вотъ видите! ну, куплю во второй разъ.

— И я во второй.

— Такъ куда же ни шло! куплю въ третій.

— Куплю и я.

— Провалъ тебя возьми! да нѣтъ! не уступлю же: покупаю.

— То есть въ червяхъ? спросилъ Выдровъ.

— Ну, въ червяхъ, такъ въ червяхъ.

— Купимъ и мы.

— Такъ вотъ же тебѣ, на семь, и провались ты! крикнулъ, побагровѣвъ, Захаръ Ивановичъ и стукнулъ кулакомъ объ столъ.

Выдровъ молча отодвинулъ отъ себя прикупку, которую землякъ не взялъ, а схватилъ обѣими руками, но, взглянувъ на карты, быстро швырнулъ ихъ только что не въ лице своему партнеру.

— Ѣшь ихъ самъ! воскликнулъ, задыхаясь, Захаръ Ивановичъ. — Вѣдь выбралъ, право, выбралъ!

— Зачѣмъ было покупать? пролепеталъ оробѣвшій Степанъ Степановичъ. — А купили, такъ, по правиламъ, надобно играть.

— По правиламъ! не тебѣ бы говорить про правила!

— Почему же?

— Потому что, потому что....

И землякъ замолчалъ.

Захаръ Ивановичъ былъ только вспыльчивъ, но не золъ, и замѣтно было, что ему самому дѣлалось досадно, когда языкъ его заходилъ слишкомъ далеко.

И въ эту минуту онъ вытеръ краснымъ клѣтчатымъ платкомъ глянцовитую свою лысину, понюхалъ табаку и, совершенно успокоившись, началъ улыбаться и шутить.

— Ну, ну, сказалъ онъ, разбирая свои карты: подсидѣлъ пріятель, признаюсь, лихо подсидѣлъ; я же тебя когда нибудь, погоди! Быть мнѣ безъ одной, какъ безъ шапки; нечего дѣлать! семь въ пикахъ.

— Вистъ, прошипѣлъ Выдровъ.

— Знаю, братъ, что вистъ!

И Захаръ Ивановичъ поставилъ два ремиза, перетасовалъ карты и сталъ сдавать.

— Вѣрите ли, почтеннѣйшій, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ: въ продолженіе цѣлаго вечера такіе все лѣзутъ алевузаны, что мочи нѣтъ; хоть не смотри!

Какъ ни забавна была игра моихъ пріятелей, но конца не предвидѣлось, и, пожелавъ обоимъ счастія, я отправился къ себѣ. Дорогой догналъ меня какой-то лакей, неуклюжій, неблаговидный, со свѣчкой въ рукахъ.

— Кто ты и что тебѣ нужно, голубчикъ? спросилъ я у него невольно по русски.

— Не извольте-съ безпокоиться: я Захара Иваныча. Пожалуйте ручку.

Трифонъ (ибо это былъ Трифонъ) принялся ловить мою руку.

— Не нужно, любезный; сдѣлай милость, не нужно! кричалъ я, стараясь увернуться отъ прикосновенія Трифона.

Мы вошли въ мой нумеръ, и услужливый слуга Захара Ивановича, поставивъ свѣчу на столъ, бросился было снимать съ меня сюртукъ. Я снова отскочилъ отъ него и объявилъ, что не хочу еще раздѣваться. Трифонъ отошелъ къ дверямъ, заложилъ одну руку за пазуху, другую за спину и принялъ позу сельскихъ приказчиковъ. Мнѣ совѣстно было прогнать его, и разговоръ начался.

— Весело ли тебѣ за границей, любезный? спросилъ я.

— Это какъ-съ барину угодно, отвѣчалъ онъ, переминаясь.

— Но я спрашиваю у тебя?

— А нашему брату-съ вездѣ хорошо, лишь бы баринъ былъ доволенъ!

— У тебя добрый баринъ?

— Ничего-съ; за такимъ бариномъ можно жить!

Я рѣшился его выпроводить.

— Спасибо, любезный, за трудъ и ступай себѣ съ Богомъ, сказалъ я, отворяя ему дверь.

— Ничего-съ, я постою.

— Но мнѣ, другъ мой, пора спать и тебѣ не мѣшаетъ отдохнуть.

— Не извольте безпокоиться, повторилъ онъ очень настойчиво.

— Можетъ быть, тебѣ нужно сказать мнѣ что нибудь?

Онъ началъ переминаться, перебирать пальцами, посматривать на потолокъ и дѣлать всѣ возможныя эволюціи.

— Говори, братецъ, скорѣй, прибавилъ я.

— Да я, то есть, милости вашей, началъ Трифонъ: не то чтобы, изволите видѣть, а просто, какъ отцу родному....

— Что же? говори, пожалуйста.

— Не знаю какъ доложить.

— Просто, безъ предисловій.

— Какъ же можно просто! сами посудить изволите-съ! слѣдъ ли нашему брату....

Я начиналъ сердиться, и Трифонъ это замѣтилъ.

— Не во гнѣвъ будь сказано милости вашей, продолжалъ онъ: а я, то есть, что угодно прикажите учинить надо мной....

— Въ чемъ ты, братецъ, можешь быть предо мной виноватъ?

— Помилуйте-съ! что баринъ мой, что ваша ми-

лость — все господа, и имъ, то есть, языкъ не пошевелится доложить. Дѣло не ученое: думаю, намалевано чемъ ни на есть; только дотронулся пальцемъ, ей Богу, пальцемъ!

Трифонъ состроилъ такую рожу, что я чуть не расхохотался.

Не трудно было догадаться, что онъ избралъ меня посредникомъ между бариномъ и виною своею, въ которой страхъ мѣшалъ ему сознаться. Я принудилъ его объяснить толкомъ, въ чемъ именно состоитъ его проступокъ. Оказалось, что бѣднякъ оцарапалъ дагерротипный портретъ, стоявшій на барскомъ столѣ. Окончивъ сознаніе, Трифонъ побѣжалъ за портретомъ и чрезъ минуту передалъ его мнѣ. Я ожидалъ увидѣть черты почтеннаго и толстаго земляка, но, вмѣсто ихъ, глазамъ моимъ представилась очаровательная головка молоденькой дѣвушки.

— Чей это портретъ? спросилъ я у Трифона.—Не уже ли дочери твоего барина?

— Никакъ нѣтъ-съ: молодая барыня... какъ же можно!... лучше не въ примѣръ-съ.

— Откуда же взялъ его Захаръ Иванычъ?

— Объ эвтомъ не могу доложить-съ; а только, вотъ изволите видѣть, прибавилъ Трифонъ, понизивъ голосъ и оглядываясь во всѣ стороны: портретъ этотъ баринъ мой очень любятъ и прятать изволятъ.

Я приказалъ Трифону отнести портретъ на прежнее мѣсто и обѣщалъ ему походатайствовать за него предъ бариномъ. Онъ опять было попытался поймать мою руку, но я, рѣшительно и разъ навсегда, запретилъ ему такого рода попытки и выпроводилъ его вонъ.

Я никакъ не могъ понять, какимъ образомъ портретъ посторонней хорошенькой женщины могъ нахо-

диться въ рукахъ Захара Ивановича. Если бы красавица принадлежала къ родственному кругу сосѣда, Трифонъ не могъ бы не знать ея. Потомъ, для чего было бы земляку прятать портретъ и возить его съ собой? Во всемъ этомъ крылась тайна, которую я рѣшился разъяснить, и, въ ожиданіи Захара Ивановича, составилъ планъ атаки. Казалось, сама судьба летѣла мнѣ на помощь. Прежде чѣмъ я легъ спать, сосѣдъ постучался ко мнѣ. Я выбѣжалъ къ нему навстрѣчу.

— Вообразите себѣ, почтеннѣйшій: вѣдь Степанъ проигрался ужасно! сказалъ мнѣ землякъ, расхохотавшись во все горло.

— Поздравляю отъ всей души.

— Послушайте-ка: этого мало; отгадайте-ка, сколько онъ проигралъ.... Ну, скажите, примѣрно, сколько?

— Призовъ двѣсти?

— Триста пятьдесятъ, батюшка! Каково? продолжалъ Захаръ Ивановичъ: триста пятьдесятъ чистыхъ, да смаралъ весь выигрышъ. Задалъ же я ему пфеферу.... И по дѣломъ скрягѣ!... А сначала-то везло какое счастіе; а?

— Прекрасно, сосѣдъ! я отъ души желаю, чтобы торжество ваше повторялось почаще. Но на чемъ бы посадить мнѣ васъ? нѣтъ ни однихъ покойныхъ креселъ!

— Не тревожьтесь: нѣмцы отучили меня отъ спокойствія. Въ первое время, признаться, было какъ-то не ловко, а теперь, на что хотите сяду. Къ тому же и въ моемъ нумерѣ аккуратъ такая же мебель.

— А у васъ вамъ все таки было бы покойнѣе, сказалъ я сосѣду.

— Увѣряю васъ, почтеннѣйшій, все равно.

— Ежели же все равно, такъ я рѣшительно иду къ вамъ. Впрочемъ, прибавилъ я: можетъ быть нельзя.

— Какъ нельзя! отчего нельзя? спросилъ Захаръ Ивановичъ: что вы полагаете?

— Ничего особеннаго, а все таки....

И я погрозилъ сосѣду пальцемъ.

Сосѣдъ расхохотался, покачалъ головою и, желая доказать, что предположенія мои неосновательны, пригласилъ меня въ свой нумеръ.

Нумеръ Захара Ивановича дѣйствительно былъ точно такой же, какъ мой: съ двумя окнами, съ одною печью, съ тремя дверьми, изъ которыхъ двѣ были заперты, съ комодомъ, диваномъ, стульями изъ краснаго дерева и дубовою кроватью. Разница состояла въ убранствѣ. У меня былъ одинъ чемоданъ, и тотъ небольшой, а у Захара Ивановича четыре. Сверхъ того, у Захара Ивановича висѣли на стѣнѣ: яргакъ изъ жеребячихъ шкурокъ, тулупъ на заячьемъ мѣху, камлотовая шинель съ длиннымъ, полинявшимъ воротникомъ, и теплая бекешь съ высокой таліей. У Захара Ивановича, на ломберномъ столѣ, разставлены были симметрически разныя вещи, какъ-то: зеркальце, три лукутинскія табакерки, фаянсовая бритвенница; рядомъ съ нею лежали общипанная кисточка, пара сточенныхъ до нельзя бритвъ, въ костяныхъ черенкахъ, тульскій толстенькій ножичекъ съ крючкомъ, уховерткой, зубочисткой, пилкой и штопоромъ, желѣзная печать съ изображеніемъ герба Захара Ивановича и, наконецъ, кинжалъ въ малиновыхъ полубархатныхъ ножнахъ. На окнахъ стояли два жасминные чубука съ сургучными оконечностями, и жестяной ящикъ, заключавшій въ себѣ нѣкогда сардинки, а въ настоящее время насыпанный золою, которою Захаръ Ивановичъ чиститъ себѣ зубы.

Увы! ничего этого у меня въ нумерѣ не было! «Но гдѣ же портретъ?» подумалъ я и взглядомъ вопросилъ

Трифона. Трифонъ указалъ подбородкомъ за зеркальце. Я заглянулъ и успокоился.

Захаръ Ивановичъ сдвинулъ было двое креселъ, но я рѣшительно объявилъ, что уйду къ себѣ, ежели сосѣдъ не надѣнетъ ситцеваго халата и не ляжетъ на ситцевое стеганое одѣяло.

Землякъ пожеманился, но кончилъ тѣмъ, что разоблачился до холстинковой розовой рубашки, и съ наслажденіемъ возлегъ на постель.

Приказавъ набить трубки, до которыхъ, конечно, я не коснулся, онъ выслалъ Трифона, и мы остались вдвоемъ.

Захаръ Ивановичъ завелъ рѣчь о своемъ путешествіи. Разбранивъ всѣ націи и всѣ земли, которыя удалось ему видѣть, онъ коснулся желѣзныхъ дорогъ. Сосѣдъ находилъ ихъ безполезными.

— Къ чему онѣ? говорилъ Захаръ Ивановичъ: какую пользу приносятъ онѣ государству? не явное ли это баловство, и сколько народу, вмѣсто того, чтобъ заниматься дѣломъ, то и дѣло что шныряютъ изъ одного города въ другой?

— Вѣроятно, не безъ цѣли, замѣтилъ я.

Сосѣдъ пожалъ плечами и посмотрѣлъ на меня съ сожалѣніемъ.

— Не безъ цѣли! повторилъ онъ: желалъ бы знать, какая можетъ быть эта цѣль.

— Главная цѣль — торговля.

— Торговля! завопилъ, почти съ сердцемъ, землякъ: тѣмъ хуже, потому что торговля сущій обманъ и больше ничего. Для торговли есть города, а въ городахъ гостиные дворы, лавки: нужно что купить — пошлешь кого; а эти всѣ, что таскаются съ ящиками, съ коробками — мошенники, плуты. Хоть бы и наши разносчики....

я у васъ спрашиваю: что у нихъ есть путнаго? а ломятъ за всякую дрянь такую цѣну, что и приступу нѣтъ.

Сосѣдъ понесъ такую чепуху, которую безъ смѣха я въ другое время, признаюсь, никакъ не могъ бы слушать; но я думалъ о портретѣ и, соглашаясь во всемъ съ сосѣдомъ, постепенно подвигался къ столу.

Наконецъ рука моя коснулась одной изъ лукутинскихъ табакерокъ, съ изображеніемъ купающейся нимфы. Я похвалилъ нимфу и спросилъ о цѣнѣ.

Захаръ Ивановичъ, продолжая нести всякій вздоръ, протянулъ руку за табакеркою, которую я передалъ ему, а самъ взялся за другую. На другой изображена была прерозовая женщина, распростертая на постели. Захаръ Ивановичъ взялъ и ее. Оставались третья табакерка и зеркало. Я предпочелъ зеркало, взялъ его и сталъ въ него смотрѣться.

Землякъ, ожидавшій, вѣроятно, послѣдняго рисунка, положилъ розовую женщину рядомъ съ нимфою и снова протянулъ руку. На этотъ разъ я передалъ зеркальце и схватился за портретъ.

Помня таинственный разсказъ Трифона, я ожидалъ, что землякъ вскочитъ съ постели и, конечно, бросится и на меня и на портретъ. Ничего не бывало! Захаръ Ивановичъ не шевельнулся и продолжалъ смотрѣть на меня съ улыбкою.

— Что это за портретъ? спросилъ я.

— А что, хорошъ?

— Не дуренъ.

— Оригиналъ лучше во сто кратъ.

— Не можетъ быть.

— Право, лучше, сказалъ сосѣдъ.

Кто же не знаетъ, что дагерротипъ никогда не льститъ женщинамъ! но этотъ портретъ былъ такъ хо-

рошъ, что быть лучше мнѣ казалось дѣломъ невозможнымъ.

— И вы знакомы съ оригиналомъ? продолжалъ я.

— Знакомъ ли? надѣюсь, что знакомъ.

Сосѣдъ проговорилъ эту фразу тономъ побѣдителя. Мнѣ стало досадно.

— Знаете ли, сосѣдушка, слушая васъ, можно подумать, что женщина эта въ довольно короткихъ съ вами сношеніяхъ.

— Можетъ быть и такъ.

— Что же вы хотите этимъ сказать?

— То, что люблю эту женщину.

— Объ этомъ я не спорю.

— И она меня любитъ, прибавилъ сосѣдъ.

— Какъ отца, согласенъ.

— Нѣтъ, не такъ какъ отца, а какъ жениха; вотъ это такъ, потому что она моя невѣста.

Послѣдняя фраза до того поразила меня, что я не нашелъ словъ, чтобы отвѣчать сосѣду. По глазамъ его, по голосу, нельзя было сомнѣваться въ истинѣ.

— Ну, скажите по совѣсти, почтеннѣйшій, вѣдь вамъ странно показалось, что человѣкъ моихъ лѣтъ, только что овдовѣвшій, отецъ пяти взрослыхъ и замужнихъ дочерей, помышляетъ о женитьбѣ.

— Признаюсь, Захаръ Иванычъ, слова ваши мнѣ, дѣйствительно, кажутся шуткою.

— Вотъ то-то и есть, что обстоятельствъ-то моихъ вы не знаете, сказалъ съ глубокимъ вздохомъ сосѣдъ.— Разумѣется, всякому другому я говорить бы о нихъ не сталъ, а васъ я полюбилъ съ перваго взгляда и готовъ, такъ сказать, открыть душу.

Я былъ какъ на иголкахъ.

— Конечно, по наружности судя, продолжалъ онъ: у

меня домъ полная чаша, скота вдоволь, лошади, могу похвастаться, равныхъ въ уѣздѣ не найдешь, и строеніе порядочное и садъ хоть куда.... Словомъ сказать, я какъ жилъ при покойницѣ женѣ, дай Богъ ей царствіе небесное, такъ живу и теперь. А имѣніе-то, вѣдь, почтеннѣйшій, все ея; такъ, пока дочерей не выдалъ замужъ, бывало, смотришь, въ годъ и наберется тысченокъ двадцать, двадцать пять.... по нашимъ краямъ слишкомъ достаточно. Ну, дочери стали выходить замужъ, а въ прошломъ году и къ послѣдней подвернулся женихъ. Онъ и незавидный, правда, такъ, свищъ. «Нѣтъ, говоритъ, папенька, не хочу оставаться въ дѣвкахъ.» Нечего дѣлать, пожался, пожался, да и выдалъ. Смотрю, анъ плохо.

Я слушалъ земляка, никакъ не понимая, къ чему клонилась его рѣчь.

— Надобно же вамъ сказать, продолжалъ Захаръ Ивановичъ: что есть у меня страстишка, въ которой винюсь предъ вами, и страсть эту, какъ ни старался я превозмочь, не могъ никакъ. Что дѣлать! кто предъ Богомъ не грѣшенъ!

Сосѣдъ вторично вздохнулъ.

«Наконецъ, подумалъ я: вѣрно страсть къ этой дѣвушкѣ.»

— Живали вы когда въ деревнѣ? спросилъ меня Захаръ Ивановичъ.

— Живалъ.

— А долго ли?

— Случалось жить и долго.

— Однакожь, какъ?

— По нѣскольку мѣсяцевъ.

— А не сорокъ лѣтъ сряду?

— Нѣтъ, сорока лѣтъ не случалось.

— То-то же, почтеннѣйшій! такъ вы не знаете что значитъ деревенская жизнь. Нешто первые годы: жена молодая, устройство дома, садъ и прочія затѣи, все это беретъ время и занимаетъ. Завелъ было я домашній оркестръ; ну, признаюсь, прелесть что за музыка! Бывало, даетъ ли балъ дворянство — гдѣ взять музыкантовъ? у Захара Иваныча! Имянины ли у городничаго, у предводителя.... или пріѣдутъ въ городъ комедіянты — опять таки къ Захару Иванычу.... и самолюбію, знаете, льстило. Съ другой стороны, быть первымъ въ околоткѣ—также не дурно! Да въ домѣ ткались ковры! Только мальчишки-то, музыканты мои, какъ выросли, такъ надѣлали такихъ хлопотъ, что хоть вонъ бѣги. Я оркестръ по боку.

— Слѣдовательно, страсть, въ которой вы хотѣли повиниться, была не страсть къ музыкѣ?

— Какая тутъ музыка! отвѣчалъ сосѣдъ: Богъ съ нею! Стоитъ она чтобъ порядочные люди имѣли къ ней страсть! Нѣтъ, батюшка, не къ музыкѣ, а къ собачкамъ (Захаръ Ивановичъ щелкнулъ языкомъ и въ тоже время пальцами); вотъ къ нимъ-то, голубушкамъ, у меня, признаться, такая страстишка, что хоть умирай. Да что съ вами говорить! вѣдь вы и не поймете.

— Почему жь? Я самъ люблю охоту.

— Не знаю я развѣ, какъ ваша братья охотятся! Небось по аглицки, на бекасиковъ, да на всякую мелочь; съ ружейцемъ — тибо, да адретъ! (Землякъ скорчилъ прежалкую физіономію). Былъ у меня пріятель, продолжалъ онъ: такой же франтъ, какъ вы; вотъ разъ онъ и говоритъ мнѣ: попробуй, братъ, такъ и слюбится. Я и послушалъ—что жь вышло? Протаскалъ онъ меня, только что не цѣлыя сутки, по такому болоту, что я и сапоги-то

тамъ оставилъ, а въ довершеніе всего, Богъ его знаетъ, принялъ ли онъ меня за бекаса, или за какую другую птицу, только и до сей минуты я, по его милости, ношу съ ползаряда мелкой дроби въ лѣвомъ боку.... И это вы называете охотиться? Хороша охота, нечего сказать! Нѣтъ, сударь, по нашенски, какъ снимутъ хлѣбъ, да запахнетъ на дворѣ русакомъ, чуть зоричка — накормишь собакъ, да осѣдлаешь коней, выпьешь чарку водки, да и маршъ въ отъѣзжее, мѣсяца на три... вотъ это охота!

Глаза земляка разгорѣлись какъ уголья и щеки запылали. И чего бы не далъ Захаръ Ивановичъ въ эту минуту за свои родныя поля, за пеструю стаю гончихъ и за сѣрый денекъ нашей русской осени!

— Надоѣлъ я вамъ, почтеннѣйшій? спросилъ меня, послѣ нѣкотораго молчанія, сосѣдъ.

— Не только не надоѣли, но я слушаю васъ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что самъ страстно люблю всякаго рода охоту, преимущественно псовую.

— Вы страстно любите? вы? воскликнулъ съ восторгомъ Захаръ Ивановичъ: не можетъ быть!

— Увѣряю васъ.

— Такъ вы постигаете то наслажденіе, которое чувствуешь, когда, послѣ долгаго ожиданія, вдругъ, гдѣ нибудь въ большомъ острову, отзовется сначала одна гончая, а за ней закипитъ и зальется вся стая, и ты, сломя голову, скачешь на перелазъ и видишь какъ крадется косой по опушкѣ — вотъ выскочилъ на поляну, выставилъ ухо и слушаетъ, а стая на хвосту; «шалишь, братъ, не высидишь!» а борзыя-то, борзыя... Ну, понимаете ли теперь, почему я женюсь?

— Нѣтъ, не понимаю.

Захаръ Ивановичъ всталъ съ постели, подошелъ къ

дверямъ, заглянулъ въ корридоръ и, возвратясь на прежнее мѣсто, усѣлся такъ близко ко мнѣ, что я долженъ былъ отодвинуться.

— У нея, сударь мой, триста пятьдесятъ душъ родовыхъ, да чистаганчикомъ наберется тысченокъ около сотенки; въ то время какъ у меня: фу, фу, фу! Вотъ что-съ! прибавилъ землякъ, взявшись за бока и раскачиваясь на стулѣ.

Слушая его, я сталъ понимать еще меньше. Дѣвушкѣ съ независимымъ состояніемъ, красотой и молодостію, рѣшиться избрать человѣка подобнаго Захару Ивановичу, казалось мнѣ не только сумасшествіемъ, но, даже, дѣломъ непостижимымъ. За что же такое чудо совершается для Захара Ивановича, а не для другаго, достойнѣйшаго? За что же судьба, надѣляя, къ несчастію слишкомъ рѣдко, свои созданія тѣми наружными совершенствами, которыя отражались на не лживомъ дагерротипномъ портретѣ, и совершенствами, почти всегда соотвѣтствующими внутреннимъ достоинствамъ, не начертаетъ избраннымъ своимъ путей достойнѣйшихъ? Не уже ли такое прекрасное созданіе пройдетъ жизнь незамѣченнымъ, неоцѣненнымъ? Сколько людей заплатили бы кровью за счастіе обладать подобнымъ сокровищемъ! Многіе бросили бы къ стопамъ ея груды золота, раздѣлили бы съ нею и блестящія имена, и значеніе въ свѣтѣ, и почести! Нѣтъ, вопреки русской пословицѣ: судьба хуже индѣйки, говорилъ я самъ себѣ: судьба — лотерея. Тутъ я невольно вспомнилъ о петербургскомъ трактирномъ маркерѣ, выигравшемъ въ польской лотереѣ девятьсотъ тысячь злотыхъ. Маркеръ сначала заболѣлъ отъ радости, а выздоровѣвъ, нанялъ, въ томъ же трактирѣ, грязную каюту, и продолжалъ проводить всѣ дни свои въ бильярдной, считая очки, не по обязанно-

сти, а изъ удовольствія. Вотъ то наслажденіе, которое извлекъ маркеръ изъ посланнаго ему судьбой сокровища!

— Въ половинѣ сентября, продолжалъ сосѣдъ: окончится моей покойницѣ ровно полгода. До того времени мы полечимся на водахъ, а въ октябрѣ — веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.

— Вамъ лечиться на водахъ? Смотрите, Захаръ Ивановичъ, чтобъ не случилось того, что въ Теплицѣ.

— Кто вамъ говоритъ про меня! Не мнѣ, а ей, отъ затвердѣнія, что ли, велѣли лекаря попить карлсбадской воды.

— Вашей невѣстѣ? спросилъ я.

— Ну, да, невѣстѣ.

— И она будетъ сюда?

— Развѣ на возвратномъ пути; теперь же самое время леченія, и врядъ ли она выѣдетъ изъ Карлсбада до половины августа.

— Но гдѣ же невѣста ваша?

— Говорю вамъ: въ Карлсбадѣ, отвѣчалъ сосѣдъ: тьфу какой разсѣянный! Толкую ему тысячу разъ одно и тоже, а онъ думаетъ о другомъ и удивляется, что ничего не слышитъ! Говорятъ вамъ, что она пробудетъ тамъ до пятнадцатаго августа; ну, понялъ ли? Сосѣдъ засмѣялся.

— Не понимаю.

— Опять не понимаете?

— Конечно, не понимаю, какъ вы можете таскаться по Теплицу и Дрездену, когда невѣста ваша въ Карлсбадѣ. Да я на вашемъ мѣстѣ пѣшкомъ бы побѣжалъ къ ней.... Ну, что вы тутъ дѣлаете?

Захаръ Ивановичъ хохоталъ, продолжая качаться на стулѣ, потомъ, какъ бы очнувшись, вдругъ спросилъ меня: хочу ли ѣхать съ нимъ вмѣстѣ?

— Куда?

— Въ Карлсбадъ.

— Вы смѣетесь?

— Ни мало.

— А если бъ я согласился?

— Такъ ѣдемте.

— Когда?

— Завтра.

— Вы меня дурачите, сосѣдъ.

— Ни чуть! сей часъ же посылаю прописать паспортъ, расплачусь съ Гайдуковымъ, и къ вашимъ услугамъ.

Если бы дѣло шло не о невѣстѣ Захара Ивановича, я бы, кажется, задушилъ его отъ радости; но, понимая, что изліяніе чувствъ моихъ могло только повредить моимъ планамъ, я просто изъявилъ согласіе на желаніе сосѣда, представивъ, впрочемъ, предварительно, съ полдюжины пустыхъ невозможностей.

Мы разстались въ восхищеніи другъ отъ друга. Онъ неоднократно заключалъ меня въ свои жаркія объятія, смѣялся и жалъ мнѣ руку; я былъ по наружности холоденъ, за то въ душѣ радовался какъ ребенокъ.

Вся ночь прошла въ самыхъ заманчивыхъ мечтахъ и сновидѣніяхъ. Сколько разъ въ продолженіе этой чудной ночи дагерротипный портретъ красавицы, мгновенно оживляясь, начиналъ мнѣ улыбаться! Сколько разъ, выходя изъ сѣрыхъ бумажныхъ рамокъ портрета, невѣста Захара Ивановича являлась предо мной во всей роскоши живаго прелестнаго существа, съ глазами полными страсти! Я трепетно протягивалъ къ ней руки и билъ ими немилосердо то объ стѣну, то объ дверь; просыпаясь же переходилъ къ разсужденіямъ, которыя — увы! — клонились далеко не къ спокойствію и не къ счастію новаго друга моего, Захара Ивановича.

*

Настало утро, и, часу въ восьмомъ, я почувствовалъ что кто-то коснулся моего плеча. Открываю глаза — предо мной горничная.

— Какой-то пожилой господинъ желаетъ говорить съ вами, сказала она мнѣ, показывая на дверь.

Я накинулъ на себя халатъ, соскочилъ съ постели и приказалъ просить.

Въ комнату вошелъ чопорный старичекъ, бѣлый какъ лунь, въ широкомъ фракѣ стариннаго покроя, и въ бѣломъ галстухѣ, съ пребольшимъ жабо. Онъ на нѣмецкомъ языкѣ извинился, что безпокоитъ меня такъ рано, но дѣло, о которомъ имѣлъ онъ переговорить со мной, было, по его мнѣнію, такъ важно, что онъ могъ позволить себѣ такого рода невѣжливость.

Я пододвинулъ гостю кресла и просилъ его сѣсть. Старикъ дождался выхода горничной, пристально посмотрѣлъ на меня и началъ рѣчь свою, какъ съ каѳедры

— Вы русскій? сказалъ онъ.

— Точно такъ.

— Вы благородный человѣкъ, а сдѣлали ужасное дѣло, проговорилъ старикъ.

Я посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Да, ужасное, повторилъ онъ: и это дѣло, которое для васъ, конечно, шутка, повергло въ отчаяніе честное и доброе семейство.

Любопытство мое дошло до высшей степени. Я хотѣлъ по крайней мѣрѣ узнать, въ чемъ состоялъ проступокъ мой и кого привелъ я въ отчаяніе, но старикъ не далъ мнѣ опомниться и продолжалъ:

— Въ отчаяніе, говорю я, потому что глаза мои не смыкались съ тѣхъ поръ, а бѣдная жена не переставала плакать!

Гость ораторъ возвелъ и взоръ и руки къ потолку.

— И вы увѣрены, что причиной всѣхъ этихъ несчастій я? спросилъ я.

— Увѣренъ ли? повторилъ старикъ: зачѣмъ же было бы мнѣ приходить сюда?... Къ тому же, онъ никогда не лгалъ, мое бѣдное дитя!

— Ваше дитя?

— Да, мой сынъ, единственный сынъ, моя надежда, мое утѣшеніе, или, точнѣе, наше утѣшеніе, потому что у него есть и мать, нѣжная мать.

— Позвольте, однако же, спросить, съ кѣмъ я имѣю честь говорить въ эту минуту? перебилъ я, вставая.

Я былъ увѣренъ, что гость мой ошибся дверью, и драма начинала мнѣ надоѣдать.

— Я Христіанъ Зельферъ, отвѣчалъ старикъ.

— Какъ? отецъ Александра Фридриха Зельфера?

— Къ несчастію, да!

— Я видѣлъ сына вашего вчера.

— Его привезли ко мнѣ отъ васъ въ отчаянномъ положеніи: онъ былъ пьянъ.

— Отъ нѣсколькихъ стакановъ шампанскаго! воскликнулъ я съ удивленіемъ.

— Отъ нѣсколькихъ стакановъ? повторилъ съ ужасомъ старикъ: и въ дитя мое влили нѣсколько стакановъ!

— Не влили, а онъ выпилъ ихъ съ однимъ изъ моихъ соотечественниковъ.

— Съ извергомъ, съ злодѣемъ, съ искусителемъ, съ развратителемъ юношей, существъ неопытныхъ! И вы говорите объ этомъ, милостивый государь, съ такимъ убійственнымъ хладнокровіемъ? И вы смотрите на все это равнодушно?

Старикъ заплакалъ.

Какъ ни забавно странны казались мнѣ въ эту мину-

ту саксонскіе патріархальные нравы, тѣмъ не менѣе старикъ заслуживалъ полнаго участія, потому что слова и слезы его были искренни. Чувствуя то, что говорилъ, онъ не могъ не страдать ужасно. Онъ привыкъ видѣть въ единственномъ, сорокапятилѣтнемъ сынѣ послушнаго и невиннаго юношу, и потому первая шалость, первый проступокъ этого сына должны были, несомнѣнно, поразить какъ умъ, такъ и сердце родителя. Я употребилъ всѣ средства, чтобъ успокоить стараго Зельфера: увѣрялъ его, что случай этотъ не можетъ имѣть для дѣтища его никакихъ дурныхъ послѣдствій, что пріятель мой, не только не имѣлъ намѣренія сдѣлать дурное дѣло, но, видя въ первый разъ молодаго человѣка, хотѣлъ, по русскому обычаю, угостить его.

— Но вы не знаете главнаго моего несчастія, перебилъ дрожащимъ голосомъ старикъ: вы не знаете, что Александръ, который, какъ я уже вамъ сказалъ, никогда не лжетъ, сознался мнѣ, отцу, что ему понравилось шампанское, и что опьяненіе очень пріятное чувство! Онъ прибавилъ, представьте себѣ! что врядъ ли откажется и въ другой разъ отъ подобной продѣлки, и во всемъ этомъ признается сынъ мой чистосердечно! Послалъ же на меня Богъ такое несчастіе!

Старикъ снова залился слезами.

Я не имѣлъ еще времени ничего придумать для успокоенія Зельфера, какъ дверь изъ корридора распахнулась и на порогѣ показалась монументальная фигура Захара Ивановича. Онъ былъ въ своемъ ситцевомъ халатѣ, въ торжковскихъ, шитыхъ золотомъ сапогахъ и въ голубой, полубархатной, обдѣланной бисеромъ шапочкѣ; въ рукахъ держалъ онъ одинъ изъ знакомыхъ мнѣ жасминныхъ чубуковъ съ перышкомъ. При появленіи Захара Ивановича, старый Зельферъ утеръ поспѣшно гла-

за, медленно привсталъ и поклонился. Землякъ отвѣчалъ на поклонъ легкимъ наклоненіемъ головы и спросилъ у меня прегромко, кто этотъ антикъ. Я назвалъ гостя, надѣясь, однако же, что землякъ не вспомнитъ сына и избавитъ тѣмъ меня отъ возобновленія драмы. Но не тутъ-то было: едва я произнесъ имя старика, какъ лице Захара Ивановича оживилось радостію.

— Ба! закричалъ онъ: ужь не отецъ ли этотъ вчерашняго?...

И, не давъ мнѣ произнести ни одного слова, сосѣдъ обратился къ старику.

— Иръ зонъ тринкенъ гутъ, зеръ гутъ! сказалъ Захаръ Ивановичъ, трепля гостя по плечу.

Зельферъ сначала не совсѣмъ понялъ, но сосѣдъ знаками и словами добился таки того, что старикъ догадался съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и брови его начали сдвигаться.

Предвидя послѣдствія несчастной встрѣчи раздраженнаго отца съ искусителемъ сына, я почелъ за лучшее предоставить имъ все поле сраженія и вышелъ вонъ изъ комнаты, затворивъ за собой дверь.

Прохаживаясь скорыми шагами по длиннымъ корридорамъ гостинницы, я съ безпокойствомъ поглядывалъ въ ту сторону, откуда, по мнѣнію моему, долженъ былъ или раздаться крикъ, или появиться одинъ изъ гостей моихъ. Прошло съ четверть часа, но крику не раздавалось и никто не появлялся. Я подозвалъ горничную и просилъ ее взглянуть, что дѣлается въ моемъ нумерѣ. Возвратясь, она объявила, что толстый русскій объясняетъ что-то старику нѣмцу и оба смѣются. Не повѣривъ горничной, я самъ пошелъ, желая лично удостовѣриться въ справедливости словъ ея. Дѣйствительно, я засталъ обоихъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Сосѣдъ махалъ руками и, примѣшивая къ цѣлымъ рус-

скимъ фразамъ нѣмецкія слова, разсказывалъ что-то Зельферу на такомъ нарѣчіи, которое опредѣлить было крайне трудно; въ свою очередь, старикъ мѣрными наклоненіями головы показывалъ, что понимаетъ, и улыбался. «Что за чудо!» подумалъ я и сталъ вслушиваться: рѣчь шла о преимуществѣ малороссійскихъ суконъ передъ англійскими.

— Другъ вашъ прелюбезный и превеселый человѣкъ, сказалъ мнѣ старикъ, когда землякъ кончилъ свой разсказъ. Объясните ему, пожалуйста, по русски, что я ему крайне обязанъ.

Я посмотрѣлъ на Зельфера съ удивленіемъ.

— Какимъ чудомъ превратили вы, сосѣдушка, родительскій гнѣвъ въ благодарность? спросилъ я у земляка.

— Какой гнѣвъ?

Вмѣсто отвѣта я передалъ сосѣду, со всѣми подробностями, предыдущую сцену мою со старикомъ.

— Да вѣдь [redacted]нѣ, почтеннѣйшій, крайне досаденъ этотъ случай, сказалъ землякъ: знай я только, что сынъ его не пьетъ вина, сталъ ли бы я настаивать? Господь съ нимъ! Да кому же, посудите сами, войдетъ въ голову, что есть на свѣтѣ такая страна, въ которой пятидесятилѣтнихъ малыхъ водятъ на помочахъ и только что не кормятъ грудью? Забавно, въ самомъ дѣлѣ! не смѣй и поднести рюмки вина такому дитяти... Ай да народецъ! Впрочемъ, это ничего.

— Какъ ничего?

— Ничего, повторилъ Захаръ Ивановичъ: я научилъ старика самому простому средству предохранить дитятко его отъ пьянства.

— А въ чемъ состоитъ этотъ способъ?

— Въ совершенныхъ пустякахъ, въ такомъ вздорѣ, что право смѣшно: надобно взять рюмку водки или

вина и впустить въ нее три капли крови слѣпаго котенка.

— Что? спросилъ я, принимая слова сосѣда за шутку.

— Надобно взять рюмку водки или вина, повторилъ серьезно сосѣдъ: и, впустя въ нее три капли крови слѣпаго котенка, дать выпить.

— И этотъ способъ успокоилъ старика?

— Совершенно. Да какъ же иначе? я, по крайней мѣрѣ, никогда другаго средства не употреблялъ съ пьяницами.

— Вашъ способъ удавался вамъ?

— То есть, какъ вамъ сказать, не то чтобы каждый разъ, а удавался таки!

Не желая поселить сомнѣнія въ отцѣ юнаго Зельфера, Захаръ Ивановичъ произнесъ послѣднія слова въ полголоса. Какъ ни нелѣпъ былъ способъ земляка, но способъ этотъ уничтожилъ до основанія всѣ безпокойства въ сердцѣ нѣжнаго родителя Александра-Фридриха, слѣдовательно и возвратилъ семейству его утраченное имъ счастіе. Старикъ просидѣлъ у меня съ полчаса, разстался съ нами какъ съ друзьями, а мы съ сосѣдомъ принялись за укладку нашихъ чемодановъ и за всѣ приготовленія къ отъѣзду въ Карлсбадъ.

Рѣшившись отправиться изъ Дрездена съ вечернимъ поѣздомъ по желѣзной дорогѣ, мы заказали обѣдъ къ тремъ часамъ и пригласили раздѣлить его съ нами Степана Степановича Выдрова.

Все утро прошло въ хлопотахъ, а въ три часа я вошелъ въ столовую. Въ ней ожидала меня новая сцена, ни мало, впрочемъ, не похожая на утреннюю. У накрытаго стола смирно сидѣлъ блѣдный, желтый и трепещущій какъ листъ Выдровъ. Захаръ же Ивановичъ расхажи-

валъ по залѣ съ такою скоростью, въ такомъ гнѣвѣ, и съ такимъ багровымъ лицемъ, какого я еще не видывалъ на сосѣдѣ. У окна стоялъ Гайдуковъ, а поодаль отъ Гайдукова вся мужская и женская прислуга гостинницы.

— Что это съ вами? спросилъ я съ безпокойствомъ у сосѣда.

— Разбой и больше ничего! отвѣчалъ, продолжая ходить, Захаръ Ивановичъ.

— Но объясните наконецъ, въ чемъ дѣло?

— А вотъ, взгляните-ка на счетъ, сказалъ Захаръ Ивановичъ, передавая мнѣ предлинный кусокъ бумаги, исписанный очень мелко.

— Сорокъ три талера въ три дня? это много, сказалъ я, взглянувъ на итогъ.

— Обыкновенная цѣна всему, повѣрьте, замѣтилъ униженно Гайдуковъ.

— Дѣло не въ сорока трехъ талерахъ и не въ цѣнѣ, перебилъ, пыхтя, Захаръ Ивановичъ: кому какое дѣло до того, что я много истратилъ или мало! а курьезно заплатить за ночлегъ Трифона по два талера въ сутки, и за столъ его столько же.... Вотъ что курьезно, такъ курьезно!

— Какъ за ночлегъ? воскликнулъ я.

— Такъ! взгляните на счетъ. Ну, видите: 27-го за нумеръ, то есть мой, полтора талера, за нумеръ слуги два и селедка, селедка, селедка и раки, ему же — полтора талера; 28-го мой нумеръ полтора, за нумеръ слуги два талера, селедка, селедка, селедка и раки — полтора; 29-го за мой нумеръ полтора, за нумеръ слуги два, селедка, селедка, селедка и раки — полтора; 30-го.... сегодня ночлега, правда, не было, за то была селедка, селедка, то есть, прибавь еще селедку и раки — и опять

полтора.... Каково? спросилъ сосѣдъ, бросая счетъ на полъ. — Ну, я у васъ спрашиваю, каково?

— Помилуйте, моя ли вина ежели вамъ угодно было помѣстить слугу вашего въ большомъ нумерѣ, что противъ лѣстницы? сказалъ Гайдуковъ.

— И ты смѣешь еще оправдываться?

— Я не оправдываюсь, а только докладываю вамъ, что въ первую ночь онъ приказалъ именемъ вашимъ пустить его въ пустой нумеръ, а нумеръ ходитъ по два талера въ сутки, всѣмъ извѣстно, прибавилъ Гайдуковъ, показывая на прислугу. Что же касается до кушанья, такъ это была ваша воля, и вы лично изволили мнѣ приказать отпускать ему преимущественно русскія кушанья; а коли такъ, то что же можетъ быть лучше, какъ не селедочка-съ и раки.

Послѣднія слова произнесъ Гайдуковъ шуточнымъ тономъ.

Я невольно вспомнилъ полуночный разговоръ сосѣда моего съ Трифономъ, и чуть не лопнулъ со смѣху. Гайдуковъ былъ не совсѣмъ не правъ, потому что я дѣйствительно слышалъ какъ Трифонъ изъяснялъ барину о своемъ намѣреніи попроситься въ пустой нумеръ, на что Захаръ Ивановичъ, хотя и не отвѣчалъ утвердительно, но и не сказалъ «нѣтъ». Полагаю, что и землякъ припомнилъ это обстоятельство, потому что, не отвѣчая на объясненія Гайдукова, онъ съ сердцемъ вынулъ изъ кармана длинный кожаный мѣшокъ, досталъ изъ него горсть золотыхъ монетъ и отсчиталъ, сколько слѣдовало по счету.

Гайдуковъ взялъ золото и пустился было любезничать, но Захаръ Ивановичъ топнулъ ногой и указалъ на дверь.

Почтенный хозяинъ гостинницы не заставилъ по-

вторить нѣмаго приказанія и вышелъ изъ столовой, склонивъ почтительно голову передъ справедливымъ гнѣвомъ грознаго земляка.

Захаръ Ивановичъ предложилъ своего Трифона въ сопутники Выдрову, который, пользуясь благопріятными обстоятельствами, не отказался, но упомянулъ о дорожныхъ издержкахъ на возвратномъ пути, оцѣняя ихъ приблизительно во сто пятьдесятъ франковъ. На это сосѣдъ отвѣчалъ восемью золотыми, и тѣмъ кончился прощальный обѣдъ нашъ въ Дрезденѣ.

Въ пять часовъ пополудни, кондукторъ желѣзной дороги протрубилъ сигналъ къ отъѣзду, и мы покатили въ Лейпцигъ. Въ продолженіе всего переѣзда, Захаръ Ивановичъ, находясь еще подъ вліяніемъ гайдуковскаго счета, не промолвилъ ни одного слова. Мы переночевали въ лучшей гостинницѣ, а на другой день я показалъ земляку все, что было замѣчательнаго въ городѣ. Между прочимъ, въ Лейпцигѣ есть садъ, чрезъ который протекаетъ Эльстеръ. Въ этой рѣчкѣ, какъ всѣмъ извѣстно, утонулъ графъ Понятовскій, котораго сѣдло, стремя и шпоры показываютъ посѣтителямъ за два цванцигера съ особы. Дѣти, не старѣе десяти лѣтъ, платятъ половину. Захаръ Ивановичъ кстати замѣтилъ, что подобныя рѣдкости родители должны были бы показывать дѣтямъ своимъ прежде, чѣмъ они достигнутъ десятилѣтняго возраста.

Отъ Лейпцига до Цвикау мы проѣхали по желѣзной дорогѣ, а въ этомъ городкѣ наняли почтовую коляску и отправились прямо въ Карлсбадъ. Дорога эта очаровательна: то извивается она вдоль каменнаго берега живописнаго ручья, то, взбѣгая на зеленый холмъ, пробирается между высокихъ сребристыхъ тополей и, коснувшись крыльца гостепріимной фермы, уклоняется въ

сторону и снова прячется въ чащѣ виноградныхъ лозъ. На каждомъ шагу новая картина представляется взорамъ проѣзжающаго.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ замѣчательнѣе прочихъ высокая и крутая гора Шнеебергъ. Отвѣсную высоту ея опредѣляютъ семью тысячами футовъ.

Подъѣхавъ къ таможнѣ, мы остановились; я вручилъ везшему насъ Нѣмцу наши паспорты и приказалъ вынуть изъ коляски чемоданъ.

— А развѣ вы непремѣнно хотите, чтобы ихъ осматривали? спросилъ почтарь.

— Ни мало не хочу, но думаю, что это необходимо.

— Необходимо? полноте, продолжалъ, смѣясь, почтарь: дайте по два цванцигера, вотъ и все.

Я послѣдовалъ совѣту опытнаго Нѣмца и вручилъ ему требуемую имъ сумму, которую онъ преспокойно понесъ въ заставный домъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ шлагбаумъ взвился. Еще нѣсколько часовъ ѣзды, и карлсбадскія трубы возвѣстили жителямъ этого города о нашемъ прибытіи.

Карлсбадъ построенъ въ глубокомъ ущеліи, опоясанномъ цѣпью гранитныхъ скалъ. За скалами поднимаются къ небу три крутыя горы, покрытыя сосновымъ лѣсомъ. Карлсбадъ обязанъ существованіемъ своимъ оленю. Вотъ что повѣствуетъ о томъ легенда. Въ XIV столѣтіи императоръ Карлъ IV, охотясь въ дремучемъ лѣсу, напалъ на огромнаго оленя. Измученное долгимъ преслѣдованіемъ собакъ, бѣдное животное бросилось съ высокаго каменнаго утеса въ бездну и исчезло. Сбитая дерзкимъ прыжкомъ оленя, стая затеряла слѣдъ и остановилась. Императоръ приказалъ отыскать пропавшаго звѣря, и, послѣ долгихъ и тщетныхъ розысковъ,

оленя нашли сваренным въ горячемъ ключѣ, о существованіи котораго до той минуты никто не имѣлъ никакого понятія. Впослѣдствіи, императоръ лишился употребленія ногъ; врачи его вспомнили о ключѣ, и первый опытъ кипучихъ водъ его исцѣлилъ Карла. Ключъ названъ Шпруделемъ, а утесъ, съ котораго соскочилъ несчастный олень, и до сихъ поръ зовется Гиршеншпрунгъ. Всѣ же прочіе карлсбадскіе ключи суть не что иное, какъ дѣти Шпруделя.

Рѣчка Теппель, изобилующая форелью, раздѣляетъ городъ на двѣ части. Правый берегъ рѣки, названный Визою, служитъ гуляньемъ аристократическому карлсбадскому обществу. Дома, большею частію построенные для лѣтняго времени, высоки, красивы и, всѣ безъ исключенія, украшены пребольшими вывѣсками, одна другой замысловатѣе, какъ-то: синяя щука, золотое руно, ласточки, воробьи, Вильгельмъ и т. п. Мы помѣстились подъ гостепріимными крыльями Бѣлаго Лебедя. Хозяинъ дома, честный и добрый старикъ, игольный мастеръ, и въ то же время капитанъ гражданской гвардіи, встрѣтилъ насъ съ распростертыми объятіями: въ домѣ его я провелъ всю прошедшую весну. Онъ предложилъ мнѣ мою прежнюю квартиру, обращенную окнами на Визу и мостъ, а земляку отвелъ три комнаты въ одномъ со мной этажѣ.

Пока я разбиралъ чемоданъ, Захаръ Ивановичъ успѣлъ, не только познакомиться съ капитаномъ-игольщикомъ, но даже пріучилъ его понимать себя.

На вопросъ, намѣренъ ли землякъ идти къ своей невѣстѣ, онъ отвѣчалъ, что не знаетъ адреса, а если бы и зналъ, то не пошелъ бы до завтрашняго утра. Чѣмъ короче я знакомился съ моимъ единоземцемъ, тѣмъ менѣе удивляли меня его выходки, а потому я ограничился со-

вѣтомъ поручить хозяину справиться о мѣстѣ ея жительства.

Захаръ Ивановичъ вытребовалъ листъ бумаги и нацарапалъ на немъ крупными и кривыми буквами: дѣвица Анна Ѳадеевна Трущобова, дочь губернскаго секретаря. Я перевелъ адресъ на нѣмецкій языкъ и вручилъ его капитану, прося не замедлить исполненіемъ порученія.

Какъ мало согласовалось имя съ красотой моей знакомой незнакомки! И думала ли она въ эту минуту, что я, посторонній человѣкъ, взглянувъ случайно на портретъ ея, прискакалъ въ Карлсбадъ единственно для того, чтобъ взглянуть на прелестный оригиналъ портрета? Чувствуетъ ли она, что всѣ мысли мои стремятся къ ней и сонъ давно бѣжалъ отъ глазъ? И люди смѣютъ увѣрять, что красота, отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ достоинствъ, не можетъ внушать страсти! Какъ же назвать то чувство, которое заставляетъ ѣздить изъ Дрездена въ Карлсбадъ безъ всякихъ затвердѣній въ печени, почкахъ, селезенкѣ, и притомъ въ сообществѣ Захара Ивановича? Какъ же назвать то чувство, которое возбуждается дагерротипнымъ портретомъ? Какъ же назвать его, повторяю я, какъ не любовью, не страстью?

Землякъ легъ заснуть, а я умылся, одѣлся и пошелъ на Визу. На ней толпилась куча гуляющихъ; у самого берега Тепеля, вкругъ столовъ, сидѣло множество дамъ; около каждой изъ нихъ жужжалъ цѣлой рой кавалеровъ; одни любезничали, другіе смѣялись; а я вспомнилъ прошлое, и мнѣ стало грустно! Съ чѣмъ можетъ сравниться то чувство, которое ощущаемъ мы при встрѣчѣ нашей съ знакомыми мѣстами? Какъ краснорѣчиво пересказываютъ намъ наше прошлое безмолвныя стѣны домовъ, гдѣ живали нѣкогда друзья, или женщины, нами

любимыя, гдѣ протекло нѣсколько лѣтъ безпечной юности. Тоже чувство ощущалъ я идя вдоль Визы. Давно ли, кажется, такая-то дверь отворялась передо мной ежедневно, въ такой-то лавкѣ покупался всякій вздоръ, а на такой-то скамейкѣ, просиживая по цѣлымъ вечерамъ, мечтали мы о несбыточномъ! Сколько вздоховъ слышала эта самая Виза.... и все прошло, и прошло невозвратно!

Прохаживаясь въ подвижной массѣ незнакомыхъ лицъ, я набрелъ наконецъ на жидовскую фигурку Боргіуса, преплохаго врача, посѣщавшаго меня нѣкогда по нѣскольку разъ въ сутки.

— Herr Graf воскликнулъ онъ, завидѣвъ меня.

Г. Боргіусъ называлъ всѣхъ паціентовъ своихъ графами.

— Откуда? давно ли? на долго ли? кричалъ онъ, сжимая крѣпко мои руки.

— Изъ Дрездена, сегодня и на нѣсколько сутокъ, отвѣчалъ я врачу.

— Но какъ вы пополнѣли, поздоровѣли!

— Право?

— Узнать нельзя!

И Боргіусъ засыпалъ меня новыми вопросами, на которые я не успѣвалъ отвѣчать.

— Что же у васъ подѣлывается? спросилъ я въ свою очередь.

— Все благополучно и идетъ своимъ порядкомъ, отвѣчалъ врачъ.

— Каково здоровье того блѣднаго австрійскаго графа, котораго я, помнится, оставилъ едва живымъ?

— Графъ умеръ въ тоже лѣто.

— Жаль! Ну, а барыня съ известковымъ лицемъ?

— И барыня умерла.

— Также умерла? и барыню жаль. Скажите же мнѣ, по крайней мѣрѣ, докторъ, здравствуетъ ли тотъ забавный старичекъ, что заставлялъ мальчишекъ бѣгать на призъ?

— Но онъ лечился не у меня.

— Все равно! Мнѣ любопытно знать гдѣ онъ и что съ нимъ?

— Здоровъ совершенно и по прежнему проказитъ. Нынѣшній годъ, продолжалъ онъ: у насъ множество пріѣзжихъ и дня не проходитъ безъ бала или праздника.

— А русскихъ много?

— Нельзя сказать. Впрочемъ, если хотите, я назову нѣкоторыхъ.

— Сдѣлайте одолженіе!

Сердце мое забилось сильнѣе.

— Во первыхъ, продолжалъ Боргіусъ: старуха графиня N съ двумя дочерьми и сыномъ; у графини пухнутъ ноги; дочери хорошенькія. Потомъ, тотъ сѣдой баринъ, который, помните, любилъ чтобы его называли генераломъ.

— Какъ не помнить!

— Еще два брата.... фамилія мудреная.... богатые люди; у одного завалъ въ печени: онъ пьетъ воды; другой пьетъ водку.

— Еще же кто, докторъ?

— Еще, повторилъ Боргіусъ: нѣсколько русскихъ, которыхъ не знаю, и недавно пріѣхавшая изъ Дрездена молоденькая дама.

— Дѣвушка? спросилъ я.

— А ужь не знаю, дѣвушка или дама, но прехорошенькая.

— Фамилія не помните?

— Слышалъ, слышалъ, даже читалъ въ листкѣ, но запомнить никакъ не могъ.

— Не Трущобова ли?

— Можетъ быть.

— И вы говорите, что она пріѣхала одна?

— Вѣроятно, съ горничной.

— Кто ее лечитъ?

— Нѣкто Вульфъ, пруссакъ.

— Не знаете ли, по крайней мѣрѣ, ея собственнаго имени?

— Нѣтъ, не знаю.

— Вы несносный человѣкъ, докторъ!

— Помилуйте, могъ ли я знать, что дама эта васъ интересуетъ, отвѣчалъ, смѣясь, Боргіусъ: къ завтрему обѣщаюсь разспросить обо всемъ подробно и сообщить вамъ на утренней прогулкѣ.

Разговаривая съ врачемъ, я незамѣтно прошелъ всю Визу и очутился на дорогѣ, ведущей въ Постъ-Гофъ; влѣво отъ насъ струился Тепель; вправѣ подымалась гора, обложенная у подошвы рядомъ каменьевъ съ различными надписями. Общій смыслъ ихъ состоялъ въ благодарности Карлсбаду за излеченіе отъ болѣзней. Каждый разъ, какъ Боргіусъ снималъ шляпу или останавливался, я невольно вздрагивалъ. Въ числѣ знакомыхъ Боргіуса встрѣчались шляпки, и тогда біеніе сердца моего усиливалось; подъ каждой изъ нихъ я искалъ черты дагерротипнаго портрета!

Въ Постъ-Гофѣ я предложилъ медику чашку кофе и приказалъ приготовить его на одномъ изъ столовъ, стоявшихъ въ саду. Съ этой точки видны были всѣ лица гуляющихъ. Постъ-Гофомъ называется загородная гостинница, отстоящая отъ Карлсбада на разстояніи нѣмецкой полумили. Дорога, соединяющая эти два пункта,

пролегаетъ частію по самому берегу Тепеля, частію по долинѣ, лежащей между живописныхъ холмовъ, покрытыхъ лѣсомъ, извилистыми дорожками и павильонами. По извѣстнымъ днямъ у постъ-гофской гостинницы играетъ музыка и садъ наполняется множествомъ людей всѣхъ сословій и возрастовъ; въ день же моего пріѣзда, музыки въ Постъ-Гофѣ не было, и лишь изрѣдка показывалось кое-гдѣ нѣсколько гуляющихъ. Начинало смеркаться, когда Боргіусъ вдругъ толкнулъ меня локтемъ и указалъ на одну изъ проходившихъ мимо насъ дамъ.

— Вотъ она, шепнулъ онъ мнѣ.

Я оглянулся, но лица ея уже не было видно. Бросивъ на столъ мелкую монету, я, въ сопровожденіи врача, отправился догонять незнакомку. На ней было шелковое желѣзнаго цвѣта платье, съ пелеринкою такого же цвѣта, и соломенная шляпка. Поровнявшись съ дамою, я повернулся въ ея сторону. Хотя нижняя часть лица была закрыта зонтикомъ, но глаза, глаза принадлежали портрету: я узналъ ихъ потому, что сердце мое судорожно сжалось; оглянуться вторично я не имѣлъ духу.

Проходя скорыми шагами вдоль рѣки, я не замѣчалъ ни несчастнаго Боргіуса, бѣжавшаго со мной рядомъ, ни темныхъ тучь, бѣжавшихъ къ намъ на встрѣчу, какъ вдругъ крупная капля воды упала мнѣ на носъ, а за нею прыснулъ такой дождь, что по прошествіи нѣсколькихъ минутъ не осталось на насъ ни одной сухой нитки. Я прибѣжалъ домой, перемѣнилъ платье и отворилъ окно.

Туча промчалась; догоравшее солнце заблистало на металлическихъ шпицахъ церквей и отразилось пламенемъ въ окнахъ высокихъ домовъ. Недавно опустѣлая Виза начала снова наполняться гуляющими.

Смотря на все это, я невольно предался самымъ поэтическимъ мечтамъ и предпочиталъ магнетическій взглядъ встрѣченной дамы безцвѣтнымъ глазамъ дагеротипа. Я думалъ уже не о портретѣ, а о самой Аннѣ, о ручкѣ Анны, о таліи Анны и о всѣхъ движеніяхъ ея гибкаго стана.

— А вотъ и адресъ, раздалось у моего уха, и мнѣ предсталъ Захаръ Ивановичъ. — Спасибо господину капитану игольщику, продолжалъ сосѣдъ: мѣсто жительства открыто, и представьте себѣ, почтеннѣйшій, что въ пяти шагахъ отсюда.

— И вы пойдете? спросилъ я.

— А какъ вы думаете: сходить надобно?

— Надѣюсь.

— Не хочется одѣваться, сказалъ, потягиваясь, земляка.

Я пожалъ плечами и отвернулся. Захаръ Ивановичъ становился невыносимъ.

— Развѣ сходить? повторилъ онъ: какъ вы думаете?

— Я думаю, Захаръ Ивановичъ, что на вашемъ мѣстѣ я не позволилъ бы себѣ войти ни подъ какую крышу прежде, чѣмъ не узналъ бы лично о здоровьѣ той женщины, которая готовится составить ваше счастіе. Вотъ мое мнѣніе.

Земляка вздохнулъ, зѣвнулъ и лѣниво потащился въ свои комнаты; а я вздохнулъ еще глубже и остался одинъ. «По совѣсти, думалъ я, ну, стоитъ ли онъ, чтобы хорошенькая ручка Анны касалась его медвѣжьей лапы, и чтобы сама Анна... страшно вымолвить... принадлежала ему!»

Вплоть до ночи просидѣла у меня толстая супруга моего хозяина; она вязала одѣяло и разсказывала что-то; я слушалъ хозяйку и не слыхалъ изъ разсказа ея ни

полслова. Часу въ двѣнадцатомъ мы разстались, и я легъ въ постель. Вписавъ въ путевую тетрадь всѣ происшествія и впечатлѣнія послѣднихъ трехъ дней, я хотѣлъ было потушить свѣчу, какъ дверь отворилась и появился Захаръ Ивановичъ. На немъ былъ сизаго цвѣта сюртукъ, пестрый жилетъ и коричневые панталоны; лице его было красно и мокро.

— Ну, что же новенькаго? спросилъ я, усаживая сосѣда на стулъ.

— Уфъ, какъ утомился! Дайте духъ перевести, отвѣчалъ онъ, разстегивая жилетъ: проклятая лѣстница! ступень будетъ съ полтораста; да здѣсь не дома, а голубятни.

— Невѣсту видѣли?

— Какъ же! видѣлъ слегка.

— Какъ слегка?

— Измочилась до костей: простуда должно быть; сильно кашляетъ и жаръ.

— Слѣдовательно, она гулила въ этотъ дождь?

— Дождь засталъ ее въ верстѣ отсюда. Ба! чуть не забылъ! вѣдь вы, почтеннѣйшій, ее встрѣтили.

— Кто вамъ сказалъ, Захаръ Ивановичъ?

— Она сама; этого мало: она узнала васъ, то есть, когда я разсказалъ ей, что мы пріѣхали вмѣстѣ; ну, бранилъ, разумѣется, говорилъ: уродъ, маленькій, низенькій, горбатый (земляк расхохотался); словомъ сказать, только я кончилъ описаніе, какъ Анюта и говоритъ мнѣ, что повстрѣчала васъ вдвоемъ съ однимъ изъ здѣшнихъ докторовъ; вѣдь правда?

— Дѣйствительно, я прогуливался съ докторомъ Боргіусомъ. Когда же вы, Захаръ Ивановичъ, представите меня вашей невѣстѣ?

— Когда хотите; всегда радъ.

— А рады, такъ завтра.

— Съ удовольствіемъ. Анюта просила меня объ этомъ; она, знаете, добрая такая; у нея вамъ будетъ не скучно; а короче познакомитесь, будете вмѣстѣ гулять; иногда вечеркомъ и преферансикъ составимъ, а?

Никогда еще сосѣдъ не казался мнѣ такимъ добрымъ человѣкомъ, какъ въ эту минуту. Картина будущей жизни нашей въ Карлсбадѣ была имъ описана такъ завлекательно, что, думая о ней, я не могъ заснуть до четырехъ часовъ утра. Въ шестомъ же весь Карлсбадъ подымается обыкновенно на ноги и больные расходятся по источникамъ.

Большая половина общества осуждена пить изъ Терезіенбруна, котораго воды несравненно прохладнѣе прочихъ ключей.

Ровно въ шесть часовъ сошелъ я съ лѣстницы и направилъ стопы къ Шпруделю, ближайшему отъ меня источнику. Вкругъ кипучаго фонтана толпились блѣдные какъ тѣни, полумертвецы обоего пола; съ жадностію и кашлемъ глотали они кипятокъ и не ходили, а таскались вдоль деревянныхъ галлерей, окружавшихъ источникъ. Ничто не можетъ быть непріятнѣе этого живаго кладбища, этого сочетанія болѣзней и музыки. Не останавливаясь ни на минуту, я побѣжалъ къ Терезіенбруну. Тутъ характеръ картины совершенно измѣнился; за исключеніемъ малаго числа полубольныхъ, все то, что проѣзжаетъ чрезъ Карлсбадъ, поставляетъ себѣ въ непремѣнную обязанность являться на утреннее Терезіенбрунское гулянье. Рѣдко встрѣчаете вы на немъ серьезныя лица; общій говоръ и громкій хохотъ прерываются изрѣдка завлекательной полькой или галопомъ Лабицкаго.

Глаза мои искали Боргіуса, но Боргіуса не было. Помѣстясь у одной изъ колоннъ павильона, построеннаго надъ самымъ ключемъ, я устремилъ все вниманіе на единственный входъ въ садъ; кругомъ меня тѣснилось множество кавалеровъ и дамъ, ожидавшихъ своей очереди со стаканами въ рукахъ. Тысячи нѣмецкихъ остротъ, одна другой площе, долетали до моего слуха; не рѣдко французскія и англійскія фразы мѣнялись съ нѣмецкими, но ни одного русскаго слова я не слыхалъ. Вдругъ, «Excusez, monsieur!» произнесъ у плеча моего такой голосъ, отъ котораго я невольно вздрогнулъ.

Странно, голоса этого я никогда не слыхалъ; мимо меня проскользнула дама; я взглянулъ на шляпу и чуть не крикнулъ отъ радости: соломенную шляпку эту видѣлъ я вчера на Аннѣ. Съ нею разговаривалъ мужчина лѣтъ сорока, съ густыми черными бакенбардами, и до меня долетѣло нѣсколько словъ.

— Aussi je vous dis, monsieur, que je me sens très mal, сказала дама.

— Quelle imprudence! quelle imprudence! повторилъ кавалеръ, качая головой.

Въ это время новый приливъ толпы оттолкнулъ меня въ сторону и помѣшалъ дослушать разговоръ, который начиналъ меня интересовать.

— Кто этотъ брюнетъ съ черными бакенбардами? спросилъ я у стоявшаго подлѣ меня господина.

— Что говоритъ съ дамой въ соломенной шляпкѣ?

— Да, отвѣчалъ я.

— Это докторъ Вульфъ.

— А даму вы знаете?

— Нѣтъ, не знаю; но встрѣчалъ не разъ.

— Кто она, и какой націи?

— Мнѣ говорили, что русская, отвѣчалъ господинъ.

Поклонившись незнакомцу, я отошелъ отъ павильона и, не спуская глазъ съ соломенной шляпки, началъ ходить взадъ и впередъ по широкой песчаной дорожкѣ, пролегающей у самого источника.

Допивъ свой стаканъ, дама повернулась въ мою сторону. Не смотря на разстояніе, насъ раздѣлявшее, блѣдность лица ея поразила меня. Я вспомнилъ ея разговоръ съ докторомъ, и не трудно было догадаться, что дѣло шло о какой-то неосторожности, въ которой упрекалъ ее Вульфъ. «Не уже ли она серьезно больна?» подумалъ я и чувствовалъ, что при одной этой мысли вся кровь застывала въ моихъ жилахъ. Дама пошла къ выходу; я побѣжалъ за нею; на лѣстницѣ, изъ галлереи на улицу, даму остановила какая-то старуха; я прошелъ мимо и повернулъ направо. Напрасно оглядывался я на каждомъ шагу, напрасно возвратился къ источнику: ея не было нигдѣ. Я вспомнилъ, что изъ галлереи можно было выйти въ противоположную сторону, выбранилъ мысленно старуху, разлучившую меня съ моею Анною (я говорю *моею*, потому что, по мнѣнію Трифона, что̀ я, что Захаръ Ивановичъ—совершенно все равно), и, взбѣшенный, отправился домой. На первомъ перекресткѣ меня чуть не сшибъ съ ногъ бѣжавшій Боргіусъ.

— Куда это васъ?... спросилъ я, хватаясь за него обѣими руками.

— Бѣгу къ Вульфу.

— Зачѣмъ?

— Затѣмъ, чтобы спросить имя русской дамы.

— Не нужно, отвѣчалъ я: вы опоздали.

— Въ такомъ случаѣ бѣгу за самимъ Вульфомъ, сказалъ Боргіусъ.

— На что онъ вамъ?

— У меня случилось маленькое несчастіе.

— Что такое?

— Вздоръ, а все таки лучше пригласить побольше медиковъ. Одинъ изъ моихъ пацiентовъ объѣлся третьягодня чего-то жирнаго, и у него сдѣлались спазмы. Я прописалъ рвотнаго — больному сдѣлалось хуже; я повторилъ средство — смотрю, еще хуже.

— Какъ же вы вчера не сдѣлали консилiума?

— Думалъ пройдетъ.

— Бѣдный пацiентъ!

— Право, думалъ пройдетъ, наивно повторилъ врачъ.

— Есть ли же по крайней мѣрѣ надежда спасти его?

— Надежды нѣтъ никакой, правда; но знаете ли отчего?

— Отъ дурнаго леченiя, вѣроятно?

— Не отъ дурнаго леченiя, потому что всѣ доктора въ мiрѣ прописываютъ отъ порчи желудка рвотное: это средство признано лучшимъ.

— Была ли же у больнаго порча желудка?

— Вотъ въ томъ-то и сила, что нѣтъ, сказалъ, смѣясь, Боргiусъ: а было воспаленiе въ кишкахъ, что далеко не все равно; и знай я, что у него воспаленiе, пустилъ бы кровь, далъ бы каломелю, поставилъ бы пiявки, обложилъ бы припарками, и больной выздоровѣлъ бы непремѣнно.

— Слѣдовательно, почтеннѣйшiй докторъ, все несчастiе произошло отъ того только, что вы немножко ошиблись въ болѣзни?

— Ну, конечно только, отвѣчалъ Боргiусъ.

— По крайней мѣрѣ употребите же эти средства теперь.

— Куда! отвѣчалъ врачъ, махая рукой: къ вечеру капутъ! еле дышитъ и меня не узнаетъ; плохъ совсѣмъ. Ну, вы же какъ себя чувствуете? прибавилъ онъ, улыбаясь: полечиться не хотите?

— Нѣтъ, повѣрьте, докторъ, и если Богъ привелъ выжить прошлую весну и со мной не сдѣлался капутъ въ Карлсбадѣ, то надѣюсь прожить долго и безъ леченія.

— Тѣмъ хуже для насъ, замѣтилъ, смѣясь, Боргіусъ.

— И для могильщиковъ, отвѣчалъ я, также смѣясь и пожимая руку доктора.

Онъ побѣжалъ за Вульфомъ, а я на свою квартиру.

Захаръ Ивановичъ, по словамъ хозяина, вышелъ изъ дому за нѣсколько минутъ до моего возвращенія.

— Скажите мнѣ, ради Бога, не уже ли въ самомъ дѣлѣ толстый господинъ собирается жениться? спросилъ, провожая меня, капитанъ-игольщикъ.

— Правда, отвѣчалъ я: и женится на одной изъ самыхъ прекрасныхъ женщинъ!

— Какая глупость! какая глупость! проговорилъ съ негодованіемъ честный Нѣмецъ, и прибавивъ «Gott erbarme», возвратился къ своимъ занятіямъ.

Хозяйка принесла мнѣ шоколатъ, который я предложилъ ей раздѣлить со мной.

Не слушая, какъ и прежде, словоохотливой капитанши, я безпрестанно посматривалъ на часы, въ которыхъ стрѣлка, какъ бы на зло, почти не двигалась; минуты превратились для меня въ вѣка, а сосѣдъ не возвращался. Допивъ шоколатъ, хозяйка ушла. Наступилъ полдень; пробило два часа, три, четыре — сосѣдъ не приходилъ. Я терялъ терпѣніе и чуть не сходилъ съ ума. Болѣзнь Анны не давала мнѣ покою ни на одну минуту.

Въ Карлсбадѣ обѣдаютъ рано; я забылъ про обѣдъ и, не отходя отъ окна, пилъ холодную воду. Въ такомъ положеніи застали меня сумерки, застала ночь. Въ двѣнадцать часовъ раздался звонокъ; я бросился къ двери; сердце меня не обмануло: за дверьми стояла какая-то женщина съ письмомъ въ рукахъ.

— Für den russischen Herrn, сказала она, передавая мнѣ сѣрый клочекъ бумажки.

Письмо заключало въ себѣ слѣдующія строки.

«Почтеннѣйшій! Анюта больна и горитъ какъ печь; я, возившись съ ней, усталъ какъ собака. Бросьте фасоны и приходите къ намъ пожалуйста.

Вашъ Захаръ.»

Внизу листа была приписка.

«Захватите съ собой трубку, а то въ квартирѣ такъ воняетъ разными медицинскими спеціями, что мочи нѣтъ.»

Конечно, никогда ни одно раздушенное посланіе красавицы не приводило въ такой восторгъ ни одного влюбленнаго юношу, въ какой привела меня безграмотная записка Захара Ивановича. Я чуть не расцѣловалъ ея, и, сунувъ талеръ въ руку женщины, приказалъ ей показать мнѣ дорогу.

Домъ, въ которомъ жила Анна, находился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей квартиры; пройти это пространство и взбѣжать на высокую лѣстницу было дѣломъ нѣсколькихъ минутъ. Мы вошли въ переднюю, изъ которой дверь вела въ родъ залы, слабо освѣщенной. Захаръ Ивановичъ встрѣтилъ меня съ улыбкой благодарности на устахъ и съ ногами безъ сапоговъ. Онъ шепнулъ мнѣ, что больная заснула, и, усѣвшись на диванъ, посадилъ меня рядомъ съ собою.

— Ну, батюшка, наварило же каши вчерашнее гулянье. Представьте себѣ, что у нея было сдѣлалась горячка; жаръ страшный, головокруженіе, тошнота, и Богъ знаетъ что.

— Какъ же можно было выходить сегодня утромъ! воскликнулъ я невольно.

— Да, да, скажите, пожалуйста, вѣдь придетъ же такая чушь въ голову! Докторъ ужаснулся.

— Я самъ былъ пораженъ блѣдностію Анны Ѳаддеевны.

— Анюта говорила мнѣ, что она васъ видѣла,

При этихъ словахъ кровь хлынула къ моему лицу.

«Если эта женщина замѣчаетъ меня — подумалъ я — не значитъ ли это, что она мной интересуется, что я ей нравлюсь? Если же нравлюсь, бѣдный Захаръ Иванычъ!»

И я готовъ уже былъ броситься обнимать, цѣловать и даже, прости мнѣ Богъ, утѣшать его. О дружба!

Землякъ прервалъ размышленіе мое вопросомъ: «принесъ ли я трубку?» Я извинился поспѣшностію явиться на его зовъ, и Захаръ Ивановичъ послалъ за нею ту самую женщину, которую посылалъ за мной.

Квартира Анны была похожа на всѣ квартиры третьихъ этажей: довольно чистенькая, безъ всякихъ затѣй, съ простенькою мебелью, съ узкими зеркалами, съ полами, выкрашенными масляной краской, съ кисейными драпировками и прекраснымъ видомъ изъ оконъ. По стѣнамъ висѣли, въ черныхъ рамкахъ, гравированные портреты Шиллера, Гете, Лютера и другихъ нѣмецкихъ знаменитостей; надъ самымъ же диваномъ, въ золотой рамѣ, повѣшена была какая-то картина, затянутая бѣлою чистою кисеею.

— Это портретъ Анюты, когда она еще была ребенкомъ, сказалъ Захаръ Ивановичъ, указывая на картину. Она никогда съ нимъ не разстается; впрочемъ, вы видѣли копію.

— То есть не копію, а оригиналъ, прибавилъ я, ни мало не любопытствуя узнать, какова была ребенкомъ Анна Ѳаддѣевна.

Въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ послышался слабый женскій голосъ; землякъ вскочилъ и на цыпоч-

кахъ пошелъ въ спальню больной, а я, притаивъ дыханіе, сталъ слушать.

— Съ кѣмъ вы разговаривали? спросилъ тотъ же голосъ; но онъ былъ такъ хриплъ, что я не узналъ его.

«Бѣдная Анна, подумалъ я какъ она сильно простудилась!

Захаръ Ивановичъ отвѣчалъ, что разговаривалъ со мной.

— Какой онъ добрый! поблагодарите его.

И тутъ начался разговоръ такъ тихо, что я не могъ его разслышать; потомъ больная сказала: «Какъ можно! въ комнатѣ безпорядокъ, и мнѣ совѣстно!» Я понялъ, что рѣчь шла о томъ, чтобы пригласить меня въ спальню. Отказъ Анны прошелъ острымъ ножемъ по моему бѣдному сердцу; но добрый Захаръ Ивановичъ, по видимому, настаивалъ, и мнѣ даже показалось, что онъ переставлялъ какую-то мебель, передвигалъ стулья, а можетъ быть и сундуки. Умирая отъ нетерпѣнія, я не спускалъ глазъ съ дверей комнаты невѣсты. Наконецъ— о радость! — дверь эта скрыпнула, и показавшійся сосѣдъ поманилъ меня пальцемъ. Не вѣря своему благополучію, я нетвердымъ шагомъ переступилъ черезъ порогъ, послѣднюю преграду, отдѣлявшую меня отъ Анны. Въ спальнѣ было темно: прелестные глаза больной не переносили свѣта. Высмотрѣвъ ея постель, я почтительно поклонился; Анна протянула мнѣ руку, и слабымъ, хриплымъ голосомъ поблагодарила за дружбу мою къ Захару Ивановичу. Мнѣ стало и совѣстно и стыдно: я чуть чуть не сказалъ ей, что Захаръ Ивановичъ не можетъ быть моимъ другомъ по тысячѣ причинъ, что я ему оказываю пріязнь единственно потому, что онъ женихъ той, которую я.... и проч. и проч.

— Присядьте-ка безъ церемоній, почтеннѣйшій, сказалъ землякъ, подвигая стулъ къ ногамъ больной.

— Но, можетъ быть, я буду безпокоить!

— О нѣтъ, пожалуйста, садитесь, прибавила Анна: я очень рада вашему приходу; мнѣ нѣсколько легче, и мы поговоримъ.

— Этого мало, перебилъ Захаръ Ивановичъ: я возился цѣлый день, а онъ свѣжехонекъ: такъ не угодно ли ему безъ фасоновъ заступить мое мѣсто и давать лекарство, а я пойду въ гостиную, да отдохну маленько. Такъ ли?

Больная хотѣла возражать; но я рѣшительно объявилъ, что отказъ съ ея стороны почту оскорбленіемъ, и принялъ изъ рукъ земляка стклянку съ микстурой. Выпроводивъ его изъ спальни, я остался одинъ у постели очаровательной Анны.

— Вы не въ первый разъ въ Карлсбадѣ? спросила она.

— Нѣтъ, сударыня, я провелъ здѣсь прошлую весну.

— Да, Вульфъ говорилъ мнѣ, что встрѣчалъ васъ очень часто съ прекрасной дамой.... вы были не одни.

Анна ревновала; тѣмъ лучше. На вопросъ ея я отвѣчалъ со всей возможной неясностью.

— А мы съ Вульфомъ много говорили о васъ сегодня утромъ, сказала больная.

— Право? отвѣчалъ я, не зная что сказать.

— Да и не только съ нимъ, но и съ одной дамой, которая также крайне вами интересуется.

— Не на лѣстницѣ ли?

— Вы это замѣтили?

— Я видѣлъ, что вы разговаривали съ кѣмъ-то, и прошелъ мимо.

Я вспомнилъ, что Анну остановила какая-то старуха, и перемѣнилъ разговоръ.

— Я почти обвиняю себя въ нездоровьѣ вашемъ.

— Какъ это?

— Вчера вечеромъ, хотя я и не имѣлъ чести еще быть вамъ представленнымъ, но, предвидя дождь, я долженъ бы былъ предупредить послѣдствія, предложивъ вамъ возвратиться въ Постъ-Гофъ.

— Это было бы очень любезно съ вашей стороны, но вы не могли узнать меня, сказала Анна.

— Я видѣлъ дагерротипъ вашъ, сударыня.

— У Захара Ивановича? Но онъ больше похожъ на мой портретъ, нежели на меня: время и болѣзнь — эти два врага женщинъ....

— Я узналъ васъ, и этого достаточно чтобъ оправдать сходство дагерротипнаго изображенія съ оригиналомъ. Впрочемъ, типъ Рубенса не въ модѣ, прибавилъ я: и пурпуръ не входитъ болѣе въ составъ красокъ для кисти художниковъ нашего вѣка.

— Если это такъ, замѣтила, смѣясь, больная: то я очень счастлива, что здѣсь темно и вы меня не видите.

— Почему же?

— Потому что лице мое горитъ, и я должна быть пурпуровая; дайте мнѣ руку, продолжала она и приложила трепещущую руку мою къ своимъ щекамъ.

— У васъ жаръ.

— Да, но только въ головѣ, а ноги холодны какъ ледъ....

— Въ такомъ случаѣ, ихъ непремѣнно должно согрѣть.

— Чѣмъ же? спросила Анна.

— Треніемъ, сударыня.

— Но мнѣ совѣстно потревожить старуху: она вѣрно спитъ.

.... Черезъ нѣсколько минутъ въ сосѣдней комнатѣ раздался храпъ; Захаръ Ивановичъ спалъ какъ убитый.

— Васъ не можетъ не безпокоить эта музыка, сказалъ я, улыбаясь.

— Что жь дѣлать! отвѣчала Анна.

— Какъ что?

И, выскочивъ въ залу, я растолкалъ жениха. Захаръ Ивановичъ вскочилъ, въ просонкахъ протеръ себѣ глаза кулакомъ и изъявилъ желаніе знать, гдѣ онъ, что съ нимъ и зачѣмъ его будятъ.

— Затѣмъ, чтобъ не тревожить больную.

— Да, да, я было и забылъ.... такъ какъ же быть? проговорилъ сосѣдъ: ежели вы меня, почтеннѣйшій, оставите хоть на одну минуту, я опять захраплю.

— Хоть на всѣ тоны, только пожалуйста въ своей постелѣ.

— Стало быть, вы полагаете, что мнѣ можно уйдти?

— И можно и должно.

— А кто жь останется при Анютѣ?

— Останусь я, пожалуй.

— Въ такомъ случаѣ спасибо, и прощайте, сказалъ съ радостію землякъ, подбирая сапоги.

Захаръ Ивановичъ надѣлъ картузъ и, не заходя къ больной, побрелъ ощупью внизъ по лѣстницѣ.

При удаленіи его я былъ такъ счастливъ, какъ можетъ только быть счастливъ смертный.

Возвратясь въ спальню и подавъ лекарства Аннѣ, я предложилъ ей заснуть, самъ же, замѣнивъ кресла скамейкой, помѣстился поближе.

— Какъ мнѣ хорошо! шепнула Анна, протягивая мнѣ уже не одну, а обѣ ручки. Какую ужасную ночь

провела бы я безъ васъ, прибавила она голосомъ менѣе хриплымъ.

— Но чувствуете ли вы себя лучше?

— О, несравненно лучше! вотъ доказательство! Она снова взяла мою руку и подложила себѣ подъ щеку. Чувствуете ли вы, что жаръ уменьшается? спросила Анна.

— Да, кажется, проговорилъ я, передвигая скамейку къ самому изголовью кровати.

Я чувствовалъ жаркое дыханіе больной; лице мое почти касалось ея лица; голова моя начинала кружиться.

Больная положила лѣвую ручку свою на мою голову.

Не описываю всего, что происходило во мнѣ, потому что, вѣроятно, всякій въ подобныхъ обстоятельствахъ перечувствовалъ бы тоже самое, что чувствовалъ и я.

— Анна! проговорилъ я, прерывающимся отъ волненія голосомъ: не выздоравливайте такъ скоро, или я умру отъ отчаянія.

— Какъ это мило! вы очень любезны!

— Но здоровая вы не будете принадлежать мнѣ, а эта ночь пройдетъ слишкомъ скоро. Простите откровенность сердца и вспомните, что мы давно знакомы.

— То есть съ сегоднишняго вечера. Вамъ время показалось очень долго, прибавила Анна, смѣясь.

— Нѣтъ, не съ сегоднишняго вечера, а съ той минуты, какъ я увидѣлъ случайно портретъ вашъ, Анна; я мысленно не разлучался съ вами; портретъ этотъ привелъ меня сюда.

— Повторяю вамъ, отвѣчала, смѣясь, больная: что портретъ ни сколько не похожъ на меня.

— Тѣмъ лучше, Анна, и я охотно измѣняю ему для васъ.

— Лекарство, дайте мнѣ лекарство! повторила она, освобождая ручку свою изъ моихъ рукъ. Способъ вашъ ухаживать за больными опаснѣе самой болѣзни, и если вы хотя немного меня любите....

— Люблю страстно!

— Въ такомъ случаѣ вспомните, что я чрезъ нѣсколько дней сдѣлаюсь женою вашего друга.

— Я ненавижу его.

— Напрасно! онъ добрый человѣкъ.

— И вы его любите?

— Можетъ быть.

— Не вѣрю.

— Какъ хотите, но повторяю, что вы заставляете меня почти сожалѣть объ его отсутствіи. Послушайте, прибавила она серьезно: несчастный портретъ ввелъ васъ въ ужасное заблужденіе. Я дѣйствительно была недурна; но въ эту минуту отъ прежней красоты не осталось и слѣдовъ. Принесите свѣчку и взгляните.

— Зачѣмъ?

— Разочаровывая васъ, я поступаю съ самоотверженіемъ, потому что вы мнѣ нравитесь. Когда Анна произносила эти слова, голосъ ея звучалъ какъ-то грустно. Вы сами отказались бы отъ меня завтра! прибавила она.

— Никогда, никогда! воскликнулъ я, цѣлуя у ней руки.

И цѣлый потокъ пламенныхъ увѣреній отвѣчалъ на вздохи трепещущей Анны. Бѣдный, несчастный Захаръ Ивановичъ!

Едва первый лучъ солнца озарилъ таинственное ложе красавицы, едва очаровательныя прелести ея сдѣлались доступны моему восторженному взору, какъ я, схвативъ шляпу, какъ безумный выбѣжалъ изъ дому

пятидесятилѣтней Анны Ѳаддеевны. Стыдъ и раскаяніе сопровождали меня до квартиры моей и съ квартиры до самой почтовой конторы.

Только на первой станціи догадался я, что дагерротипный портретъ былъ только портретъ портрета Анны Ѳаддеевны, а прекрасные глаза постъ-гофской незнакомки — прекрасными глазами постъ-гофской незнакомки, а не Анны Ѳаддеевны. Проклиная самого себя, я гналъ лошадей на смерть и наконецъ въ пять часовъ домчался до Цвикау. Въ шестомъ часу катился уже я по желѣзной дорогѣ обратно въ Дрезденъ. Вздохнувъ въ послѣдній разъ, и все таки не по Аннѣ Ѳаддеевнѣ, а по прекрасной карлсбадской дамѣ, я нечаянно оглянулся, и первое лице, на которомъ остановился взоръ мой, была она!

КОНЕЦЪ ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(650) 723-1493
grncirc@sulmail.stanford.edu
All books are subject to recall.

DATE DUE